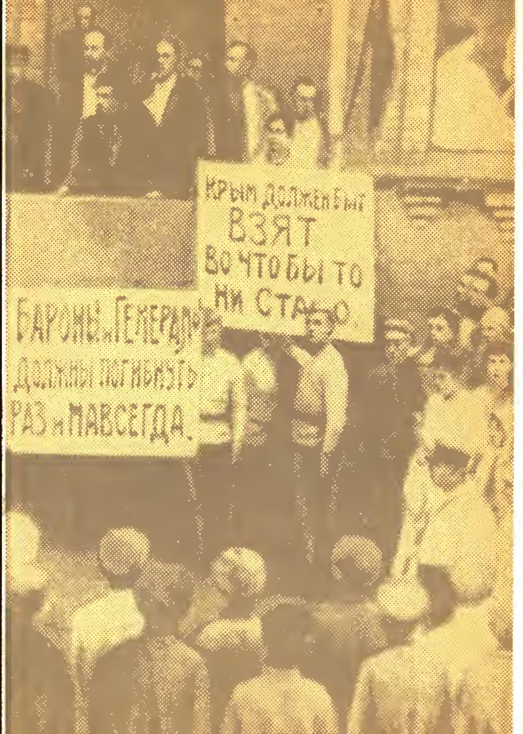

1919 1922
КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ

СМЕРТЬ
БАРОНУ
ВРАНГЕЛЮ

Крым должен быт
ВЗЯТ
ВО ЧТОБЫ ТО
НИ СТА
БАРОНЫ И ГЕНЕРАЛ
ДОЛЖНЫ ПОГИБНУТЬ
РАЗ И НАВСЕГДА.

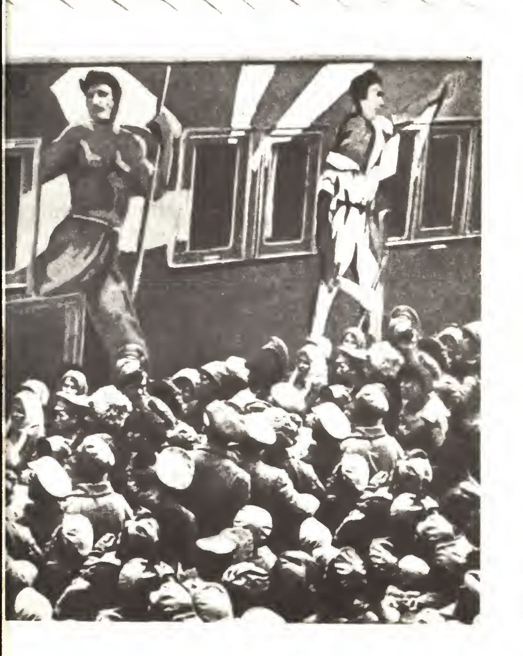
На Тихом
океане свой
закончили поход

КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ

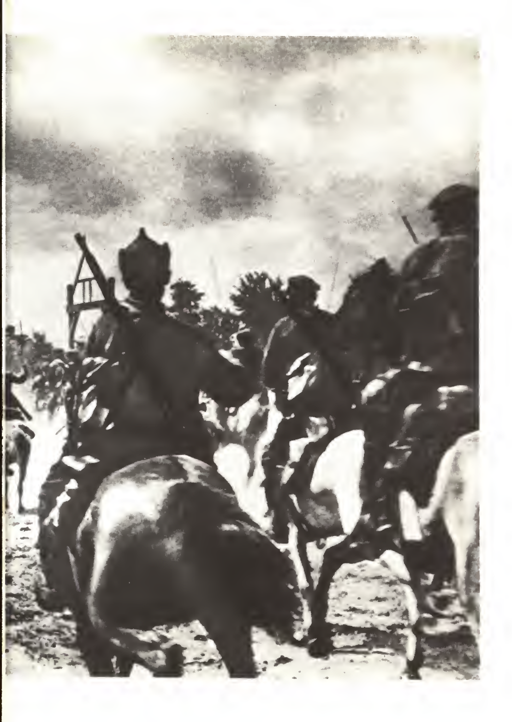

8

КОМИ
1919

ССАРЫ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД

КОМИССАРЫ

НА ЛИНИИ

1922

ОГНЯ

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 63.3(2)712
К63

Под общей редакцией *Б. А. Костюковского*

Составитель *В. Д. Голубчикова*

К63 **Комиссары** на линии огня, 1919—1922. На Тихом океане свой закончили поход / Сост. В. Д. Голубчикова.— М.: Политиздат, 1987.— 368 с., ил.

Вторая книга художественно-документальных очерков завершает повествование о легендарных комиссарах гражданской войны 1919—1922 гг. В героях этой книги воплощен дух нашей партии, ее беспредельная преданность народу, воля к победе, твердость и мужество. Неоценим их вклад в создание Красной Армии, в победное завершение граждвнской войны.

Издание выпускается к 70-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота, оно иллюстрировано и адресуется массовому читателю.

К $\frac{0505030102—096}{079(02)—87}$ 142—87

ББК 63.3(2)712

Наша партия уделяла много внимания
делу строительства Красной Армии,
но в связи с надвигающимися событиями
нам придется уделить
делу строительства Красной Армии
еще во много раз больше сил.
Летний военный сезон
только еще начинается.
Враг собирает последние силы.
Союзные империалисты чувствуют,
что почва уходит из-под их ног
в их собственных странах, и перестают
окончательно стесняться в средствах.
Нет никакого сомнения,
что в ближайшие месяцы
Советской республике
придется выдержать самый
большой напор враждебных сил...
Мы вынуждены ощетиниться
лесом штыков против наших врагов.
$^{9}/_{10}$ своих сил наша партия поэтому
вынуждена будет отдать армии.

14 июля 1919 г.

Из письма ЦК РКП(б)
всем членам партии
об укреплении Красной Армии

ВСЕ НА БОРЬБУ С ДЕНИКИНЫМ!

Товарищи! Наступил один нз самых крнтических, по всей вероятностн, даже самый критнческий момент социалистической революции...

Все снлы рабочих и крестьян, все силы Советской республикн должны быть напряжены, чтобы отразнть нашествне Деникина и победить его, не останавливая победного наступления Красной Армни на Урал и на Снбирь.

9 июля 1919 г.

Из письма ЦК РКП(б)
к организациям партии
«Все на борьбу с Деникииым!»

Наталья СМИРНОВА
Виктор ГОВОР

«ЧТО ИДЕТ ОТ ДУШИ...»

Он должен быть там!

Да, только там! Он чувствует в себе силу, видит ясное революционное русло. Не для того он столько лет батрачил, страдал, бунтовал, проникался великими идеями, отбывал каторгу, чтобы теперь спасовать,— даже в мыслях не было! И приходила ярость. Осознанная, неудержимая. Ян знал себя. Возможно, у Лашевича он был в таком нетерпении.

Штаб свертывался и собирался уходить. Уже на дальних подступах к Козлову громыхали орудия. Суета, спешка. Грузят ящики, бумаги. А в штабе у Михаила Михайловича Лашевича, члена Реввоенсовета Южного фронта, которому поручили организовать отпор кавалерийскому рейду белых, не утихают споры. На большом столе развернута карта.

— Только на север! Его путь только на север. На Тулу, на Москву. Он надеется на мятежи.

— Да,— поддержал другой голос.— Вон, рядом Елец. Там лавочник на лавочнике. Мелкая буржуазия, ей только клич брось — сбегутся под мамонтовские знамена. Важно удержать города — не отдавать их белым, лишить их поддержки и продовольствием, и людьми. Тогда Мамонтову конец.

— А если я поеду в Елец? И встречу там Мамонтова? — сказал Фабрициус.

Все повернулись к нему. Лашевич помолчал. «Да,— подумал он.— Другой там не осилит».

— Резонно, резонно. Создадите из всего, что имеется, сводный отряд. И действуйте, как считаете нужным, не мне вас учить.— Лашевич на секунду остановил взгляд на революционном ордене на груди Фабрициуса.

Это был орден Красного Знамени — четвертый орден, которым Советское правительство начало награждать за выдающиеся военные заслуги, и первый, врученный военному комиссару.

Фабрициус прибыл в штаб Южного фронта в Козлов (ныне Мичуринск) в те августовские дни девятнадцатого, когда конный корпус генерала Мамонтова, прорвав фронт, неудержимым валом пошел

к северу — 6 тысяч всадников, 3 тысячи пехоты, 12 орудий. Перед ними не могли устоять маломощные гарнизоны городов и станции. Все силы красных были отвлечены на главный фронт: готовилось контрнаступление против Деникина, войска стояли друг против друга. Но генерал Деникин упредил неожиданным маневром — бросил конницу генерала Мамонтова в рейд по красным тылам в надежде посеять панику, захватить и разгромить склады снабжения войск, вынудить эвакуировать из Козлова штаб фронта и тем самым лишить армии оперативного руководства.

И вот — Елец.

Стояла необычайная августовская сушь. Знойный ветер нес удушающую мелкую пыль. Даже железнодорожная станция присмирела. Фабрициус приметил на одном из дальних путей самодельный бронепоезд — борта платформ обложены мешками с песком, матово поблескивают стволы орудий. Это уже реальная сила!

Он поспешил в центр города, в ревком. Следовало сразу же, не откладывая, встряхнуть этот город, поставить под ружье всех, кого можно, создать напряженную боевую обстановку. Правы штабники — город трудный. Старичок в поезде с интеллигентной бородкой клинышком проникся симпатией к Фабрициусу и просветил его. Здесь некогда кончалась Русь. Над рекой Сосна, на которой стоят Елец и Ливны, были сплошные засеки. А дальше к югу простиралось необозримое Дикое Поле — земли враждебных кочевников — татар. «Огромный город, огромный,— говорил старичок.— Тысяча каменных домов! Три тысячи деревянных! Под тысячу лавок! Шестнадцать церквей! Велик город, велик! Со времен Смуты, с семнадцатого века, собрались сюда беглые со всего мира, да так и остались»,— старичок дробно и радостно засмеялся.

Фабрициус пробирался узкими каменными улочками. Лениво звякал колокол одной из многочисленных городских церквей. Заперты магазины, закованы в железо двери лабазов, наглухо закрыты ставни. Группа бойцов в старых выгоревших рваных гимнастерках шлепала босыми ногами по раскаленным булыжникам, только на одном были какие-то опорки, бойцы шли без винтовок, иные распоясанные. Дезертиры? Нет, похоже, местный гарнизон...

Фабрициус прибавил шагу. Все внутри кипело. На углу улиц внимание привлекла круглая афишная тумба. Она была сплошь оклеена воззваниями, лозунгами. «Все на борьбу с Деникиным! Социалистическое Отечество в опасности!» Объявление аршинными буквами спектакля «Красная правда». Режиссер Александр Вермишев. Неужели тот революционный поэт из Петрограда? Он еще, помнится, участвовал в штурме Зимнего. Писал стихами революционные агитдрамы.

И все же подозрительный город, кажется, из любого окна могут пальнуть. А в сотне километров мечутся кровавые казацкие клинки,

горят города, взлетают на воздух мосты, с хриплым стоном умирают люди. Город не знает, что со стороны Козлова сюда скачут казацкие сотни, что скоро они могут ворваться сюда с гиком и пылью. Как удержать их? У Фабрициуса нет в запасе даже недели — это может случиться сегодня. Сюда бы тех путиловцев-красногвардейцев, с которыми он наводил порядок во Гдове!

Сквозь щели ставень обыватели рассматривали нового человека, необычного для этих мест.

Высокий, статный, плечистый, в ладной гимнастерке с невиданным здесь революционным боевым орденом. Разлет длинных тяжелых усов, стремительный, яростный, цепкий взгляд, военная выправка, жесткий, четкий.

Хотя бы неделя! Но надо сделать все возможное, чтобы мамонтовская конница не застала защитников города врасплох.

В центре, где разместился военно-революционный комитет, Фабрициус застал только дежурного, им оказался именно Александр Вермишев. Тот, узнав Фабрициуса, обрадовался, заулыбался.

— Меня направили к вам. Давай рассказывай, что за войско у вас. Надо срочно поднимать народ!

— Какие войска в тылу! Запасные батальоны, железнодорожный полк...

— Да, встретились они мне. Не бойцы — толпой ходят. Босиком. Что, сапожники в городе повывелись? А вы для чего — революционная власть? Слушай, Александр, срочно вызывай всех!

Через час ревком почти в полном составе начал заседание. Фабрициус внимательно всматривался в лица. Он хотел увидеть и не видел здесь настоящего красного командира, похожего на комбрига Васильева, с которым прошел Ян Фрицевич Гдов, Псков, Латвию. Сильный, волевой человек. Знающий, умеющий направить подразделения так, чтобы выиграть бой. Но здесь прячут глаза... Только Вермишев смотрит открытым взглядом. Тревога закралась в сердце комиссара. Здесь некому командовать. Он должен полностью взять власть в свои руки. До лучших времен. Как было вначале под Гдовом, пока не прислали Васильева. Он не может поступить иначе. Упущено время. Следовало приехать неделей раньше!

Фабрициус проводил совещание резко.

Дела обстоят серьезно. Нет ни минуты на долгое размышление. Доложили о военных подразделениях. О возможности мобилизации на местах. По карте рассмотрели расположение частей. Фабрициус внимательно выслушивал, потом приказал:

— Предлагаю войска гарнизона разбить на три боевых участка: левый, средний и правый.— Фабрициус подробно определил позиции частей.— Наш район важен в стратегическом отношении, мы перекрываем путь мамонтовской коннице. Мы должны быть готовы к упорной обороне. Следует срочно, сегодня же, поставить под ружье

работников всех советских учреждений и местных парторганизаций. Надо бросить большевиков на укрепление боевого духа бойцов. Следующее. Обмундирование. Позор! Босые бойцы! Это никого не удивляет, будто так должно быть. Это не армия. Следующее. Тылы. Могут поднять голову лавочники, скрытые белогвардейцы, наверняка они замышляют мятежи, встречу Мамонтова хлебом-солью и колокольным звоном. Надо взять на учет все подозрительные личности. Мы должны навести железную дисциплину!

В тот же вечер, еще длилось заседание военно-революционного комитета, прибыла телеграмма, сообщавшая, что неприятель занял Лебедянь и движется на Елец. Все выжидающе и тревожно смотрели на Фабрициуса.

— Мамонтов в Лебедяни,— спокойно сказал Фабрициус.— Все по местам. Даже если не будет связи, каждому драться до последнего патрона. Все!

Ночью вокруг Ельца располагались цепями отряды, окапывались. Но на следующий день Мамонтов с главными силами не сунулся. Наскакивали отдельные кавалерийские разъезды — вели разведку боем, искали незащищенные места.

А 30 августа казаки лавиной вдруг ринулись и заняли станцию Боборыкино, перерезав железнодорожную линию Елец — Ефремов.

31 августа в середине дня Фабрициус, находясь в штабе, получил от командира запасного кавалерийского дивизиона Повалишина донесение, что белых от четырех до пяти тысяч и дивизион начал отход на Елец. Донесение комиссара левого участка было того хуже: изменил командир участка Ходоско — перешел на сторону белых с кавалерийским дивизионом. Вскоре в штаб влетел Повалишин.

— Белые на окраине Ельца!

Фабрициус поднялся на чердак к слуховому окну. С востока — увидал — в город спускались конные массы мамонтовцев.

Да, Фабрициус был отчаянно храбрым человеком. Во время первой мировой войны о нем ходили легенды. Не раз проникал в тыл к немцам, приводил «языков», приносил секретные документы, снимал вражеские караулы, приволок однажды трофейные пулеметы. И стрелком был чрезвычайно метким. Еще в начале службы на полковом соревновании занял первое место в стрельбе и перед строем из шестнадцати рот ему вручили подарок. За боевые заслуги его произвели в унтер-офицеры. Не раз был ранен, грудь в Георгиевских крестах. Уже во время гражданской водил в атаки бойцов под Гдовом, Псковом, в Латвии. В бою он был горяч и неустрашим. Но здесь он оказался среди необстрелянных, разрозненных, не сбитых в единое целое отрядов. Ему было мучительно от своего бессилия, он понимал, что неизбежно отступление. Но делал все возможное, чтобы этого не произошло.

В 16 часов к штабу прискакал связной с правого участка:

— Сорок второй запасной батальон окружен и вырублен казаками! Взят в плен военком Вермишев!

Солдатский поэт, драматург, романтик... Фабрициусу стало не по себе. Потом он узнал, что Александра повесили за ноги, после трехчасовой пытки его зарубили шашками. Но последний крик его был: «Да здравствует Красная Армия!..»

Следовало срочно выбираться из штаба, противник мог наскочить в любую минуту, выстрелы раздавались невдалеке, уже рядом, по соседним улицам скакали казаки, рубили шашками разбегающихся.

— Сбор за городом у перекрестка дорог,— скомандовал Фабрициус штабным и охране.— Пробираться поодиночке. Немедленно покинуть штаб!

Попробуй ориентироваться в незнакомом городе, когда неизвестно, куда идти и на кого напорешься — на казака или на лавочника с винтовкой...

Мамонтовцы были уверены, что полностью рассеяли и уничтожили отряды этих плохо обмундированных и необстрелянных солдат. Они бросились грабить. Все же несколько подразделений доскакали до окраины Ельца, но здесь наткнулись на неожиданный заслон.

Фабрициус успел собрать и организовать разрозненные отошедшие части, развернул их в цепь, поставил у дорог пулеметы. Они отбросили одну за другой три яростных атаки белоказаков. Из города поодиночке и мелкими группами пробирались красноармейцы и, заслышав стрельбу, присоединялись к цепям Фабрициуса. Раненые оставались в строю. В цепи лежал и Фабрициус, после его выстрелов белые так и вылетали из седел. Бой длился до заката солнца. Они отбились, но надо было уходить. Не хватало боеприпасов. Некому было перевязывать раненых. Фабрициус понимал, что они не устоят, когда на них пойдет основная масса мамонтовцев, потому он решил продержаться только до ночи, чтобы под ее покровом незаметно сняться с позиций. Этой обороной они сковали силы врага и дали возможность отойти в более глубокий тыл детскому дому и сельскохозяйственной коммуне — коммунаров ждала бы неминуемая смерть. Начала этот бой горстка смельчаков, а к концу дня это было хотя и маленькое, но уже обстрелянное, сплоченное волей комиссара войско. С этого мгновения и начала жить боевая единица, известная на Южном фронте как «сводный отряд Фабрициуса».

Ночью отряд Фабрициуса ушел на Ливны, город верстах в пятидесяти от Ельца,— вот там и произошло окончательное оформление отряда.

Если сказать кратко и точно, что привело Фабрициуса к успеху, можно ответить так: его неустанная комиссарская работа. О ее сути Фабрициус скажет через несколько лет в одном из приказов:

«...Общее стремление всего командного состава должно сводиться к созданию из товарища красноармейца сознательного, дисциплинированного, разумного и добросовестного воина, одухотворенного готовностью приносить жертвы в надежде на лучшее будущее.

...Много энергии надо вложить в свое дело для того, чтобы с чистой совестью сказать: много людей прошло через мои руки и весьма мало было между ними таких, которые от этого не стали лучше... В свое дело необходимо вложить душу и сердце. Что идет от души, то и попадает в душу и сердце бойца...»

Так сказал военный комиссар Фабрициус. Но нам кажется, что о главном, самом существенном в этом приказе говорят не слова. В скупых и по-военному строгих строчках ощущается необыкновенная взрывная сила человека.

С тех пор прошло много десятилетий. Созданы потрясающие образы героев гражданской, нарисованы живописные полотна, сняты кинофильмы, написаны сотни и сотни интересных книг. Но идут годы, и наш взор снова и снова обращается к тем величественным истокам, из которых вышла вся наша страна. Иной раз бывает трудно поверить, что герои великой гражданской обладали такой негасимой энергией, такой огромной силой убежденности, таким беспредельным мужеством. Но есть неопровержимый факт: за ними поднимались и шли миллионы, шли без страха и колебаний, иногда на верную смерть — за святое дело социалистической Родины. Шли и побеждали!

Действовал особый революционный фактор. В одном из отчетов Политуправления Реввоенсовету Республики того времени об этом говорилось так: «Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов». Вот что стало решающим в победе: коммунист, военный комиссар. Да, так было. И латыш Ян Фрицевич Фабрициус — яркий тому пример.

Фабрициус безукоризненно следовал своим политическим и жизненным моральным установкам.

У нас нет подробных сведений о том, как жил, о чем думал, как говорил с бойцами, с народом военный комиссар Фабрициус во времена своих наивысших жизненных испытаний. «Как жаль, что тогда никому и в голову не приходило записывать речи митинговых ораторов — вот была бы книжища и для историков, и для словесников» (Артем Веселый). Лишь по отдельным деталям можем догадываться, какой это был напряженный труд!

Да, Ян был беспредельно храбр, он увлекал бойцов личным примером, одним этим он завоевывал непререкаемый авторитет. Как сказал бы солдат: «А ты поди под пулями поговори!» Пулям Фабрициус не кланялся. Такое было и раньше, такое бойцы увидали и сей-

час, под Ельцом. Но главное было даже не в этом. Он бы не смог поднять бойцов, организовать такую упорную оборону, как через несколько дней под Нижнедевицком, если бы не обладал и другими высокими талантами человека и военного комиссара — талантом беззаветной веры в торжество идеалов коммунизма, талантом организатора, притягивающего к себе людей.

Представьте Ливны, маленький русский город вдали от столиц, представьте то время, когда вести из центра шли неделями, время — когда одни люди словно не могут выйти из долгой-долгой вековой спячки, а другие, растревоженные войной и революцией, неустойчивы и шатаются, не зная, к кому примкнуть, с кем быть: с красными, белыми или зелеными. И вот здесь надо было утвердить Советскую власть. А они отрезаны от всего мира — война. И война насмерть, идущая неизвестно где и как, способная обрушиться через неделю, а может быть, и через пять минут, просвистят смертельные пули, с гиканьем налетит казачья сотня. Тревожно...

Фабрициус был словно само воплощение Советской власти, власти новой, пришедшей навсегда. Идеал будущего не меркв военном комиссаре ни на секунду. Вот в чем была, можно сказать, его главная сила.

С несколькими штабными командирами он разъезжал по далеким и ближним селам, восстанавливая Советскую власть. И митинговали, митинговали...

Фабрициус рисковал в этих бесконечных поездках каждую минуту — беляки рыскали по всем округам. Но вера в великую идею удесятеряла его силу, храбрость. Она делала его словно заговоренным от вражеских пуль. И везде он поднимал народ на борьбу, создавал партийные ячейки, отбирал у кулаков излишки хлеба, раздавая бедноте и снабжая армию. Он убеждал колеблющуюся часть крестьянства — середняков в преимуществах Советской власти, на примерах показывая, как с возвращением белых сразу рушится завоеванный Советской властью декрет: «Вся земля — крестьянам!»

Эти комиссарские слова были необычайно убедительной силы. Середняк шел в отряд Фабрициуса — уже не говоря о неимущих крестьянах. И именно эта работа с народом военного комиссара Фабрициуса была залогом постоянного укрепления и роста его отряда. Через неделю — всего через неделю! — отряд Фабрициуса уйдет из городка Ливны. Он будет идти вдоль железных дорог, очищая станцию за станцией, он будет делать изнурительные переходы под проливными дождями и палящим солнцем, врываться в города. Войско будет таять от этой непосильной ратной работы, но вновь и вновь расти, ибо его питает тот народ, которому Фабрициус нес Советскую власть.

Фабрициус воспитывал мужество бойцов, учил их бесстрашию. А то как в народе получалось? Цари бросали казаков на усми-

рение народных восстаний, и страхом отзывалось это слово: «казаки!»

Не дрожать!

Ехал однажды Фабрициус полем. Вдруг навстречу бежит застава.

— Стой, куда бежите?

— Казаки!

— Где вы их видите?

— А вон — едут!

Действительно, невдалеке видны двое конных.

— Так это ж наши! Из разведки возвращаются.

Глядь — другая застава бежит.

— Вон казаки с саблями наголо!

А это крестьяне едут с поля на лошадях, и косы у них в руках, как шашки, блестят.

Фабрициус рассказывал в лицах перед строем об этих случаях. Бойцы смеялись и — мужали.

Из захваченного Ельца в Ливны пришли несколько красноармейцев — бежали из плена. Фабрициус приказал выстроить отряд. Красноармейцы показали перед строем бойцов иссеченные до костей багровые спины. Мамонтовцы на площади в Ельце пороли нагайками. Шесть бойцов медленно прошли вдоль строя. Сурово смотрели отряды на трагическое шествие.

— Для них мы, рабочие и крестьяне,— говорил Фабрициус,— хуже быдла. Они хотят превратить нас снова в рабов. Но мы для того и восстали, чтоб зваться людьми!

Да, Фабрициус был строг, да, он был нетерпелив, даже яростен. Но, возможно, и за это его любили бойцы. Потому что Фабрициусом всегда руководила революционная справедливость. И такой характер проявлялся у него во всем, даже в мелочах.

Боец не должен быть разутый! И всех сапожников со всей округи мобилизуют, они шьют и латают солдатские сапоги. Раненый. Его не только нельзя оставлять на поле боя — но он должен находиться под надежной крышей и его должны лечить лучшие врачи и медсестры. И Фабрициус мобилизовывал медиков. Водка, самогонка. Из-за этой сивухи, знает Фабрициус, нелепо гибли лучшие и достойные люди, начинается в армии моральное разложение, мародерство. Однажды наскочил: начштаба и начальник оперативного отдела ужинали с бутылкой дешевого вина, закусывали тощей селедкой — отмечали какое-то событие. Фабрициус разъярился:

— Я прикажу расстрелять вас!

Так что законы были строгие, но справедливые для всех — начальника и подчиненного. Да и вообще Фабрициус никогда не возводил непреодолимый рубеж между бойцом и командиром. Каждый мог обратиться к нему со своими бедами, сомнениями, поделиться

радостью. Вечером, на привалах, когда в котелках варилась нехитрая солдатская еда и все собирались в кружки, Фабрициус подсаживался к одному, другому кружку. Пел вместе со всеми песни, читал из дома письма, которые каким-то чудом доходили, а иногда и рассказывал — рассказчиком он был отменным, бойцы любили слушать его.

— А что, Ян Фрицевич, правда или брешут, что в царской армии вы были полковником и будто сам царь разжаловал вас за революцию в солдаты и в Сибирь закатал?

— Какой я полковник,— раскатисто смеялся Фабрициус.— Россказни. Видать, стыдно белякам признать, что от простого унтера драпают. Хотя Георгиевские кресты имею...

Солдаты слушали. И про его крестьянскую жизнь. Родился в семье батрака в глуши Курляндии на хуторе Ванкстрейбей. Несмотря на трудности, поступил в городское училище в Виндаве. Затем была рижская гимназия. Отец Фабрициуса был сметливый мужик, силач, усмирявший одним взмахом могучего кулака дерущихся в корчме хуторян. Из батраков он выбился в лесничие барона Бера. И сыну прочили карьеру у барона — самим управляющим! Но уже в гимназии Ян знакомится с прогрессивной молодежью, читает Райниса, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Герцена. В 1891 году, еще гимназистом, он принял участие в «картофельном бунте» в Виндаве. Затем солдатская служба, работа на рижском машиностроительном заводе Минута. В 1903 году Ян вступает в ряды социал-демократической организации. Становится профессиональным революционером. Несколько арестов. А потом четыре года каторги в Сибири.

— А с Лениным я работал в Смольном,— рассказывал Фабрициус.

В январе восемнадцатого латышские стрелки выбрали Фабрициуса делегатом III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

В Таврическом дворце Ян впервые увидел Ленина. Делегаты съезда затаив дыхание слушали отчет Совета Народных Комиссаров о строительстве социалистического государства, о строительстве новой армии.

Владимир Ильич Ленин говорил:

— Старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне.

В тот памятный день Фабрициус твердо решил, что будет служить в новой революционной армии.

50 дней и ночей Фабрициус работал во ВЦИКе, слушал выступления Ленина, учился жить и работать по-ленински. Именно эти 50 дней и определили дальнейший жизненный путь Фабрициуса:

это было его главное образование — партийная школа Смольного.

В феврале восемнадцатого над революционным Питером нависла смертельная опасность. Старая, деморализованная и уставшая бывшая царская армия под ударами хорошо обученных и вооруженных немецких полчищ разваливалась, открывая путь к Нарве и Пскову.

Ленин собрал специальное заседание по вопросам обороны красного Петрограда. Первым попросил слово Ян Фабрициус:

— Я сын батрака. Я военных академий не кончал. Но прошел фронтовую школу и по опыту знаю, что, отсиживаясь в обороне, врага не победишь. К массам, в поле, в открытый бой — вот наша тактика. Владимир Ильич, прошу направить меня на любой участок фронта.

В воспоминаниях Фабрициус писал: «В ту же ночь все члены ВЦИКа и военные работники были брошены на заводы и фабрики для разъяснения рабочим создавшегося положения. На всех фабриках и заводах загудели тревожные гудки. Петроградский пролетариат проснулся. Бросая семьи или, вернее, семьями захватывая имевшееся оружие, рабочие спешили на свои заводы.

Военные работники были назначены начальниками боевых красногвардейских отрядов. Я был назначен в г. Гдов».

Фабрициус выехал на фронт с отрядом из сорока трех красногвардейцев — рабочих Путиловского завода. В выданном ему удостоверении указывалось, что Фабрициус назначается военным комиссаром пограничной охраны Гдовского района.

Ехали в теплушке. Часто останавливались. На станции «Третий разъезд» встретили солдат 4-го Копорского полка, они уходили с фронта. Фабрициус организовал митинг здесь же, на станции,— взобрался на груду бревен. «Как сплотить бегущих по домам окопников, чтобы они снова стали боевой грозной силой? Они не дезертиры. Они не бросили оружие, у них винтовки со штыками, подсумки с патронами, гранаты на поясе. Просто они истосковались по семьям, по земле». Фабрициус вынул из кармана номер «Правды». На первой странице — ленинское воззвание.

— Слушайте, товарищи, что говорит вождь трудящихся всего мира товарищ Ленин! Социалистическое Отечество в опасности!

Фабрициус читал статью яростно и со страстью. Ленинские слова, он чувствовал, доходили до каждого солдатского сердца.

— Боевые друзья, копорцы! Вы завоевали добрую славу на рижском фронте. Да, вы слишком долго воевали, вы устали, вы истосковались по семьям. Но не пришло время расходиться по домам. Надо гнать чужеземцев, защитить нашу родную Советскую власть! Перед нами древний Гдов. От имени ВЦИКа, от имени Ленина призываю вас присоединиться к отряду красногвардейцев и освободить Гдов!

Вскоре он телеграфировал в Петроград о взятии Гдова.

А потом начались трудные революционные будни военного комиссара. Приходилось решать многочисленные сложные вопросы становления Советской власти в обширном Гдовском уезде. 30 волостей и ни одной партийной организации! Фабрициус создает городской комитет партии. Из разрозненных подразделений формирует новые военные части. Обращается в Смольный с докладом, настойчиво просит прислать в Гдов опытных коммунистов, побольше политической литературы. Он мотается по деревням, руководит подавлением кулацких мятежей, отбирает излишки зерна у кулаков и направляет обозы с хлебом в голодающий Питер. Он организует совещание рыбаков Чудского побережья, печатает агитационные листовки для немецких солдат, очищает исполком от тайных врагов.

Когда через полтора месяца военный комиссар Фабрициус проводил партийно-советский актив Гдова, на нем собралось более 30 человек, а ведь вначале в городе было только два коммуниста. И в Гдовском полку вначале было 600 бойцов (в основном копорцев), а стало 2500 штыков, 48 пулеметов, 6 орудий, на станции Торошино стоял под парами бронепоезд «Красный финляндец».

А в ноябре 1918 года с боем был взят город Псков. В этой операции активное участие принимал Гдовский полк.

Бойцы узнали, за что Фабрициус получил революционный орден Красного Знамени.

— Дело было на реке Великой под Псковом. Мы никак не могли взять город. Был перед ним сильно укрепленный пункт в деревне Кресты. Атакуем — не взять. Скачут два связных с разных флангов. Один передает записку: «Срочно прошу подкрепления». И второй точно с такой запиской. А резервов нет. Достали с комбригом Васильевым карту, смотрим на эти Кресты. Видим: если не взять — и нам крест. Отменили все атаки. Надо пораскинуть мозгами. Раз не приносит успеха атака в лоб... Белые так укрепились в Крестах — выковырять невозможно. Что делать?

Молчат бойцы.

— А мы их,— хитрый взгляд Фабрициуса,— решили взять на испуг. Поставили на грузовики станковые пулеметы, подтянули орудия к шоссе. А когда стемнело и было непонятно, что там движется, обрушили огонь на позиции Булак-Балаховича. Грузовики ревут и стреляют, словно дивизион броневиков. На одном был я за пулеметом, на другом начальник штаба. Так и взяли эти Кресты в ночи. Бежали белые. Не сообразили, что перед ними грузовики, которые можно в щепки разнести. Конечно, ни я, ни начштаба не должны были стоять за пулеметами — а вдруг убьют, кто будет руководить боем? Но время такое — надо бить белых.

Постоянной, напряженной была работа военного комиссара в Ливнах. И именно благодаря этой работе хватило только одной неде-

ли, чтобы отряд Фабрициуса уже боевой грозной силой снова возник у Ельца. К тому времени казаки Мамонтова растеряли весь боевой дух. Они ударились в пьяный разгул, в грабежи и насилия. Нет, не армия-освободительница это была, как стремился представить свои войска генерал Деникин. Это была армия насилия. Когда Мамонтов отправлялся в рейд, у него были только боевые обозы. После Тамбова, Козлова, Ельца, Воронежа обоз грабителей растянулся на десятки верст. Возвращаясь из рейда, генерал послал на Дон телеграмму: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне — 60 млн. рублей, на украшение церквей дорогие иконы и церковную утварь».

Отряд Фабрициуса занимает Елец. Фабрициус наводит в нем революционный порядок.

Потом отряд Фабрициуса одним из первых ворвется в Воронеж. И здесь он получает срочный приказ: остановить казачью конницу генерала Шкуро, которая прорывает фронт, чтобы помочь уйти мамонтовским громилам. Отряд делает стремительный бросок к Нижнедевицку.

Это была уже сплоченная боевая часть с пушками, пулеметными подразделениями. Новый бросок не в новинку отряду. Бойцы веселы, шли бодро. Фабрициус на трофейном автомобиле обогнал кавалерийское подразделение — вчерашние пехотинцы сидели в седлах уверенно, словно провели в них всю жизнь. «Эх, таких бы ребят да впятеро больше»,— думал Фабрициус. Его тревожило сообщенное в штабе известие, что Шкуро будет превосходить численностью раз в двадцать. А красным бойцам — с марша в бой, притом против конницы, где нужна особая тактика и сноровка.

В городе Фабрициус проехал в центр к занятому под штаб кирпичному дому — какой-то бывшей управе.

Не успел он толком освоиться и осмотреться, как на улице послышался возбужденный говор. Выглянул в окно. Бойцы вели подозрительную личность: на человеке была выгоревшая офицерская форма со споротыми погонами.

— Давай сюда, ко мне,— крикнул Фабрициус.

— Я военком Нижнедевицка,— возмущенно крикнул, едва войдя, человек.— Шкуро под Нижнедевицком в Ясенках. Завтра он будет здесь!

— Это посмотрим,— сказал Фабрициус,— будет или не будет. Почему бежали?

— Посмотрю, как вы завтра сами рванете отсюда,— зло сказал человек.— Это же лавина! Ее остановить нельзя!

— Остановим. А за то, что отступили, вы ответите. Увести!

Оставшись с начштаба, Фабрициус развернул карты нижнедевицких подступов. Внимательно рассматривал рельефы, решая, как лучше построить оборону.

Под рукой зазвонил телефон. Фабрициус снял трубку. Назвался. А в ответ:

— Говорят Ясенки. У телефона адъютант.

— Кто вы такой? — спросил Фабрициус. Долгое молчание, в трубку дышали.— Отвечайте! — На том конце положили трубку. Вдруг снова звонок.

— С вами говорит адъютант генерала Шкуро,— голос твердый и наглый.— Мы заняли Ясенки. Мы сильнее, сдавайтесь! Лично вам гарантируем жизнь. Мы знаем о вас. Генерал Шкуро щадит храбрецов.

— Слушайте вы, генеральский холуй!..— Фабрициус сдержался. Бросил трубку. «Надо быть спокойным,— приказал себе,— они там решили поиграть на нервах, авось припугнут. Сила действительно на их стороне. Но еще посмотрим, возьмут ли двадцать белых сабель один красный штык!» На своих бойцов он надеялся как на самого себя — не подведут. Стоять будут насмерть. Но этого мало. Нужно переиграть наглого генерала. Выбрать такие позиции, так их оборудовать... Ночью шкуровцы побоятся идти, но все же надо удвоить караулы, чтобы мышь не проскочила...

Потом Фабрициус провел совещание командиров, рассказал о звонке из Ясенок.

— В гости зовут! Сабель много и спеси много. Но мы завтра собьем ее. Саперы должны кой-какой подарочек приготовить шкуровцам. Так что отрядить саперам столько людей, сколько потребуется, чтоб к утру все было как штык! Позиции оборудовать, отрыть окопы по всей форме. Стрелять только залпами — кавалерия этого не любит. До вечера провести по всем батальонам тренировки. Так что, товарищи, бить не столько числом, сколько умением!

Всю ночь на холмах хлопотали саперы, бойцы помогали им, таскали колья, проволоку. Внизу, на полянах, в густой траве устраивали спотыкачи-ловушки. По холмам рыли окопы, траншеи, оборудовали пулеметные гнезда, маскировали орудия.

Работал штаб — проверяли каждую мелочь. И ночью еще раз зазвонил телефон.

— Готовитесь к обороне? — сказал тот же наглый голос.— Начхать на вашу оборону. У нас терцы да кубанцы. Вы их знаете, драпали от них. Так что генерал Шкуро вторично приказывает вам сдаться на условиях вашей личной безопасности.

Фабрициус постарался быть максимально «вежливым»:

— Очень прошу передать генералу Шкуро старую поговорку, которую он, возможно, не знает или забыл: шкуре не миновать дубильщика. Спокойной ночи. А дубить, если пожелаете, можем с утра или даже сейчас.

Утром началась психическая атака.

Как идут! Картина! Развернуты знамена, казацкий оркестр игра-

ет марш. Лошади вышагивают как на параде. По команде стройно выброшены из ножен шашки, клинки яростно сверкают — даже в такую ненастную погоду. Вот на это расчет: красные бойцы убоятся, дрогнут и побегут, в крайнем случае не так метко будет разить рука... Но ведь это бойцы Фабрициуса! Не дрогнул ни один боец. Молчит оборона. Замерли у пушек артиллеристы, ждут команды пулеметчики, в окопах прижались к прикладам бойцы. Трудно ждать и видеть, как приближается парад казацкой конницы, как все более нагло и настойчиво звенит военный марш. Рука хочет нажать на спуск... Фабрициус в бинокль рассматривал шкуровцев. Ага, нервничают. Перешли на рысь, вот и галоп... Очень хорошо! Звенит марш и вдруг обрывается — конница начала валиться на землю — налетели на ловушки саперов. Расстроились картинные ряды. «А мы добавим!» Фабрициус послал в небо сигнальную ракету. И все пространство красной обороны ответило мощным залпом. Еще, еще! Стучат без умолку пулеметы, бьют орудия. Шкуровцы смешались и в беспорядке откатились. Оборона умолкла в тревожном ожидании. Через полчаса снова появились казаки. Но теперь не было парада. Всадники неслись врассыпную, в галопе — гудела под тысячами копыт земля. Но снова долго молчит оборона, и снова неожиданные залпы, которые сотнями косят всадников. Падают, падают всадники, обезумевшие лошади носятся без седоков. Откатываются конные массы.

До чего упорен Шкуро! До чего уязвлена гордость белого казацкого генерала! Не может одолеть мужичье! Атака за атакой! К вечеру бойцы Фабрициуса отбили одиннадцатую атаку бешеных всадников.

Вот какую силу выковал один из военных комиссаров огненной гражданской, большевик Ян Фрицевич Фабрициус.

В середине октября девятнадцатого пришли в те края на смену свежие части. Вскоре Я. Ф. Фабрициус получил назначение командовать 1-й бригадой 13-й стрелковой дивизии. Отныне пройдет он по гражданской боевым командиром, и будет греметь по фронтам его слава, военные подвиги его будут отмечены еще тремя орденами Красного Знамени. А за мужественные действия в Ливно-Елецком районе от лица молодой Советской Республики Фабрициусу вручили дорогую памятную награду — именные золотые часы.

О Фабрициусе-комиссаре можно сказать его словами: много людей прошло через его руки и весьма мало было между ними таких, которые от этого не стали лучше! Ибо что идет от души, то попадает в душу и сердце бойца.

Станислав
КРАВЧЕНКО

ОТ ОДЕССЫ К ЖИТОМИРУ

Из постановления Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 1 октября 1919 года:

«1. Наградить славные 45 и 58 дивизии за геройский переход на соединение с частями XII армии почетными знаменами революции.

2. Выдать всей группе за этот переход как комсоставу, так и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания».

И подпись:

Председатель Совета Рабоче-Крестьянской Обороны В. Ульянов (Ленин).

За заслуги в гражданской войне и личное мужество высокой государственной награды — ордена Красного Знамени был удостоен и Ян Борисович Гамарник.

Описываемые события происходили в условиях, когда Страна Советов отражала смертельную опасность со стороны армии Деникина.

Чем же был вызван этот действительно знаменитый переход войск из района Бирзула (нынешний Котовск) — Голта (нынешний Первомайск) в район Киев — Житомир на соединение с войсками 12-й армии?

К концу лета 1919 года над Одессой нависла очередная угроза. На юге активизировались англичане и французы, они поддерживали белогвардейские десанты со стороны моря. На северо-западе бесчинствовали петлюровцы, захватившие Умань. С востока наступал Деникин. Неспокойно было и в самом городе. Отовсюду повылезали воровские шайки, крутились, сеяли панику, грабили и убивали.

Одесса, как никакой другой город, была переполнена нетрудовыми элементами, людьми неопределенных занятий.

В ее окрестностях кулацкие банды беспрестанно нападали на села и деревни, грабили, насиловали, зверски расправлялись с представителями Советской власти, коммунистами и комсомольцами. А на узловой станции Помошной под Одессой расположился батько Махно со своей немалой бандитской «армией».

В таких условиях неимоверных усилий стоило трудящимся Одессы защитить город. Были мобилизованы все силы. Рядом с красноармейцами сражались отряды рабочих. Но, как ни велико было стремление защитников удержать Одессу, вражеское кольцо смыкалось с каждым днем.

Приказом Реввоенсовета 12-й армии было решено частям 45-й, 58-й и остаткам 47-й дивизий, оторванным от штаба 12-й армии, объединившись в Южную группу войск, пробиваться на север, одновременно отвлекая на себя силы белых с других участков фронта. Прямо скажем, нелегкая задача.

Командующим Южной группой войск был назначен начдив 45-й И. Э. Якир, в Реввоенсовет группы вошли Я. Б. Гамарник, Л. И. Картвелишвили и член Реввоенсовета 12-й армии В. П. Затонский.

Времени было мало, очень мало. Враг мог в любой момент замкнуть кольцо. А людей надо было подготовить к серьезному испытанию. И главное, подготовить морально. Каждый должен был поверить в суровую необходимость этого похода.

Повсеместно проводились митинги.

Махновские прихвостни призывали бойцов сражаться за свои родные хаты, а то и расходиться по домам.

— Пусть сами комиссары идут на север. Нам это не нужно. Пойдем по хатам,— слышались выкрики.

— Почему, братва, мы должны проливать кровь за кого-то? Зачем нам это?

Тут же раздавались и другие голоса:

— Пойдем на север.

— Хватит болтать. Давайте послушаем комиссара.

В такие минуты с особой силой проявлялся талант комиссара Яна Гамарника.

Судьба распорядилась так, что он попал в те места, где родился и вырос, где прошли его детские и юношеские годы, где он сформировался как революционер. Настойчиво и терпеливо разъяснял он бойцам, что в пролетарской армии должна быть сознательная дисциплина и глубокое понимание того дела, ради чего они проливают кровь. Только в этом случае можно достичь победы.

Он обращался к рабочим и крестьянам, в суровое время вставшим под знамена революции.

— Я приветствую вас, храбрые защитники социализма, и требую проявить во время похода стойкость и храбрость в борьбе с коварным врагом, высокую дисциплину и напряжение всех сил. Вспомним смерть и раны наших товарищей и пойдем вперед со словами: «Да здравствует непобедимая наша революция!»

Комиссар взывал к революционному сознанию бойцов, убеждал их в том, что они лишь временно оставляют родные места. Пламен-

ное большевистское слово, обращенное к людям, преображало их, возвращало веру в свои силы, в своих командиров!

— На север! — кричали солдаты.

— Добьем врага революции! Вместе с нашими братьями освободимся от интервентов и белогвардейцев!

И красноармейцы внимательно слушали Гамарника, говорившего о том, что предстоит сделать перед походом, как подготовиться к нему.

Во время подготовки и в походе Ян Борисович в основном находился в бригадах 45-й дивизии. Он инструктировал актив, выступал на митингах.

Написал Ян Борисович и специальную «Памятку бойца Южной группы». Когда читаешь ее, убеждаешься, что писал ее человек твердой воли, преданный делу, которому служит, знающий, к чему зовет. В ней говорилось: «Северные братья, ведомые большевиками, на соединение с которыми мы идем, неизменно одерживают и будут одерживать победы. Бьется за освобождение могущественный класс пролетариев, его ведут большевики. Он освободит угнетенное большинство, он неизменно одерживает и будет одерживать победы на своем боевом пути. Он придет на выручку окруженной врагами Южной группе. Он поможет нам снова отнять у помещиков землю и передать ее крестьянам. Он отнимет снова фабрики и заводы у капиталистов...»

И вот к походу готовы. Наступила последняя ночь. Завтра 30 августа.

Вместе с командующим Гамарнику доверено вести бойцов по занятой противником территории. В походе нужна высокая маневренность, оперативная хитрость. Предстояли ожесточенные схватки с войсками Добровольческой армии Деникина, с различными местными бандами.

...Петлюровцы и деникинцы сосредоточивались вблизи железных дорог. Поэтому движение по ним было исключено.

Группу разбили на три колонны. Первую составляли части 58-й и 47-й дивизий. Во главе начдив 58-й И. Ф. Федько. Центральную — два полка и отдельные отряды во главе с начальником штаба, исполняющим обязанности начдива, И. И. Гарькавым. В этой же колонне двигался и сводный отряд партийно-советского актива Одессы, а также Реввоенсовет группы. Здесь же были сосредоточены основные запасы боеприпасов, продовольствия, ценности Одесского банка. И, наконец, левую колонну возглавлял комбриг И. К. Грицов. Под его началом находились две бригады 45-й дивизии, на них возлагалась задача по обеспечению движения основных сил.

Накануне выступления Южной группы был зачитан приказ за подписью Якира и Гамарника. Он кончался словами: «Вперед, герои! К победе, орлы!»

Вечером комиссары собрали коммунистов. Последние напутственные слова. Ночь отсчитывала еще последние часы, а бойцы уже были на ногах. То там, то здесь раздавались команды.

— Стройся!

— Проверить людей!

— Поскорее!

Быстро, без суеты колонны начали выдвигаться. Впереди и на флангах охранение — на случай внезапного нападения противника.

Встреча колонн планировалась в районе Умани, откуда предполагалось вместе пробиваться через фронт.

Путь предстоял нелегкий. Помогая оторваться от регулярных армий белых, бойцы бригады Г. И. Котовского, создавая видимость прорыва войск на юг, почти двое суток отвлекали внимание и силы петлюровцев западнее Бирзулы.

Котовцы сражались стойко и мужественно, сковывая значительные силы белогвардейцев. Порой, не успев перевести дух от одной вражеской атаки, отражали следующую. Вода закипала в кожухах пулеметов, они накалялись так, что к ним нельзя было притронуться. И тогда пулеметный и ружейный огонь сменялся лязгом скрестившихся штыков,— это шли в контратаку красные бойцы.

Напомним читателю, что Гамарник сыграл большую роль в судьбе Котовского. Когда решался вопрос о назначении его на должность командира бригады, нашлись скептики, которые были категорически против. Его обвиняли в партизанщине.

Но Гамарник настоял на назначении Котовского, он верил его революционным убеждениям, видел в нем командира, умеющего повести за собой людей, найти правильное решение в бою. И не ошибся.

Самоотверженность, стойкость и мужество котовцев позволили нашим войскам оторваться от противника, успеть уйти вперед.

Правда, в самом начале рейда произошло событие, которое тоже помогло без значительных потерь пройти участок пути до Умани. Встреча с противником произошла буквально на второй день, и довольно курьезная. Однако она послужила яркой иллюстрацией смекалки, решительности, смелости и, что немаловажно, военной хитрости командиров молодой революционной армии. (Впоследствии многие из них стали видными военачальниками Советской Армии.)

А случилось следующее. Командир одной из бригад Мокроусов ехал на машине вместе с начальником штаба Рябовым. Впереди показалось местечко Голованевск. Увидев там людей, Мокроусов решил, что это наши разведчики. На самом же деле они на машине далеко обогнали авангард красных. Голованевск был занят петлюровцами. И только когда машина выехала на центральную площадь, Мокроусов все понял — на ближайшем здании развевался желто-голубой флаг. Петлюровцы тоже вели себя странно. Они спокойно

смотрели на автомобиль, видимо решив, что прибыло деникинское начальство.

Мгновенно сориентировавшись, Мокроусов вышел из машины и направился в здание комендатуры, где предложил белым сдаться. Услыхав, что части Красной Армии подходят к местечку, те предпочли поднять руки.

От коменданта Мокроусов узнал: штаб дивизии петлюровцев находился в Покотилово, в нескольких верстах. Связь работала исправно, и он решил попытать счастья — продолжить игру. Позвонил в Покотилово и сообщил от имени комендатуры, что к ним идет подкрепление, а сам, усилив одну из своих рот, направился туда. Так без единого выстрела был захвачен штаб петлюровской дивизии во главе с ее командиром.

Из документов и сведений, захваченных в штабе и полученных от пленных, стало ясно, что в Умани стоит около двух дивизий петлюровцев. Значит, с фронта взять город будет трудно. И тогда, посоветовавшись с командирами, Гамарник предложил хитроумный план.

Два дня, подключившись к их линиям связи, петлюровцев «информировали» о продвижении колонны красных, старательно преувеличивая их численность. Белые поверили, что к Умани с юга выдвигаются мощные отряды красных, и стянули значительные силы к южной части города. А тем временем две наши усиленные бригады скрытно обошли город, одна из них стала в засаду — на пути вероятного отступления белых.

Петлюровцы опешили, услышав стрельбу у себя в тылу. Началась паника. Бросая оружие, противник начал отступать на северо-запад, где попал под огонь бригады, оставленной на пути отхода петлюровцев. Город был взят почти без потерь с нашей стороны.

После освобождения Умани бойцы получили небольшую передышку.

Дальше двигались медленнее, противник усилил атаки на колонну.

Гамарник старался быть там, где мог появиться враг, где нужнее было его слово, личный пример. Авангард, в котором находился комиссар, миновал небольшое село Тальное и вышел к опушке леса. Неожиданно метрах в пятидесяти вздыбилась земля, это ударила вражеская артиллерия, почти одновременно из леса выскочила кавалерия. Кони шли бешеным наметом. Увидев, что командир замешкался, Гамарник выхватил пистолет.

— По врагам революции — пли! — скомандовал он.

Грянул залп. Передние кони словно споткнулись. В это время заговорил «максим», и деникинцы один за другим стали вылетать из седел. Воодушевленные бойцы, услышав пулемет, по команде повели залповый огонь. Белые повернули назад.

— Вот и отбили,— поднимаясь от пулемета, смущенно сказал командир. Чувствовалось, что ему неловко за свое временное замешательство.

— Спасибо, товарищ комиссар.

Гамарник окинул взглядом молодого человека:

— В походе всегда думайте, как организовать бой, если враг нападает, а главное — выдвигайте вперед разведку. Меньше будет неожиданных встреч...

На протяжении всего похода комиссар следил за настроением людей, подбадривал их где словом, где шуткой. Так было и на этот раз. Обогнав колонну, он остановился у развилки. Сильный сентябрьский ветер дул в спину, подгоняя бойцов. Пропуская подразделения одно за другим, внимательно вглядывался в каждого солдата.

— Молодцы! — подбадривал комиссар.— Крепитесь. Большую половину пути одолели!

Шли совсем молодые красноармейцы. Да и сам комиссар был молод. А уже было доверено ему вести за собой людей, которые в те суровые годы взрослели рано. Рано повзрослел и сам Гамарник.

В 1905 году ему было одиннадцать лет. Конечно, многого он не понимал тогда, но видел, что рабочим живется очень плохо и они борются за лучшую жизнь. С двенадцати лет ему уже поручали разыскать нужного человека или отнести записку, передать пакет или понаблюдать, чтобы никто не подошел незамеченным к месту, где собирались люди в рабочих косоворотках и студенческих тужурках. Так, с раннего детства Ян Гамарник приобщился к революционной борьбе. А потом — гонения, аресты...

В украинском журнале «Коммунист» за 1920 год были опубликованы записки Я. Б. Гамарника. В них он вспоминает о своем первом аресте осенью 1917 года в Киеве. Тогда он был членом киевского ревкома. «Под конвоем нас повели из дворца в штаб командующего по Банковской улице, поместили в одной комнате... поставили сильный караул из юнкеров в соседней комнате, а у нас в комнате двух часовых [1].

Тягостно-длинно тянулись ночь и весь следующий день. Нас оторвали от готовых восстать рабочих и солдат... посадили под арест. Но к вечеру (29 октября) к нам стала доноситься ружейная, пулеметная и артиллерийская пальба — то брались за оружие арсенальцы, товарищи из 3-го авиапарка, артдивизионы, расположенные за Днепром, и перешедший на сторону восставших против воли Центральной рады 1-й Украинский полк. Оставшиеся на свободе товарищи быстро создали руководящий восстанием центр и повели в бой рабочие и солдатские отряды, они на деле показали белогвардейцам,

---

[1] Мариинский дворец, в котором помещался комитет большевиков, был захвачеи юикерами. Четыриадцать большевиков были арестоваиы и под конвоем доставлены в штаб воеиного округа, который еще был в руках коитрреволюции.— *Прим. авт.*

что мало снять голову, что нельзя этим остановить революцию...

Перестрелка в городе все усиливалась, мы же сидели, отрезанные от всего мира. Никто из нас не боялся смерти, хотя она была близка. Мы все думали и говорили о восстании в Петербурге, о борьбе на улицах Киева; каждый из нас думал только об одном: как бы вырваться к восставшим, как бы встать в их ряды...»

Теперь то, что завоевано, необходимо было отстоять.

Боевой марш продолжался. А белогвардейцы неотступно преследовали колонну. Рассеивая и уничтожая их, войска красных пробивали себе путь на север, даже не зная точно, где находятся основные силы, с которыми предстояло соединиться.

Безрезультатно пытались восстановить связь с 44-й дивизией. Вся надежда была на разведку.

В минуты затишья Ян Борисович был так же энергичен и деятелен, как в бою. На привалах он обращался к бойцам с беседами, проводил совещания с политработниками или просто заводил душевный разговор о жизни, делах солдатских.

Человек революционного духа, храбрый в бою, чуткий в отношениях с красноармейцами и командирами, он проверял все дела и события большевистской меркой. Когда ему только минуло двадцать, стал членом партии большевиков. Он видел, понимал: только она выражает интересы человека труда, только она борется за то, чтобы он стал хозяином на земле.

...Предстояло пройти последний отрезок пути. Люди смертельно устали. На одном из малых привалов решено было провести митинг. Собрались на поляне.

Комиссар обратился к бойцам:

— Товарищи, наберитесь мужества. Выполним свой долг до конца. Нам защищать завоевания народа, нам и строить новую жизнь, нашу пролетарскую и крестьянскую жизнь.

Вспоминая об одном из таких митингов, И. Э. Якир позже писал, что говорил комиссар всегда просто, убедительно и доходчиво. Его понимали, ему верили. И внешность Гамарника располагала к себе. Среднего роста, крепко сложенный, невозмутимое лицо излучает спокойствие и уверенность.

А заботился о людях он всегда. И когда был членом киевского ревкома, председателем одесского губкома, и когда был начальником Политического управления Красной Армии и заместителем наркома обороны.

По душе Яну Борисовичу были доверительные беседы с бойцами в короткие минуты затишья или на привалах.

...Однажды вместе с командующим решили проверить 402-й полк, который стал на привал в Самгородке, недалеко от Сквиры. Машину, на которой они ехали, остановило охранение. И пока не доложили командиру полка, машину так и не пропустили. Пришлось ждать.

Командир полка Ф. Е. Криворучко, поняв, кто приехал, встревожился: не миновать разноса, не пропустили машину с командующим. Вышло наоборот, похвалили за хорошую организацию службы.

Комиссара тем временем окружили бойцы. Послышались вопросы:

— А правда, что в Киеве стоят несколько вражеских дивизий и на подкрепление им выдвигаются свежие силы?

— Точно ли, что наши войска в окружении, из которого нет выхода?

Раскрывая истинное положение дел, Ян Борисович не уходил от острых и неприятных вопросов. Понимал, только правда, какой бы тяжёлой она ни была, будет правильно понята красноармейцами. Скрыть ее от людей — значит, обмануть их.

А положение было действительно сложным. Петлюровцы и деникинцы, ранее враждовавшие между собой, теперь, объединившись, препятствовали Южной группе войск воссоединиться с 12-й армией. Особенно тяжелые бои развернулись у станции Попельня. Несколько раз она переходила из рук в руки. Трудно было бригаде Котовского.

Местность перед Попельней открытая, ровная. Деникинцы укрылись за железнодорожной насыпью. Бойцы Котовского им были видны как на ладони. Только поднимут голову, противник тут же открывает яростный пулеметный и ружейный огонь.

Нелегко в таких условиях атаковать. Котовский вместе с начальником штаба Каменским прикидывали, что необходимо сделать в создавшейся ситуации. В это время в бригаду приехал командующий группой Якир. Вместе с ним были Гамарник и Гарькавый. Почти одновременно в бригаде появился и конный взвод во главе с командиром полка Нягой. Был принят новый план действий.

Сумерки только-только опустились на землю, как с фронта начали обстреливать деникинцев. Те вяло отвечали. А когда увидели, что красные подступают к станции, заподозрили что-то неладное, начали стягивать основные силы.

Тем временем конники Няги скрытно заходили в тыл группировке. Сигнальная ракета оповестила, что кавалеристы на месте и можно начинать атаку.

Пехота с фронта, кавалерия с тыла одновременно всей мощью ударили по деникинцам. Враг был ошеломлен. Поспешно бросая раненых, убитых, оружие, вагоны с имуществом, деникинцы обратились в бегство. Эта идея Няги — опрокинуть противника комбинированной атакой, помноженная на командирский опыт, привели к успеху, бой был выигран.

В районе станций Бровки и Попельня после ожесточенных боев было захвачено около 600 пленных, 7 орудий, 14 пулеметов, много боеприпасов, военного имущества.

От Умани Южная группа войск двигалась вся вместе. Разведка доложила, что петлюровцы и деникинцы подтягивают силы к Житомиру и Киеву. Было решено на Житомир выдвигаться между Казатином и Фастовом.

Бойцы ликовали, когда, наконец, удалось установить связь с 44-й дивизией, она находилась к северу от Житомира. Было договорено, что Южная группа и 44-я дивизия нанесут по городу одновременно удар с юга и с севера. 19 сентября житомирская группировка противника была разбита, а наша Южная группа соединилась с основными силами 12-й армии.

Позади остались 400 километров неимоверно трудного пути. В приказе № 13 от 20 сентября 1919 года по войскам Южной группы отмечалось:

«Реввоенсовет Южной группы, поздравляя доблестные части 45, 58 и 47-й дивизий, совершивших с боем героический поход от берегов Черного моря и Днестра к берегам Днепра, завершившийся соединением с северными братьями, объявляет всем красным бойцам группы — красноармейцам и командирам — революционное спасибо за проявленные ими сознательность, дисциплину и верную службу Красному знамени рабоче-крестьянской революции.

Реввоенсовет Южной группы твердо верит, что части группы, вписавшие свое имя этим славным походом на страницы истории революционной войны и вышедшие из похода могучие духом и верой в победу, горящие ненавистью к угнетателям рабоче-крестьянского люда, и впредь будут лучшими бойцами за Советскую власть и будут всегда нести вперед Красное знамя на страх и смерть капиталистам, помещикам и золотопогонникам.

Реввоенсовет Южной группы благодарит вас, товарищи, и зовет к новым славным боям, к новым победам!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует Красная Армия!

Командующий Южной группой Якир
Член Реввоенсовета Ян [1]».

---

[1] Так Ян Гамарник подписывался под документами еще со времен подполья.— *Прим. авт.*

Леонид
МИРОНОВ

ЖИЗНЬ И БОРЬБА КОМИССАРА ПАВЛОВА

21 октября 1919 года Павлов пришел домой, как обычно, к вечеру. Вошел, подавляя усталость и тревогу. Как делал при важных разговорах, взял стул и поставил на середине комнаты. Сел. Сказал жене и двум ребятишкам:

— Уезжаю, милые мои. Иду в армию. Там я должен быть сейчас. Маша, родная, поймешь и не осудишь. Славик поскорее выздоровеет, когда будет помнить, что папа на фронте. А Валечка за ним присмотрит, верно?

— Всем нашел занятия отец...— сказала жена горько, без укора и пошла собирать чемодан.

Славик тихо попросил из постели:

— Поскорей возвращайся, папуля.

— Вернусь, куда денусь, только не болей, ладно?

Сборы были коротки. Отец задержался в дверях:

— Ну прощайте, мои хорошие.

Мария Георгиевна пошла проводить мужа. Воротилась, когда ребята спали: Славик в своей кровати, а Валюшка, старшая сестра-охранительница, на тюфячке возле постели братишки.

А вскоре мать принесла «Правду» от 30 октября и прочла детям письмо двенадцати коммунистов-добровольцев, в том числе и их отца, «Привет с дороги». Они писали о своей вере в партию, в победу, о том, что трудности не страшат, а закаляют подлинных борцов.

Газета сохранилась в семье Павловых в числе других скромных реликвий, связанных со светлой памятью Дмитрия Александровича.

Дмитрий Павлов с товарищами спешно отбыл к месту назначения. Поместились в одном купе третьего класса. Не смущало их, что спать придется по очереди и еды негусто — зато кипяточку и разговоров будет вдоволь.

Когда в Москве им сообщили, что едут на Юго-Восточный фронт, поговорили между собой и решили: товарищу Павлову сделать сообщение о будущем противнике. «Сроку на подготовку, ну, сколько

тебе надо, Дмитрий Лексаныч? Ночь да утро достаточно? Стало быть, завтра днем мы тебя заслушаем...»

Выбор был неслучаен: сорокалетний Павлов из двенадцати коммунистов-добровольцев оказался с самым большим партстажем — с 1901 года, 18 лет в рядах партии. И намного опытнее остальных. С казаками приходилось ему уже сталкиваться в родном Сормове, в 1905-м, когда они безоговорочно поддерживали самодержавие, участвуя в карательных экспедициях, и в семнадцатом в Петрограде, когда шли к Февралю, когда уже стали задумываться, переходить на сторону народа, и позднее, когда к Октябрю вел партию Ленин, много казаков-бедняков пришли в Красную гвардию. А вот теперь Павлов послан комиссаром стрелковой дивизии в 9-ю армию, сражающуюся с белоказаками.

Павлов полез на верхнюю полку: обдумывать, что скажет молодым товарищам, будущим политрукам рот, комиссарам батальонов и полков. На станциях не выходил вместе со всеми, только вслушивался в гомон пристанционных базаров, реплики товарищей, возвращавшихся с дымящейся картошкой, квашеной капустой. Только курил у себя на «верхотуре» да чайку слезал попить. Размышлял.

Конечно, сразу рассчитывать на широкую поддержку казачеством Советской власти не приходилось, не так большевики наивны. Недаром Ленин отмечал еще в пору керенщины: сохранившее много средневековых черт жизни, хозяйства, быта, казачество может составить социально-экономическую основу для русской Вандеи.

Положение усугублялось непродуманными действиями некоторых руководителей, огульно взявшихся за «расказачивание» донцов. Результатом этой ошибки стал весенний контрреволюционный мятеж Вешенского и других верхнедонских округов в самом уязвимом месте сражающейся 9-й армии — в ее ближнем тылу.

Почти всю долгую поездную ночь привычно бодрствовал комиссар Дмитрий Павлов — и сон товарищей оберегал, и «реферат» о казачестве готовил. Во всех действиях Республики, собравшей наличные силы и средства против главного врага, сердцем опытного политического работника он видел направляющую волю Ленина. Так и только так необходимо действовать: уметь выбрать главное звено в неприятельском стане и обрушить на него всю мощь армий революционного народа, ведомых партией. Был убежден Дмитрий Александрович: титанические усилия РКП(б), передовой части рабочего класса, крепнущей Красной Армии и советского тыла не могут не принести реальных плодов и эту свою веру старого партийца он должен передать молодым коммунистам.

Пока тянулся грузо-пассажирский эшелон от Москвы до прифронтовой станции через тысячеверстное пространство России, шло мощное контрнаступление Южного фронта.

На станциях комиссары — а Павлов, веселый, помолодевший,

первым — нетерпеливо выскакивали, накидывались с вопросами на знающих военных товарищей.

— Ну, как дела под Касторной, а у Кром?

Бои на обоих направлениях шли жестокие, с переменным успехом, но Дмитрий Павлов, окрыленный, возвращался в вагон:

— Товарищи, деникинская Добровольческая армия готовится мазать салом пятки...

Когда после долгого путешествия по военным дорогам комиссары прибыли в расположение 9-й армии, Павлов — как старший группы — пошел представляться начальнику политотдела Сергею Андреевичу Анучину. На вид это был сдержанный и предельно усталый человек. Своей сдержанностью, неспешностью выводов начпоарм и понравился. Начал он с главного:

— Вы, товарищ Павлов, к нам в армию направлены Москвой, то есть Политуправлением Реввоенсовета Республики. Вы рекомендованы на должность комиссара Четырнадцатой стрелковой дивизии. Однако...— По лбу начпоарма пошли морщины, разом старя его.— Однако вы старый большевик, и мы решили послать вас на самый трудный участок — комиссаром в третью стрелковую бригаду этой дивизии. В район непосредственных боевых действий. Возражения имеются?

— Ну какие возражения, товарищ Анучин,— ответил Павлов.— Я солдат, солдат партии, приехал воевать, а не должности перебирать...

Анучин кивнул, улыбка одобрения была едва заметна.

— Тогда слушайте, Дмитрий Александрович, о наших делах, пока не шибко веселых.

— А я, Сергей Андреевич, не к теще на блины ехал...

Сказал как отрезал: характер у Павлова был твердый, непреклонный, и вместе с тем все его знавшие почитали его человеком добрым и сердечным.

Правда, 1920, 23 апреля.

«Он заметно выделялся среди обитателей Таганской тюрьмы своей энергичностью, неиссякаемой бодростью и живой общительностью. В нем выпукло отражались присущая рабочему классу оптимистическая вера в свою силу и несокрушимая бодрость. Митя, казалось, никогда не падал духом».

...Вагон политотдела стоял на запасном пути. За обедом Анучин вводил в курс местных дел. Павлов доел борщ и хлеб, отодвинул тарелку.

— Спасибо.

— А теперь чаю, и сколько угодно, с сахарином. Сахар штаб армии и политотдел отдают матерям в родильный дом здесь, на стан-

ции Филоново. Вы, я знаю, нижегородский водохлеб, я уральский, без чаю голова не варит...

Пили настоянный на сушеной вишне чай, беседовали. За тонкими стенами штабного вагона ходили работники армейской газеты, типографии. Павлов слышал с подпольной поры знакомые термины: «верстатка», «набираем корпусом...», «заголовки отбиваем с обеих сторон...» ...

— Дивизия ваша, четырнадцатая стрелковая,— говорил Анучин,— после тяжелых боев с белоказаками передала боеспособные подразделения из первой и второй бригад в третью, которая и находится на линии огня. В ней 385 активных штыков плюс артиллерийский дивизион, почти без снарядов. Мало? Да, дьявольски мало! И все же воевать надо!

— Будем воевать! — твердо сказал новый военком бригады.— Это я политотделу и командованию армии обещаю. Сколько бы нас ни было, можете на нас положиться... Но...— сделал долгую паузу Дмитрий Александрович,— обещаю писать в политдонесениях только одну правду, какая бы горькая на вкус ни была...

М. Горький. «В. И. Ленин»

«Осенью 18 года я спросил сормовского рабочего Дмитрия Павлова, какова, на его взгляд, самая резкая черта Ленина?

— Простота. Прост, как правда».

— Иного от вас не ждем,— ответил Анучин.— Правда всего дороже. Принимаем сейчас буквально все меры, вплоть до героических, для приведения в боеспособное состояние обеих выведенных на переформировку бригад...

Когда собеседник улыбнулся, Анучин глянул вопросительно. Дмитрий Александрович объяснил:

— Слова Ильича повторяете: «приходится прибегать к героическим мерам».

— Слышали лично от него? — живо спросил Анучин.

Дмитрий Александрович вкратце рассказал о встречах с Лениным в канун и в пору Октября, о дружбе с Горьким, своим земляком. Анучин слушал как завороженный.

— Попрошу вас, товарищ Павлов, выступить здесь, на станции, перед красноармейцами пополнения. Расскажите о Ленине, о Горьком. Согласны? Очень хорошо. Завтра утром и проведем митинг. Народ в маршевых ротах из крестьянских губерний — Тамбовской, Саратовской, Воронежской. Членов РКП(б) и РКСМ единицы, в основном это командный, политический состав или политбойцы. Ждем пополнения, но пока оно подойдет, ваша третья бригада будет занимать позиции, которые в нормальных условиях полагалось бы оборонять трехбригадной дивизии. То есть придется каждому воевать за троих.

— Несколько слов о комбриге...

— Виктор Адольфович Карлсон — неплохой командир. Коммунист, вступил в РКП(б) на фронте. Хорошо проявил себя в октябре в боях с прорвавшейся конницей Мамонтова. В трудных ситуациях не теряется, руководит бригадой твердой рукой. Комиссаром там сейчас Ваня Цейко — временно исполняет должность, мы его переведем военкомом в сто двадцать пятый полк.

— Будем воевать! — повторил Павлов.— Но вы с пополнением не затягивайте.

— Продержитесь. Наш фронт наверняка скоро начнет активные боевые действия, тогда получим пополнение. Путь армии на юг, и предстоит форсировать такие реки, как Хопер, Дон, правда, в зимних условиях, потом армия выйдет к Новочеркасску и Ростову, перекроет Деникину путь отступления на Кавказ...

— Как у нас с агитацией среди населения?

Анучин ответил прямо, откровенно: некоторые горячие головы взялись «расказачивать» донцов и требовали карать за участие в Вешенском восстании всех поголовно — и идейных врагов Советской власти, руководителей, и рядовых, нарушая тем самым классовый принцип подхода к казачеству. Партия и лично Владимир Ильич поправили чересчур ретивых товарищей. Необходимо прорабатывать в партийных ячейках обращения ВЦИК и Совнаркома к трудовому казачеству и Тезисы ЦК РКП(б) о работе на Дону. Казак-середняк на своей шкуре почувствовал жестокую руку деникинского офицерья и начинает разуверяться в белой власти. Скоро он поймет, что большевики ведут борьбу за трудящийся народ, в том числе и за него, хлебороба. Хоть он и не всегда даже себе признается в симпатиях к Советам и еще слишком редко решается стать на нашу сторону с оружием в руках.

— Самый трудный момент — перемена психологии,— заметил Павлов.— Поработаем! И делом и словом.

...В начале ноября на хуторе Рожновском, в штабе 3-й бригады, Павлов ознакомился с делами. Он видел: бойцы устали, плохо с оружием, с зимним обмундированием. Конечно, надо пополнить и библиотечки полков, добывать пособия для занятий с малограмотными красноармейцами. Прежде всего встретился с коммунистами.

— Надо, товарищи, продержаться,— убеждал военком в промерзлых окопах плохо вооруженных бойцов.— Идут свежие маршевые роты, везут теплое обмундирование, оружие и боеприпасы. Республика знает, что нам трудно, и спешит на помощь.

А сам комиссар с утра до ночи с красноармейцами на переднем крае, под огнем врага. Объясняет, подбадривает, заботится, наставляет. Особо, с подробностями сообщает о недавно прошедшей в Москве «партийной неделе», в ходе которой сотни сознательных рабочих соединили свою судьбу с партией.

Вскоре после приезда Павлова в 124-м полку была с успехом проведена первая своя «партийная неделя».

Прежде всего наметили людей, которых коммунисты могли рекомендовать в партию. Делали это политруки и секретари партийных ячеек при общем одобрении членов РКП(б), сочувствующих и беспартийных красноармейцев.

Павлов, просмотрев список кандидатов в партию, пошутил:

— Крепкие фамилии к нам идут, как на подбор: Дубов, Мотовилов, Чепраков, Чугунов...

Обвел взглядом собравшихся коммунистов:

— Ну пригласи, военком, Дубова...

Вошел, стукнул каблуками. Стало сразу всем ясно: волевой, удалой. А сам худой, высоченный, и щеки наплывами поморожены, ясно — давешний мороз постарался. Пристукнул прикладом:

— Товарищи коммунисты, красноармеец Дубов на прием в ячейку РКП(б) прибыл.

— Садись, товарищ боец,— пригласил Павлов.— Расскажи членам нашей партии о себе, кого мы принимаем в свои железные ряды...

Он был из пензенских крестьян. «Нулевого года», «ровесник, стало быть, этого века».

— В боях был?

— Брали в гранаты и на штыки казаков-пластунов на Хопре; потом в преследовании.

— Из бедняков?

— А то из каких.

Затем пригласили Мотовилова. Этот юноша был из воронежских рабочих. Член РКСМ. Доброволец. Воронежский губком РКП(б) направил сюда молодых бойцов. Ушли все политбойцами, двоих уже нет...

Секретарь комячейки Гончаров сказал весело:

— Хорошие ребята идут в партию.

Всех кандидатов партийная организация полка сочла возможным принять в ряды РКП(б).

С этого собрания коммунистов 124-го полка началась в части «партийная неделя». Павлов составил план по дням, который утвердили.

План «партийной недели» был следующим: прием в коммунисты, организация партячеек в ротах и спецподразделениях, на батареях, политическая работа среди казаков, общее собрание и митинг с участием хуторян и красноармейцев, помощь крестьянам силами бойцов бригады, концерт и танцевальный вечер для полка и местных жителей, а под конец — сатирический кукольный спектакль.

Объявления о мероприятиях «партийной недели» были развешаны у домов хуторских советов — на широкой гласности по примеру

Питера и Москвы настоял тот же Павлов. У него уже был петроградский опыт — застал проведение первых «недель» минувшим летом.

Результатами он был доволен: «партийная неделя» в полку, казалось бы, уставшем от тяжелых, невыносимых порой тягот зимних боев — с нехваткой теплого обмундирования, перебоями в подвозе горячей пищи, бесконечными пешими переходами,— показала неиссякаемую веру рядовых бойцов не только в конечную победу Советской власти, стремление разделить с Республикой любые трудности, но и готовность многих в суровый час принять на себя нелегкую ношу партийца, стать в первых рядах атакующих и, если надо, жизнью доказать свою преданность делу Ленина.

На общем митинге коммунистов, сочувствующих, беспартийных Павлов сделал сообщение об итогах приема в партию. Укрепились ячейки в ротах и батареях, появилась возможность создать новые. Пополняли роты бойцы и командиры исключительно из рабочей и крестьянской бедняцко-середняцкой среды.

Выступали молодые коммунисты — клялись сражаться с врагами трудового народа до полной победы, говорили секретари партячеек: «Не было в нашем славном храбром подразделении ни одного члена РКП(б), стало три коммуниста и шестеро сочувствующих». Это под аплодисменты сказал руководитель только что созданной партячейки в команде пеших разведчиков Устин Чугунов, повоевавший еще на империалистической и смело сражающийся в новой армии. Выступил и молоденький коммунист взводный Степан Чепраков, кончивший курсы красных командиров и отличившийся в минувших боях за освобождение от беляков верхнедонских станиц.

С огромным вниманием слушали бойцы статью Владимира Ильича «Итоги партийной недели в Москве и наши задачи», с которой знакомил их комиссар. Проникнутые революционным пафосом, ленинские слова находили отклик в душе каждого красноармейца, звали их в бой за конечное торжество великих идей Революции. На хуторах, где были расквартированы красноармейцы, проводились совместные собрания, на которых присутствовали местные жители. Выступал военкомбриг Павлов: «Товарищи красноармейцы, казаки и казачки! Данного бойца мы рекомендуем в ряды партии. Боец отважно проявил себя в боях, награжден часами от имени ВЦИК. Что можете сказать о нем?»

Поначалу хуторяне слушали с удивлением, жались, не верили: никогда такого не бывало прежде, чтоб их, простых людей, вовлекали в круг общественных дел. Потом смелели, особенно женщины, высказывали свои нужды, давали характеристики... Павлов и комиссар полка разъясняли: это и есть Советская власть, партия всегда советуется с народом, как, например, сейчас, когда хочет принять в ря-

ды коммунистов лучших из лучших. А красноармейцы помогали по хозяйству, выявляя в первую очередь неимущие семьи, проводили беседы с людьми, собрания с вопросами и ответами, декламацией, самодеятельными агитспектаклями.

«Неделю» завершил большой кукольный спектакль, поставленный силами самих красноармейцев: «Против кого сражается Красная Армия?» Бойцы отскребли, отмыли брошенный купеческий дом, сколотили лавки, укрепили ситцевую переборку. И вот над ней поднялись куклы: пузатый капиталист, сельский куркуль, поп, генерал, хапуга-чиновник. Все они скопом пошли на Красную крепость, впереди же гнали малосознательных солдат и казаков, а за их спинами договаривались посадить в Питере — Москве нового царя — дурака Николашку Третьего, который их желания бы выполнял; а пока власть не завоюют, обещать трудовому народу молочные реки в кисельных берегах, а потом от обещаний можно всегда отказаться...

Текст сочиняли коллективно — во главе с Павловым. Упросили казачек сшить куклы. Спектакль удался на славу. В тесном от людей помещении, когда пошел занавес, раздался женский крик:

— Верно! Всю правду сказали.

Кто-то из казаков поддержал:

— Чего лукавить-то — по нашим костям генералы мечтают иттить к власти...

Это была высшая награда устроителям «партийной недели»: десятки принятых в ряды РКП(б) бойцов и сотни людей, обернувшихся на клич нашей правды...

«Спутник политработника 9-й армии». 1920 год

«Ему понадобилось каких-нибудь две недели для того, чтобы обстреляться и проникнуть во все тонкости военного дела. Как политический руководитель красноармейской массы тов. Павлов несравненен. Он буквально является кумиром красноармейцев. Природный массовик, Дмитрий Александрович своим простым обхождением, искусным психологическим подходом... примером умел, как никто, привлекать симпатии красноармейских масс и овладевать их умами и сердцами».

Пробил срок — и в середине ноября войска 9-й армии перешли в наступление. В передовых подразделениях бригады — комиссар. Форсировав речку Бузулук, полки с ходу стали выходить на рубеж для решающего удара — реку Хопер. Первый бой начался утренней атакой красноармейцев на позиции казачьих пластунов. Карлсон, расположив полки на невысоких сторожевых холмах, насыпанных когда-то для защиты южной границы России от воинственных соседей, начал огневой бой с частями 7-й пластунской дивизии.

Перестрелка не утихала. Басовито дудукал наш пулемет, красноармейцы стреляли из винтовок по пластунам, хорошо видным в бинокль: казаки отстреливались вяло.

К вечеру бой стихал, чтобы возобновиться с рассветом.

За хуторок Угольский у впадения речки Бузулук в Хопер идут напряженные бои. Обе стороны вводят свежие силы. 2 декабря бригада должна стремительно и неожиданно для врага форсировать Хопер. Военком Павлов в посеченной пулями, подбитой ветром шинели пришел в передовую цепь: здесь много необстрелянных бойцов, прибывших с пополнением, они тянутся к бывалым воинам, оживляются при виде комиссара.

— Товарищи бойцы, красные герои! Еще удар — и они побегут.— Идет по снежным оврагам, всматривается в обожженные летучим ветром молодые лица.— До Дона, до самого Черного моря погоним беляков. Удвоим, утроим усилия, удесятерим наше мужество!

Комиссар 14-й дивизии Степанов выполнил требование настойчивого военкомбрига — ослабленный 126-й полк отвели в тыл, на боевой рубеж выходят 124-й, где Павлов проводил «партийную неделю», и 125-й командира-комиссара Ивана Цейко, пополненный маршевиками. Павлов рад: бригада продержалась, создано ядро для будущего крепкого полнокровного соединения. Большую роль в этом сыграли немногочисленные бойцы-партийцы во главе с политработниками. Сделано, кажется, невозможное. Фронт идет в решительное наступление.

Ночью перед началом наступления Павлов пишет политдонесение. Закончив, берется за письмо домой. Тускло горит масло. О керосине на Дону забыли. Под окном штаба бригады скрипят валенки часового. Внезапно: «Стой, кто идет?»—«Свои».—«Кто свои? Стой на месте! Пароль!» В дверь стучат. «Входите!» И вваливаются в хату командиры и политработники пополнения — в большинстве знакомые Дмитрия Александровича по советской работе в Иваново-Вознесенске.

Из письма Д. Павлова М. Горькому (7 января 1919 г.)

«С тех пор как я с Вами виделся... где я только не был и чем только не был... В августе 1918 г. по партийной мобилизации был отправлен агитатором и организатором Рабочих продовольственных отрядов на борьбу с голодом в Иваново-Вознесенский и Кинешемский районы, где объехал почти все текстильные фабрики. Моя работа была успешна, хотя на митингах пришлось бывать среди голодных и обозленных товарищей, и все-таки в продовольственные отряды шли успешно и их удалось сорганизовать довольно порядочно. По окончании этой работы... меня отправили уже в хлебную местность по ускорению ссыпки хлеба и его отсылки в голодный центр. Тут уж

мне пришлось бывать по самым закоулкам Орловской губернии, в селах, деревнях Елецкого, Ливенского и Малоархангельского уездов. Вот, Алексей Максимович, и пришлось мне заделаться деревенским агитатором, что я весьма охотно делал. Свою работу я вел под лозунгом «союз рабочих и беднейших крестьян», проводил необходимость хлебной монополии и жестокой борьбы с кулаками-мироедами и т. д. Норовил бывать в самых темных и поэтому контрреволюционных волостях, где особенно ярко выделялся инстинкт собственности у крестьян. Да, Алексей Максимович, пришлось мне попариться среди деревни, где мне понадобился весь опыт и знания, накопленные за прежние годы! ...Скажу определенно, что без этого раскола деревни на два лагеря — богатых и бедных — мы бы не получили и того хлеба, который все-таки получили голодающие губернии».

...Тревожная бессонная ночь перед боем. В самый раз попали в часть товарищи из надежного рабочего края, родины первого Совета.

— Дмитрий Александрович,— появляется заспанная хозяйка,— никак борщ вечорошний разогревать?

— Что ты, хозяюшка, всенепременно! И чай, Ивановна, с вишневыми листьями,— радуется встрече Павлов.— Это такие люди прибыли — мы с ними войну быстро прикончим.

— Дай-то бог,— отвечает хозяйка, у которой один сын в белых, другой — в красных, и неизвестно, кому из них «дай», а кому «не дай» бог...

До сих пор фронт и армия присылали маршевые роты — наскоро обученных красноармейцев, молодых и не очень молодых. А тут прибыл совершенно особый отряд, силы которого не меряны и даже, по признанию врагов, неисчислимы. Там, где по всем человеческим меркам надо отступать, сдаваться,— там под руководством вот таких людей — политруков, комиссаров — подбирались, копили силы и переходили в атаки. Уж Павлов-то знает силу этих людей, потому что сам из этой породы, среди таких рос, дрался.

Мышкой засуетилась хозяйка, которой передалась радость симпатичного постояльца.

— Дмитрий Лександрыч,— тихо подкатилась Ивановна,— может, с холоду самогонки, а? Так я мигом сбегаю к шинкарке...

— Не-ет, дорогая,— отвечал так же тихо Павлов, посмеиваясь от собственного шепота,— мы не пьем.

— Как так? Мужики такие боевые, в самом соку, воюете — и не выпить...

— Нет, Ивановна, верно: не пьем! Если взялись новый мир строить, то от многих старых язв надо решительно избавляться. А вот чай нам завари покрепче, ладно?

Потом, убедившись, что хозяйка ушла к соседям, Павлов начал серьезный разговор: информируйте, как дела в Москве, как Ленин.

Сергей Кузнецов, новый военком 125-го полка, рассказал: иваново-вознесенцы с энтузиазмом откликнулись на призыв ЦК «Все на борьбу с Деникиным!». Как бывало на Каледина и Дутова, Колчака и Юденича, так нынче на Деникина и белоказаков посылал город добровольцев. В их группе более трехсот человек, почти все партийцы. На вокзале грандиозные проводы — десятки тысяч ткачей и ткачих, теплые слова прощаний и напутствий поскорее закончить войну победой над гидрой капитала и его кровавыми наймитами. В Москве пригласили в Дом Союзов. Выступал Владимир Ильич. Его верой в скорую победу мы до сих пор полны. Ехали долго и трудно, разруха на транспорте огромная. Лес сами резали для паровозной топки. Уже в пути узнали: за нами вслед отправилась еще группа коммунистов, двести человек. А в штабе армии нам сообщили: едете в 3-ю бригаду, на самый трудный участок, там уже Павлов, хоть и не жалуется, но ему тяжело, поможете возродить полки, шире развернуть агитацию в частях.

Правдиво рассказал военкомбриг о тяжелом положении полков: не хватает зимнего обмундирования, патронов достаточно, но снаряды в нужном количестве еще не подвезли — мешают снежные заносы. Дорогую цену платят герои-красноармейцы за каждый метр отвоеванной у противника территории. Он, Павлов, в политдонесении в дивизию резко ставит вопрос о причинах замедления темпов наступления.

Вновь прибывшие коммунисты переглянулись: они знали беспощадную правдивость Павлова. Он заметил их заминку.

— Нет, не стану сглаживать острые углы. В штабе дивизии тоже «подшлифуют»— и политотдел армии получит вовсе беззубый документ...

Позднее станет известно: прямота и резкость павловского донесения подействуют и в соединении примут действенные меры по обеспечению полков всем необходимым.

Павлов походил по избе, хлебнул остывшего чая и велел идти товарищам отдыхать: завтра бой.

Хоть и после бессонной ночи, но голова комиссара была ясной, тело легким, Дмитрий Александрович есть не стал, но заботливая Ивановна, привязавшаяся к нему, сунула постояльцу узелок с едой в карман шинели. Павлов на ходу полуобнял ее за костистые плечи, пожелал, чтоб оба сына вернулись живыми-здоровыми... Не желать же было старухе, чтоб ее «красный» сынок уцелел, а «белый» сгинул, нет, уж лучше пусть живой да одумавшийся придет к материнскому порогу...

Раньше пехоты тронулась конница — немногие в бригаде знали,

куда она идет. На бугре, когда-то бывшем сторожевым курганом, стала трехдюймовая батарея, четыре пушки. Роты растягивались в неглубокой лощине в три цепи. Ездовые метались вдоль них, торопливо раздавали патроны, гранаты. Впереди шел 124-й полк — там, где после «партийной недели» было больше, чем в других полках, коммунистов. На этом настоял Павлов.

Комбриг поднял и резко опустил руку — пошли. Ухнула батарея на кургане — с воем понеслись в беляков снаряды; десяток пулеметов с бугров дружно ударили по казачьим позициям на другом, высоком берегу Хопра. Красно-черные разрывы выросли на белом откосе перед казачьими окопами.

Правый берег отозвался выстрелами. Не очень дружными, правда. Красноармейская цепь спустилась на лед. Никто из командиров и комиссаров не доставал из кобур оружия — шли, подбадривая своим присутствием бойцов, позади настильным огнем, поверх голов, поливали пулеметы правобережный склон. Наши пушки, пристрелявшись, начали вести огонь на поражение. Из казачьих окопов кое-где стали выскакивать и бежать прочь согнутые фигурки в зеленых антантовских шинелях, рыжих овчинах, черных полушубках. Станичники не собирались помирать на хоперском рубеже за белое дело. В бригаде знали: среди пластунов много «дедов», взятых в Донскую армию насильно, моральный дух ее невысок. В конных частях матерые вояки, но их нахрапистой тактике у нас есть что противопоставить — части красных кавалеристов Думенко.

На том берегу среди неубранных подсолнухов, бурьяна комбриг положил в снег все три цепи. Издалека, не заглушенные воем поземки, донеслись крики и топот коней. Неприятель бросал в контратаку казаков — ударные сотни. Цепи лежали, и комиссар бригады пошел к бойцам:

— Товарищи, встретим конную лаву залповым огнем. По команде. А потом в штыки. Враг не выдерживает лихих красноармейских штыковых атак.

Карлсон, смелый рубака, тоже обратился к пехотинцам:

— Красные солдаты, помните старинную присказку — штыком коли, прикладом бей, от конницы закройся. Ни шагу назад, товарищи!

И молодые необстрелянные бойцы не чувствовали себя одиноко, не оглядывались.

— По противнику... прицел три... залпом — пли!

Казачья лава с воем, гиканьем приближалась в тучах снежной пыли. Пушки хлестали по сотням шрапнелью. Басовито вели смертные скороговорки пулеметы красных. Павлов, присев у бугорка, стрелял из маузера по быстро приближающейся большой лошади и орущему, машущему шашкой казаку, который явно нацелился в его, Павлова, сторону.

Павлов сбил казака с рыжего жеребца. Поредевшие конные группы, не доскакав, стали осаживать. Где-то далеко, в тылу казаков, нарастал более грозный гул. Это шла, беря беляков в кольцо, лава красных конников Думенко. Тех, что ушли в зимний рассвет раньше пехоты.

Павлов, подняв маузер, пошел к залегшим неподалеку бойцам. Это были молодые ребята. Несколько лиц было знакомо — товарищей приняли в РКП(б) на «партнеделе».

— За мной, друзья, вперед, на Вешенскую!

Оборона неприятеля на Хопре в эти дни рухнула, наши части перешли к преследованию отходивших к Дону белоказаков. У командования 9-й армии появилась возможность дать отдых героическим полкам 3-й бригады. Через несколько дней бригаду отвели на доформирование. Павлов сразу же созвал коммунистов бригады. Смогли присутствовать только представители партийных организаций полков. Кто-то был в карауле, кто-то в отъезде за амуницией, боеприпасами, третий организует баню, четвертый поехал в армию за наглядными пособиями для агитации...

Павлов побеседовал со станичниками, ушедшими с позиций. После проверки желающие из бедняков и середняков могут вступить в Красную Армию. Слушали комиссара жадно, посыпались вопросы. «А завтра напрут опять белые генералы да наши атаманы и повесют нас — тогда как?»—«Когда повесят — никак! — под хохот ответил Павлов.— Но только не вернутся, да и вы не поддадитесь, ученые. А белые господа в погонах бегают от наших ивановских ткачей да сормовских металлистов не хуже зайцев, сами видели. Вчера, восьмого декабря, наши войска повсеместно вышли к реке Дон от Россоши до Усть-Медведицкой. Трещит деникинский фронт, драпают белые генералы, бросили вас одних сражаться с Красной Армией».— «А ты из каких будешь?» — спросил задорный голос из-за спин пленных станичников. «А я,— ответил комиссар Павлов,— сормовский столяр, забастовщик, казацких плетей в пятом году отведал, на баррикадах дрался с полицией и казаками, вот из каких».— «Ну, кто старое помянет...»— примирительно произнес из-за спин тот же голос, и комиссар улыбнулся спокойно. «Потому и зовем добровольцев, не запятнавших себя народной кровью, в свою армию. Кому из вас надо искупить свои грехи, кому послужить честно правому делу». Нашлось немало желающих, кажется, дошли до всех слова сормовича...

Первый вопрос партийного собрания — об организации ячеек. И опять передовым выступает 124-й полк, где секретарем Юрий Гончаров. «Партийную неделю» по примеру этой части постановили готовить еще в одном из полков.

Вопрос о борьбе с эпидемиями, выступает Павлов: в бригаду прибыл дезинфекционный отряд, развернута баня в станице Павлов-

ской. Острая нехватка мыла (на 8 человек по норме выдается один фунт) вынудила предпринять шаги по мыловарению: есть специалисты, сало имеется, посланы коммунисты по хуторам с ответственным заданием — достать соды во что бы то ни стало...

Главный вопрос повестки дня: «Политическая работа среди населения». По докладу комиссара бригады принимается подготовленная им резолюция: «Помогать крестьянам словом и делом. Устраивать совместные митинги, разъяснять задачи Советской власти, понятно объясняя, почему мы берем сейчас у крестьян хлеб, скот и прочее. Устраивать субботники, в которых силами бойцов бригады помогать крестьянам в их работе — обмолачивать хлеб и т. д. Помогать местным организациям Советской власти в налаживании работы исполкомов и других учреждений, как-то: школ, ячеек, изб-читален и т. п. И в общем доказывать казакам всеми силами и способами, что Красная Армия не есть завоевательница и грабительница, как ее называют наши враги, а есть помощница и защитница рабоче-крестьянского народа!»

— Товарищи коммунисты,— обратился к собравшимся командир бригады,— есть у меня такое предложение, я его набросал на листочке, комиссар подредактирует, если примете. «Всеми имеющимися средствами, пользуясь каким угодно временем и местом, стараться как можно больше проводить митингов, танцевальных вечеров и тому подобное среди массы красноармейцев и местных жителей. Пусть учатся, радуются, веселятся и видят, что несет им Красная Армия, защитница Советской власти».

Да, подчеркивает Павлов в итоге собрания: работа среди населения — важнее важного. За предложение комбрига проголосовали единогласно. Потом все встали, и взволнованный тенорок самого молодого из всех — Юры Гончарова начал торжественно:

Вставай, проклятьем заклейменный...

Кратким был отдых, в середине декабря бригада уже шла маршем на юг, преследуя отходящего противника. 19 декабря после мощного артобстрела вражеских позиций на южном берегу Дона (если при форсировании Хопра части поддерживала лишь одна батарея, с ограниченным количеством снарядов, то теперь — не менее дивизиона!) полки по льду перешли реку и с ходу ворвались в станицу Мигулинскую. С взятием правофланговыми дивизиями армии станций Миллерово и Лихая фронт получил магистральный выход к Донбассу. На летучем партийном собрании комиссар 3-й бригады Павлов, дополняя доклад комбрига о боевой обстановке на юге Донской области, рассказывает о громадном значении отвоевания донецкого угля у врага. Новый, 1920 год встретили в наступательных

боях. Комиссар бригады будто из сверхпрочного материала создан. Потемнела, задубела кожа на лице и на руках от новогодних морозов, от сырых ледяных низовых ветров, подувших в январе и вызвавших оттепель и подъем воды в реках. Сутками на ногах, мокрая днем шинель ночью покрывается ледяной коркой, становится как панцирь и перестает греть. Есть толком некогда, горячую пищу не всегда удается подвезти воюющим ротам и полкам. Много больных и обмороженных, особенно свирепствует гибельный сыпняк. Он косит бойцов и командиров не хуже деникинских и белоказачьих пулеметов. Страшную дань собирает болезнь и по 9-й армии: один за другим заболевают и умирают командующий Артур Степинь (имя его присвоят славной 14-й, которой он в свое время командовал), член Реввоенсовета армии Николай Анисимов, военком дивизии Василий Степанов, боевой друг Павлова командир 124-го полка Яков Кессельман...

И все же наступление идет, давит неудержимо, как туго натянутая стальная пружина. Ходят в атаки и отбивают вражьи контратаки под руководством командиров и комиссаров бойцы 3-й бригады. В начале января освобождены Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Вот уже читает Павлов бойцам московские сообщения: Ленин сказал, что наступил в гражданской перелом, что положение Республики «изменилось самым радикальным образом»; Верховный совет битой Антанты под впечатлением разгрома Деникина принял решение о снятии экономической блокады со страны. Донская армия частью катилась за Дон, к черноморским портам, частью сдавалась либо рассеивалась.

В последних числах января Павлов проводил в полках бригады и среди казачьего населения низовьев Северского Донца митинги и собрания. Отмечались пятнадцатилетие вооруженных восстаний на Красной Пресне и в Красном Сормове, а также годовщина гибели от рук контрреволюционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Работал Павлов на пределе сил — иначе и не мог. Мечтал отоспаться, прогреться, обсушиться, поесть горячего. Все откладывал «на завтра»— а «завтра» являлось во множестве срочных дел, неотложных забот, боевых тревог. Всю гражданскую — с первых ее выстрелов — Дмитрий Павлов работал с полной душевной, нервной, физической отдачей, с полным самоотречением. Скорее всего, если б организм не был надорван этим чудовищным двухлетним сверхнапряжением, беды бы не произошло.

...На митинг в большом казачьем хуторе Нижне-Журавский собралось множество бойцов и, что особенно радовало комиссара, местных жителей. Выступал Павлов. Говорил простые и проникающие в душу неказенные слова о том, что законной победой, изгнанием с Дона эксплуататоров трудового народа заканчивается борьба против Деникина, что более никогда белогвардейцы тут не смогут хозяйни-

чать, что пора пахарю думать о том, чтобы бросить зерно в мирную землю, которую до сих пор разрывали окопами...

Комиссару оглушительно, от души аплодировали бойцы и хуторяне: все истосковались по мирному труду, по семьям, по тишине...

Приходит в хату Дмитрий Александрович, а тошнота подступает, а горло сводит, а голову разламывает... Вспоминает, что еще вчера были озноб и головокружение, которые преодолел усилием воли, говоря себе, что не сможет идти на митинг, не подготовивши выступления.

Захворал — это ему ясно. В детстве мама лечила малиновым вареньем, а взрослого — жена чаем с медом. Сейчас ничего, кроме чая из сушеных вишневых листьев, нет, но чай не помогает. Наутро Павлов с трудом встает, но сил идти нет, его укладывают в повозку. Он пытается беседовать с товарищами, отдавать какие-то распоряжения. Считает, что как комиссар не имеет права расклеиваться, поддаваться простуде и хворобу должен одолевать по-боевому, агитационно.

Комиссар не знает, что у него не простуда, не инфлюэнца, у него бич войны — сыпняк. Дмитрий Александрович то теряет сознание, то приходит в себя, чудовищными усилиями воли гонит забытье, борется с болезнью, которую надеялся одолеть до последних своих минут...

В конце весны того же 1920 года в квартиру № 4 по Сердобольской, 35, постучал почтальон, Мария Георгиевна открыла — и все поняла: почерк чужой, стало, как никогда, одиноко и страшно.

Кроме письма была еще тонюсенькая книжка. Этот томик сочинений Максима Горького с дарственной надписью Дмитрий Александрович свято берег, читал бойцам. «Комиссара Павлова не забудут в части,— писал незнакомый комиссар.— Партийный билет сдан в политотдел. Умирая, товарищ Павлов очень беспокоился о детях, Славике и Валюше, о вас, Мария Георгиевна. И еще все выспрашивал: форсировали наши Дон, накормлены ли бойцы?.. Обо всех болело его большое сердце». В конце подписался тот, кто послал письмо: политрук Юрий Гончаров, секретарь комячейки Энского полка.

Это была смена тем, кто пал на боевых постах.

* * *

М. Горький, очерк «Митя Павлов».

«Где-то в Ельце умер от тифа Митя Павлов, земляк мой, рабочий из Сормова.

В 905 году, во дни Московского восстания, он привез из Петер-

бурга большую коробку капсюлей гремучей ртути и пятнадцать аршин бикфордова шнура, обмотав его вокруг груди... войдя в комнату ко мне, Митя свалился на пол, лицо его посинело, глаза выкатились, как это бывает у людей, умирающих от асфикции.

— Вы с ума сошли, Митя? Ведь вы могли дорогой упасть в обморок — понимаете, что тогда было бы с вами?

Задыхаясь, он ответил виновато:

— Пропал бы шнур и капсюли тоже...

О себе же, о той опасности, которую он только что чудом избежал,— ни слова».

Таким Павлов был всю свою жизнь: одержимым, надежным бойцом партии.

Владимир
ИВАНОВ

ПЕРВЫЙ В СТРОЮ КОНАРМЕЙЦЕВ

Осень 1919 года. Конный корпус генерала Мамонтова, прорвав фронт красных войск, врывается в Тамбов, Козлов, Елец. Путь деникинцев усеян виселицами, трупами расстрелянных. Они занимают Курск и Орел, угрожают арсеналу революции — рабочей Туле. Возникла прямая угроза Москве. Никогда враг не подходил так близко к сердцу Советской России.

По призыву партии «Все на борьбу с Деникиным!» молодая Советская Республика готовится дать решительный бой врагу. 16 сентября 1919 года В. И. Ленин требует: «Надо лучших, *энергичнейших* комиссаров послать на юг, а не «сонных тетерь». Массам белогвардейской конницы следовало противопоставить красноармейские кавалерийские части. Тот, кто был способен маневрировать, тот выигрывал. И партия бросает клич: «Пролетарий, на коня».

Вот тогда-то из рабочих Москвы, Петрограда, Тулы формируется 11-я кавалерийская дивизия. Бойцов в нее отбирали особенно тщательно. Командиры почти все из красногвардейцев, коммунисты. Пришли в дивизию и много бойцов-интернационалистов, бывших военнопленных разных национальностей, вставших на защиту молодой Советской Республики. Военным комиссаром дивизии был назначен 26-летний латыш Константин Иванович Озолин (Озолинь), только что выписавшийся из госпиталя после ранения, уже имевший боевую закалку и опыт партийной и организаторской работы в войсках. Без таких, как он, не было бы Красной Армии. Они стали в ней носителями духа партии, ее дисциплины, твердости и мужества.

...Весной 1918 года Озолин командует Тамбовским коммунистическим отрядом особого назначения по борьбе с белоказаками, участвует в подавлении контрреволюционного мятежа. В. И. Ленин говорил: «...в Тамбове недавно победила контрреволюция на несколько часов; она даже выпустила меньшевистский и правоэсеровский номер газеты, которая звала к Учредительному собранию, к свержению Советской власти и говорила, как прочна победа новой власти, до тех пор, пока не пришли из уезда красноармейцы и крестьяне и в один день не согнали эту новую, «прочную», будто бы опирающуюся на Учредительное собрание власть».

...И вот уже отряд Озолина двигается к Донской области. В отряде стрелковая рота, пулеметная команда, артиллерийская батарея, взвод броневиков. Не теряя времени, Озолин учит бойцов взаимодействию родов войск. И, как показали первые бои отряда с белоказаками, небезуспешно.

Однажды Озолина вызвал командующий 9-й армии А. И. Егоров:

— Мы решили сформировать кавалерийскую бригаду. У противника много конницы. Даже выиграв бой, красноармейские стрелковые части упускают возможность преследовать противника. Необходимо противопоставить ему нашу красную кавалерию. Формирование бригады поручаем вам, товарищ Озолин.

— Справлюсь ли, товарищ командующий? Бригада ведь! А кто я?

— Как кто? — удивился Егоров.— Вы фронтовик, большевик. Человек, я вижу, энергичный. Военное дело знаете. Артиллерийским дивизионом командовали, организовали боеспособный отряд. Сформируете и бригаду. Опыта у вас хватит.

И вскоре 2-я отдельная кавбригада военного комиссара Озолина приняла боевое крещение. А в марте 1919 года, громя остатки Донской армии, она одной из первых вышла к реке Северский Донец.

Тогда Дон был завоеван ненадолго. Сдерживая натиск деникинцев, армии Южного фронта отходили. В одной из контратак комиссар 2-й кавбригады был ранен. Месяц пришлось пролежать в госпитале.

Приступив к обязанностям комиссара дивизии, он с радостью узнал, что в ее составе и его детище — 2-я отдельная кавбригада, в которой было столько боевых друзей.

И вот первый бой новой дивизии. Осень по-зимнему лютая. Промозглый холод забирался под шинели. Переходы совершали то рысью, то пешим порядком, чтобы согреться от леденящей стужи. Неумело смазанное оружие отказывало.

К вечеру 12 ноября поля и дороги заледенели, разбушевалась метель. Командир 1-го Конного корпуса Семен Михайлович Буденный решил, воспользовавшись ненастьем, начать наступление на Касторную 15 ноября. Здесь сгруппировались белоказачьи конные корпуса под командой Шкуро и Мамонтова, Терская, Кавказская, Марковская пехотные дивизии, бронепоезда, танки, броневики.

Для связи и координации действий в войска выехали работники штаба и политотдела корпуса. В 11-ю кавалерийскую был направлен начальник разведки корпуса Иван Тюленев, высокий, стройный красавец, в германскую войну, как и Буденный, драгун, вахмистр. В кромешной тьме он с трудом нашел штаб дивизии. Представился начдиву Матузенко, познакомился с военкомом Озолиным, комбрига-

ми Месхи, Подмозко, Патоличевым. Тюленев зачитал боевой приказ.

— Погода пусть вас не смущает. Семен Михайлович на нее и рассчитывает. В такую коловерть белые нас не ждут...

Озолин пригласил Тюленева отдохнуть. При свете лампы Иван Владимирович разглядел его бровастое, еще не утратившее юношеского пушка лицо. Серьезный, постоянно задумчивый, лишний раз не улыбнется. Слышал, что бойцы тянутся к нему за словом, редким, а потому, наверное, и ценным. Хорошая улыбка, ровные, белые зубы. Только бы и улыбаться. В бою же преображается, с яростью кидается в рубку. Приходилось его сдерживать, чтобы не окружили в бою чужие клинки.

Улеглись на сене, раскинутом ординарцами. Но сон не шел, Иван Владимирович ворочался.

— О чем думаешь, товарищ Тюленев? — послышался в темноте голос Озолина.

— Волнуюсь, как завтра поведет себя дивизия.

— Ну и зря! Дивизия наша надежная, крепкая... Перед выступлением провели беседы во всех комячейках, в полках — митинги. Командиры бригад, полков, эскадронов у нас крепкие, настоящие вожаки. В бою покажут пример. Возьмите Патоличева, Подмозко, Месхи... Все из народа и рубаки. Еще на германской георгиевские кресты за храбрость заслужили, а рядовых солдат и унтер-офицеров этим не так-то баловали. А какие рядом коммунисты-политработники! И военспецы в бригадах и полках все кадровые кавалеристы, пороху понюхали достаточно. Да и конники на подбор — питерцы, москвичи, туляки! Так что не сомневайтесь. Одиннадцатая не подведет, не посрамит боевой славы и чести буденовцев. Вот увидите!..

— А метель, непогода? Мороз-то какой!..

— Нет! Для нас мороз не помеха! Обмундированы хорошо. Вот смотрите,— он протянул свой теплый шлем.— Настоящий, буденновский, как мы теперь его называем...

А утром первая атака 11-й кавалерийской. Противник окопался на берегу небольшой речки Олым, впадающей в Сосну — приток Дона. Спешившиеся кавалеристы двигались цепями. Впереди в расстегнутых островерхих шлемах комбриг Месхи и Озолин. Когда цепи стали просматриваться в утренней мгле, с правого берега забухали пушки деникинцев. Снежная пелена мешала им вести прицельный огонь.

Вот и берег. Но Олым уже затянуло льдом! Первый боец, вступивший на его заснеженную поверхность, провалился. Вскрикнув от неожиданности, кинулся назад.

— Чего испугался? Или плаваешь как топор? — подбежал к нему Озолин. И повернувшись ко всем, крикнул: — Искупаемся в ледяной купели! Вперед! — И двинулся вброд, ломая тонкий лед.

Выйдя на берег противника, спешенные кавалеристы кинулись в атаку. Над Олымом прокатилось красноармейское «Ура!». Белые стали отходить.

Подоспели коноводы, переправившие лошадей. Конармейцы, не обращая внимания на то, что одежда превратилась в ледяной панцирь, бросились преследовать врага. Впереди, припав к луке седла, летел Константин Иванович...

Победа под Касторной была полной. Только 11-я захватила полторы тысячи пленных. Фронт противника был рассечен. Началось массовое отступление белогвардейских войск. Но для военкомдива это было лишь началом работы по становлению дивизии. Командирам и комиссарам частей, коммунистам и секретарям комячеек он говорил: «Нельзя воевать, не овладевая сознанием бойцов». Учил их использовать каждый победный бой, силу положительного примера, поднимать авторитет своих героев, вовремя выявлять зачатки партизанщины и мародерства и безжалостно с ними бороться.

По мере продвижения вперед политические работники дивизии организовывали на освобожденной территории ревкомы, фабрично-заводские и рудничные комитеты. Они были настоящими представителями Советской власти на местах. Их душой был Озолин. В походе и на привале он помогал комиссарам бригад, полков и эскадронов направлять деятельность комячеек, учил их:

— Учитывайте особенности политработы в коннице. Это не пехота. Мы все время в движении. Полки и даже эскадроны зачастую действуют и выполняют боевые задачи в отрыве от главных сил. Поэтому нужно работать с группой в пять—десять человек конников. А еще лучше — индивидуальная беседа с бойцом. Да, основа политработы — беседа. Это лучше, надежнее, чем бесконечные митинги. Не забывайте на переходах о помощи семьям красноармейцев. Ваше главное оружие — большевистское слово и личный пример, боевой опыт и командирские навыки. Ваша опора — комячейки.

Константин Иванович всегда был в гуще бойцов. И они тянулись к нему. Не оставлял без внимания приунывшего кавалериста, ободрял, умел помочь не только самим бойцам, но и их семьям. Посылал письма в органы Советской власти на местах, а в нужде добивался выдачи для них денег в финотделе Конармии.

Умел и расшевелить, развеять грусть по дому. Часто вместе со всеми пел. Любил комиссар и побороться. Под возгласы одобрения клал на лопатки эскадронных силачей, затем выпрямлялся во весь рост и, поправив островерхий шлем, бросал шутливо побежденному:

— Плохо на кашу нажимал!

Бойцы покатывались со смеху.

Принцип комиссара был — возле бойца и для бойца. Никогда не забывал проверить, накормлены ли люди и кони перед боем, есть ли в полках патроны и гранаты. Проверял, что варится в походных кух-

нях, снимал пробу. Часто она сходила ему за обед. В этом случае строго предупреждал повара:

— Делай, как всем! — и следил, чтобы действительно было «как всем».

Под стать себе старался подбирать комиссаров полков и эскадронов. Каждый из них был у него на виду. С особым удовольствием комиссар Озолин подписал ходатайство о награждении орденом Красного Знамени первого политработника дивизии — военкома 1-й бригады Харитонова, который в бою 18 декабря 1919 года за Сватово «увлек за собой небольшой отряд и врезался в середину отряда противника, нанеся ему большой ущерб».

Часто военкомдив говорил, что политработник не «главноуговаривающий», а «главнопоказывающий», как нужно служить Родине, партии, народу.

— Политработник — это в первую очередь лучший боец в бою, самый выносливый и терпеливый в походной жизни, самый честный и справедливый в быту.

И первым «главнопоказывающим» в дивизии был сам комиссар. Но не только шашка, маузер и карабин были его оружием. Он всегда напоминал командирам, что среди солдат противника много обманутых, мобилизованных насильно. Как-то после боя Озолин увидел в штабе полка продрогших, исхлестанных метелью пленных. После допроса щупленький подпоручик спросил:

— Нам вырежут на теле погоны и лампасы?

— Значит, даже и вас, офицера, одурачили? — развел руками комиссар полка.

— Не совсем. Ведь мы добровольно сдались.

— Правильно сделали,— заметил Озолин,— с пленными Красная Армия не воюет.— И позвонил начальнику политотдела Хрулеву: — Здравствуйте, Андрей Васильевич! Сейчас группу военнопленных видел. По всему видно: у противника на нашем участке много неустойчивых. Попробуй связаться с редакцией «Красного кавалериста», пусть напишут и распространят среди белых листовку против клеветы на конармейцев.

Листовку написал сам редактор, журналист-большевик Владимир Зданевич. Она была короткой, но страстной: *«На сторону конармейцев добровольно перешло 35 белых солдат и девять офицеров (перечислялись их фамилии и чины). Все они живы и здоровы. Следуйте их примеру! Не верьте клевете, будто красные вырезают на теле пленных и перебежчиков погоны и лампасы. Гнусная клевета нужна деникинским генералам для того, чтобы заставить вас, обманутых солдат и казаков, отчаянно сражаться против Советской власти, за власть богачей. Переходите на сторону 1-й Конной!»*

Утром листовки с самолета разбросали над позициями белых. Вскоре наблюдатели сообщили: в стане белых какая-то суматоха,

солдаты собираются группами, офицеры разгоняют их, мечутся взад и вперед. Все прояснила атака буденовцев. Навстречу им двинулись деникинские солдаты и несколько офицеров. Нанизав листовки на штыки, они сдались в плен. Всего 731 человек!..

Комиссар поблагодарил Зданевича:

— Помогла ведь листовка, товарищ редактор! Подумать только, целый полк противника обезвредила. Скольким красноармейцам она жизнь спасла!

— Рад, товарищ Озолин! Вашу мысль подтверждают слова вашего воспитанника, поэта 11-й:

Ты уж, пуля, не посетуй,
Не всегда одной тобой,—
Зачастую и газетой
На фронтах решался бой...

— Хорошо сказано,— воскликнул Озолин.— Наше оружие не только революционная сабля, но и революционное слово!

И все чаще корреспонденции бойцов дивизии стали появляться на страницах армейской газеты «Красный кавалерист». Она стала буквально не для красноармейцев, а красноармейской. В № 55 был опубликован короткий рассказ о геройски погибших в бою:

«29 января 1920 года под хутором Троциков во время контратаки на противника убиты комиссар 1-го эскадрона Тимошин Павел и командир 2-го эскадрона 62-го кавполка Клыков Дмитрий. Оба — члены РКП (б). С глубокой верой в победу труда над капиталом они оставили свои станки на заводе в Москве и пошли в РККА с оружием в руках защищать революцию. Они пали, идя впереди вверенных им эскадронов. Память о них не изгладится в наших сердцах».

Этот день чуть не стал роковым и для комиссара Озолина. Конец января 1920-го... 1-я Конная без поддержки общевойсковых соединений вела бои на Маныче. Завывание метели, звуки кавалерийской сечи, орудийные выстрелы, разрывы снарядов — все слилось в протяжный, неповторимый гул боя.

В один из моментов начдив смело повел полки 2-й бригады в контратаку против конницы деникинцев.

— Резерв, резерв оставь! — крикнул в догонку комиссар. Но начдив лишь махнул рукой.

Буденовцы стали теснить врага. Но деникинцы, немного отступив в центре, двинули крупные силы в обход слева. И вскоре фланг дивизии начал пятиться. Нужно было спасать положение. В скоротечном кавалерийском бою счет идет на минуты и секунды. Увидев штабной эскадрон, военкомдив подлетел к нему, выхватил шашку из ножен и скомандовал:

— По коням! За мной, марш-марш!

Эскадрон понесся на противника, развернулся в лаву и врезался в обходящую группу белоказаков. Скрестились шашки.

Рубится эскадрон и с каждой минутой тает. Впереди, на голову выше всех,— комиссар, богатырской силы человек, на широкогрудом коне. Его сабельный удар неотразим... Не оглядываясь, он пробивается вперед и отчаянно рубит налетающих на него белых.

А пурга ошалело мечет снег в лицо, ее колючие иглы слепят глаза. В снежной сумятице комиссар не заметил, как основные силы контратакующих отошли за Маныч, а белоказаки — на свои исходные позиции. Не видя перед собой врага, комиссар придержал коня: не слышно ни стрельбы, ни сабельных ударов. Гул доносился смутно. Пурга затихала. Бой скатился во впадину. Бродят оседланные лошади без всадников. Вокруг ни души. Лишь ординарец Алеша рядом да степь под белым саваном. Комиссар и ординарец молча вложили шашки в ножны, повернули тяжело дышащих коней и шагом двинулись к своим.

И вдруг из небольшой лощинки — свежая вражья сотня. Рванулись от нее в сторону. Белоказаки в погоню. Прозвучали выстрелы, Алеша остался лежать на снегу. Еще мгновение — споткнулся и верный друг конь, тяжело осел в снег.

Над головой комиссара захрапели кони, скрестились шашки. Но, заглушая матерные хрипы, казачий есаул со шрамом на щеке прорычал: «Брать живым!»

Высвобождая ногу из стремени, не целясь, Озолин выбил одного беляка из седла. Другой, в синей черкеске, высвободившись из бурки, прыгнул с коня и обхватил комиссара за горло. Пуля из маузера в упор разжала его руки. Оттолкнув убитого, комиссар метнулся к его лошади, но казаки чуть не схватили его. Он отскочил.

«Живым не возьмете!»— и вставил дуло пистолета в рот. Нажал на спуск — выстрела не последовало! Отшвырнув маузер, выхватил шашку. Но здоровенный казачина дотянулся до комиссара: проткнул шлем пикой, скользящий удар ожег голову комиссара. Но он изловчился и ударил врага клинком. В тот же миг и сам почувствовал тяжелый удар в голову. Теряя сознание, рухнул в снег.

Набросились беляки на комиссара, стягивая шинель, гимнастерку, сапоги...

Отошедшие к вечеру буденовцы закрепились на правом берегу Маныча. Недосчитались многих. Оставшиеся в живых бойцы штабного эскадрона утверждали, что видели, как Озолин героически бился с казаками. Но затем пурга скрыла от них все.

Ночью в штабе дивизии был подписан приказ, из которого бойцы узнали, что комиссар «отстреливался до последнего патрона, но был окружен, зарублен или взят в плен...».

А в начале февраля 1920 года Реввоенсовет 1-й Конной подвел

итоги боев на Маныче. Армия понесла большие потери, так как не были прикрыты пехотными частями фланги и не закреплялись достигнутые рубежи. Обсуждался вопрос изменения направления главного удара. В Ростове, в зале «Палас-отеля», в котором размещался штаарм, собрались командиры.

Заключая разбор операции, командарм Буденный напомнил:

— Под Малой Западенкой на Одиннадцатую навалились большие силы белоказаков. И в том, что все их атаки оказались отбитыми, большая заслуга комиссара Озолина. Представляю его в бою. Всегда там, где горячее, нужнее. И работал саблей так, как только он мог работать... Он был и товарищ добрый, и в седле сидел... Не думал о смерти. Знал свое место, место комиссара, умного и душевного к бойцу.

И добавил, коснувшись документа на столе:

— Тут в донесении Матузенко и Тюленева написано, что Озолин, возможно, попал в плен. Не верю, не допускаю такой мысли. Жаль Озолина. Бойцы верили ему, шли за ним, он мог поднять и повести в бой даже мертвых. Придется объявить о его героической гибели.

— Да,— согласился Ворошилов.— Озолин настоящий боевой комиссар, достойно направлял политработу в дивизии. И пал смертью храбрых, как большевик...

А 7 февраля 1920 года в полки поступил приказ № 40:

«...В бою с белогвардейскими бандами 29 января сего года... пал смертью храбрых испытанный сын Революции военком 11-й кавалерийской дивизии тов. Озолин, который, будучи преследуем целой оравой белых, отстреливаясь и расстреляв все свои патроны, был зверски изрублен».

Через несколько дней газета буденовцев «Красный кавалерист» поместила некролог, в котором говорилось: *«Убит товарищ Озолин в момент, когда приближается конец войны, когда можно будет начать ту жизнь, за которую боремся мы все и за которую умер наш дорогой товарищ, умер тогда, когда каждый партийный работник является для нас ценностью. Дивизия потеряла в нем лучшего солдата...»*

В тот же день 1-я Конная начала стремительный маневр в направлении Тихорецкой с целью нанести удар в стык Донской и Кубанской армий Деникина. Задача была выполнена. Кавказский фронт врага покатился к Черному морю. Дни деникинщины были сочтены.

Среди трофеев, захваченных у противника в Белой Глине, оказались три бронепоезда. Один из них в честь героя-комиссара назвали «Памяти Озолина». Казалось, остановились звездные часы Константина Ивановича — бои и походы, участие в легендарном пути 1-й Конной, их не дано пережить дважды...

Но вдруг в штабе армии, стоявшем в Ростове-на-Дону, появился худой и бледный высокий человек, назвавшийся Озолином. Командиры штаба, работники политотдела не сразу поверили, что перед ними комиссар 11-й кавдивизии. Так сильно, почти до неузнаваемости изменился он.

Комиссар Озолин жив! Воскрес из мертвых!..

Весть разнеслась по полкам, бойцы ликовали. Бронепоезд «Памяти Озолина» переименовали на «Бронепоезд № 74 имени Озолина». И все радовались возвращению комиссара. Константин Иванович не любил говорить о себе. Но об обстоятельствах чудесного спасения рассказывал и в полевом штабе армии, и в родной дивизии.

...Очнулся он от нестерпимого холода, открыл глаза. Невдалеке на бугре увидел хутор. Пошевелил пальцами рук, ног — действуют. Значит, жив!

Голова раскалывалась от боли. Пощупал — в волосах запеклась кровь. Попытался встать, но не смог.

Враги оставили его в нижнем белье. Пополз к хуторку, полз упорно, пока не натолкнулся на тело верного ординарца.

— Ну, брат, придется тебе выручать меня еще раз! — снял с бойца шлем и натянул себе на голову. Потом стянул брезентовый плащ, накрылся им. Наконец, превозмогая слабость, с усилием приподнялся и, бороздя глубокий снег босыми ногами, побрел к приземистой избе на краю хутора. Но тут из-за пригорка показался верховой. Увидев человека со звездой на шлеме, заорал:

— А, буденовец, большевик!

Спрыгнув с седла, он вскинул карабин и выстрелил. Однако промахнулся. Передернув затвор, снова нажал на спусковой крючок... Но выстрела не последовало. Осечка или кончились патроны в магазине?!

Опасность придала комиссару силы. Рванувшись к белоказаку, он вырвал у него карабин и прикладом хватил по голове так, что тот замертво рухнул на землю. Комиссар отшвырнул карабин и, еле переставляя ноги, пошел к избе. Даже не сообразил, что следовало воспользоваться одеждой и оружием беляка, взять лошадь.

До избы, казалось, было рукой подать, когда силы оставили комиссара. Он снова упал в снег. Все тело трясло, зубы выстукивали дробь, но он успокаивал себя: «Ничего... еще не все потеряно. Передохну и доберусь до избы. Только бы не потерять сознание».

Хутор совсем посерел в сумерках, когда из избы выбежал мальчуган. Комиссар пытался крикнуть ему, однако голос перестал повиноваться ему... Сумел лишь вяло помахать рукой, но мальчик не увидел и продолжал возиться у сарая.

«Неужели уйдет, не видит меня? А тут стемнеет, и тогда...» Но мальчонке словно передалась тревога раненого, он поднял голову

и заметил его. С опаской подошел, увидел шлем со звездой, осмелел и спросил:

— Ты, дяденька, красный? — И нагнулся, всматриваясь черными глазами в Константина Ивановича.

— Позови мать! — прошептал комиссар.— Как зовут тебя?

— Мишкой.

— Так вот, Миша, позови мать,— повторил Озолин.— Да поскорей.

Тот стремглав бросился в избу. И скоро вернулся, но не с матерью, а с маленьким седобородым старичком. Вместе с Мишей он потащил комиссара в избу. Там снял с него красноармейский шлем и бросил в печь, предупредив:

— В хуторе белые...

Затем старик принес чистый мешок, осторожно промыл рану и обмотал ее мешковиной. Как будто стало легче. Понимая, что в любой момент в избе могут появиться белые, комиссар собрал силы, поблагодарил Мишу и деда и открыл дверь... Но тут силы снова покинули Озолина, и он рухнул на порог. Снова старик с Мишей втащили его в избу.

— Ну куда тебе, сынок, идти такому? Отлежись-ка лучше, спрячем тебя, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

Двое суток длился горячечный бред комиссара. На третий день он пришел в себя, но слабость не проходила. За окном брезжил рассвет. Дед хлопотал у печи и рассказывал о своих сыновьях — красноармейцах. А комиссар думал, как бы узнать о положении на фронте.

Вдруг в избу с шумом ввалилось трое белоказаков, по одежде — кубанцы. Увидев Озолина, вытащили его из укрытия. Строго спросили хозяина:

— Кто будет?

— Пораненный я, обозник, мобилизованный из Витебска,— поспешил ответить комиссар, чтобы отвести опасность от старика.

Старший из казаков — урядник нагнулся к Константину Ивановичу и сорвал с его головы повязку. Увидев рану, поморщился и зло сплюнул:

— Попадается все дрянь обозная! Нет, чтобы комиссар или красный командир. Вот устроили бы потеху!

Ему поддакнул другой казак:

— Верно, все мелкота попадается. В расход, что ли, его пустить?..

— Не тронь,— пробасил третий кубанец.— Нехай сам умирает, по-христиански! А нам чего с него взять?.. Да и разберись попробуй, кто прав, кто виноват?! Кто за «единую неделимую», кто за «Черноморскую республику», а кто и вечных врагов — германцев тащит! А мы, как и он,— кивнул казак на Озолина,— кровушку проливай.

За что? За кого? Мало, что ли, нашего брата полегло? Вон сколько могил в степи бурьяном поросло!

Константин Иванович, не пропустивший из разговора ни одного слова, подумал: «Да, казачки! Настроение у вас не боевое! Чуете, что воевать вам не за что!»

Озлобление казаков как будто улеглось. Они приготовили себе пищу, поели... А когда уходили, тот, что заступился за комиссара, вынул из седельной сумы рваную рубаху и, бросив ее старику, сказал:

— Замотай парню голову, а то, видишь, кровь пошла...

Так и лежал комиссар, но улучшения не было. Тогда, с кем-то договорившись, на повозке под видом белого раненого солдата старик переправил Озолина в лазарет.

«Красный комиссар, из Первой Конной — и в белогвардейском лазарете! Трудно даже представить и поверить!» — подумал Константин Иванович. Но лазарет, расположенный в местной школе, оказался рассадником заразы. Прямо на полу вперемешку с мертвыми лежали тяжелораненые и тифозные, брошенные без пищи и медицинской помощи.

Рядом с Озолином оказался труп мамонтовца. В его волосах, щетине, одежде кишели вши. Невольно подумалось: «Если в степи шашка и карабин, мороз не взяли, то здесь эта гадость доконает. Надо выбираться, а то пропадешь!» Брезгливо снял с мамонтовца одежду, вынул документы. И вовремя.

В лазарет пришли местные жители. Вытащили из школы мертвецов, а для живых сварили похлебку. Появился и дед, у которого скрывался Озолин. Комиссар отдал ему одежду мамонтовца:

— Прожарь в печке, пожалуйста, и постирай. Мне подойдет...

Через три дня комиссару стало плохо. Залихорадило. Наступал тиф. Больной метался в бреду, вскакивал, а в минуты просветления озирался вокруг и с головой укрывался рядном...

Когда пришел в себя, оказалось прошло восемь суток. Рядом сидел дед и печально смотрел на Константина Ивановича. Жизнь едва теплилась в комиссаре. И все же он улыбнулся:

— Мы еще повоюем, дедуся!

Дед повеселел. Привел в школу местного лекаря, тот остриг Озолина, перевязал. Потом принес обмундирование мамонтовца, помог больному переодеться. Помогал ему и Миша: кормил, подавал напиться. Глядя на это, комиссар чувствовал, что на глаза у него навертываются слезы.

Наконец пришел день, когда комиссар почувствовал: пора действовать. Сказал старику: «Хочу бежать. Раздобудь коня...» Тот ушел, ничего не пообещав. А на другой день принес зипун и огорченно поведал:

— Лошадей нет, сынок, всех беляки позабирали. Если тебе под

силу, уходи пешим. Лучше — перед рассветом. Уходи, а то «деники» дюже лютуют. Почуяли, что приходит им конец...

Константин Иванович послушался, другого выхода не было. Незадолго перед рассветом он выбрался из лазарета, надел папаху мамонтовца и направился к Манычу. Провожал его Миша. Оба прислушивались к ночным шорохам, вглядывались в темноту. На берегу простились: комиссар прижал к себе ставшего родным мальчика, поцеловал его и пошел через реку. Миша махал вслед облезлой кубанкой.

Уже рассвело, когда Озолин вышел к станции, занятой красными. Но тут его, в одежде мамонтовца, чуть не расстреляли.

— Да свой я, красный! — убеждал он красноармейцев.— Проверить можно. Конная где-то рядом. Позовите вашего комиссара.

И тут Озолину повезло. Комиссар части знал его: они служили вместе в Смоленске. Красноармейцы переодели Озолина во что сумели и переправили через Дон. В Ростове он слег в госпиталь. А в начале апреля на заседании Реввоенсовета 1-й Конной решилась его судьба. В приказе № 115 было написано: *«В отмену приказа РВС № 40 от 7 февраля 1920 года, § 1, бывший военком 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной армии тов. Озолин Константин, спасшийся от белых и поправивший здоровье, назначается на упомянутую должность».*

Да, пока длилось вынужденное бездействие комиссара, его родная 1-я Конная армия начала легендарный тысячеверстный переход с Северного Кавказа на Юго-Западный фронт. Предстояла схватка с новым врагом — белопольскими захватчиками. Надо было подготовить не только коней, оружие и материальную часть, но и, что самое главное, людей. Поначалу полки двигались медленно: перековывали коней. Своих Озолин нагнал у Кущевской. Трудно передать, как радовались бойцы его возвращению.

Работы оказалось — непочатый край. Полки были сильно разбавлены пополнением. Среди новых бойцов оказались махновцы. Отрицательную роль в настроениях бойцов сыграл приказ Троцкого об отпусках, которые были обещаны конармейцам «после освобождения Ростова». Зачастую дивизия пополнялась прямо на марше. Мчат полки по шоссе, бронепоезда стучат рядом. А из дворов, на неоседланных конях, догоняют добровольные бойцы — парни из станиц юга Украины, Донбасса.

Нужна была кропотливая политическая работа с бойцами, и комиссар сразу же включился в нее:

— Бейте на два фронта. Просвещайте бойцов, делайте их сознательными, зовите их к коммунизму, занимайте их досуг. А с другой стороны, просвещайте население, только что освобожденное от белогвардейского гнета, учите его новому, коммунистическому мировоззрению, давайте ему здоровую духовную пищу, привлекайте к участию в нашем деле...

Конная на марше набирала силу, готовясь дать последнее сражение Антанте. И сила эта — рост боевого духа и решимости — могла прийти только в результате активизации партийной работы. В последних боях с деникинцами дивизия потеряла многих партийцев. К 15 марта в ее коммунистических ячейках оставались всего 101 член и 90 кандидатов в члены партии.

«Для того чтобы улучшить работу комячеек, при политотделе дивизии,— рассказывал военком 2-й бригады Трегубов,— *была создана группа инструкторов-организаторов. Она принесла немало пользы, через нее комиссар Озолин хорошо представлял положение комячеек в частях дивизии. В частности, в нашей бригаде было 16 комячеек. Но не все они работали равномерно. В некоторых, даже при очень большом желании учиться и работать членов ячеек, из-за неимения опытных товарищей работа проводилась довольно слабо. Так вот именно инструкторы-организаторы, работая в более слабых ячейках, помогали им. Объединяя более ста коммунистов в полку, ячейки, когда позволяла обстановка, ежедневно проводили различные собеседования и чтения. А два раза в неделю митинги по полкам или эскадронам на темы: «Не играй в карты», «Грабитель — враг Советской власти», «Пьяницам у нас не место», «Красноармеец должен быть образцом чести»...*

В результате такой работы тех, кто хотел идти в бой большевиком, становилось сотни. Начальник политотдела Хрулев рассказывал о случае, когда к нему явился целый эскадрон.

— Записывайте нас в партию,— потребовал командир,— бойцы говорят: в атаку ходим сообща, вместе боремся за Советскую власть, следуем за товарищем Буденным и партийным Реввоенсоветом, так и в коммунисты вместе пойдем...

Константин Иванович слушал, перебирая поводья. Когда Хрулев закончил, повернулся к нему и спросил:

— А ты, Андрей Васильевич, думал, почему бойцы готовы даже эскадронами вступать в партию?

— Да потому что они верят Ленину и партии, чувствуют перед ними ответственность за победу в гражданской войне. Бойцы осознали оперативное значение Конной, ее влияние на исход сражений. Так было под Ростовом, в Донбассе, под Новороссийском и Майкопом. Так было, когда громили конные корпуса генералов Улагая, Мамонтова и Шкуро. Так будет и на белопольском фронте...

— Правильно! Другими словами, потому, что авторитет партии и Советской власти в армии необыкновенно вырос. Не смейся, Андрей Васильевич, если я, безбожник, скажу, что коммунистов у нас считают чуть ли не святыми, героями среди героев...

Была здесь и заслуга комиссара дивизии. Этот период совпал и с огромной партийно-политической работой, направляемой Озолином. Он не уставал доказывать командирам и политработникам, что

им мешает враг № 2 — неграмотность. В это время в дивизии было всего по 10—15 грамотных на полк.

Переходы были продолжительными, случались и стычки с бандитами. Но были и привалы, и дневки. И хотя люди и кони нуждались в отдыхе, на остановках активизировалась работа бригадных партийных школ, библиотек и читален, «поднимались занавесы» самодеятельных театров, «открывались двери» ликбезов — школ ликвидации безграмотности. «Красный кавалерист» рассказывал тогда: «В 66-м кавполку 11-й кавдивизии работают кружки: театральный, вокальный, музыкальный и художественный». Вот как велика была гражданственность и тяга к знаниям освобожденного народа!

Наиболее активные ликвидаторы безграмотности умудрялись даже проводить занятия на марше, в походном строю. На привалах в каждом эскадроне развертывали «уголки для неграмотных», которые «по урокам» облегчали чтение азбуки, последовательно объясняли порядок словосложения. По инициативе комиссара дивизии при прохождении освобожденных районов проводилась мобилизация учителей, которых зачисляли в штаты, и они должны были заниматься своей основной, профессиональной работой.

На одной из дневок комиссар вернулся в штаб дивизии после проверки работы школ в полках. И, делясь своими мыслями об увиденном с начальником политотдела, вспомнил, как учился сам:

— Трудно было, Андрей Васильевич! Бойцам сейчас еще труднее. Но видел бы ты счастливые лица одолевших грамоту. Еще вчера вместо подписи ставили крестики, а сейчас домой пишут! Представляешь, что при такой тяге к знаниям, грамоте будет после войны?

И комиссар зачитал письмо красноармейца Семенова в комячейку: *«Я был безграмотным и уже в полку научился писать и читать. И теперь обращаюсь к вам, товарищи неграмотные. Неграмотный — что слепой. Просвещайтесь же, обучайтесь, а грамотные товарищи обучайте неграмотных. Для этого используйте каждую минуту. Научитесь писать, а потом пишите письма белым. Пусть они знают, как мы живем, как мы свергаем и гнет генералов, и царство тьмы».*

В конце марта 1920 года, раньше чем в других частях, в 11-й кавалерийской дивизии начала работать краткосрочная партийная школа — детище комиссара Озолина. Ее слушатели затаив дыхание слушали лекции о диктатуре пролетариата и Конституции РСФСР, по истории партии и революционного движения. Старательно изучали русский язык и арифметику, историю и географию, физику и химию. Занятия в школе начинались и заканчивались пением «Интернационала». При школе действовали курсы агитаторов, на которых учились 60 бойцов.

Важное место в партийно-воспитательной работе, направляемой комиссаром, занимал театр. В культпросветбригаду 11-й входила группа артистов. Перед прорывом белопольского фронта ее возгла-

вила Лидия Владимировна Иогансон, воспитанница театральной школы имени В. Ф. Комиссаржевской. Заботу об актерах Константин Иванович доверил своему порученцу — секретарю А. Весеньеву, который сам с успехом выступал с рассказами и злободневными куплетами.

Артисты-энтузиасты часто репетировали прямо на марше, в своей тачанке. А выступали на привалах — то на лужайке в степи, то в брошенной барской усадьбе, то на полуразрушенных подмостках театра в оставленном белыми городе. Над зрителями клубилось облачко махорочного дыма. Перед началом представления комиссар читал бойцам статьи из центральных газет, письма Горького конармейцам, рассказывал о жизни и смерти Александра Ульянова — старшего брата Владимира Ильича. В отдельных концертах выступали Демьян Бедный и Илья Набатов. Их номера были всегда острыми и на злобу дня. За официальной частью обычно шла театральная постановка, а затем появлялись и самодеятельные артисты — эскадронные и полковые музыканты, певцы и декламаторы. Ими гордились в подразделениях, их любовно искали, растили, даже старались всячески поберечь в бою. Особенным успехом пользовались произведения, воспевающие романтику кавалерийской службы.

Но случалось и так, что концерт прерывала тревожная команда «по коням» и через минуту театр пустел.

Все это было частью партийной работы, направляемой комиссаром. Он участвовал в разработке программы выступлений. В них звучало слово о партии, о победах Конной армии, о коммунистах, питерских и московских рабочих — кавалеристах.

Не очень «везло» Константину Ивановичу на начальников дивизий. Первый выбыл по ранению, второй ушел на высшую, самостоятельную работу. Но ни один не оставался вне поля зрения комиссара. Вот Федор Максимович Морозов — безграничной отваги кавалерист, командир одаренный, красивый и горячий человек с ясным и живым умом. Недаром Олеко Дундич говорил о нем, что вряд ли может быть человек отважней Морозова. Но и с таким командиром приходилось говорить о его месте в бою.

— Федор Максимович,— начинал Озолин издалека,— у нас, конечно, правильно считают трусость величайшим позором. Любому бойцу и командиру, если он при встрече с врагом проявит слабость духа, оставаться в наших рядах просто невозможно.

— К чему ты это клонишь? — насторожился начальник дивизии.

— А вот к чему. Меня давно тревожит, что нередко командиры-герои, чтобы не прослыть трусом, первыми бросаются в атаку и не всегда возвращаются с поля боя.

— А что же, по-твоему, они будут смотреть в спины своих бойцов, когда те атакуют беляков?

— Нет, но командир не рядовой боец. Он организатор и руководитель боя. С начала и до конца. Его место там, откуда можно руководить боем, сообразуясь с обстановкой. Это истина, которую еще не все осознали. Наш долг — сломать незрелость командирского мышления.

И Озолин привел пункты захваченного разведчиками приказа командующего Донской армией белогвардейского генерала Сидорина, в котором тот, говоря о плачевном состоянии деникинской армии, упрекал своих командиров в невнимании к маневру, в плохом руководстве боем, в практике ложных донесений, неумении использовать артиллерию, организовывать связь. И в заключение привел резюме битого врага: «...опыт германской войны и двухлетней гражданской ничему не научил господ командиров. Мы топчемся на одном месте».

Подводя итог, Озолин убеждал: негоже коннице, созданной для решения оперативно-стратегических задач по разгрому Деникина, повторять ошибки противника в управлении боем, только там — от безразличия, а у нас — от неразумного молодечества. Логика комиссара была убийственной, и начальник дивизии собрал совещание командиров совместно с политсоставом. Обсуждался вопрос о месте командира в бою.

Комиссара заботила борьба с бандами, которых много осталось в тылах Юго-Западного фронта, и многостороннее обеспечение войск, восстановление вооружения и многое другое. А в мае 1920 года во всех комячейках прошли беседы по вопросу «Берегите коней!». Вопрос комиссар Озолин ставил так:

— Теперь, когда мы делаем большие переходы и нам предстоит еще долго идти походным порядком, конь нам особенно дорог, ибо достать другого коня будет трудно, да и недопустимо, чтобы из-за разгильдяйства плохого бойца страдало крестьянское хозяйство, у которого будут брать лошадь.

К концу мая 1920 года 1-я Конная оставила позади свыше тысячи километров, 11-я дивизия сосредоточилась в районе Умани. Во время подготовки к прорыву белопольского фронта к буденовцам приехал Председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин. Он вручал наиболее отличившимся частям Красные знамена Республики.

Встреча прошла сердечно. Открыл митинг Климент Ефремович Ворошилов. Затем на тачанку, служившую трибуной, поднялся Всероссийский староста:

— Товарищи конармейцы! Я привез вам привет от Владимира Ильича Ленина. Партия, наше правительство и Владимир Ильич гордятся вами, сильными, храбрыми сынами революции...

Михаил Иванович не скрывал от бойцов, что битва с белополяками будет нелегкой. «Могут быть моменты,— сказал он,— даже более трудные, чем в борьбе с деникинскими войсками. Скрывать такую

опасность от рабочих и крестьян Советская власть не может. Напротив, она говорит: только огромная выдержка, огромная дисциплина, беззаветная самоотверженность рабочих и крестьян могут принести нам победу!..»

С ответным словом выступил комиссар Озолин. «Ответ им от красных конников может быть только один: тот, кто осмелится поднять руку на Советскую власть, погибнет от руки освобожденных рабочих и крестьян...»

А вскоре, 29 мая 1920 года, произошли первые стычки передовых подразделений 1-й Конной с белополяками. Вскоре они переросли в ожесточенные бои. Попытка прорвать вражеский фронт с ходу оказалась неудачной. Оборона противника была сплошной, опиралась на долговременные оборонительные сооружения, окопы полного профиля прикрывались колючей проволокой и тщательно организованной системой огня.

Первая неудача обескураживала. Нужен был психологический перелом в сознании бойцов. И вновь комиссар Озолин обращает внимание командиров на необходимость активизации разведки, умение находить в обороне противника слабые места. Призывает стараться обманным маневром выманивать белопольских легионеров из окопов, встречать их кинжальным огнем пулеметов, а затем сабельными эскадронами наваливаться с флангов... Учил не только смело, но и умело атаковать, тактически грамотно менять позиции орудий и тачанок, быстро создавать систему перекрестного и флангового огня.

В сознании коммунистов утверждалось то, что каждый должен показать пример действий по-новому. Внедрялось убеждение — армия способна пробить сплошной фронт врага.

5 июня 1920 года части 4-й и 11-й кавалерийских дивизий прорвали укрепленную позицию пилсудчиков и лихим ударом обеспечили проникновение Конной армии в глубь вражеского фронта. Под Снежной, Житомиром, Бердичевом, под Фастовом и Киевом, под Новоград-Волынским и Коростенем воодушевлял конармейцев своим примером комиссар Озолин.

Под Снежной он с группой бойцов захватил вражескую батарею и открыл огонь по противнику. Пригодился опыт старого артиллериста. Комиссар сам заряжал трехдюймовку, сам наводил ее... Снаряды рвались в гуще врагов. Те метались, пытаясь выйти из-под обстрела, но попадали под сабельные удары буденовцев.

Под Ровно комиссар снова возглавил артиллеристов. Они подбили огнем прямой наводкой танк и бронепоезд.

Под Дубно он — в первых рядах атакующих. Конармейцы навязали врагу ночной бой и ворвались в его траншеи. В кромешной тьме свои с трудом различали чужих. Бойцы рубили и кололи, выбивали из рук солдат противника винтовки. Легионеры Пилсудского дра-

лись ожесточенно: тех, кто пытался бежать, офицеры пристреливали.

Несколько часов длился штурм. Глубокой ночью поредевшие части 11-й кавдивизии ворвались в город. На узких улицах рвались гранаты, кипела рукопашная. В предрассветной мгле ударили пушки Таракановского форта, к которым присоединились орудия и пулеметы подошедшего бронепоезда. Над головами бойцов завизжали осколки снарядов.

Нужно было вывести атакующих из-под обстрела артиллерии противника, навязать ему ближний бой. Комиссар пришпорил коня, вскинул шашку, но... рука бессильно упала: вражеская пуля угодила в карман с патронами для маузера и те взорвались у него на бедре. Верный конь вынес раненого из пекла. Как ни крепок был Константин Иванович, от жгучей боли он повалился на гриву, потерял сознание. Очнулся на санитарной двуколке.

Это только один год из жизни комиссара 11-й кавалерийской дивизии 1-й Конной Константина Озолина. Не раз он был ранен, заслужил несколько наград, и среди них — два ордена Красного Знамени.

Но самой дорогой наградой для него были любовь и уважение боевых друзей, ценивших его за смелость и бесстрашие, преданность делу революции, за доброту и сердечность. Таким он и остался в памяти потомков. Одним из первых в строю конармейцев.

Юрий
НЕДЕЛЬ

ТРИ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИВАНА СВИРИДОВА

В утренней прозрачной тишине послышалось едва уловимое жужжание. Люди, с ночи находившиеся на поляне, чутко прислушивались к неясному шуму. Не ошиблись ли? Но звук нарастал, становился все явственнее. И вот из-за вершин невысоких гор вынырнул самолет. Стоявшие на земле замахали руками, шапками, закричали, будто пилот мог их услышать. Маленький одномоторный аэроплан закружил над приготовленной для него площадкой, как орел, высматривающий добычу. Наконец летчик увидел опознавательные знаки: по три белых квадрата с каждой стороны стрелы, указывающей направление посадочной полосы, и пошел на снижение.

Машина приземлилась, пробежала немного, остановилась с невыключенным двигателем. Пилот выбрался из нее на крыло и спрыгнул в невысокую траву. Перекрывая шум мотора, он крикнул подбегавшим людям:

— Кто будет Свиридов?

— Я военком Свиридов,— ответил тот, кто бежал впереди других.

— Здорово! — и пилот протянул руку.— Мельников.— Обернулся к кабине: — Борис, выбрасывай.

На землю полетели пять тугих, тщательно увязанных мешков. Мельников поставил ногу на один из них:

— Получай свое золото, военком. Пересчитывать будешь?

— Нет.

— Ладно. Тогда распишись в получении, а мы назад полетим.

Свиридов расписался, вернул пилоту бумагу.

— Спасибо. Вы здорово нас выручили.

— Ну как тут у вас, тяжело?

— Да нелегко.

— Ну бывай,— и Мельников полез в самолет.

Вскоре старенький аэроплан был уже в воздухе, покачал на прощание крыльями и скрылся.

«Наконец-то получили помощь,— с облегчением подумал комиссар,— не патроны, конечно, не хлеб, всего лишь пять пудов золота, но если им распорядиться по-хозяйски... Пять пудов всего.

Маловато, конечно. Если б земляки увидели меня сейчас возле этого золота, рты бы от удивления pooткрывали, заахали: мол, Ванька у красных мильонщиком стал... А ведь я и впрямь разбогател, только в другом смысле». Он усмехнулся, вспоминая недавнее прошлое.

О событиях лета и осени девятнадцатого года Иван Андреевич записал: «В августе назначили военным комиссаром 39-й дивизии, в то время понесшей огромные потери. 39-я ведет бои от Царицына до Саратова и обратно до Царицына, участвует во всех атаках за Царицын и с другими частями Красной Армии штурмует Царицын. Затем маршем идет на Маныч». Как о чем-то обыденном, без подробностей: «ведет бои», «участвует во всех атаках», «идет маршем».

Что это — излишняя скромность? Привычка к телеграфному стилю? Нет, Свиридов умел писать ярко, образно: в его дневниках и даже служебных донесениях немало тому примеров. И подробности он любил, находя удивительно точные и живые детали. Скромность — да. Время летело «телеграфной строкой» — да. И некогда было оглядываться назад.

«Белоказаки атаковали красных бойцов внезапно. Три их кавалерийские группы, скрываясь в овраге, попытались ударить по правому флангу дивизии. В тот момент, когда вражеская конница выскочила на равнину и устремилась в атаку, внезапно поле дрогнуло от артиллерийского залпа. Перед неприятельской лавиной забушевал огненный смерч. Но атака не кончилась. Белоказаки, перестроив боевые порядки и получив подкрепление, снова устремились вперед. Враг не жалел ни людей, ни огня. В самый напряженный момент боя на левый фланг... обрушились белокалмыки. Они мчались черной тучей, с гиком и улюлюканьем. Минута, другая, и конники врежутся в расположение советских бойцов. Но в это время над боевыми порядками наших воинов взметнулось красное знамя.

— За мной! — скомандовал комиссар Свиридов, пришпорив коня.

Дерзкая контратака сдержала натиск дикой кавалерии белогвардейцев. Больше сорока минут длился напряженный бой. На всех участках бесстрашные советские бойцы выстояли, а затем, преследуя врага, продвинулись вперед на несколько километров». Так описывает историк один из боевых эпизодов дивизии.

А сколько их было! Бесконечные бои «от Царицына до Саратова и обратно до Царицына», слившиеся в одно великое сражение за этот важнейший стратегический пункт на Волге.

Во время царицынской эпопеи Свиридов на июнь — июль расстается с 39-й: его назначают комиссаром 2-й бригады 34-й дивизии, которая была сформирована из бывших колчаковских солдат, добро-

вольно перешедших на сторону Советской республики. Шесть тысяч людей, понявших, что им не по пути с контрреволюцией, но еще не осознавших до конца, что им надо воевать против нее, за народную власть, за скорейшее окончание войны. И тут, как нигде, требовалось убеждающее горячее комиссарское слово, необходима была кропотливая постоянная политическая работа. И для нее нужен не просто крепкий партиец и хороший оратор, но человек, умеющий понять чужую душу, терпеливый, способный на долгий, порой изматывающий труд, педагог по своему природному дарованию.

В «Памятке коммунисту на фронте», которая была разработана политотделом Южного фронта, говорилось: *«Не обольщай себя, товарищ, надеждой, что ты приедешь на фронт, произнесешь речь-другую и тем исполнишь свой долг.*

Твои речи важны и нужны, красноармеец их выслушает со вниманием и скажет тебе спасибо, но главное — не в речах. Нет, товарищ, армия оздоровляется и укрепляется не случайными речами, а упорной, изо дня в день ведущейся работой».

Свиридов был из тех комиссаров, кто мог вести именно такую работу. Бывшие колчаковцы в течение долгих месяцев, пока воевали по ту сторону баррикад гражданской войны, находились как бы в изоляции от истинных событий в России.

Его блокнот заполняется краткими записями — темами проведенных бесед. «Брестский мир, что он значит для Советской республики», «Первые декреты: о власти, о мире, о земле. Особенно о земле», «Ленин: Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами государства на свете еще не бывало.— Это обязательно». Таких пометок много. Комиссар со своими красноармейцами как бы страницу за страницей перелистывает два минувших года истории, и они поднимаются из неведения к знанию, к убеждению в правильности решительного шага в красноармейский строй, к сознанию того, что их путь — с Красной Армией, со всей Россией.

А сегодня для бригады и всей дивизии начались бои. Тяжелые, кровопролитные, не всегда успешные, но в общей цепи сражений с белогвардейщиной и иностранной интервенцией ведущие к победе.

24 августа Владимир Ильич написал «Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком». Он разъяснял в нем: *«Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, то есть от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная Армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов, несмотря на получаемую ими щедрую помощь оружием и снаряжением от богатейших стран мира. Большевики доказали это делом».*

«...Научились управлять... и побеждать» — эти ленинские слова с доброй уверенностью относились и к армейским политработникам,

и к нему, комиссару Свиридову. В августе Иван Андреевич уже возвратился военкомом в 39-ю дивизию. Прочитав «Письмо...» в «Правде», пожалел, что оно не появилось раньше, пока он служил еще в 34-й, но тогда еще не было таких успехов в борьбе с Колчаком. Победы над таким сильным врагом на востоке благоприятно сказывались на боевом духе войск Красной Армии, дравшихся на Южном фронте. Наступила осень, не за горами и зима, которая несла и здесь решающие победы. Главной из них стал Царицын.

...Приказ, полученный от командующего 10-й армией, предписывал дивизии в течение 24—25 декабря занять две станицы: Старо-Григорьевскую и Ново-Григорьевскую. Эту операцию проводила 2-я бригада, которую возглавил сам начдив Мариинский. Времени на подготовку почти не оставалось. Бои начались тяжело и проходили трудно. Белые отчаянно сопротивлялись. Обстановка постоянно менялась. С одной и другой стороны вводились резервы. Атаки и контратаки следовали одна за другой. Никто никому не давал передышки. Начдиву нужно быть предельно сосредоточенным, ни на минуту не упускать из внимания всю картину сражения в подробностях, чтобы уверенно держать нити управления войсками и вовремя принимать правильные решения.

Вот почему, когда в разгар боев нарочный прискакал из штаба дивизии с донесением, что в районе хутора Фастова противник превосходящими силами атаковал 1-ю бригаду и теснит ее, Мариинский не мог помочь ей за счет сил 2-й бригады, наносящей главный удар по станицам Григорьевским. И вместе с тем нужна была 1-й немедленная помощь...

— Вот что, военком,— обратился начдив к Свиридову, который находился с ним на командном пункте.— Видно, нет другого выхода. Отправляйся в первую, возьми на себя командование бригадой. Не допусти ее разгрома. Сдержи белых!..

Когда Свиридов вместе с несколькими бойцами добрался на место и разобрался в обстановке, оказалось, что положение бригады значительно хуже, чем говорилось в донесении. Противник начал ее окружение кавалерией и пехотой. Кольцо вот-вот замкнется вокруг 345-го полка, и тогда не останется никакой надежды на благополучный исход. Другой, 343-й полк дрался у станицы Качалинской, и ждать с его стороны помощи не приходилось.

Потери наших были значительны, особенно от артиллерийского огня. Бронепоезд, поддерживавший полк, подбит и ушел в тыл. Батарея легких орудий осталась без снарядов. Маневрирование сдерживал также большой обоз, который состоял в основном из повозок с ранеными. А поступавшие сообщения одно тревожнее другого: еще два-три часа — и окружение завершится.

Свиридов приказал собрать коммунистов.

Они стояли перед ним, не выпуская из рук оружия, многие с окровавленными повязками, измученные, но не растерянные, не подавленные.

— Товарищи, не вам говорить, что положение наше почти безвыходное.

— Будем драться до конца.

— Умрем за дело революции.

— Умереть за революцию готов каждый коммунист,— сказал Свиридов,— но не смерти требует от нас справедливая пролетарская борьба, а выжить и победить.

— Мы окружены, и остается лишь одно...

— Правильно,— прервал говорившего Иван Андреевич,— лишь одно: вырваться из окружения, соединиться с 343-м полком и мощным кулаком ударить по врагу. Первая задача — прорвать кольцо. Для этого сосредоточим силы и будем прорываться в направлении Качалинской. Обозы в центр, батальон его прикрывает, не отрываясь от наших флангов прорыва. Полуроту туда, где замыкается кольцо. Для сдерживания и отвлечения внимания белых. Мы ударим в противоположную сторону, там нас ждут меньше всего.

— Части измотаны, бойцы устали. Хватит ли сил?

— Должно хватить, другого выхода нет. Я возглавлю группу прорыва. Побеседуйте с бойцами, разъясните им обстановку. И говорите правду, только правду, не устрашая и не приукрашивая. В нашем положении нет ничего хуже лжи. Действуйте, товарищи. Удачи нам всем.

...И мчались кони, выбивая копытами мерзлую грязь. И сверкали в заходящем солнце клинки и штыки. И вспыхивала яркими огненными точками винтовочная и пулеметная пальба. И кричали люди, подбадривая себя и лошадей. И скрипели повозки под глухие стоны раненых. И над всей этой скачущей, бегущей, стреляющей, орущей массой развевалось красное знамя. И впереди с саблей, с развевающимися от бешеного галопа полами длинной шинели, распластавшись над гривой лихого коня, мчался военный комиссар Иван Свиридов, увлекая за собой в яростном порыве и конных и пеших бойцов.

Падали убитые красноармейцы и белые солдаты, бились с предсмертным ржанием лошади, захлебывались с раскалившимися стволами пулеметы, немели от напряжения мышцы, и кровь стекала по стали клинков, но атака не прекращалась. Красная лавина, редея, сминая врагов, разорвала кольцо и вырвалась из окружения, выведя из него свои основные силы и обоз с ранеными.

Ночью 345-й соединился с 343-м полком. К утру они заняли позиции на правом берегу реки Тишанки, окопались. И снова беспрерывные бои.

«...26 декабря того же года в районе Байбаева, находясь в самых опасных местах боя, подавал всем пример мужества и храбрости, что имело огромное влияние на командный и комиссарский состав». Так говорилось в приказе Революционного военного совета Республики № 41 от 5 февраля 1921 года, которым за героизм в боях под Царицыном в конце декабря девятнадцатого года военком Иван Андреевич Свиридов награждался орденом Красного Знамени.

Много лет спустя, вспоминая те события, Иван Андреевич запишет, как всегда о себе, кратко: *«Ранен шрапнелью в левую руку 27 декабря 1919 года. После операции в Камышине нагоняю свою дивизию на Манычских позициях. Участвую в походе дивизии на Северный Кавказ: Ремонтное, Новоселковка, Медвежье, Успенка.*

Получаю назначение на ту же должность военкома в 32-ю стрелковую дивизию. С боями за Расшеватку, Армавир и другие города дошел до Петровска. В мае 1920-го меня назначают комиссаром 18-й кавалерийской дивизии 11-й армии. Участвую в боях с дивизией».

Вот так спокойно и просто: «Участвую в боях с дивизией». Но в каких боях!

...А это уже было в Азербайджане. Первая советская республика Закавказья. Местная буржуазия оказывала Советской власти упорное сопротивление. Не без оснований рассчитывая на поддержку извне, опираясь на ярых националистов — мусаватистов, она активно готовила контрреволюционный мятеж. Ревком республики обратился за помощью к правительству России. По указанию Советского правительства туда была направлена 11-я армия, а в ее составе и 18-я кавалерийская дивизия под командованием П. В. Курышко. Комиссаром к нему был назначен И. А. Свиридов.

Вооруженные силы контрреволюции сосредоточились в районе Гянджы. Туда-то и была брошена 18-я кавалерийская.

Ее части сразу же встретил огонь боевых соединений мусаватистов. Прямо с изнурительного марша без всякой передышки дивизия вступила в затяжные бои, отягощенные тем, что вести их приходилось в горной местности. Противник и знал ее лучше, и был более к ней приспособлен.

Позиции врага представляли собой цепь хорошо укрепленных опорных пунктов и труднодоступную крепость. Красные конники, не привыкшие действовать в горах, поначалу терпели неудачи. В таких нелегких обстоятельствах пришлось работать Ивану Андреевичу.

Он учил бойцов. Но учил не только тому, как воевать в этих необычных для них условиях, но и тому, как надо красноармейцу относиться к местному населению. Рассказывал об азербайджанцах, армянах, других народах, живущих в этих горах, об их истории и

культуре. Внушал, что они, как и по всей земле, делятся в первую очередь на эксплуатируемых и эксплуататоров, на бедняков и богачей. Комиссар учил своих бойцов пролетарскому интернационализму и интернациональной солидарности рабочих и крестьян. Бойцы учились вести разведку, находить уязвимые места в обороне врага.

...Ранним утром Свиридов поднял 1-й эскадрон по тревоге.

— Товарищи красные кавалеристы, я принес вам горестную весть,— комиссар снял фуражку.— Сегодня ночью во время разведки боем геройской смертью пал ваш командир товарищ Зубков. Почтим его память... Мы выступаем. Наша цель — Гянджа. Мне поручено вместо героического товарища Зубкова возглавить первый эскадрон. Бой будет нелегкий. Будьте достойны вашего павшего командира, будьте такими же стойкими и мужественными, каким был он. По коням!

Удар был внезапным и сильным. Враги никак не ожидали, что после ночной неудачи красные сразу же решатся на атаку. Пали первый, второй, третий опорные пункты противника. Его плохо организованные контратаки захлебывались, неприятель откатывался к крепости, на подступах к которой завязался затяжной бой.

Комиссар во главе первого эскадрона дрался на левом фланге. Он зорко следил за ходом событий и всегда оказывался в самых жарких местах.

К Свиридову прискакал посыльный от Курышко и передал записку. Прочитав ее, Иван Андреевич сказал:

— Передай начдиву, что все будет исполнено.

И помчался от взвода к взводу, едва успевая бросить несколько слов командирам.

Бой как будто утих. Наши повернули назад. И тут открылись ворота крепости — и лавина мусаватистских всадников ринулась за отступившими красными кавалеристами. Этого наши как раз и ждали. Выждав удобный момент, Свиридов пришпорил коня и повел свой эскадрон в тыл вражеских конников. С фланга бросил на неприятеля эскадроны Курышко. Отступавшие резко повернули коней навстречу противнику. И он оказался в кольце.

Враги заметались, пытаясь прорваться к крепости, но это им не удалось. Жестокая была сеча. Начдив и военком находились в самой ее гуще. Увлекая за собой бойцов, дрались насмерть. Трижды убивали коней под Свиридовым, трижды он вскакивал на коней убитых бойцов. Пуля врага, клинок врага его миновали, и он дрался наравне со всеми, впереди всех, пока солнце не спряталось за вершины гор.

Ночью подошло подкрепление. Утром наши войска овладели Гянджой. В этих местах была восстановлена Советская власть. И уже навсегда.

За боевые отличия, храбрость и мужество, за большую организаторскую и политическую работу среди бойцов военный комиссар

18-й кавалерийской дивизии 11-й армии Иван Андреевич Свиридов был награжден орденом Красного Знамени Азербайджанской ССР.

В ноябре 1920 года армянский народ, руководимый большевиками, сверг засилье дашнаков и провозгласил власть Советов.

Чтобы защищать Советскую Армению, в декабре была создана Красная Армия Армении. Командующим был назначен Молкочанов, военным комиссаром — по рекомендации Орджоникидзе — Свиридов.

Свиридов писал тогда: *«Красная Армия Советской Армении, сведенная в боевые единицы, живет теперь новой жизнью. Ряд принятых мер внушил уверенность командному составу, что новый строй, новая военная организация ожидает от него очень большой работы в смысле политического воспитания товарищей красноармейцев и поднятия боевой мощи армии. Теперь комсостав, помимо своей прямой работы, приобщает их постепенно и к культурно-просветительным задачам. Уже нет того взаимного непонимания и недоверия, какое глухой стеной стояло между прежним солдатом и командиром».*

Армянская Красная Армия готовилась к предстоящим боям. А они не замедлили наступить.

22 января 1921 года банда националистов в районе Башгярни подняла восстание против Советской власти. Оно было быстро подавлено. Однако 16 февраля, тайно сосредоточив и объединив свои силы, дашнаки внезапно атаковали советские войска, разрушили телефонно-телеграфную связь и вскоре заняли Аштарак, Эчмиадзин, устремились к столице — Эривани, закрепились на ее окраинах.

Помощи ждать было неоткуда. В те дни части 11-й армии двигались на Тифлис, чтобы поддержать грузинский народ в его борьбе за установление Советской власти. Рассчитывать можно было, по крайней мере в первое время, только на свои силы, да и не было тогда связи с войсками Советской России.

Банды мятежников обладали инициативой, перевесом сил. Советские войска могли быть смяты. В связи с таким опасным положением был отдан приказ: оставить столицу. Под прикрытием бронепоездов войска Молкочанова отошли из Эривани на Камарлу. Командарм указывал, что это было сделано «с целью приведения частей в полную боевую способность для предстоящих боевых действий в недалеком будущем».

Отступали в спешке. Многие даже не понимали, что случилось, что происходит... Обстановку тех тяжелых суток Иван Андреевич вспоминал так: *«Темнеет. Резкий февральский ветер с дождем пронизывает до костей. Бронепоезда «Азатамарт» и «Мусаелян», переполненные бойцами, верными Советскому правительству, подходят к станции Камарлу. Люди с винтовками, без винтовок, одиночные всадники, санитарные двуколки, артиллерийские запряжки, случай-*

ные подводы — все это тянулось к Камарлинскому вокзалу, отступая от Эривани. Отдельными кучками по пятьдесят и сто человек, без комсостава, бродят красноармейцы первой бригады. Недоумевающие взгляды, просительное выражение: разъясните случившееся... Небольшой огарок свечи озаряет сумрачные лица членов революционного правительства и командования, склонившихся у карты, разложенной на полу одной из комнат второго этажа Камарлинского вокзала».

Отсюда наконец-то удалось послать шифровку в Баку Реввоенсовету 11-й армии. Молкочанов и Свиридов сообщали также, что вслед за контрреволюционным мятежом дашнаков активизировали враждебные действия против Советской Армении турки: они двинули два батальона с целью захватить Кешишкенд. Все это усложняло и без того крайне напряженную, трудную обстановку.

Опасаясь быть отрезанными от железной дороги, командование отдало приказ частям закрепиться на наиболее выгодных позициях. Штаб разместился в Камарлу. Район, занятый красными войсками, был объявлен на осадном положении.

«Сфера нашего влияния,— записывал в дневнике комиссар Свиридов,— *измеряется диаметром в 30 верст с беженским населением, вымирающим от голода в развалинах Ведибассарского района. Это район смерти и гниющих трупов... Мы в железном окружении противника, отрезанные от советского мира разбушевавшейся контрреволюционной стихией. Что делать, что предпринять в первую очередь? Вот вопрос, сверлящий мозг».*

— Ты прав,— говорил Молкочанов Свиридову,— пока все складывается не в нашу пользу. Продовольствия в обрез, боеприпасов мало, многие командиры растеряны. Но надо драться, драться до последнего патрона.

— Растерянность бойцов, апатия, безразличие к происходящему — вот сейчас наш главный бич. Необходимо разъяснить людям положение, вселить в них уверенность. Опора на коммунистов и сочувствующих. На комсостав. Красноармейцы им верят, пойдут за ними, не поддадутся на провокации.

— Слухи ползут один нелепее другого. Слышал, небось...

— Слышал. Необходимо покончить с паникерами, уничтожить провокаторов. Мы не можем допустить разложения в войсках. Момент требует создания полевого военно-революционного трибунала. Мера временная, но без нее может случиться непоправимое.

— Итак, военревтрибунал. Согласен. Дальше.

— Приказ особому отделу: шпионы и провокаторы расстреливаются на месте без суда и следствия.

— Круто, Иван Андреевич.

— Круто. Но не мы навязали войну, не мы истребляем села,

не мы заставляем умирать людей с голоду... Надо также издать распоряжение о постановке гражданских учреждений на довольствие армии.

В документе по поводу распределения продовольствия есть и такая фраза: «Сахар и молоко использовать только для больных».

...Началась героическая полуторамесячная борьба Красной Армии Армении, окончившаяся снятием осады и участием во взятии Эривани.

Тогдашний председатель ЧК Армении Амирханян вспоминал: *«С первого же дня после занятия новых позиций... началась большая политическая и организаторская работа в воинских частях, направленная на разъяснение временного характера успеха дашнаков. Эвакуированные коммунисты, комсомольцы, все патриоты, способные носить оружие, вошли в состав Коммунистического отряда Янушевского»*.

На всем протяжении камарлинского фронта, как его часто в своих записях называет Свиридов, идут беспрерывные бои. Не один раз находящиеся в осаде части Красной Армии Армении пытались пробиться к Эривани. И порой победа была уже близка — доходили до предместий города, но вынуждены были отступать под ударами превосходящих сил противника.

Пролетел месяц отчаянных боев, однако серьезного успеха они не принесли. Продовольствия почти не осталось, боеприпасы на исходе. Командующему 11-й армии была направлена телеграмма, подписанная Молкочановым и Свиридовым: *«Месяц держимся... Сегодня на линии Иманшалу в последнем бою по напирающему противнику пускаются последние снаряды и патроны»*.

Местное население в осадной зоне сочувствовало Советской власти. *«Крестьяне Ведибассара, почти вымирающие от голода, разбирают крыши уцелевших домов, подтаскивают бревна к базе бронепоездов. Жуть и изморозь охватывает при виде незабываемой картины, как десять изможденных человеческих теней, в одних лохмотьях, босых, посиневших, с выдающимися скулами, тащат по снегу бревно, с которым мог бы справиться в другое время подросток. Крестьяне отдают последние силы на борьбу с дашнаками. Противник ведет наступление шестью колоннами, его передовые цепи на расстоянии винтовочного выстрела»*.

С рассвета до позднего вечера комиссар находится в войсках. Повсюду он встречает вопрошающие взгляды: когда же придет помощь? И будет ли она вообще? Неужели о нас забыли? Военком не отводит глаз, не уклоняется от вопросов. Он говорит бойцам правду. Он говорит, что помощь обязательно будет, но не так скоро, как этого бы хотелось, что паек с каждым днем необходимо урезать, что топлива для бронепоездов и снарядов для орудий осталось на два-три дня. И несмотря ни на что, говорит он, нужно держаться, чтобы

дождаться помощи и победить. Эти честные и мужественные слова вселяют уверенность, прибавляют сил.

...«Арарат, 20 марта 1921 года. 10 часов 45 минут. Продовольствие на исходе. Денежных знаков очень недостаточно. Срочно необходима присылка только на аэроплане 20 пудов золота для обмена на продовольствие. Для спуска аэроплана приготовили площадку. От выполнения настоящей задачи зависит наше существование».

Командование 11-й армии и правительство Советской России (в Москву докладывал С. Орджоникидзе) знали о тяжелом положении камарлинской группы войск Красной Армии Армении. Помощь готовилась. Григорию Константиновичу удалось связаться по радио с Иваном Андреевичем.

— Вы просили двадцать, но получите пять,— сказал Орджоникидзе.— Ждите в любой день. Товарищ Киров просит передать вам привет и пожелание скорее разделаться с врагом.

Итак, золото будет. Значит, будет и продовольствие, которое можно на него закупить в приграничных районах в Персии. А тут произошло еще одно радостное событие. Достали большое количество горных артиллерийских снарядов, переправили их на станцию Арарат, там в товарном вагоне под руководством опытнейших артиллеристов организовали «заводик» по переделке их под полевые пушки.

События следующего дня описывает Иван Андреевич в заветной тетрадке: *«Словно священнодействуя, любовно оглаживая сталь, несут снаряды артиллеристы...*

— По видимой цели, прямой наводкой, батареей... Огонь! С того же прицела и дистанции четыре снаряда... Огонь!

Противник бежит у полотна, преследуемый громящим его на полном ходу огнем всех орудий бронепоезда «Азатамарт».

Под командой Мхчяна десант бронепоезда в составе одной роты угрожает тылу противника, прижимая его колонны к болоту у Хорвираб. Беру батальон, помогаем маневру Мхчяна. Загоняем противника в болото и топим, расстреливая в упор.

Около тысячи пленных, больше двух тысяч потопленных — вот результат неимоверного напряжения слабых сил.

Есть нечего, ночью украдкой бойцы идут к топкому болоту, успокоившему противника, вытягивают мертвых, достают... консервированное молоко и в герметичных банках галеты...

...За отобранное у противника вино у Макинского сардара приобрели хлеб».

Вскоре прилетает самолет. Летчики Всеволод Мельников и Борис Кудрин доставляют обещанные пять пудов золота в монетах царской чеканки. Свиридов организует закупку в Персии продовольствия и одежды. Армия делится тем и другим с местным населением. Часть продуктов Иван Андреевич передает партизанскому отряду, который

был сформирован по инициативе военкома еще в начале марта из здешних сочувствующих Советской власти мусульман. Его четыреста бойцов заняли горные проходы и не дают противнику обойти красные войска со стороны Даралагяза.

...Настало время переходить от оборонительных боев к наступательным. В ночь с 31 марта на 1 апреля командующий войсками и военный комиссар подготовили приказ о переходе частей на Камарлинском участке в наступление — на Эривань.

Ранним утром перед бойцами, командирами, политработниками, готовыми выступить для выполнения приказа, слово держал комиссар:

— Товарищи! Славные бойцы Красной Армии Армении! Мы несем невосполнимые потери. Мы потеряли нашего лучшего бойца храброго Мхчяна. Выбыл из строя раненный в живот Смирнов, зачинщик всех смелых действий и налетов. Примеры мужества этих героев, их решимость и воля вызывали восхищение товарищей и злобу дашнаков. Полтора месяца мы деремся в окружении. Мы получили помощь из Тифлиса. Мы обогатились опытом прошедших боев и теперь сильны, как никогда. Будем же достойны тех, кто пал за Советскую Армению. Вперед, товарищи, на Эривань!

«Изголодавшиеся, исстрадавшиеся, оборванные, ринулись красные войска на оголтелые дашнакские банды... И не сдержать им теперь могучего и всесокрушающего удара»,— записал в своем фронтовом дневнике Иван Андреевич.

Противник отчаянно сопротивлялся, но его попытки сорвать начавшееся наступление красных не увенчались успехом. Враг мощными контратаками был отброшен в горы. Движение частей Советской Армении на Эривань продолжалось.

Свиридов по многу раз на дню появлялся на автомобильной радиостанции, которая имела постоянную связь с Тифлисом и Баку. Получив оперативную информацию, Иван Андреевич немедленно передавал ее войскам.

В первые же часы наступления пришло сообщение, что к Эривани прорываются северная группа войск Красной Армии Армении и части 11-й армии Советской России. Это радостное известие Свиридов немедля распространил среди командиров и красноармейцев. Оно было воспринято с воодушевлением, влило новые силы в измученных людей, вселило уверенность в победе.

К вечеру 2 апреля пришло сообщение, которого все так ждали. Вот как это событие описывает Иван Андреевич:

«Кувыркаясь с камня на камень, с болтающимся в руках телефонным аппаратом, без шапки и шинели бежит телефонист...

— Эривань взята, Эривань взята! — кричит телефонист и, обезумевший, бежит дальше.

— А ты не врешь, брат? — спрашивает комроты.

— Да нет же. Эривань взята с севера. Я слышал разговор с Орджоникидзе.

Над столицей Советской Армении развевалось красное знамя Советов».

Однако бои на южном участке не прекратились. Еще двое суток дерутся здесь красноармейцы, прорываясь к Эривани, рассеивая банды дашнаков. 4 апреля входят в Эривань. «Армянским красным частям, вошедшим в Эривань, дается двухдневный отдых»,— встречает их долгожданный приказ.

«Чем же объяснить, что такая горсточка людей, поставленная в самые невероятные условия, борется 45 дней? — завершают свой обстоятельный доклад командующему 11-й армии комвойск Молкочанов и военком Свиридов и отвечают так на поставленный вопрос:— *Сознание правоты того дела, за которое ведется эта борьба, неустанная энергия как комсостава, так и политических работников, вера в свои силы, надежда на скорую помощь со стороны Русчастей. Вот те стимулы, которые не дали молодой Армянской Армии разложиться, распылиться, а с большой честью выдержать 45-дневную осаду».*

...После Эривани Свиридов получает назначение военным комиссаром в 1-й Кавказский корпус, которым командует Тодорский. Комкор и военком хорошо знают друг друга. Осенью и зимой двадцатого года Иван Андреевич был комиссаром в дивизии Тодорского. 32-я тогда подавляла контрреволюционный мятеж в Дагестане. Теперь они вновь были вместе и снова боролись против мятежников в Азербайджане и Армении.

Перед Зангезурской операцией комиссар выступил на красноармейском митинге:

— Могучие бойцы Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Взмахните еще раз своей богатырской рукой и укажите расхрабрившемуся генералу его место! Сшибите его со спины зангезурского крестьянина и рабочего, возьмите за глотку и отправьте туда, куда уже отправили не один десяток таких генералов. Вперед на зангезурские хребты!

А Тодорский сообщал командованию: «Состояние армкавполка: настроение революционное. Хлеба выдается полфунта. Жиров, соли нет. Лошади на подножном корму — ячменя нет. Настроение жителей сочувственное Соввласти. Погода ясная. Комкор 1-го Кавказского Тодорский. Военком Свиридов».

Воины Красной Армии с жестокими боями прошли зангезурские горные дороги, дрались за каждое ущелье, за каждую тропу. Мятежные войска полковника Нжде (Тодорский и Свиридов ошибочно называли его генералом) были разгромлены. Предсовнарком Армении получил телеграмму: *«Первый Кавказский корпус счастлив до-*

ложить вам о восстановлении во всем Зангезуре революционного порядка...» В ответе говорилось: *«От имени Совета Народных Комиссаров ССР Армении приветствую храбрых красноармейцев, командиров и комиссаров 1-го Кавказского корпуса, который рука об руку с Армянской Красной Армией так успешно и основательно сокрушили зангезурскую контрреволюцию... Да здравствует Первый Кавказский корпус! Да здравствуют его доблестные красноармейцы, храбрые командиры, самоотверженные комиссары!»*

За боевые отличия в 1921 году самоотверженный военный комиссар Иван Андреевич Свиридов награжден орденом Красного Знамени Армянской ССР.

Три года гражданской: девятнадцатый, двадцатый, двадцать первый — три боевых ордена Красного Знамени: РСФСР, Азербайджана, Армении. Он учил бойцов интернационализму, и три братские республики назвали его своим героем, потому что учил он, как принято у коммунистов, личным примером мужества и отваги.

ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ПОД ПЕТРОГРАДОМ И В СИБИРИ

Товарищи красноармейцы!

Царские генералы — Юденич на севере, Деникин на юге — еще раз напрягают силы, чтобы победить Советскую власть, чтобы восстановить власть царя, помещиков и капиталистов.

Мы знаем, как кончилась подобная же попытка Колчака. Не надолго обманул он уральских рабочих и сибирских крестьян. Увидав обман, испытав бесконечные насилия, порку, грабежи от офицеров, сынков помещиков и капиталистов, уральские рабочие и сибирские крестьяне помогли нашей Красной Армии побить Колчака...

Вперед! товарищи красноармейцы. На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!

19 октября 1919 г.

Из обращения В. И. Ленина «К товарищам красноармейцам»

Ольга
КУЧКИНА

НАША КРАСНАЯ РЕКА БЕЛАЯ

22 марта 1919 года в Реввоенсовет 5-й армии Восточного фронта вошел подтянутый светловолосый молодой человек с военной выправкой. Ему было тридцать лет, но он выглядел моложе. Он вышел из Реввоенсовета комиссаром 27-й стрелковой дивизии.

Он недолго пробыл в штабе, сразу же отправившись лично разыскивать потерянную бригаду дивизии.

Через неделю в штабе дивизии станет известно о его гибели.

Рассказывали разное. Одни слышали, что комиссар убит в бою, другие считали, что попал в плен, подвергся пыткам и расстрелян. Третьи — что, попав в плен, застрелился сам...

С той весны минет полвека.

В Институте истории АН СССР будет праздноваться юбилей. Зачитывая адрес «ученому-историку, активному участнику Октябрьской революции и гражданской войны, ветерану ленинской партии, дважды награжденному орденом Ленина, доктору исторических наук, профессору Андрею Павловичу Кучкину» в связи с его 80-летием, академик И. И. Минц процитирует «Правду» от 12 августа 1922 года: «Кажется, ни одна из славных дивизий республики не имеет такого количества отличий, как 27-я Омская Краснознаменная дивизия. В своих рядах она имеет таких организаторов и военкомов, как талантливый уфимский кузнец А. П. Кучкин...»

Комиссар останется жив. Слухи о его гибели окажутся ложными.

Ему еще воевать, строить Красную Армию, готовить и вместе с ней торжествовать ее победы.

Ни в записках, ни в дневниках Андрея Кучкина того времени не найти упоминаний о погоде или природе. Только полстранички в неопубликованном, относящемся к лету 1917 года дневнике, когда бывший деревенский кузнец после службы в царской армии попадет в родные места: «Опять я дома. Прибыл свободным гражданином... Вчера приехал с сенокоса. Какое восхищение! Телега треплет. Озираюсь на оба порядка. Горы. Лес. Ягоды. Все то же переживал, что

в прошлом. То же чувство величия сознания предстоящего дела. Вот я настоящий деревенский косец! Ну, размахнись рука, раззудись плечо!..»

Белорецк, река Белая. Мирный пейзаж, который очень скоро сменится военным. Жизнь кружит по одним и тем же местам.

На войне стремительное течение событий не располагало к описанию пейзажей. Дни мешались с ночами, весну можно было принять за осень, а то и за зиму. А между тем в тот год на Южном Урале стояли сильные морозы, выпал глубокий снег, близился апрель, а зима, казалось, и не думала отступать. Боевые сводки, помимо сведений об убитых и раненых, пестрели сведениями об обмороженных. Это надо знать, чтобы представить себе долгий санный путь, которым затемно отправился только что назначенный комиссар 27-й дивизии. Закутавшись в тулуп, надвинув пониже на брови овчинную папаху, он выехал на санях, в сопровождении четырех конных бойцов.

Длиною в этот путь, пролегший параллельно линии фронта, были думы комиссара. И думы не из легких.

Потерялась 3-я бригада. Целых три полка! Как это могло произойти? Ну да, телефонного имущества не хватает, но не до такой же степени, чтобы в штабе бригады не могли протянуть проводов! В конце концов, есть летучая почта. Что же там случилось?

Казалось, комиссар мог начать свою деятельность с изучения вопроса, знакомства с обстановкой, отдачи распоряжений, вообще с вхождения в должность. Он начал с действия. Любое промедление было, как говорили тогда, и это соответствовало реальности, в самом деле смерти подобно. Именно потому, что он знал обстановку: она была близка к катастрофе.

Теперь и мы знаем, что более серьезного положения, пожалуй, не было в истории Восточного фронта, а уж 5-й армии и подавно. В начале марта Колчак начал решительное, мощное наступление по всему Восточному, как он назывался в Москве, или Западному, как он значился в штабных картах омского правителя, фронту. Против 5-й армии красных встала самая сильная у колчаковцев армия генерала Ханжина. 27-я дивизия вынуждена была сражаться с противником, впятеро превосходившим ее по числу штыков. 20 марта, за два дня до назначения нового комиссара 27-й, Реввоенсовет фронта отослал главкому доклад, в котором не считал нужным ничего скрывать или приукрашивать. «Обстановка на фронте 5-й армии,— говорилось в докладе,— сложилась весьма неблагоприятно. Противник глубоко охватил левый фланг 27-й дивизии...»

О докладе Главного командования Красной Армии в центр, в Реввоенсовет Республики, политкомдив-27 сейчас не знает, находясь в пути как раз на этот левый фланг,— он прочтет доклад гораздо позже, уже в качестве ученого-историка. Там будет сказано: «В на-

стоящее время все части 5-й армии отходят, не сражаясь, и отходят всюду, где только обозначается нажим противника». Будут проанализированы «причины наших неудач». Первое. Неопытные командные кадры у нас и опытные у Колчака, хорошо подготовленные и испытанные в боях минувшей мировой войны. Второе. Дисциплина у него и отсутствие должной у нас. Третье. Техническая оснащенность там и трудности здесь...

Белые теснили Красную Армию к Волге. До нее оставалось всего 60—65 километров. Еще рывок — Колчак соединится с Деникиным, и они вместе двинут на Москву. Кучкину говорили, что кое-кто видел эшелоны белых, на которых красовалась наглая надпись: «Курган — Уфа—Москва».

Уфа пала 14 марта. Город, особенно дорогой для Андрея — с февраля 1919-го он был секретарем Уфимского губкома РКП(б).

Есть люди, у которых трудность ситуации порождает уныние и растерянность. Андрей Кучкин, член партии большевиков с 1912 года, к ним не относился. Перед лицом опасности, в сложных обстоятельствах, он собирался, становясь как сжатая пружина. Такими тогда были многие. А он и был одним из многих. И понадобился в самую драматическую минуту. Отсюда — назначение.

Конечно, кто спорит, получи он приказ о назначении в тот момент, когда армия победоносно громила противника, настроение было бы совсем другим. Каким превосходным было оно несколько месяцев назад, когда командующий 2-й армией Шорин получил распоряжение штурмовать Ижевск и начальник политотдела Кучкин доводил до каждого комиссара, каждого красноармейца план наступления. 7 ноября в Совнарком ушла телеграмма: «Доблестные войска 2 армии шлют горячее поздравление с великим праздником и доносят: город Ижевск сего числа в 17 час. 40 мин. взят штурмом». В тот же день пришла ответная: «Приветствую доблестные красноармейские войска, взявшие Ижевск. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует социалистическая Красная Армия! Ленин».

Но ведь и тогда не с этого начиналось. Победным рапортом кончилось. А начиналось с тех же или подобных трудностей, неразберихи, неувязок, слабости частей. Это потом, в результате самоотверженной, не прекращающейся ни на день, ни на час работы, они, воинские части, становились сильными и били врага. Следовательно, задача остается прежней и работа остается прежней.

Факт потери бригады кажется обескураживающим. Увы, он не был единственным... Несколькими днями раньше, 16 марта, начдив соседней 26-й дивизии Матиясевич докладывал начштаба 5-й армии Ермолину: «Что делается к западу от ж. д.— неизвестно, и средств осветить этот район нет. 2-я бригада 26-й дивизии отошла на Стерлитамакский тракт, и пребывание ее неизвестно. 2-й Петроградский кавалерийский полк тоже не разыскан. 1-я бригада 27-й дивизии

отходит в район Ташлы Нж. и Верх. и без значительного отдыха совсем небоеспособна. Таким образом, мне командовать нечем, задача, возложенная на меня, исполнена быть не может...»

Однако задачу необходимо выполнить. Работа должна была быть сделана. Нужно взяться за самое трудное звено, чтобы вытянуть всю цепь — любимый образ комиссара, сопровождавший всю его жизнь до последнего часа.

Санный путь едва не пересекся с разведкой белых. Пришлось углубиться в тыл. Случилась остановка в деревне, где было неясно, за кого жители, за красных или за белых, и чего от них ждать. Да и жители не знали, чего ждать от этих конных, впрочем, чего ждать от пеших, они не знали тоже. Появятся, объявят, что белые,— а сами окажутся красные, и наоборот. Все опасались друг друга, все были осторожны и подозрительны. Естественно: за неосторожность расплачивались жизнью. В ходу были приказы вроде того, какой в начале апреля издаст генерал Ханжин, разгневанный тем, что армия, чье «сопротивление сломлено», продолжает сопротивляться: «1. Всем гражданам сел, деревень и станиц немедленно арестовывать и доставлять военным властям всех бунтарей, большевиков и агитаторов... 4. Войскам приказываю беспощадными мерами водворить порядок и спокойствие в селах, деревнях и станицах. 5. Жители, которые будут виновны в укрывательстве, участии в восстании или хранении военного оружия, будут расстреляны, а их имущество и дома сожжены». Хорошо же было «спокойствие», которое водворялось «беспощадными мерами»!

И деревенским и городским было известно, что это не просто угрозы. Агент Сибирского бюро ЦК РКП(б), побывавший в Уфе в апреле, напишет в своем отчете о городе под властью белых: «В одну ночь все овраги наполнились трупами, много было трупов и на улице. Прежде чем расстреливать, избивали, кололи штыками. У некоторых трупов не было пальцев, видимо, снимали кольца». В Белебеевском уезде только за один месяц (с 13 марта по 15 апреля) белые расстреляли 7 тысяч пленных и 4 тысячи крестьян. В село Ивановское, в том же Белебеевском уезде, с отрядом белогвардейцев вернется бывший хозяин имения. Он ничего не простит крестьянам. После арестов и пыток расстреляют каждого пятого, а село подожгут. Через несколько часов от Ивановского, с его 10-тысячным населением, останется лишь несколько обгорелых домов и сотни сирот.

Эти или другие факты знал и Кучкин. Он стремился их знать. Не столько затем, чтобы самому осторожничать — в его характере были скорее расчет на удачу, смелость и вера в счастливую звезду,— сколько для того, чтобы работать с этими фактами. Он нес их в самую гущу и крестьянской массы, с какой встречался, и красноармей-

ской. Да, если сказать честно, отличие одной от другой было не так уж велико. 241-й полк, один из трех потерявшихся полков, к примеру, носил и название Крестьянского, поскольку был совсем недавно сформирован из добровольцев — в основном бывших уральских крестьян-партизан. А если уж те, с кем привычно связывать понятие революционной сознательности,— рабочие (ижевские и воткинские) — оказались распропагандированы противной стороной, то что говорить об уральском или сибирском крестьянине, более зажиточном и менее подвергшемся эксплуатации, чем его европейский собрат, а потому и более закрытом для революционной идеи и менее устойчивом даже тогда, когда он этой идее симпатизировал. В это стоит вдуматься, чтобы представить себе ту неизвестность, которая называлась 241-й Крестьянский полк и встреча с которой предстояла комиссару. Где этот полк, каково настроение в нем, кто верховодит, против кого направлены его штыки? Могло ведь оказаться, что и против своих. Всякое случалось.

29 марта в 3 часа утра в селе Татарская Тумборла, где комиссар остановился на ночевку, он был разбужен сильным шумом на улице.

Из его записок: *«Скрипели полозья, ржали кони, кричали и неистово ругались люди. Я решил, что в деревню вступили белые... Я выхватил наган и приготовился к защите».*

— Товарищ комиссар! Батальон 241-го Крестьянского полка прибыл!

— Ах, черт! Как напугал!..

Комиссар поднялся, засовывая наган назад в кобуру, вгляделся в лицо говорившего:

— Где командир полка?

— В деревне, в пяти километрах отсюда. Он вместе с другим батальоном.

Военный комиссар полка Панишко, назначенный четыре месяца назад, поведал так о последних событиях:

— Полк был атакован неприятелем с трех сторон. Соседний 242-й Волжский полк отступил, не предупредив нас. Связь с ним и со штабом бригады потеряна. Мы тоже вынуждены были отступить. Противник гнался за нами по пятам.

Кучкин, внимательно выслушав сказанное и задав ряд вопросов, заподозрил, что кое-что не совсем так, а может быть, и совсем не так, как ему преподносят. Подозрение крепло, превращаясь в уверенность.

Он решил поговорить с красноармейцами.

Кондратьев, комиссар 2-го батальона, заканчивал завтрак, когда ему сказали, что в Репьевку из Татарской Тумборлы прибыл новый

комиссар дивизии и просит собрать бойцов для беседы. При большом скоплении людей на малом пространстве слухи расходятся молниеносно. Кондратьеву успели доложить про короткий, но выразительный обмен репликами, состоявшийся между комиссаром и поднятым им с постели командиром полка. На просьбу комиссара собрать бойцов командир Ассарит откликнулся сдержанным вопросом: «Митинг на линии огня?» — на что получил столь же сдержанный ответ: «Пока никакого огня нет... Выполняйте приказ». Похоже было, что этому новому комиссару пальца в рот не клади.

На улице уже поставили стол. С него комиссар и обратился к собравшимся. Кондратьеву, в общем, понравилось молодое, спокойное лицо, прямой взгляд светлых глаз. Понравились ему также новенькая овчина и валеные сапоги комиссара, о таких можно было только мечтать — вздохнув, Кондратьев взглянул на свои разбитые ботинки. Батальон, как и весь полк, здорово пообносился: хозяйственная часть, во-первых, пришла в упадок, а во-вторых, связь с ней также была потеряна — впрочем, довольно было любой из двух причин.

Комиссар говорил о положении в стране, на фронте, в 5-й армии и непосредственно в 27-й дивизии. Он говорил ясно и просто, и Кондратьев стал слушать. Кроме всего прочего, это была школа, не хотелось упускать случая поучиться. Бойцы слушали также внимательно. Оратор не скрывал правды, и в то же время выходило, что в силах армии и дивизии собраться и нанести ответный удар. «Теперь он перейдет к делам полка»,— почувствовал Кондратьев. Не успел он это подумать, как вокруг зашевелились, задвигались, загалдели. «Ну уж это он зря! — с сожалением подумал комиссар 2-го батальона.— Зачем он так?» Вместо того чтобы поддержать боевой дух красноармейцев, оратор стал задавать им в лоб колючие вопросы: а не заражены ли они паникой, не струсили ли, подумали ли о том, что, возможно, своим отступлением подвели другие подразделения?..

Какой крик поднялся!

— Я доброволец! — распахнув драный полушубок, бил себя в грудь молодой парень.— Дрался на Украине! Давно дерусь на этом фронте! Не раз ранен! Никогда дезертиром не был!.. За что оскорбляешь?!

Кондратьеву тоже казалось, что комиссар хватил через край, обидев бойцов своей резкостью. Конечно, полк, включая и 2-й батальон, воевал сейчас не лучшим образом. Но неужто комиссар не видит объективных причин, почему не берет их в расчет?

Кучкин брал в расчет объективные причины, но полагал нужным говорить с людьми честно и открыто, ставить вопросы прямо и остро. Что делать: истины редко бывают сладкими, чаще — горькими. Реакция батальона едва ли не обрадовала его. То, что к нему подступали с кулаками, его не испугало. Он был не из пугливых. И уж во

всяком случае умел преодолевать страх. Кроме того, он считал это пустяками по сравнению с тем единодушным порывом, за которым ему почудилась сила. Перегнул палку? Неправ? Побольше бы такой неправоты. А возможность принести извинения он всегда отыщет.

Увы, извиняться не пришлось.

— Белые! Спасайся! — крик кого-то из красноармейцев перекрыл остальной шум.

Километрах в двух от Репьевки по направлению к ней показались подводы. С них спрыгнули лыжники и рассыпались цепью. Красноармейцы... бросились кто куда. Кто успел — хватал подводу, нет — удирал так. Послышались первые выстрелы. Дело приобретало опасный оборот. Напрасно командир и комиссары пытались остановить своих бойцов. Если бы потребовалось продемонстрировать учебный образец паники, лучшего было не придумать.

...Когда выяснилось, что подводы принадлежали отходившему обозу 3-й бригады, а «белыми лыжниками» оказалась вереница крестьян, возвращавшихся с крестин из церкви, что располагалась в соседнем селе (они пересекли путь обозу, и создалось впечатление, что они спрыгивают с подвод), происшедшее можно было даже не обсуждать.

Кондратьеву стало нестерпимо стыдно. Стыдно было комиссару полка Панишко. Стыдно комполка Ассариту. Стыдно бойцам. Каждому и без слов было ясно, что только мужеством и храбростью, проявленными в бою с противником, батальон может искупить свою вину. Сделав строгий выговор Ассариту и Панишко, военкомдив-27 отдал приказ вернуться на оставленные позиции, наладить связь со штабом бригады и соседними полками и сражаться с колчаковцами, помня, что от выдержки и стойкости бойцов полка зависит положение других полков, жизни товарищей.

Встретившись через пару дней с 242-м Волжским полком, комиссар узнал, как в действительности обстояли дела. Кучкин сам видел, что 242-й удерживался на месте, не уступая позиций, сохраняя между собой и противником расстояние в 4—5 километров.

— Правда, на днях нам всыпали,— рассказывал молодой командир полка Зайцев.— Подвел нас 241-й Крестьянский полк. Он отступил, не предупредив нас, и противник зашел во фланг. Было жарковато. Теперь — ничего. Справились. Вот и держимся.

Из бесед с бойцами комиссар вынес впечатление, что полк боеспособен, сплочен и настроен драться. Негодовали по поводу Крестьянского полка. Стало быть, его, комиссара, предположения о состоянии 241-го полностью подтвердились.

Тем не менее в первую же свободную минуту, сев составлять докладную записку в Реввоенсовет о случившемся в 241-м полку, Кучкин среди прочего отметил: *«Красноармейцы в беседе заявляли о крайней нужде в кожаной обуви, в белье, просят пополнений,*

заявляли о неполучении жалованья... о неполучении табака, чая, сахара, мяса». Комиссар отдавал себе отчет в том, что, при всех прочих условиях, без продовольствия, обуви и одежды много не навоюешь, сколько ни агитируй. Значит, надо было позаботиться о том, чтобы люди почувствовали уверенность за свой тыл, за обеспечение всем возможным в этих условиях.

А 241-й, после встречи с комиссаром дивизии, принялся сражаться не за страх, а за совесть. Можно привести более позднее донесение комиссара 3-й бригады Самуила Вайнера военкомдиву: *«Части бригады вели бои с противником в течение двух суток... Последний... упорно оборонялся, обстреливая наши цепи ураганным огнем из пяти орудий. Деревня Дяушева переходила из рук в руки. В результате противник был обращен в бегство. Бойцы 241-го Крестьянского полка бросались нагнать его...»*

Горький урок пошел впрок.

Отправив свою подводу с кучером обратно в Белебей, Андрей Кучкин пересел на коня и двинулся в Бугульму. Были сведения, что штаб бригады находится там.

Но штаба комиссар не обнаружил.

Ночь в Бугульме была тревожной. В городе распространилась весть, что белые, обойдя левый фланг 3-й бригады, приближаются. Ночной город стал похож на разворошенный муравейник. Злой, невыспавшийся, Андрей появился в ревкоме. Там подтвердили, что белые могут явиться с минуты на минуту, и принялись уговаривать комиссара проявить благоразумие. По мнению военных властей, ехать разыскивать в подобных обстоятельствах штаб бригады равносильно самоубийству. Кучкин попрощался с собеседниками, вышел на улицу и вскочил на коня.

Решение его оставалось неизменным.

Почему он поступал так, а не иначе? Отчего не прислушался к советам местных, сведущих людей, зачем рисковал? Да, риск был. Но гораздо больше было хладнокровного расчета, собственного понимания ситуации, знания психологии людей на войне. По каким-то, очевидным для него, признакам Кучкин увидел, что паника возникла от незнания обстановки, и решил ей противодействовать самым энергичным образом. Его мужество и выдержка помогли выправить положение.

...Спустя два месяца, когда белых уже погонят, Кучкин, вместе с комиссаром 236-го Оршанского полка Францем Карклином, выедет по делам военной службы, также верхом, из того самого села Ивановского, о каком упоминалось, на большой Мензелинский тракт. Им нужно будет попасть в башкирскую деревню Байсарову. Впереди за лесом они увидят цепь, двигающуюся в том же направлении.

Карклин предположит, что это цепи 2-й бригады, и недовольно заметит:

— Но почему они опять болтаются в тылу?

Оба комиссара пришпорят коней и подъедут к цепи вплотную. Не увидев ни на солдатах, ни на командирах никаких знаков отличия, Кучкин громко спросит:

— Что за часть?

И получит ответ:

— Такой-то штурмовой егерский полк.

Белые. Не моргнув глазом, не допустив и малейшей заминки, Кучкин бросит несколько одобрительных слов егерям и повернет коня. Карклин последует за ним. Верховые поедут не спеша и, только отъехав на некоторое расстояние, круто повернут лошадей и скроются в лесу. Можно добавить при этом следующую подробность: Кучкин в ту пору испытывал сильное недомогание — у него была очередная вспышка туберкулеза, которым он заболел, будучи в царской армии. А не прояви он на Мензелинском тракте подобного хладнокровия?..

Проехав несколько деревень в направлении линии фронта, Андрей нашел, наконец, штаб в деревне Акбаш.

Толкнув дверь деревенской избы, он спросил:

— Кто здесь командир бригады? Я комиссар 27-й дивизии.

В своих записках он так опишет комбрига Иосифа Францевича Блажевича: «Небольшого роста, плечи угловатые, гладко причесанные волосы, нос приплюснут, губы растягиваются в слегка виноватую улыбку».

Виниться, в общем-то, было в чем, и комиссар не собирался ничего смягчать. Сперва он поставил вопрос о связи.

— Все отступаем, поэтому и нет связи,— оправдывался Блажевич.— Только остановимся и прикажу тянуть провод, как снова приходится отступать. Так ничего и не получается.

Впрочем выяснилось, что, потеряв связь с начдивом, Блажевич стал получать приказы непосредственно от командарма, который поставил перед бригадой задачу прикрыть железную дорогу в районе Уфа—Симбирск. И бригада — с потерями, но тем не менее выполняла задачу. Этого комиссар не мог не отметить.

При Андрее произошел не понравившийся ему телефонный разговор Блажевича с командиром 243-го Петроградского полка Сокком. Сокк сообщал о наступлении противника.

— Мне думается, что с одним батальоном вашего полка надо ударить во фланг противника! — кричал Блажевич в трубку.— Приказываю немедленно выполнить!

Но, видимо, услышав возражения, от своего распоряжения отказался:

— Ну ладно, сделайте так, вам на месте виднее.

Кучкину показалась странной манера старшего командира руководить действиями младшего. Почему такая нетвердость? От некомпетентности? Или от усталости и, как следствие, равнодушия? Он поделился сомнениями с комиссаром полка. Комиссар полка, им тогда был Вайнер, объяснил, что Сокк — очень опытный командир и Блажевич не может не считаться с его позицией.

Ночью в штабе были получены сведения, что белые прорвались, создалась угроза окружения штаба. Блажевич не растерялся. Отдавал приказания сухо, строго, кратко. По его распоряжению комендант штаба со своими людьми отправился ликвидировать прорыв. Белых отогнали. Кучкин оценил спокойную распорядительность комбрига.

Приходилось признать, что первоначальное мнение о нем сложилось ошибочное. Что ж, такое случается. Жаль только, что иные люди упорствуют в похожих ошибках, нанося этим непоправимый вред не только человеческим отношениям, но и делу. Кучкин бывал горяч, это правда, но мог справиться с собой и умел сознаться в ошибке, не только перед самим собой, но и перед другими, хотя в последнем случае его самолюбие, думается, страдало. Вероятно, это неплохая черта для комиссара. Верная оценка людей являлась одним из условий успеха комиссарской работы.

«На самом деле это действительно был волевой командир, знающий военное дело и хорошо руководивший боевыми операциями,— читаем в записках Андрея Кучкина.— *Именно благодаря его умелому командованию, с одной стороны, и стойкости красноармейцев, с другой, Колчаку так и не удалось сбросить бригаду с линии железной дороги, зайти в тыл 5-й армии и уничтожить ее».* Если учесть, что против 3-й бригады 27-й дивизии, насчитывающей 3 тысячи человек, выступал 2-й Уфимский корпус белых, числом в 19 с лишним тысяч, картина в целом складывается впечатляющая.

Как известно, воз всегда тянут самые сильные. Таким сильным полком в бригаде был полк Сокка, 243-й Петроградский. Знакомство с ним доставило Кучкину большую радость.

Первый прием чуть не рассмешил комиссара.

— Не устали? Не угодно ли чайку?

Худощавый блондин с серыми глазами держался непривычно вежливо. Народ в Красной Армии был обычно попроще, погрубее.

«Ухаживает, как реалист за барышней,— пришло в голову Андрею.— И этот галантный кавалер — герой?» «Галантный кавалер» вышел из бедной крестьянской семьи. Но в царской армии, где он, подобно Кучкину, нес службу, его боевые качества были замечены, и он, сын батрака, попал в офицерское училище.

Оба тотчас нашли общий язык — комполка и военкомдив-27, близкие по судьбе, да в чем-то, пожалуй, и по характеру.

Сблизило их и то, как рассказывал Сокк о сражениях, о людях, о героизме бывших питерских рабочих-полиграфистов, составивших ядро полка, о большевиках в полку и сочувствующих им. Они бесстрашно поднимались из окопов, заслышав комиссарский призыв: «Коммунисты, вперед!» Из 38 коммунистов остались в строю 10, а из 100 сочувствующих — 7.

Сокк рассказал, как погиб командир батальона молодой рабочий Ваня Выборнов. Поднял ребят в атаку, крикнул «ура» — и пуля врага попала прямо в раскрытый рот. Как пришел к ним Степан Вострецов, которого они приняли за шпиона и чуть не расстреляли, а теперь он один из самых храбрых и умных командиров. Вострецов был в числе тех немногих легендарных красных командиров, которых четырежды награждали орденом Красного Знамени.

Конечно, продолжал Сокк, в данный момент противник навязывал им свою тактику, а не они противнику — им приходилось более всего обороняться. Но Сокк, отражая очередную атаку, стремился завершить ее либо контратакой, либо заходом во фланг колчаковцам. Кучкин как военный человек мог по достоинству оценить находчивость и тактический талант Сокка. Однако Кучкин слышал, что Сокка слегка поругивали за партизанщину.

— Этим в штабе бригады недовольны,— заметил он комполка.

— Этим и белые недовольны,— сейчас же отозвался Сокк.— Это не партизанщина, а военная инициатива. На месте виднее, как надо действовать. Особенно в обстановке беспорядочного отступления дивизии.

Это был камешек в огород дивизионного начальства.

У Кучкина была в запасе новость для Сокка. Не имея связи со штабом дивизии с самого начала отступления, Сокк не знал, что от командования дивизией — за потерю управления и беспорядочное отступление — отстранен прежний начдив Яхлаков и назначен новый — Вахрамеев. Сокку новость пришлась по душе. Он был хорошо знаком с Вахрамеевым по боям сначала под Казанью, а затем под Уфой, когда Петроградский полк воевал в составе бригады, командиром которой был Вахрамеев. С назначением нового начдива Сокк мог рассчитывать на большее понимание своих военных действий.

Однако на войне как на войне.

Едва Кучкин, заехав снова в штаб бригады, чтобы подытожить результаты своей поездки по полкам, собрался возвращаться в штаб дивизии, белые перешли в наступление.

Ночью завязался яростный бой. Первым, кого увидел Кучкин, выбежав на улицу и оседлав коня, был Степан Вострецов, тоже на коне.

С Вострецовым вместе Кучкин поскакал в 243-й полк. Перестрелка усиливалась. То и дело попадались подводы с тяжелоранеными. Легкораненые шли сами.

Внимание комиссара привлек человек, лежавший на подводе. Ему показалось, что это Сокк. Это и был он. Серое лицо, глаза закрыты, он стонал. Кучкин видел умирающих и тотчас понял, что ранение из тяжелых. Сокк двумя руками держался за живот — значит, вот куда угодила пуля... Подводу сопровождал комиссар полка Всеволод Петров.

— Выживет ли? — спросил у него Кучкин.

— Едва ли. Рана очень опасная,— ответил Петров.— Белые начали наступать, а когда наши ответили дружным и сильным огнем, залегли. Тогда Сокк бросил полк в контратаку и первым пошел...

У Петрова были слезы на глазах. Он любил командира как брата.

«Вот и не пришлось ему повоевать с Вахрамеевым, как хотелось»,— подумал Кучкин.

Командование полком принял Вострецов.

Сокк останется жив. Он вылечится, вернется в родную 27-ю дивизию, станет комбригом, будет награжден двумя орденами Красного Знамени — за Омск и Кронштадт...

Впрочем, и Вахрамееву недолго еще командовать дивизией. Командарм-5 Тухачевский снимет его 21 мая за нарушение приказа, заключавшееся в том, что дивизия продвинулась вперед на несколько десятков километров дальше указанной линии фронта. Кучкин, при всей своей глубокой симпатии к Тухачевскому, недоумевал: ну и что, что нарушен приказ, ведь дивизия гонит врага! И только потом, когда в тылу у красных высадился с речных судов колчаковский десант и ударил по нашему арьергарду, станет ясно, в какое трудное положение поставил Вахрамеев армию, увлекшись погоней.

Рано утром 6 апреля Кучкин переступил порог штаба дивизии в Белебее. Из-за стола навстречу ему поднялся радостно изумленный человек:

— Как! Вы живы? А здесь вас уже похоронили...

Комиссар успел доложить обстановку в разысканной им 3-й бригаде, успел обсудить положение на фронте, встретиться с друзьями, а вечером Белебей был сдан белым.

Опоздай комиссар хотя бы на полсуток, кто знает, как повернулась бы судьба.

Драматическая страница еще не была перевернута.

Еще многое должно было произойти, прежде чем войска Восточного фронта приступят к форсированию реки Белой.

Родная река!.. От нее ушел, к ней вернулся.

Новый начштаба 27-й дивизии Шарангович сообщил в штаб армии 4 июня: *«В 9 часов утра застава 241-го полка была обстреляна в деревне Дюртюли с правого берега реки Белой редким артиллерийским огнем противника со стороны города Бирска и Соколья Гора. Производится разведка реки Белой от Ляпустино до Сокольей Горы для выяснения переправ».*

Любопытно, как продолжится кружение жизни: осенью 1941 года, когда немецкие фашисты начнут бомбить Москву, семья Андрея Павловича Кучкина будет эвакуирована в Дюртюли, а сам он добровольцем уйдет на фронт, однако у него хлынет горлом кровь, откроется старый легочный процесс и его положат в госпиталь.

Но это еще далеко впереди...

А пока общий фронт форсирования — 75 километров. Ширина реки — 150—180, а в каких-то местах до 300 метров. Течение быстрое. Из-за больших снегов вода держалась выше нормы. Подойти к реке почти невозможно: противник окопался на правом, возвышенном, берегу и готов открыть огонь в любое время суток. Все переправы им уничтожены, оставлен только железнодорожный мост — следовательно, минирован.

Люди делают невозможное.

Новый начдив Павлов намечает пункт переправы 27-й дивизии как раз в районе деревни Дюртюли. Дивизионный инженер Кошелев получает задание в одну ночь построить плавучий мост. Тысяча крестьянских подвод тайком доставляет к месту переправы заготовленные заранее бревна, доски, бочки, наспех сооруженные плоты. Чтобы обмануть врага, комбриг-2 устраивает ложную подготовку переправы в районе деревни Сабанеево, а комбриг-3 — в районе Бирска. Наступает назначенный день и час — а Кошелев доносит, что мост не готов: сильное течение отрывает и уносит отдельные бревна и целые плоты. Несмотря на это, переправа начинается. Вся артиллерия дивизии сосредоточивается здесь, на левом берегу, чтобы в случае чего прикрыть войска. Тактическая уловка удается: белые собирают главные силы там, куда их заманили 2-я и 3-я бригады. Оставшиеся тут вражеские батареи открывают артиллерийскую и пулеметную стрельбу, однако захлебываются, подавленные ответным ураганным огнем.

Андрей Кучкин не оставит нам записей о себе в те дни и ночи — только о других. Но благодаря сообщенным им фактам мы можем ярко вообразить себе всю панораму этой переправы.

Это был перелом. И готовили его и они, комиссары. Надо вспомнить, какими словами характеризовала партия ситуацию, сложившуюся весной 1919-го: «чрезвычайно грозная опасность», необходимость «самого крайнего напряжения сил». «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта», которые содержали эти оценки, утверждали высокую роль политического работника в армии,

призванного действовать с полной отдачей сил. Так и действовал Андрей Кучкин. Горячим напором, терпеливым убеждением, анализом происходящего, гневной отповедью — всем арсеналом боевого оружия пропагандиста и агитатора. А главное, тем, что жил одной жизнью с бойцами и командирами. Не важничал, не заносился, был скромен, готов поделиться последним. И готов выполнять свои обязанности до последнего. Он любил людей, и они платили ему тем же.

В оперативной сводке, отправленной Шаранговичем в штаб армии 8 июня в 16 часов 30 минут, сказано: *«Бригады 1/27, 2/27, 2/5 целиком переправились на правый берег реки Белой и продолжают наступление».*

9 июня вся 27-я дивизия форсировала Белую.

Река Белая стала красной.

Уже хорошо знакомый нам 241-й Крестьянский полк после короткого энергичного боя 9 июня освобождает Бирск.

К вечеру того же дня 25-я дивизия под командованием Чапаева берет Уфу.

14 июня, предвидя новые жестокие бои, желая вдохновить бойцов на борьбу до победы, штаб 27-й дивизии обратился к ним с призывом:

«Товарищи! Преодолевая пространства и преграды, вы, честно исполняя свой долг, идете на подвиги за высшие идеалы человечества... 27-я дивизия поражений не должна знать! Вперед плечом к плечу! Коммунисты, по местам!

Начдив 27 Павлов. Политкомдив А. Кучкин».

Впереди была победа.

Своим «Запискам военного комиссара» Андрей Павлович Кучкин предпошлет посвящение: *«Вам, бойцам 27-й Краснознаменной дивизии, совершившим беспримерные в истории военные походы, вам, честным солдатам революции, своей кровью защитившим Советскую Родину от вооруженных сил многочисленных капиталистических государств и внутренней контрреволюции, вам, скромным героям, показавшим чудеса храбрости, мужества, выносливости и стойкости в боях, вам, соратникам по борьбе, посвящаю».*

Он имел право так сказать, он знал каждого из них как самого себя, мой отец.

Николай
СОЛОМИН

С ПЕРЕДОВЫМИ ЧАСТЯМИ

Войска немецких наемников во главе с генералом фон дер Гольцем прорвали фронт в Курземе и ворвались в Ригу. Вместе с красными частями отходил на восток и инструктор по особым поручениям Реввоенсовета Армии Советской Латвии Оскар Калнин. Несколько дней бойцы батальона сдерживали яростные атаки противника, не давая возможности замкнуть кольцо вокруг латышских стрелков. Прямо в окопе во время жаркого боя Калнину вручили телеграмму — немедленно явиться в Реввоенсовет армии.

В вагоне, убаюканный мерным стуком колес, он вдруг почувствовал невыносимую усталость. Даже для его молодого, крепкого организма наступил предел. После оглушительной ружейной пальбы, треска пулеметов и непрерывного грохота орудий спокойный перестук колес в вагоне успокаивал, не мешал размышлениям. Каковы же причины экстренного вызова?

В Великие Луки поезд прибыл поздней ночью. Редкие фонари тускло освещали узкие и пыльные улицы древнего города. Кругом ни души, только изредка попадались воинские патрули, тщательно проверявшие документы. Оскар Юрьевич дошел до двухэтажного дома на берегу Ловати. Там он узнал, что в ближайшее время Армия Советской Латвии будет преобразована в 15-ю армию. А он назначается военным комиссаром 11-й стрелковой дивизии. Поезд в Остров, где располагается штаб дивизии, уходил через два часа. Времени вполне достаточно, чтобы собраться в дорогу.

Тихий бревенчатый город, стоявший на берегу реки Великой, понравился Калнину своим живописным видом. Почти в центре Острова раскинулось небольшое озерцо, заросшее желтыми лилиями. Берега окаймляли высокие и стройные тополя, почти к самой воде склонили свои густые космы плакучие ивы.

В нескольких десятках метров от водоема стояло реальное училище — одно из немногих в городе кирпичных строений. В нем и размещался штаб 11-й стрелковой дивизии.

В комнате было пусто, хотя часы показывали уже девять утра. Это смутило привыкшего к образцовому порядку комиссара. Оскар Юрьевич специально не послал телеграмму о своем приезде, чтобы лишний раз не беспокоить людей, и, кроме того, думал взглянуть на

обстановку, сложившуюся в штабе, не глазами строгого начальства, которое все знают и опасаются, а взглядом нежданного посетителя.

Начдива на месте не оказалось. Адъютант любезно сообщил, что Густав Генрихович Мангул завтракает и скоро явится. Его фигура показалась в дверях без четверти десять. С трудом сдерживая негодование, Калнин высказал начдиву свое неудовольствие работой штаба и попросил познакомить его с обстановкой на фронте.

— Только что мне принесли оперативную сводку, подготовленную для отправки в штаб армии,— начдив протянул Калнину листок бумаги.— Прошу ознакомиться с ней. Из ее содержания вам станет ясно, каково положение наших войск.

«На нашем правом фланге противник весь день вел наступление вдоль железной дороги и шоссе Псков — Остров,— читал комиссар,— 86-й полк не выдержал натиска и в настоящее время отходит на линию Дуловка—Холево—Савино. Получено донесение, что противник при поддержке бронепоезда дошел до станции Дуловка. Выдержат ли наши части натиск — уверенности нет. Из Пыталово затребован 99-й полк, которому уже подан состав, но полк на погрузку не прибыл. Если вовремя не поспеет 99-й полк, то положение под Островом безнадежное. Ввиду появления бронепоезда с тяжелыми орудиями 86-й полк рассыпался. Дорога на Остров открыта. Преградить путь нечем. Не имеем мы связь и с Эстонской бригадой. Связь потеряна вчера в 16 часов».

Комиссар склонился над картой, вникая в расстановку сил, прикидывая расстояния, изучая рельеф местности. Помолчал.

— Какие шаги предприняты вами для того, чтобы установить контакт с Эстонской бригадой? Ведь прошли уже сутки, времени больше чем достаточно.

— Делаем все возможное,— ответил Мангул.— Посылали конные разъезды и мотоциклистов, но они возвратились ни с чем.

— Бригада не иголка в стоге сена,— вспыхнул Оскар Юрьевич.— Надо разыскать ее немедленно. А что сделано вами для того, чтобы остановить и привести в порядок восемьдесят шестой полк? Выяснить местонахождение девяносто девятого полка?

Мангул подавленно молчал. Военком, взглянув в растерянное лицо начдива, решительно поднялся со стула.

— Я сам поеду в Пыталово, разыщу девяносто девятый полк и постараюсь как можно быстрее перебросить его к Дуловке и остановить противника. Пыталово нам надо удержать во что бы то ни стало, а для того, чтобы спасти положение, нужны решительные действия. Буду регулярно поддерживать с вами телеграфную связь. Выделите мне несколько бойцов из караульной роты.

— Зачем же ехать вам самому, товарищ Калнин? Можно послать кого-нибудь из работников штаба.

— Положение слишком серьезное, чтобы доверить кому бы то ни было. Тем более что я пока не знаю в дивизии людей, на которых можно положиться в таком деле.

— Вы правы. Возьмите для удобства передвижения мой автомобиль.

Знакомство с делами начиналось не лучшим образом.

Когда Калнин вышел во двор, вокруг машины с откидывающимся брезентовым верхом уже гарцевали всадники.

Подъезжая к Пыталово, Калнин еще издали увидел, что станция до отказа забита войсками. Красноармейцы сидели и лежали в самых живописных позах на перроне и путях, расположились вокруг одноэтажного вокзала, построенного из красного кирпича, на фасаде которого висел медный, до блеска начищенный колокол. Бойцы нежились на солнце, латали изношенные до дыр гимнастерки, обливаясь потом, не спеша тянули из помятых и закопченных котелков кипяток, запивая ссохшиеся до каменной твердости ржаные сухари. Тут же рядом в козлах стояли винтовки. Дух безмятежного спокойствия витал над солдатским привалом.

Внутри приземистого вокзального здания стояла приятная прохлада. Калнин прошел просторный зал ожидания, заставленный массивными деревянными диванами, и толкнул одну из дверей, из-за которой доносились громкие голоса. С его появлением оживленный разговор разом стих, только один из командиров с пушистыми висячими усами на широком скуластом лице лихорадочно крутил ручку телефонного аппарата и беспрерывно кричал в трубку:

— Алло! Алло! Остров!

Наступившая тишина заставила его обернуться. Он увидел в дверях высокого, чуть сутулого молодого человека с аккуратно подстриженной русой бородкой.

— С кем имею честь?

— Я военком одиннадцатой, Оскар Калнин.

Звонивший по телефону одернул гимнастерку, взял под козырек.

— Командир девяносто девятого полка Худский.

— Почему ваш полк до сих пор не на позиции?

— Во время марша к станции Пыталово нам пришлось наводить переправу через реку. Кто-то незадолго до появления головной колонны полка сжег мост. На форсирование водной преграды ушло несколько часов, так что к месту погрузки мы прибыли с некоторым опозданием. На станции не оказалось обещанного нам эшелона, и вот уже третий час я пытаюсь дозвониться до штаба дивизии, но все бесполезно. Связь, видимо, нарушена.

— Идемте со мной к начальнику станции.

Они нашли его в тесной конторке за массивной, обитой железом дверью.

— Нам нужны вагоны,— потребовал военком.

— Откуда я их возьму? — ответил невозмутимо давно не бритый, смертельно уставший железнодорожник.

Калнин, не говоря ни слова, расстегнул кобуру револьвера. Начальник станции, увидев движение комиссара, приложил руки к груди:

— Истинный бог, нет у меня ни одного вагона. И взять неоткуда.

— А те, что стоят на путях? — строго спросил военком.

— Они загружены дровами и следуют в Петроград. Есть строгое предписание срочно, без задержки отправить их по назначению. Вот, пожалуйста, телеграмма.

Он выдвинул ящик стола и извлек из него телеграфный бланк.

— Вот тут говорится: «За саботаж — расстрел».

Начальник станции острым ногтем подчеркнул последнюю фразу и протянул телеграмму Калнину. Оскар Юрьевич знал, что положение с топливом в Петрограде катастрофическое. Заводы и фабрики города работали на половину своей мощности. Запаса горючего оставалось только на два месяца, а впереди — студеная зима. Остановилась работа на предприятиях, и только самые крупные заводы, такие, как Путиловский, Ижорский, Обуховский, Балтийский и Невский, выполняли неотложные военные заказы. Калнин с минуту подержал в руках телеграфный бланк, еще раз пробежал глазами по косо наклеенным строчкам, потом молча пододвинул стул к массивному дубовому столу, достал из нагрудного кармана огрызок чернильного карандаша, порывшись в груде листков, выбрал одну незаполненную багажную квитанцию и на обратной ее стороне написал: «Мною отдан приказ о выгрузке дров из вагонов, которые крайне нужны,— военком дважды подчеркнул это слово,— для срочной переброски воинской части в район боев. Политкомиссар 11-й стрелковой дивизии Калнин».

— Паровоз держать под парами, чтобы можно было без промедления отправиться в путь,— приказал комиссар, передавая расписку начальнику станции.— А вы постройте полк на привокзальной площади.

Через несколько минут красноармейцы уже стояли в четком строю, подтянутые и строгие. Оскар Юрьевич вплотную подошел к первой шеренге:

— Товарищи бойцы и командиры! Враг прорвался к станции Черская и движется к Дуловке. Надо во что бы то ни стало остановить противника, не дать ему пройти к Острову. Это должны сделать вы, бойцы славного девяносто девятого полка. Сейчас мы, разбившись повзводно, быстро выгрузим дрова из вагонов, разместимся в них и двинемся в путь. Отправление эшелона через час. За дело, товарищи!

С металлическим скрежетом раздвинулись массивные вагонные двери, и на землю полетели тяжелые березовые и еловые поленья.

Работали дружно, без перекуров; вместе со всеми, раздевшись до пояса, азартно трудился и комиссар дивизии, швырявший в открытый дверной проем пахнувшие смолой чурбаки.

Через час весь состав был освобожден от груза и бойцы заняли места в вагонах. Эшелон, набирая скорость, двинулся на север. Калнин глядел на убегавшее железнодорожное полотно, внезапно он увидел бредущих прямо по полю вооруженных людей.

— Ну-ка, отец, притормози,— обратился он к машинисту и, не дожидаясь полной остановки состава, спрыгнул на землю и побежал навстречу красноармейцам. Это отходил от Дуловки 86-й стрелковый полк. Военком приказал одному из командиров выставить на дорогах и лесных тропинках заставы, задерживать всех отступающих и направлять их к месту сбора.

Дуловка встретила прибывший эшелон громом орудий. Подходы к станции защищал бронепоезд № 43. Наши артиллеристы интенсивным огнем сдерживали вражескую пехоту, пытавшуюся овладеть крупным железнодорожным узлом, и одновременно вели дуэль с двумя бронепоездами противника, не давая им возможности приблизиться к Дуловке.

Прямо из вагонов бойцы 99-го стрелкового полка ринулись в бой. Вместе с красноармейцами шел с винтовкой в руках военком дивизии Оскар Калнин. Бойцы смело атаковали врага. Удар был таким дружным и стремительным, что белые не выдержали и начали отступать к станции Черская. На следующий день Калнину удалось привести в порядок покинувший свои позиции 86-й стрелковый полк. Вместе с 99-м полком они заняли оборону и удерживали важный узел до конца Псковской операции.

Только убедившись, что дорога на Остров врагу прочно закрыта, Калнин сообщил об этом в штаб, а сам с несколькими бойцами отправился дальше, на правый фланг дивизии.

Первые же встречи удручили комиссара. Многие бойцы выглядели неряшливо. Ходили в рваных и грязных гимнастерках. Красноармейцы жаловались, что им подолгу не меняют белье, в баню водят от случая к случаю, жалованье выдают нерегулярно, газеты и письма доставляют неаккуратно.

Беседуя с комиссарами бригад Роземблюмом, Габидулиным и Полубояриновым, Оскар Юрьевич сурово внушал им:

— Вам следует больше заботиться о людях. Каждый красноармеец должен проникнуться сознанием, что он является не только защитником трудового народа, но и его гордостью.

Возвратившись в штаб дивизии, Оскар Юрьевич активно взялся за уничтожение банд «зеленых» в ближайшем тылу дивизии.

Рота Реввоенсовета и приданный ей кавалерийский эскадрон, разделив всю прифронтовую территорию на квадраты, стали методично прочесывать леса, овраги, заброшенные лесные сторожки.

Калнин взял под особый контроль действия сводного отряда, внимательно изучал донесения его командира, почти ежедневно беседовал с начальником дивизионной разведки, возглавлявшим эту операцию.

— Полностью очистить тылы дивизии от бандитов и дезертиров можно только с помощью местного населения, которое, как вы знаете, всей душой поддерживает Советскую власть,— говорил ему комиссар.— Опирайтесь на комитеты бедноты и Советы. Местные крестьяне лучше нас с вами знают все самые глухие уголки губернии, где отсиживаются «зеленые». Свяжитесь и с товарищем Порозовым, командиром партизанского отряда местных большевиков. Я уже разговаривал с ним, и он выделит для вас проводников, они проведут наши отряды к самым потаенным местам.

Вскоре в тылу дивизии установился порядок, на дорогах и в деревнях стало спокойно.

Энергично взялся комиссар и за разрешение бытовых вопросов. В Острове Калнин собрал командиров и комиссаров всех частей, работников политотдела во главе с Освальдом Дзенисом, снабженцев и медиков, членов ревтрибунала дивизии, вместе с их суровым председателем Яковом Любинским.

— Неужели вы не понимаете,— обращался к ним Оскар Юрьевич,— что от того, как одеты, обуты, накормлены красноармейцы, имеют ли они постоянную связь с домом, зависит их настроение и боеспособность. Положение на нашем участке фронта очень трудное, но, несмотря на это, следует немедленно установить для бойцов и командиров краткосрочные отпуска. Давать их в виде поощрения наиболее отличившимся в бою красноармейцам. Надо взять за правило регулярно доставлять в роты и батальоны письма и газеты, даже если эти подразделения находятся вдали от дорог.

— Здесь ли командир второго батальона девяносто первого стрелкового полка? — обратился в зал Оскар Юрьевич.

С места поднялся высокий, стройный командир в ладно подогнанной гимнастерке, туго стянутой в поясе широким ремнем.

— Слушаю вас, товарищ военком.

— Сразу же после моего выступления я попрошу вас выйти сюда и рассказать, каким образом вам удается поддерживать у себя в батальоне образцовый порядок. Все бойцы в его подразделении опрятные, подтянутые, пребывают в хорошем расположении духа, дисциплинированные и исполнительные. Оттого и в бою действуют умело и решительно.

Недавно в районе деревень Пуринг и Трулево наступавший противник пытался захватить обозы и орудия 83-го и 91-го стрелковых полков. Он уже был близок к цели, когда товарищ Чернявский быстро развернул в цепь свой батальон и, увлекая за собой бойцов, повел их в атаку. Решительный удар заставил неприятеля отступить и освободить дорогу нашему обозу и артиллерии.

Мы с начдивом обратились с ходатайством к командованию Западным фронтом о награждении Андрея Антоновича Чернявского орденом Красного Знамени. Приказом по дивизии комбат назначен на должность командира 91-го стрелкового полка.

Оскар Юрьевич не ошибся в своем выборе. Полк под командованием Чернявского отличился в боях под Псковом, Ямбургом и Лугой.

Общими усилиями Оскара Юрьевича и сотрудников политотдела во главе с умным и решительным Освальдом Петровичем Дзенисом в каждой роте были созданы коммунистические ячейки, куда вошли члены партии и сочувствующие. Для каждой подобрали надежных и авторитетных секретарей. Людей мужественных, беззаветно преданных идеалам революции было достаточно, но, как правило, они не отличались образованностью. По инициативе комиссара в полках создали школы по борьбе с неграмотностью. Самыми активными учениками стали коммунисты.

Комиссару дивизии с помощью политотдела удалось наладить регулярную доставку на передовую газеты «Беднота» и журнала «Красная Армия», но Калнин хотел иметь в дивизии свой печатный орган. Из Реввоенсовета фронта он привез небольшой печатный станок и двух журналисток — Софью Юрес и Марту Силинь, которые наладили выпуск дивизионной газеты. В типографии печатались и воззвания к солдатам армии противника с призывами бросать оружие и расходиться по домам. Листовки разбрасывались с аэропланов. Агитация имела огромное воздействие. Многие насильственно мобилизованные в белую армию крестьяне уходили в леса или перебегали через линию фронта.

Части дивизии находились в непрерывных боях, с трудом сдерживая противника, но тем не менее по очереди их выводили на отдых и располагали вблизи какой-нибудь железнодорожной станции. Там уже поджидал бойцов передвижной красноармейский клуб — детище политотдела дивизии. В вагонах постоянные выставки о жизни и деятельности К. Маркса, В. Ленина, К. Либкнехта, А. Бебеля, библиотечка — подарок Петроградского Совета.

Клуб имел несколько опытных лекторов. Здесь же, у вагонов, на свежем воздухе проходили концерты профессиональных актеров из Петрограда и своих самодеятельных артистов.

Отдохнув несколько дней в такой обстановке, бойцы с хорошим настроением возвращались на передовую.

Все добрые начинания комиссара находили поддержку со стороны политработников, командиров и рядовых коммунистов. А вскоре комиссар получил хорошую поддержку в лице нового начальника дивизии — Александра Георгиевича Нацвалова, боевого командира, обладавшего сильной волей и твердым характером. Не выходя из боя, они приступили к сколачиванию крепких, боеспособных соединений.

24 июня Мариенбургская группа советских войск была расформирована, и многие входившие в нее части пошли на пополнение 11-й стрелковой дивизии. В эти полные напряжения дни Нацвалову и Калнину, начальнику штаба дивизии Михаилу Алексеевичу Поликарпову, руководителю политотдела Освальду Петровичу Дзенису, комиссару штаба Яну Яновичу Габерману почти не приходилось отдыхать. Калнин буквально разрывался между линией фронта, где полки вели тяжелые бои, и ближайшим тылом, где пополнялись и обучались части. Он заряжал людей своей энергией, вселял в них уверенность.

У Калнина уже был богатый опыт формирования воинских частей. Назначенный в июне 1918 года членом РВС 1-й революционной армии Восточного фронта, он приехал на станцию Инза, куда отходили отряды, зараженные духом анархистской вольницы. Казалось, что нет такой силы, которая могла бы остановить деморализованные неудачами в боях части. Оскар Юрьевич твердо, по-революционному решительно стал наводить порядок. Вначале ему пришлось действовать почти в одиночку, только спустя две недели прибыл новый командующий армией — Михаил Николаевич Тухачевский, а затем и член РВС армии Валериан Владимирович Куйбышев. Все вместе за короткий срок они создали три крепкие дивизии, и 1-я революционная армия Восточного фронта, как впоследствии писал М. Н. Тухачевский, стала в Красной Армии первой не только по номеру, но и по боеспособности.

Став комиссаром 11-й стрелковой дивизии, Оскар Юрьевич твердо знал, как действовать.

В конце июля 1919 года продолжавший наступать противник почувствовал, что ему противостоят будто бы другие части. По номерам это были те же самые полки, а вот стойкость и боеспособность у них значительно выросли. Белые имели кое-где успех, но каждый метр теперь давался им ценой больших потерь. Ослепленный ненавистью враг не хотел верить, что удача отвернулась от него, и продолжал рваться вперед, но вскоре чаша весов склонилась в нашу сторону.

На рассвете 1 августа красные полки перешли в наступление. Весь день кипел горячий бой. Сутулую фигуру комиссара дивизии видели в первых рядах атакующих. К вечеру наши части, сломив упорное сопротивление противника, взяли деревню Наволок, село Троицкое и вплотную подошли к деревне Жерчиха, возле которой белые сосредоточили крупные силы и возвели прочные оборонительные сооружения.

В тот же день новым командующим 15-й армии стал Август Иванович Корк. Командарм сразу вызвал к себе Нацвалова и Калнина. Но едва они подошли к автомобилю, как увидели запыхавшегося адъютанта.

— Товарищ начдив, вас срочно вызывают к аппарату.

Из Великих Лук сообщили, что противник при поддержке бронепоездов выбил части соединений 10-й стрелковой дивизии со станции Торошино. Предпринятая командованием попытка произвести собранными резервами контрудар не дала результата, противник неудержимо продвигался в сторону Порхова. Штаб армии предупреждал о возможности нанесения удара и на участке 11-й дивизии.

Поездку в штаб армии пришлось отложить.

Половину дня телеграф принимал обычные каждодневные сводки, ничего нового не сообщалось. И вдруг часам к четырем разом заработали все аппараты. Начдив и комиссар читали на телеграфных лентах тревожные строки. «Под сильным нажимом противника части Эстонской бригады отошли на линию Неводицы—Рогово. Значительные силы неприятеля неожиданно повели наступление на участке 93-го стрелкового полка в направлении деревень Горши и Сосница. Под его давлением наши части оставили деревню Плесово».

Особое опасение у начдива вызывало положение 93-го полка, занимавшего удобные позиции для наступления на Псков. С трудом Калнин дозвонился до штаба полка.

— Час назад,— сообщил начштаба,— энергичное наступление белых вынудило нас отвести левый фланг и оставить деревню Сосницы. Положение очень сложное. В строю осталось не более двухсот человек. В бой брошены последние резервы.

— Единственный выход, по-моему,— заговорил военком, поглаживая свою русую, аккуратно подстриженную бородку,— посадить прибывший к нам отряд Псковского ЧК на бронепоезд № 4 и двинуть десант к деревне Жигурово. Нанести удар во фланг наступающему противнику.

— Отряд малочисленный, вряд ли он сделает погоду,— возразил Нацвалов.

— А для чего бронепоезд? Мы используем его мощные орудия не только как батарею, стреляющую с закрытых позиций. Он будет продвигаться вместе с пехотой и тем самым облегчит положение атакующих частей.

— Вы что, сами хотите повести отряд? — спросил начдив, подняв голову от карты.— Вы же только что вернулись с передовой.

— Больше никого под рукой нет. Командир чекистов — толковый парень, но он не знает обстановки.

— Возьмите на подмогу еще и комендантскую команду,— посоветовал Нацвалов.

Когда военком прибыл на станцию, бронепоезд уже стоял под парами и все бойцы разместились по вагонам. К Калнину подскочил ладно скроенный, красивый парень лет двадцати трех в солдатской гимнастерке, галифе и до блеска начищенных хромовых сапогах. Вскинув руку для приветствия, командир бронепоезда четко отрапортовал:

— Товарищ военком, личный состав бронепоезда № 4 к выходу готов.

Бронепоезд состоял из двух частей — легкой и тяжелой. В легкую входили четыре бронеплощадки — тесные стальные коробки с четырьмя пулеметами по углам и трехдюймовым орудием. Тяжелая часть бронепоезда только что прибыла после ремонта из Петрограда и имела на вооружении шесть пулеметов и три дальнобойных орудия. На тендере паровоза, сразу же за будкой машиниста, с обеих сторон было написано белой масляной краской: «Бронепоезд № 4 — тяжелый», а на башнях алели звезды.

Прогромыхав на стрелках, тяжелый состав двинулся в сторону Пскова. Паровоз выбрасывал из трубы клубы черного дыма и снопы искр. Привалившись к нагретой за день металлической стенке, уставший Калнин задремал и открыл глаза, когда заскрипели тормоза и вагоны, замедлив бег, остановились. Военком взглянул на часы — стрелки показывали 2 часа 50 минут ночи.

Появление нашего бронепоезда было для белых полной неожиданностью. Чувствуя себя хозяевами положения, два бронепоезда противника двигались уверенно, с открытыми настежь тяжелыми дверями. Натолкнувшись на неожиданное препятствие, бронированные громады остановились, и наши артиллеристы, воспользовавшись минутным замешательством, открыли стрельбу. Первый же снаряд влетел в открытую дверь передней бронеплощадки, перебил всю прислугу и разворотил лобовую башню. Несмотря на сильный обстрел, белые выскочили из вагонов, отцепили разбитую бронеплощадку и стали поспешно отходить.

При поддержке орудийного огня отряд вплотную подошел к деревне. Впереди развернувшейся цепи шагал Калнин, в правой руке он сжимал рифленую рукоятку револьвера:

— Товарищи! Вперед! — крикнул он и, не оглядываясь, побежал к видневшимся вдалеке строениям.

Неожиданной атакой отряд сбил неприятельские заставы и ворвался в деревню. Постепенно стрельба стихла, только изредка нарушали тишину одиночные выстрелы. Калнин вместе с комиссаром 3-й бригады Леонидом Полубояриновым шел по пыльной деревенской улице. Из-за заборов с любопытством глядели на них белоголовые деревенские мальчишки, выполнявшие роль передового дозора. Их родители в ожидании окончания боя сидели в погребах, вырытых за огородами. Они не спешили вылезать наружу, ждали, какие новости принесут им вездесущие подростки.

Постепенно улица стала заполняться людьми. Увидев красный флаг над домом, где разместился штаб, крестьяне приободрились, осмелели. Оскар Юрьевич, как всегда, не упустил случая побеседовать с крестьянами, рассказал им о положении в стране и на фронте, охотно отвечал на их подчас заковыристые вопросы. Прямой и

открытый, он никогда не кривил душой, говорил людям правду, и они, чувствуя это, платили ему откровенностью. Бывало, такие беседы затягивались далеко за полночь.

И в этой деревне степенные мужики, рассевшись на груде почерневших бревен, с любопытством и в то же время с нескрываемым уважением смотрели на стоявшего перед ними комиссара.

Беседа шла неторопливо. Истосковавшиеся по свободному общению люди наперебой выкладывали свои новости, горячо возмущались жестокими порядками, царившими в период белогвардейской власти. Один из крестьян был очевидцем вступления в Псков частей Булак-Балаховича и жестоких расправ над рабочими.

— Я вас попрошу прийти завтра утром к штабу,— обратился к нему Калнин.— Встретитесь с красноармейцами и расскажите им обо всем, что видели и пережили.

— Рассказать можно,— охотно согласился мужик,— отчего ж не рассказать. Пусть красные солдаты узнают всю правду. Лютее воевать станут.

Оскар Юрьевич распрощался с мужиками и направился к избе, в которой расположился штаб. Проходя мимо часового, он обратил внимание на старушку с черным платком на голове.

— Вас дожидается, товарищ военком,— пояснил боец.— Говорит, хочу видеть комиссара. Я ее посылал к товарищу Полубояринову, но она не идет. Мне, говорит, к комиссару, что с бородой и усами.

Калнин улыбнулся.

— Что случилось, мамаша? — спросил он участливо.

Старушка переминалась с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

— Вот, сынок, дело-то какое. Живу я в крайней избе, почитай у самого леса. Ваши солдаты на моем огороде картошку без спроса накопали.

— И много взяли?

— Меры две будет, да бог с ней, картошкой, всю изгородь повалили, ироды, а я как есть одна. Мужик мой еще до войны помер, двое сыночков на германской сгинули. Некому изгородь поправить,— сокрушалась старушка.

Комиссар взял ее под руку:

— Пойдемте ко мне, посидим, чайку с сахарином попьем и что-нибудь придумаем.

Калнин вызвал начальника снабжения:

— Немедленно разыщите красноармейцев, которые выкопали у этой женщины картошку, и доставьте их сюда. А также возместите стоимость похищенного картофеля и почините сломанную изгородь, вообще посмотрите, чем еще можно помочь женщине.

Неторопливую беседу комиссара со старой крестьянкой нарушил стук в дверь, и порог комнаты переступили двое совсем еще мо-

лоденьких стрелков. Они стояли, понуро опустив голову. Калнин подошел к ним вплотную:

— Вы знаете, что в Красной Армии за мародерство полагается расстрел?

Бойцы молчали не в силах вымолвить слово. Глядя на эту тягостную сцену, старушка запричитала:

— Что вы! Что вы! Губить таких ребят из-за какой-то картошки. Кабы я знала. Вот дура старая.

— Успокойтесь, мамаша! На первый раз мы их простим. Извинитесь перед женщиной и приведите в порядок все, что сломали.

К вечеру за Калнином пришел автомобиль. Шофер осторожно вел машину по разбитой деревенской улице, в окружении бежавших за ней мальчишек. Неподалеку от крайней избы рядом с новой изгородью стояла знакомая старушка в черном платке. Оскар Юрьевич приветливо помахал ей рукой, и в ответ старая женщина низко поклонилась ему.

Вечером 5 августа, возвратившись в штаб дивизии, Калнин узнал, что наступление врага приостановилось. Судя по всему, силы противника были на исходе, инициатива постепенно переходила к Красной Армии.

На рассвете 82-й стрелковый полк выбил неприятеля, укрывшегося за толстыми стенами монастыря Святого Никандра. Уже после отъезда комиссара 93-й стрелковый полк при поддержке броневика «Марат» удачной атакой занял деревню Кривино и отбросил вражеские части за реку Кудеб. Прочно удерживали свои позиции и полки Эстонской бригады. 11-я стрелковая дивизия, активизировав свои действия, старалась помочь соседней 10-й стрелковой дивизии, которая под сильным давлением противника все еще продолжала отходить по шоссе Псков—Луга.

Приказом командующего Западным фронтом В. М. Гиттиса все соединение, действовавшее на Псковском направлении, в том числе и 10-я стрелковая дивизия, передавались 15-й армии. Под началом командарма А. И. Корка собирались крупные силы, перед которыми ставилась задача выбить врага с территории Российской Советской республики и овладеть городом Псковом.

Взятие Пскова имело огромное оперативное значение, так как город являлся своего рода южными воротами из Прибалтики в Петроград. В ту пору он был невелик, насчитывал около 40 тысяч жителей, но представлял собой административный центр обширной губернии, важнейшей на северо-западе страны. Кроме того, Псков был крупнейшим узлом железных, шоссейных и речных дорог.

Дивизия Нацвалова и Калнина получила приказ овладеть городом Псковом. В тот же день комиссар и политработники направились в полки. Встречаясь с командирами, комиссарами, председателями партячеек, Оскар Юрьевич говорил:

— Каждый боец должен проникнуться сознанием того, что весь успех операции будет зависеть от стремительности натиска. Сбив противника с первых позиций, его следует гнать безостановочно.

Перед началом наступления особенно томительны последние минуты... Кажется, что стрелки часов замерли на месте. Калнин и командир Сводной бригады Матисон, расположившись на небольшой возвышенности на окраине села Грибули, рассматривали находившиеся перед ними вражеские позиции. Даже без бинокля они отчетливо видели обложенные дерном высокие брустверы окопов, установленные перед ними два ряда проволочных заграждений.

В 4 часа утра 15 августа раздались первые залпы наших пушек. Но огонь велся редкий, так как дивизия ощущала острый недостаток снарядов, и поэтому эффект от обстрела оказался незначительным. Когда пехота поднялась в атаку, ее встретил плотный пулеметный и ружейный огонь.

Несколько раз Калнин увлекал за собой бойцов, но каждая попытка приблизиться к вражеским укреплениям кончалась неудачей. Не добежав до первого ряда колючей проволоки каких-нибудь полсотни шагов, красноармейцы ложились и, прижимаясь к земле, отползали назад на исходную позицию.

Комбриг Матисон приказал продвинуться вперед бронепоезду № 4 и огнем своих орудий с близкого расстояния поддержать атакующую пехоту. Он связался по телефону с командиром 19-го авиационного отряда и попросил его перед началом штурма сбросить бомбы на вражеские окопы.

Вскоре в небе, затянутом легкой дымкой облаков, появились две точки: делая круги над неприятельскими позициями, аэропланы «Ньюпор» с красными звездами на крыльях, выискивали объекты для бомбежки. С наблюдательного пункта Калнин видел, как от них отделились черные продолговатые предметы, и тут же загрохотали взрывы. К ним добавился орудийный огонь подошедшего бронепоезда.

— Ну, пора,— решительно проговорил комиссар и, подхватив винтовку, легко перепрыгнул через бруствер.

— У-р-а-а! Коммунисты, за мной,— кричал он, напрягая голос. За его спиной многоголосым эхом загремело могучее «Ура!». Под прикрытием рвавшихся впереди снарядов пехота вновь пошла в атаку. На сей раз ей удалось преодолеть вражескую оборонительную полосу. В числе первых ворвался в неприятельские окопы комиссар Оскар Калнин.

Продвинувшись на несколько верст вперед, полки Сводной латышской бригады натолкнулись у деревни Троицкая на вторую, более мощную линию укреплений. Наступление приостановилось. В поисках уязвимого места комбриг Матисон несколько раз менял на-

правление атаки, но все безуспешно. Вечером на военном совете Калнин предложил провести ночную операцию, нанести удар по врагу под покровом темноты. Командиры поддержали Оскара Юрьевича, хотя ни у кого из них не было опыта ночных боев.

Разведчики установили, что по лощине болотного ручья можно скрытно обойти вражескую оборону и выйти прямо к околице деревни, где располагался штаб белых. Перед самым началом операции в расположение бригады пришел лесник, рассказавший еще об одной тропинке, ведущей в тыл врага. Он вызвался провести наши войска по болоту, которое белое командование считало непроходимым.

Кроме того, решили 23-й полк переправить у деревни Зайцево через реку Великая, пройти по уже очищенному от неприятеля левому берегу и вновь, воспользовавшись бродом, вернуться на правый берег в тылу вражеской обороны.

Когда на землю опустилась ночь и густые облака закрыли на небосводе луну и звезды, комиссар вместе с бойцами отправился в тыл врага. Шел мелкий, надоедливый дождь. Стараясь не шуметь, укрываясь густым кустарником и лесом, они цепочкой шли по дну лощины. Часа через четыре вышли к самой деревне и затаились в ожидании сигнала.

На востоке занималась заря. Стояла какая-то неестественная тишина... По сигналу две роты 87-го полка, отвлекая внимание противника, нанесли ему удар с фронта, а когда бой достиг наивысшего накала, батальоны, находящиеся во вражеском тылу, поднялись и бросились в решительную атаку.

Внезапное появление красных бойцов за оборонительной линией вызвало переполох в стане белогвардейцев. В первые же минуты боя были убиты командир их полка и офицеры штаба. На левом фланге дружно повел наступление зашедший в тыл неприятелю 23-й стрелковый полк, не выдержав стремительного удара с двух сторон, враг сложил оружие. 22 августа полки 11-й стрелковой дивизии, продолжая теснить белых, овладели линией Станки — Выдра, разведчики Эстонской бригады достигли села Будник, находившегося всего в семи верстах от Пскова.

Примчавшийся в город командующий Северо-Западной армией генерал Родзянко попытался организовать оборону Пскова, но уже никакая сила не могла остановить красных воинов. Сводная латышская бригада с приданным ей для усиления 2-м стрелковым полком опрокинула неприятеля и вышла к реке Череха.

Целую неделю беспрерывно находился Оскар Калнин на передовой вместе с красноармейцами. Пропотел и прокалился на солнце, едкая пыль забила все поры его тела, забралась под разорванную о колючую проволоку гимнастерку. В таком виде предстал он перед начдивом.

— Ну и видок у тебя, Оскар Юрьевич,— улыбнулся Нацвалов.— Приведи себя в порядок и отдыхай до утра. Надеюсь, за это время ничего страшного не случится.

Проснулся военком бодрым и посвежевшим. Несмотря на ранний предрассветный час, отправился в штаб. В избе, которую занимал начдив, было тесно от людей и накурено так, что с трудом различались лица. Начальник штаба дивизии Николай Васильевич Громов наносил на карту происходящие на фронте изменения.

Пристроившись у краешка стола, Калнин подписывал приказы, которые немедленно передавались частям. «Командиру Сводной бригады. С переходом в наступление 86-го и 165-го полков перейти и вам. Постарайтесь перебраться через мост. Если взять мост не удастся, то во всяком случае выясните минирование моста. Начдив Нацвалов. Политический комиссар Калнин».

«Комбригу-2. Приказываю вам немедленно перейти в наступление 23-м полком в направлении на Псков, оставив 22-й полк заслоном. Вышлите подрывников для взрыва моста в районе Пронцына. Артиллерию держать возможно ближе к пехотным частям. Нацвалов. Калнин».

«Для борьбы с бронепоездами, курсирующими по линии Череха — Псков, 23-му полку передать гаубичные орудия 2-му Латышскому полку. Батарее, стоящей у деревни Глоты за рекой Великой, взять под обстрел железную дорогу Псков — Череха. Нацвалов. Калнин».

«Начальнику 19-го авиаотряда. Вылететь двум аппаратам. Первому — в направлении на Изборск, второму — на Псков с целью разведки, определения движения противника. Сбросить бомбы на станцию Псков и железную дорогу Гдов—Псков. Нацвалов. Калнин».

Всего несколько строчек и короткая подпись приводили в движение тысячи людей, поднимали их в атаку с мыслью умереть, но победить.

За окнами занималась заря нового дня. Солнечные лучи робко скользнули по крышам домов, заглянули в окна и залили тесную крестьянскую избу ярким светом. Калнин встал, потянулся до хруста в суставах, распахнул окно:

— Какое прекрасное утро, Александр Георгиевич! Если не возражаете, то я отправлюсь к своим землякам в Сводную бригаду. Хочется вместе с ней войти в Псков, почувствовать вкус долгожданной победы!

Оскар Юрьевич приехал на правый фланг дивизии в тот момент, когда Сводная и Эстонская бригады вели бои за переправу через реку Череха. Белые, укрепившись на высоком берегу, отбивали все наши атаки.

Наконец сопротивление врага было сломлено. Не мешкая, стрел-

ки 5-го Эстонского коммунистического полка во главе с Юлиусом Метсаваасом под непрерывным огнем противника навели плавучий мост, по которому войска устремились к Пскову. В 4 часа 20 минут утра 26 августа 1919 года 87-й стрелковый полк первым вступил на улицы города, впереди под развернутым красным знаменем шел комиссар 11-й стрелковой дивизии Оскар Калнин. Почти одновременно с ними на северную окраину Пскова ворвались красноармейцы 83-го стрелкового полка.

Белые, оставив Псков, пытались закрепиться на последнем крохотном клочке советской земли, но Красная Армия неудержимо шла вперед, и 7 сентября 1919 года части 11-й стрелковой дивизии наголову разгромили неприятеля и вышли на восточное побережье Псковского озера от устья реки Черная до устья реки Великая.

Псковская операция закончилась полной победой Красной Армии. Взятие Пскова имело огромное политическое и моральное значение. Северо-Западная армия белых была изолирована и лишена поддержки со стороны белой Эстонии, которая вынуждена была начать с Советским правительством мирные переговоры.

Приказом Реввоенсовета Республики за № 309 военный комиссар 11-й Петроградской стрелковой дивизии Оскар Юрьевич Калнин был награжден орденом Красного Знамени — за то, что *«в течение всей Псковской операции проявил чрезвычайную энергию и мужество, личным своим присутствием, а также воздействием на командный состав и товарищей красноармейцев поддерживал в частях наступательную энергию. В решающий момент наступления на самый город Псков т. Калнин шел с передовыми частями, ободряя наступающих»*. Да, именно так воевал комиссар Калнин.

Татьяна
КУШТЕВСКАЯ

ВЫСТОЯТЬ И ПОБЕДИТЬ!

В последний раз Василий Захарович Ермаков, командир и военный комиссар 1-й отдельной Московской артиллерийской батареи, шел вдоль строя своих бойцов. Позади — сплотившие их друг с другом бои с Юденичем, белополяками. Позади — тяжелые марши с боями, оборона красного Питера во время наступления Юденича в девятнадцатом году. И вот теперь, когда наступление белых захлебнулось, когда на Западном фронте обозначился перелом в событиях и Красная Армия наращивает мощь контратак, настало время расставания: комиссар прощается со своими артиллеристами.

Он стоит молча перед бойцами. Взглядом прощается с теми, кто в строю, и вспоминает тех, кого уже нет, кто остался на полях сражений. Все так же молча бросает взгляд на своего заместителя, который теперь — командир батареи, потом подходит к орудиям, проводит ладонью по зачехленному стволу.

Сейчас он, подавив волнение, даст команду «Вольно! Разойдись!», и батарейцы окружат его, друзья будут прощаться.

Это последняя команда, которую отдает Ермаков своей батарее. А впереди — назначение командиром 128-го легкоартиллерийского дивизиона 43-й стрелковой дивизии, впереди — пост начальника и комиссара артиллерийского участка Медвежья Гора — Мурманск, впереди — долгая и славная жизнь и работа.

Для него много значил путь, пройденный вместе с батареей. Из лихого солдата, в окопах империалистической войны задумавшегося о том, что такое справедливость и справедливая война, он стал командиром и зрелым политработником, твердо усвоившим, что мало захотеть строить новую жизнь, надо уметь ее защищать. И уметь научить этому других.

...Едва 1-я отдельная Московская артбатарея попала на Западный фронт, как о ней сразу заговорили и в красных частях, и в войсках белых. «Учитесь защищать родную власть!» — говорил Ермаков, отдавая приказ батарейцам выкатывать пушки на прямую наводку. Улыбка у него в бою была странная: на темном от пыли и напряжения лице сверкали белые зубы, а глаза не улыбались, холодно щурились из-под широкой ладони, приставленной козырьком ко лбу.

Под Красным Селом батарея белых ловко укрылась в складках местности и беглым огнем отвечала на каждый залп наших пушек. «Не числом, а умением, понятно!» — сказал Ермаков, весело глядя в обозленные лица батарейцев, и приказал, чтобы первый взвод вел дуэль с белыми с прежней позиции, отвлекая их внимание, а второму взводу велел выкатить пушки далеко вперед, на открытое место, и оттуда, лично командуя огнем, Ермаков почти в упор расстрелял вражеские орудия.

Во время боя у деревни Каськово Василий чутким ухом опытного артиллериста уловил сбой во вражеской стрельбе: видимо, противник готовился перейти в атаку и потому артиллерия собиралась перенести огонь на другие цели. Воспользовавшись короткой паузой, Ермаков выкатил пушки на открытые позиции и прямой наводкой бил по скоплениям вражеской пехоты и по батареям противника.

Он был расчетлив и отважен до дерзости. Белые его боялись. За ним и его батареей охотились. За его поимку или уничтожение были обещаны 25 тысяч рублей и чин офицера...

...В революцию он пришел из старой армии.

В одиннадцатом году крестьянского сына, батрака в хозяйстве тамбовского помещика, призвали на действительную. С первых дней мировой империалистической бойни Ермаков на фронте. Не раз был ранен. Полный Георгиевский кавалер. Отчаянной храбрости боец. Умелый, грамотный артиллерист... И недоумевающий в душе человек, не понимающий, во имя чего он проливает свою и чужую кровь.

В шестнадцатом году его тяжело ранило и контузило. После госпиталя он попал в 1-ю запасную артиллерийскую бригаду, которая размещалась в Москве, на Ходынке. Там познакомился с большевиками. И там начал понимать, какой путь теперь ему предстоит избрать.

В феврале семнадцатого разоружал полицейских и жандармов. В дни Октября входил в состав военно-революционного комитета бригады. Комплектовал и расставлял артиллерийские батареи для поддержки красногвардейцев в боях против юнкеров. Не раз сам участвовал в этих схватках. После победы пролетарской революции избран членом бригадного совета, в 1918 году стал большевиком, секретарем партийной ячейки.

Еще в те дни состоялся у него с земляком-батарейцем трудный разговор — внешне спокойный, но нервный и злой по внутреннему настрою.

Когда Ермаков вошел в казарму, Ефим сидел на койке и накручивал на худые ноги обмотки. По всему было видно, что Ефим собрался в дорогу: вещи уложены в мешок, ботинки смазаны, отставшая на левом башмаке подошва аккуратно обшита по краю дратвой. Заметив вопросительный взгляд Ермакова, Ефим бросил:

— Собрался вот... домой! Наконец-то. Войну похерили, теперь можно.— Поймал неприязненную усмешку Ермакова, слегка повысил голос: — Ты так на меня не смотри! Тебе, голяку, не о чем жалеть, а меня отцово хозяйство ждет, мне его по ветру пускать неохота!

— А кто защищать будет твое хозяйство? Если каждый будет думать только о своем барахле и все мы разбежимся по углам, то что тогда останется от нашей власти? — Ермакову казалось: это так понятно — желание защищать свою власть и свою Родину, странно даже, что нужно это доказывать!

— Вот и защищай! — Ефим махнул рукой и поднялся.— Тебе, видно, чужой кровушки мало, да и своей не жалко...

— Может, я больше тебя домой хочу...— начал Ермаков, но Ефим перебил:

— Знаю я, чего скажешь: мол, немцы близко, то да се! А я так думаю: Ленин объявил, что мы в ихней войне больше не участвуем, им с нами теперь делить нечего, вот и весь разговор. А если кто не навоевался... Так, по-моему, пущай в окопах посидят теперь те, кто прежде по тылам прятался... Пошли, Ерохин! Ты готов?

Ермаков понял, что Ефим уходит не один: из глубины казармы зло зыркнул глазами на Ермакова туляк Ерохин:

— Служи-служи, Васек, глядишь — в красное офицерье выйдешь. Ишь, какой аккуратненький! А мне надоело тянуться перед их благородиями. Нынче — свобода!

Они не спеша пошли к выходу, о чем-то переговариваясь и не глядя на Ермакова. А Василий растерянно глядел им вслед, ловкий, ладный, стройный, гимнастерка под ремнем — без единой складочки, залихватские усики, фуражка щегольски заломлена вверх,— словом, бравый вид! А на душе — горько: вот и этих двоих проглядели, упустили, и теперь разговорами их не вернуть...

И понял он тогда, что партиец должен всегда знать настроение людей, уметь на него влиять, не упускать из виду каждого бойца, обеспечивать высокую боеспособность части. Мало самому верить, мало самому знать, что и как нужно делать. Комиссар должен уметь свою веру и свои знания передать другим и сделать так, чтобы они стали их верой и их знаниями.

Вечером Ермаков, войдя в учебный артиллерийский класс, несколько минут молча вглядывался в лица немногих собравшихся и, как только стихли разговоры, решительно сказал:

— Я предлагаю с этого дня возобновить учебу для всех видов артиллерийской прислуги: для наводчиков, заряжающих, для подносчиков снарядов, ездовых и командиров орудий.

— Разве по этому поводу уже было решение бригадного совета? — неуверенно спросил Михаил Антипов.

— Будет! — твердо заверил Ермаков.— Я добьюсь. Нашу власть враги в покое не оставят. Или вы думаете, что немецкие и наши, российские, генералы воевать не умеют? Я и на заседании бригадного совета, и на собрании партячейки повторю: хотим выжить, значит, должны уметь драться! Учитесь защищать нашу власть!

Тогда батарейцы и услышали впервые эти его слова, потом Ермаков часто повторял их, и каждый раз мелькала на его лице эта странная улыбка: одними губами, а глаза оставались серьезными, чуть прищуренными, словно смотрели в будущее и видели там тяжелые бои и трудные испытания...

В июле восемнадцатого Василий Ермаков участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа. В январе 1919-го со специальным отрядом выезжал в Симбирскую, Ярославскую, Саратовскую губернии на подавление контрреволюционных выступлений.

Каждый раз, возвращаясь из очередной боевой командировки, проверял, как обстоят дела в батарее, и не уставал переубеждать тех, кто не понимал, что без строгой дисциплины, без хорошей выучки Красная Армия не выстоит в кольце фронтов и мятежей. Он не только учил батарейцев военному делу, но и вел неутомимо политическую работу, помня свой партийный долг. Поэтому неудивительно, что, когда он уходил на фронт в мае 1919 года во главе сформированной 1-й отдельной Московской артиллерийской батареи, ему поручили пост военного комиссара.

...Середина октября 1919 года. Красные части стойко держат оборону под Лугой и Белой Горкой.

Батарея Ермакова стояла у деревни Лесково. Короткая передышка никого не обманывает.

— Сейчас опять пойдут.— Командир первого взвода Федор Золотов почти до самых губ докурил самокрутку, бросил под сапог.— Хорошую ты позицию, как всегда, выбрал, Василий Захарыч.— Он рассматривал дальние подступы к деревне.— Все как на тарелочке! Пехоты бы еще побольше в прикрытии, совсем бы я себя как у Христа за пазухой чувствовал!

— Если почувствуешь, что белые сильно жмут,— сказал Ермаков,— откати пушки вон к тому бугру...

— Да чего там! — отмахнулся Федор.— Это я так, у бугра-то, сектор обстрела у́же... Раз нет прикрытия — и говорить не о чем! Ты меня, Захарыч, как ты там говоришь?.. Научил ты меня защищать родную власть! — Он достал кисет.— Ну-ка, братцы, даю каждому по половине своей доли, чего добру пропадать...

— Ты что это? — помощник Ермакова Михаил Антипов заглянул в погрустневшие глаза Золотова.

— Никогда в предчувствия не верил,— усмехнулся Федор,— а сегодня что-то...— Он опять махнул рукой и пошел к пушкам.

— Миша,— позвал Ермаков,— будь другом, пошли связного в полк, пусть пехота не скупится, если собьют прикрытие и пушки наши накроются, им же хуже будет! Подожди, Антипов, я еще не весь приказ проговорил! Второго человека пошли в штаб дивизии, пусть немедленно подкрепление шлют, когда бой начнется — поздно будет...

Едва успели двое связных выскочить из окопа и добежать до перебитой осины, от которой каждый побежал своей дорогой, как с фланга, оттуда, где их быть не должно, вынырнули густые неприятельские цепи и ринулись на позиции первого взвода.

С того места, где стоял Ермаков, ему не слышно было их крика, но в бинокль он видел их раскрытые рты. Сейчас же над позициями белых взлетели легкие дымки, снаряды просвистели над головами и ударили где-то в тылу.

Ермаков поглядел с минуту, как взвод Золотова методично накрывает одну за другой цели, покуда пехотное прикрытие частым огнем отгоняет белых, и коротко бросил Антипову:

— Молодцы! Продержимся. Вести огонь по прежним целям!

...Шла третья неделя упорных оборонительных боев Красной Армии на Западном фронте.

К осени 1919 года на Южном фронте белые потерпели ряд поражений. Стремясь спасти части Деникина и стараясь для этого отвлечь силы красных с юга, Антанта подготовила новое наступление против Петрограда на Западном фронте.

К середине октября Северо-Западная армия и части под командованием Юденича захватили Лугу, Гатчину, Красное Село, Павловск.

15 октября Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Петроград не сдавать!»

19 октября опубликовано обращение В. И. Ленина «К рабочим и красноармейцам Петрограда» с призывом защищать город до последней капли крови.

На подступах к городу сооружены три линии обороны. Корабли Балтфлота введены в Неву. Мобилизуются коммунисты и комсомольцы. Идет сбор денег и продовольствия в помощь защитникам города.

Чутьем опытного воина и политработника Ермаков понимал, что наступили решающие дни, красный Питер напрягает все силы, уже прибыли на фронт подкрепления, слабеет натиск врага и нужно продержаться и выстоять именно в эти дни, когда чаша весов колеблется. Нужно быть решительнее, предусмотрительнее, стремительнее, чем враг. Только так можно удержаться на занятых позициях и нанести врагу максимальный урон...

— ...Эй, пушкарь, слышь! — К Ермакову подбегал один из двух давешних посыльных.— Жди подмогу! Сейчас из полка будет полроты, а через полчаса обещали дать еще роту из дивизии...

— Годится! — сказал Ермаков и спросил: — А второй где?

— Там лежит, у сломанной осины...— Только сейчас Ермаков заметил, что солдат несет две винтовки — одну в руке, а вторую на плече.— На обратном пути мы с ним опять у осины встретились. Только он мне сказал, что в дивизии передать велели, тут его и клюнуло...

— Спасибо...— Ермаков поднял к глазам бинокль.— Передохни. Сейчас скажу, что дальше будешь делать.

Он прислушался к шуму боя: первый артвзвод неожиданно ослабил темп стрельбы. Среди орудийной прислуги началось замешательство, один за другим падали на землю артиллеристы. Ермаков увидел, что в тылу появились новые солдаты противника и открыли огонь по позициям первого взвода. Подбежал Антипов:

— Надо отводить первый взвод!

— Нельзя,— ответил Ермаков,— иначе их артиллерия осмелеет и выбьет нашу пехоту с позиций.

Связной вытягивал шею, топтался в нетерпении на месте:

— Черти золотопогонные... Что тараканы из всех щелей прут!

— Беги назад,— повернулся к нему Ермаков,— встречай подмогу, поторопи и веди их не сюда, а во-он тем овражком, понял? Давай! Антипов, пошли кого-нибудь к Золотову, пусть повернет пушки и лупит шрапнелью по тем белякам, что лезут с тылу... Потеряем эту позицию — много крови после зазря прольем...

Сам Ермаков побежал к орудиям второго взвода, крикнул на бегу:

— Первое орудие — беглый огонь по прежним целям! Второе — выкатывай на прямую наводку!

Он вырвал сошки лафета из земли, навалился на колесо, поворачивая его руками. «Р-раз! Еще! Еще! Пошла-а!..» Артиллеристы развернули пушку, прокатили ее вперед на два-три десятка саженей.

Ермаков обтер вымазанные землей руки о полу шинели, приник к прицелу, скомандовал: «Заряжай!» Вжик! — свистнуло над ухом. Ермаков не услышал лязганья захлопнувшегося замка и поднял голову: заряжающий растерянно смотрел, как валится подносчик, прижимая к себе снаряд.

Подбежал Антипов. Ермаков повторил:

— Картечью! Заряжай!

Антипов толкнул снаряд в казенник, замок захлопнулся, пушка подпрыгнула, выплюнув струю огня.

— Еще картечь! — потребовал Ермаков, следя поверх прицела, как связной добежал до Золотова, как Золотов кивнул, спокойно посмотрел в ту сторону, откуда набежали белые и где теперь виз-

жала картечь, но белых становилось все больше, и Золотов тоже развернул орудия и бил в упор картечью по прорвавшемуся врагу.

Теперь уже три пушки из четырех орудий батареи стреляли по пехоте белых, наступавшей с тылу на их позиции.

Ермаков увидел, что пехота, прикрывавшая с фланга взвод Золотова, подалась назад, побежала, падая под пулями, нахлынули густые ряды вражеских солдат, затопили позицию первого взвода, над головами замелькали кулаки, приклады...

Ермаков бросил Антипову:

— Бей по-прежнему картечью по тем, что лезут с тыла...— и побежал навстречу полуроте красных бойцов, подходивших скрытно, оврагом.

Под свистящей над головами картечью своих пушек Ермаков повел их отбивать штыками позицию первого взвода. Разворачивая полуроту в цепь, он думал о том, что они должны успеть добежать прежде, чем белые повернут пушки против остатков батареи. Он уже не надеялся увидеть кого-либо из артиллеристов живыми: еще в начале атаки он заметил, что суета на позиции прекратилась, часть беляков залегла лицом в сторону второго взвода, а остальные торопливо выстроили нескольких израненных артиллеристов у орудий и столь же торопливо перестреляли...

Мгновением позже вокруг наступавшей полуроты засвистели пули. Белые встречали огнем контратаку красных. Ермакову на миг показалось, что он бежит по полю один: справа и слева красноармейцы словно споткнулись... Но вот сбоку выдвинулся чей-то штык, чей-то широко раскрытый кричащий рот... В следующую секунду Ермаков оказался на позиции первого взвода, выстрелил, не останавливаясь, в солдата, вскочившего с бруствера ему навстречу, перепрыгнул через упавшего, сшиб на бегу еще кого-то, услышал позади себя выстрел, крик...

Белые бежали с позиции, красноармейцы, пришедшие с Ермаковым, погнали их дальше, а Ермаков наклонился над телом Золотова, лежавшим поперек лафета: Золотов был мертв. Убит был и наводчик Степанов, и фейерверкер Володя Звягин, и Алеша Зотов...

Ермаков бросился к одному орудию: заряжено! Ко второму — тоже! И замки целы! Уверенный в прицеле, он выстрелил из одной пушки, потом из другой, увидел, как вспухли два шрапнельных разрыва над лезшими с тыла цепями белых... Потом услышал громкое «Ура!» и увидел, что подошедшее из дивизии подкрепление гонит беляков.

Ермаков увидел Антипова.

— Отбили мы пушки, Миша...— Помолчал, потом твердым голосом приказал:— Веди сюда по три человека от каждого орудия второго взвода да прихвати десяток людей из пехоты... А то видишь, стрелять-то из наших пушек некому...

Он молча посидел на лафете, глядя в лицо мертвому Золотову, а когда Антипов привел людей, встал и сказал:

— Павших подберем после боя. А сейчас — выкатывать пушки на прежнюю позицию!

Белые больше не продвинулись ни на шаг.

21 октября перешла в контрнаступление 7-я армия красных, а 26 октября развернула наступление 15-я армия. Белые были выбиты из Красного Села, а 31 октября они оставили Лугу.

В конце ноября, боясь оказаться в окружении, остатки армии Юденича бежали на территорию буржуазной Эстонии и там были разоружены буржуазным эстонским правительством.

Василий Захарович Ермаков за мужество, храбрость и героизм был награжден орденом Красного Знамени.

Александр
АНТОНОВ

ПРАВО КОМИССАРА

В осеннюю пору девятнадцатого года с юга к красной Москве рвалась многотысячная белогвардейская армия генерала Деникина. И когда его войска были уже близки к цели, империалисты вновь организовали наступление на Петроград белой армии генерала Юденича. Это была мощная сила. В ее дивизиях насчитывалось 37 тысяч штыков и сабель. Все военное снаряжение для нее шло из Англии, Франции и США. Буржуазия Запада направила против Петрограда английскую эскадру, танки, аэропланы, дала в руки солдат тысячи винтовок, боеприпасы. Только снарядов Юденич получил от союзников 59 тысяч штук.

Уже в середине октября войска Юденича вплотную приблизились к Петрограду. Над молодой Республикой нависла смертельная угроза. Но петроградский пролетариат, имевший опыт борьбы с Юденичем, вновь достойно встретил врага. В эти дни в войсках, сражающихся против белогвардейцев, на заводах и фабриках Петрограда зачитывали на митингах воззвание Владимира Ильича Ленина.

«Наступил решительный момент,— писал он.— Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага. Взяты Красное Село, Гатчина, Вырица. Перерезаны две железные дороги к Питеру. Враг стремится перерезать третью, Николаевскую, и четвертую, Вологодскую, чтобы взять Питер голодом».

А Юденич уже предвкушал победу. Он назначил даже военного губернатора Петрограда — генерала Глазенапа, который, однако, в эту должность так и не вступил.

Слово вождя революции нашло горячий отклик у петроградского пролетариата, бойцов, защищающих Петроград. *«Бейтесь до последней капли крови, товарищи,—* призывало воззвание,— *держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца!.. победа будет за нами!»* Красный Питер поднялся на бой с Юденичем. Около четырех тысяч

коммунистов направили в армию городская и губернская организации. Был среди них и Ян Янович Анвельт, который еще год назад стоял во главе Эстляндской трудовой коммуны. Его назначили комиссаром 2-й стрелковой дивизии, где начдивом был Роман Лонгва. Опыт работы у Яна уже имелся: в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого годов он был комиссаром 6-й стрелковой дивизии на Северном фронте. И вот снова передний край.

Первые несколько дней Ян Янович знакомился с комиссарами полков, батальонов, участвовал в боевых операциях дивизии.

Был конец ноября 1919 года. 2-я стрелковая дивизия 7-й армии Романа Лонгвы и Яна Анвельта готовилась к решительному наступлению на противостоящие полки Юденича. К этому времени она кое-где потеснила противника, форсировала реку Лугу, создала на ней плацдарм. На левый берег переправили артиллерию. 16-й полк 2-й дивизии овладел рядом сильных укрепленных позиций, и к 22 ноября обстановка на участке дивизии складывалась так, что один мощный массированный удар мог поставить противника в трудное положение и он наверняка бы отошел за реку Нарву и там, в случае успеха, был бы добит. Именно такая задача была поставлена командованием армии перед начдивом Лонгвой и комиссаром Анвельтом.

Еще 17 ноября они находились в поселке на окраине Петрограда и формировали пополнение для дивизии, которая воевала в районе Ямбурга, входя в группу войск под командованием Сергея Ивановича Одинцова. Утром, лишь только Ян Янович побрился и выпил чаю, от Лонгвы пришел его ординарец Цех и сказал:

— Товарищ комиссар, вас просит к себе начдив Лонгва.

Скоро Анвельт был уже на квартире у Лонгвы.

— Извините, что рано побеспокоили, Ян Янович. Вот,— и тот подал Анвельту небольшой листок,— читайте...

Приказ гласил: «Начальнику второй дивизии т. Лонгве. Командующий армией приказал вам немедленно отправиться и вступить в командование войсками группы Одинцова. О времени отправления и о приеме участка донести. Начальник штаба Харламов. 17 ноября 1919 года».

По этому же приказу группа войск Одинцова получала другое название — участок 2-й дивизии.

В штабе группы войск начдива и его комиссара встретил Одинцов.

— Коротко введу в курс дела,— начал он без предисловий.— Меня отзывают в Петроград, я буду назначен командармом 7-й армии. Отбывает в Москву мой комиссар. Так что будем воевать без него. 2-я дивизия сейчас в центре фронта против Юденича, где у него особо насыщенная огневыми средствами и узлами сопротивления оборона. Юденича и всю его свору нужно добивать как можно быстрее. Они мешают переговорам с Эстонией о мире. Сами понимаете,

ведь войска Юденича прижаты к эстонской границе. А что произойдет, вы можете себе представить, если белогвардейцы откатятся на эстонскую землю. Вот и нужно воевать с ними здесь и не пустить за Нарву.

— Все резонно, товарищ Одинцов,— сказал Анвельт.— Ибо русский вопрос касается эстонского народа.

— Да, конечно, вам это лучше известно, Ян Янович,— согласился Одинцов.— А теперь прошу вас до выезда на передний край изучить обстановку.— И он раздернул шторку, за которой висела оперативная карта.— Противник в данный момент находится в неустойчивом положении. На днях он был выбит из Ямбурга, где сегодня мы имеем честь быть, и отходит к Луге, ведя арьергардные бои.

— Ваш правый сосед — шестая стрелковая дивизия — также сбила противника с позиций и довольно быстро подвигается в направлении Нарвского залива. У соседа слева — девятнадцатой дивизии — дела идут не столь успешно. Но она упорно пытается наступать. И если операция завершится удачно, то девятнадцатая дивизия зайдет почти в тыл противника. И тогда вся его группировка севернее Гдова может быть отрезана от эстонской границы. Понимаете, как это важно!

— В таком случае девятнадцатой дивизии следует поспособствовать,— заметил Лонгва.

— Безусловно. Но занимая центральное положение на участке седьмой армии, вторая дивизия и приданные ей части должны выполнить особо важную задачу. Во-первых, наступая вдоль Нарвского шоссе, вам предстоит захватить почти по всей ширине фронта дивизии плацдарм за Лугой. Далее выйти на линию реки Нарвы. Но уничтожать врага мы должны на нашей земле. Пусть эстонский народ не знает больше, что такое война.

— Я познакомлю вас с работниками штаба.— И Одинцов повел Лонгву и Анвельта к штабистам.

В тот же день Одинцов уехал, а Лонгва и Анвельт занялись своими делами. Два дня — 17 и 18 ноября — пролетели как один миг.

Уже зная боевую обстановку на участке, Анвельт решил проехать в 16-й полк, который находился в центре линии фронта нашей группы войск, и ему предстояла серьезная операция по захвату очень мощного оборонительного узла — Александровская горка. Оборонительные сооружения здесь были подготовлены заранее, не один день нашпиговывались огневыми средствами, прятались за колючую проволоку.

Сюда по приказу начдива стягивалась артиллерия. В пути Анвельт видел, как, утопая в грязи, в снежном месиве, лошади тащили гаубицы, линейные пушки, трехдюймовые орудия, а бойцы вытягивали их за постромки.

В 16-м полку Ян Янович провел весь остаток дня. Он познакомился с полковым комиссаром, петроградским рабочим-металлистом, встретился с политработниками батальонов, рот. Настроение у всех приподнятое. Всюду бойцы читали воззвание Ленина. И Анвельт был уверен, что когда грянет час наступления, то 16-й полк не подведет, партийные вожаки пойдут в бой впереди батальонов и рот.

А вот в 17-м полку, куда Анвельт прибыл на другой день утром, настроение политработников ему не понравилось.

— Перед нами офицерский полк. Белая кость будет стоять насмерть, но своих рубежей не уступит,— размышлял вслух комиссар полка.

Анвельт попытался вывести из заблуждения неопытного политработника. Все дело было в энергии и решительности наступающих, их готовности преодолеть все препятствия.

Но серьезно поработать в этом полку не удалось. Он шел в наступление в тот же день. Вместе с бригадой, которой командовал латыш Калисс, 17-й полк должен был переправиться на левый берег Луги, помочь бригаде овладеть деревней Кузьмино. Бригада Калисса в сложных условиях сильного сопротивления противника сумела сбить его с позиций, перебраться через реку Лугу и завязать бой за Кузьмино. 17-й полк потерял свой наступательный порыв перед проволочными заграждениями, не смог их преодолеть, залег в снегу. Комиссаров в цепях наступающих не оказалось.

Анвельт находился в это время вместе с начдивом Лонгвой на наблюдательном пункте бригады Калисса. В бинокль он видел, как бойцы 17-го полка поднялись в атаку, как решительно бежали с криками «Ура!» и как внезапно падали в снег перед самым проволочным заграждением, оказавшись под ружейным и пулеметным огнем.

Комиссар дивизии попытался связаться с комиссаром полка, но связь не работала. Анвельт расстроился, подумал: «Это непорядок».

Лонгва заметил переживания комиссара, сказал:

— Оставайтесь на НП, я иду в полк.

Лонгва с первого часа знакомства понравился комиссару. Решительный и корректный, в меру горячий и в то же время рассудительный. И вот теперь на другой день знакомства он понял, что Лонгва еще оперативен и смел. Он сел на коня и вместе с ординарцем Цехом поскакал к передовой в дым разрывов.

В этот день захлебнулось наступление не только в 17-м полку, но и в бригаде Миронова, которая тоже залегла под огнем возле проволочного заграждения. Они подползли к нему, и, будь у них ножницы для резки колючей проволоки, будь ручные гранаты, они ворвались бы в окопы противника. Но гранат не было, ножниц — две пары на бригаду.

Анвельт понимал причины слабого снабжения армии боеприпасами и снаряжением. Республика была в кольце фронтов, и всюду требовались гранаты, патроны, снаряды. Это само собой, считал комиссар. Но он видел и серьезные просчеты в воспитании морального духа не только рядовых бойцов, но и политработников. Опять же и в 17-м полку, и в бригаде Калисса, считал он, надо было увлечь бойцов в атаку личным примером коммунистов. А кому это делать, как не комиссару в первую очередь.

Анвельт достал блокнот, карандаш и записал: «Выпустить листовку, рассказать в ней о подвиге комиссара полка 11-й дивизии Э. Алайниса, который в бою на станции Низы первым бросился в атаку». Об этом случае Анвельт узнал еще в политотделе 7-й армии. И сожалел, что в дивизиях и полках о подвиге Алайниса не знают.

Уже в первые дни боев за Нарву комиссар понял, что в частях не все так, как хотелось бы. Конечно, наступать было трудно даже по той причине, что всюду в полосе действий дивизии простирались труднопроходимые болота, что все деревни, деревушки, мызы, все высоты были превращены белыми в сильные оборонительные узлы с блиндажами, пулеметными гнездами, завалами, проволочными заграждениями и окопами в полный профиль. К тому же противник имел опытных командиров. Все это учитывал Ян Янович, как правило, зная боевую обстановку лично. И все-таки приказ о наступлении нужно было выполнять. А для этого следовало поднять революционный дух войск, разъяснять комиссарам и коммунистам их место в бою. И Анвельт все дни подготовки к завершающей стадии боев за Нарву проводил в войсках. Он выступал перед бойцами, говорил о том, что победа над Юденичем близка и осталось сделать последнее усилие. Он собирал политработников и нацеливал их на то, чтобы они постоянно находились среди бойцов, делили с ними тяготы походной жизни и лично принимали участие и в больших и в малых боевых операциях.

— Когда комиссар идет в одной цепи с бойцами, они не дрогнут,— говорил он в своих беседах и ссылался на пример Алайниса.

Возвращаясь из войск на командный пункт дивизии, каким бы поздним ни было время, Анвельт заходил к начдиву, делился с ним впечатлениями от поездок, рассказывал о проделанной работе.

Лонгва очень внимательно относился к делам комиссара. Он считал, что ему сильно повезло с политработником. И у Лонгвы были на то веские основания. Обладая спокойным характером и пытливым умом, организаторскими способностями, бескомпромиссностью, Анвельт благотворно влиял и на Лонгву. Ведь Роман был из польского торгового рода. И хотя он рано порвал с отцом, побывал в ссылке, но той школы революционной борьбы, какую прошел Анвельт, Роману не удалось пройти. Был он лет на семь моложе Яна Яновича.

Анвельт вышел из крестьян. Благодаря природной одаренности, настойчивости и немалой самоотверженности, он получил хорошее образование, закончил юридический факультет Петербургского университета. Но карьера юриста его не привлекала, он с юных лет посвятил свою жизнь революционной деятельности. В партию большевиков вступил в 1907 году. В Нарве организовал издание и редактировал газету «Кийр» («Луч»). В литературных кругах его знали как талантливого писателя, автора популярных в народе художественных произведений. Его перу принадлежало немало работ по истории, политике, экономике. В 1917 году он был первым председателем Нарвского временного ревкома и Совета, позже — председателем Исполкома Советов Эстляндского края, военным комиссаром Северо-Западной области. Куда бы партия ни направляла Анвельта, он всюду с честью выполнял ее задания, ни разу не дрогнул в борьбе...

— Устали, наверное, Ян Янович?— спрашивал Лонгва каждый раз, как только Анвельт заходил к нему.— Когда вы только отдыхаете?

— Ничего, придет время и отдохнем,— отвечал Анвельт и добавлял:— Да и вы не больше отдыхаете. Но пока Республика в опасности, думать об этом грех.

— Это верно,— соглашался Роман Войцехович.

И снова эстонец Анвельт и поляк Лонгва, обсуждая задачи дивизии, незаметно переходили на положение в Советской России...

Рассказывая о моральном духе бойцов в полках, в батальонах, Ян Янович обычно внимательно присматривался к Лонгве. Ему было важно знать, как начдив реагирует на неблагоприятное положение в некоторых частях. Лонгва и сам искал пути исправления недочетов. Комиссар видел, как после неудачных операций на отдельных участках дивизии начдив оперативно перестраивал действия полков и приданных дивизии частей. К этому его вынудила прежде всего первая неудавшаяся операция на рубеже деревень Жабино—Александровская горка. Лонгва изменил тактику мелких лобовых ударов на большой протяженности фронта дивизии.

— Вот посмотрите, Ян Янович, что я задумал.— Он склонился над картой.— Здесь у мызы Горская утром 22 ноября будет предпринято ложное наступление. Когда же противник развернет там свои действия и попытается создать перевес в войсках и огневых средствах, мы всей мощью ударим по Александровской горке. А для того чтобы обеспечить успех, я подтяну сюда достаточное количество артиллерии и в проволочных заграждениях в ночь на 22-е будут сделаны проходы. Логично?

— Вполне, Роман Войцехович.

— После захвата Александровской горки — этого центрального узла сопротивления — мы начнем наступление по всему фронту дивизии. Как ваше мнение?

— Оно совпадает с вашим решением. Александровскую горку нужно взять. Это безусловно поможет развить наступление, увлечь соседние дивизии. Вы для этого делаете все. Остается нам, комиссарам дивизий, полков, батальонов и рот, личным примером воодушевить бойцов на революционный порыв.

— Спасибо. Именно этого я и жду от вас.

Операция по захвату Александровской горки была проведена умело и с малыми потерями. Там были и массовый подвиг бойцов, и решительность командиров и комиссаров. В арсеналах узла сопротивления удалось захватить богатые трофеи: пулеметы, бомбометы, сотни винтовок, много боеприпасов — самое важное для красных бойцов — и более ста пленных солдат.

И вот наступило время нанесения удара по противнику по всему фронту дивизии. В случае успеха этот удар мог поставить врага в критическое положение. Сразу же после захвата Александровской горки начальник дивизии, комиссар, начальник штаба засели за составление приказа. И в ночь на 23 ноября приказ № 0146 за подписью Лонгвы и Анвельта был разослан во все полки и бригады, приданные дивизии. В приказе говорилось о целях атаки всех подразделений.

Время перевалило за полночь. До начала общего наступления оставалось несколько часов. И вдруг из штаба дивизии на КП дивизии прискакал гонец и доставил телеграмму штаба армии. В ней приказывалось немедленно перевести в армейский резерв 162-й и 630-й полки, передислоцировать их.

Когда Лонгва читал телеграмму, Анвельт наблюдал за ним и видел, как меняется лицо начдива, как проступает на нем белизна, на лбу выступают капли пота.

— Что-нибудь случилось, Роман Войцехович?

— Случилось, Ян Янович, хуже не придумаешь. Приданные нам 162-й и 630-й полки приказано немедленно направить в армейский резерв.

— Кто мог принять такое решение, неужели Одинцов?

— Значит, нашелся такой распорядитель. А приказ за подписью командарма и Лашевича. Одного не пойму, как можно в решающий час перед наступлением принять такое необдуманное решение. Кто мне ответит, что ждет наши атакующие части? И чем восполнить потери? Это же срыв всей операции.

Всегда спокойный и уравновешенный Анвельт не находил себе места. Его светлые глаза потемнели. Он стремительно шагал из угла в угол избы. Наконец остановился перед Лонгвой.

— Вот что, Роман Войцехович, вы как командир обязаны выполнять данный приказ, но я как комиссар группы войск и как коммунист не могу допустить, чтобы это несправедливое решение было проведено в жизнь. Я прошу вашего разрешения немедленно отбыть

в Ямбург. Из штаба дивизии я свяжусь со штабом армии, фронта, а если потребуется, то и с Реввоенсоветом Республики. Поэтому повремените три-четыре часа отправлять полки.

— Хорошо. И спасибо за поддержку, желаю вам одного — удачи.— Лонгва подошел к Анвельту, крепко пожал ему руку: — Однако берегите себя.

— Вам спасибо за доверие.

На дворе стоял крепкий мороз, но Ян Янович шел в шинели нараспашку. Он быстро вошел в избу, где занимал горницу, и велел ординарцу седлать коней.

— Да поторопись, Ян, времени у нас нет,— предупредил Анвельт своего тезку.

Через несколько минут комиссар с ординарцем скакал в Ямбург. К утру мороз стал крепчать, но Анвельт не замечал его, будто ничто не могло охладить кипевшего в нем негодования. Однако вскоре Ян Янович успокоился, понимая, что гнев и возмущение не лучшие помощники в решении такого серьезного и ответственного дела. Будучи человеком дисциплинированным и требовательным к себе, к своим поступкам, он не раз проверил и взвесил все задуманное. И все утверждало, что в данной ситуации он поступает правильно. Отбросив всякие сомнения, он стал думать, как ему добиться отмены приказа, через кого действовать, чтобы достичь желаемого результата. Вывод напрашивался один: нужно обратиться непосредственно к командарму.

Прибыв в Ямбург, где располагался штаб 2-й дивизии, Анвельт поспешил связаться со штабом армии, который находился в Детском Селе. Он посчитал, что хотя было раннее утро, но звонить пора. Промедление могло обернуться бедой. Но, к его большому огорчению, в штабе ответили, что Одинцова нет, уехал в войска с вечера. Это была серьезная неудача. Ян Янович задумался: кто мог еще отменить приказ командарма, кроме него? Разве что только командующий фронтом Владимир Михайлович Гиттис. Нет, решил Анвельт, надо искать пути улаживания вопроса в штабе армии. И вспомнил, что приказ был подписан еще членом Реввоенсовета армии Лашевичем. Он вновь связался со штабом, попросил к телефону Лашевича. Ответили, что он еще не пришел в штаб, а вот секретарь Лашевича на месте.

Узнав от Анвельта суть дела, секретарь сказал, что готов принять телефонограмму и немедленно доложить Лашевичу. «Пожалуйста, диктуйте, я записываю»,— слушал Анвельт голос секретаря. Ян Янович на мгновение сосредоточился и стал диктовать.

— «Я, комиссар второй стрелковой дивизии и приданных ей частей, только что узнал содержание последнего приказа по 7-й армии и считаю своим долгом сказать, что приказ нецелесообразен. Я определенно заявляю, что, если бы под ним не было вашей подпи-

си, я считал бы этот приказ контрреволюционным. Белые подводят резервы. На нашем участке появились 1-й и 8-й эстонские полки, тут же против нас Талабский и 7-й Уральский и какой-то Эстонский партизанский отряд. Вы же лишаете нас резервов, убирая их в армейский резерв. Я нахожу, что вы преувеличиваете силы нашей дивизии. После упорных боев число штыков весьма сократилось, и наши полки представляют из себя небольшие батальоны и даже роты. Мы легко можем откатиться по эту сторону Луги, если не нанесем в возможно кратчайшие сроки противнику новый удар, который заставил бы его откатиться в Нарву. Прошу принять все меры, чтобы 162-й и 630-й полки в армейский резерв не брали до подхода бригады Баграмова. Если обстановка требует отправки бригады Миленина на Монастырск, то против этого особых возражений нет, т. к. своим движением Миленин отчасти будет прикрывать наш левый фланг».

Закончив диктовать телефонограмму, Анвельт добавил: «Я жду решения у телефонного аппарата». «Ждите»,— ответил ему секретарь. И потянулись томительные минуты ожидания, которые постепенно складывались в часы. Ян Янович проваливался в тревожной дремоте, перебивая сон, вставал, ходил и неотрывно смотрел на телефонный аппарат. Наступил поздний ноябрьский рассвет, а звонка все не было. Анвельт уже решил снова звонить в штаб армии и подошел к аппарату, но в этот момент раздался звонок. Ян Янович торопливо взял трубку. Он волновался. Да и было от чего. Что он скажет Лонгве, если будет отказано? Все тот же бесстрастный голос секретаря Лашевича сообщил: «Ян Янович, ваша просьба удовлетворена». «Спасибо, еще раз спасибо»,— выдохнул Анвельт и еще долго держал трубку, а на линии уже дали «отбой». Он расслабился и почувствовал усталость бессонной ночи, долгих напряженных суток, когда не было ни минуты отдыха, и подумал, что хорошо бы уснуть на пару часов. Но все это было исключено. На КП дивизии его ждали.

И снова стремительная рысь из Ямбурга на передовые позиции дивизии. В седле усталость схлынула, ее поглотила радость исполненного долга. Ян Янович представил себе, как вместе с ним порадуется Лонгва. «Все-таки наступать будет значительно легче, когда знаешь, что за спиной есть резервы»,— подумал Анвельт.

Но едва завершив одно важное дело, комиссар уже думал о другом, не менее важном. Он заехал на КП, начдива там не было, и поскакал на передовую. Он считал, что в час наступления дивизии ему надо добраться до передовой линии и быть среди бойцов.

Когда Анвельт прибыл в 16-й полк, который располагался на центральном участке наступления, бойцы уже изготовились к атаке и ждали прекращения огня полковой артиллерии, которая била прямой наводкой по пулеметным гнездам противника, занимающего деревню Жабино.

Здесь, под Жабино, комиссар встретил начдива. По лицу Анвельта Лонгва понял, что он вернулся с доброй вестью.

— Спасибо, Ян Янович,— сказал он.— Никогда не думал, что у комиссаров такие большие права.

— Нам их дала партия,— ответил Анвельт. И спросил: — Как дела на участке дивизии?

— Все идет по плану наступления.

И это было действительно так. Вскоре красные бойцы прорвали укрепления белых и завязали бой у деревни Дубровки.

Но события успешно развивались только на участке 16-го полка. На других, где было меньше артиллерии, дела шли труднее. Там был израсходован скудный запас снарядов, и пехота осталась без артиллерийской поддержки. Пушкари с нетерпением смотрели в тылы, ждали подвоза боеприпасов.

Белые спешно подтягивали в полосу наступления 2-й дивизии свежие части из района Мариенбурга. К тому же они не жалели английских и французских снарядов, которые у них были в избытке. Сопротивление белогвардейцев усиливалось.

Бригада Миронова требовала подкрепления. Но Лонгва считал, что резервы еще рано вводить в бой, и попросил Анвельта:

— Ян Янович, разберитесь с делами у Миронова.

Когда Анвельт появился в 3-й бригаде, комбриг встретил его с неудовольствием.

— Вы бы поддержку лучше прислали да снарядов,— сказал он.

— Будет и то и другое. Но пока вы, товарищ Миронов, сами не все сделали.

— У меня осталась одна возможность: идти самому в цепь. Жду вашего приказа.

— Успокойтесь, Миронов, это наше с вами право и обязанность — выйти, когда надо, вперед. Где комиссар? Идемте к бойцам.

Миронов потоптался, озадаченный, а потом решительно нахлобучил папаху, жестко сказал:

— Нет уж, комиссар, за ручку не поведете! Сам дойду! Ищите меня на левом берегу Луги.

За ним поспешили комиссар бригады, другие командиры. Они решительно направились в сторону залегших цепей пехоты.

...Анвельт покинул бригаду Миронова, зная, что теперь здесь все пойдет так, как должно, и поспешил в 1-ю бригаду. Здесь тоже начальная атака захлебнулась. Но комиссар Власов собрал в штабе группу коммунистов и повел их за собой, увлек бойцов, и бригада выполнила первую задачу, захватила две линии вражеских окопов.

Противник был еще силен, сопротивлялся отчаянно, дрался за каждый окоп, за каждую высоту. Вечером 24 ноября, спустя всего два дня после начала наступления, Анвельт писал в штаб армии донесение, чтобы послать его за совместной подписью с начдивом. Пи-

сал, а сердце сжималось от боли. «Потери дивизии весьма чувствительны. Убитых — 418 человек, раненых и контуженых — 383. После операции у деревни Жабино в 478-м полку осталось комсостава 25, штыков — 121».

Дополняя текст донесения уже вместе с Лонгвой, Анвельт сказал:

— Завтра вам все-таки придется ввести резервные полки.

— Да, их час настал,— ответил Лонгва.

— И предлагаю попросить пополнения из Петрограда. Я попробую обратиться к Николаю Ильичу Подвойскому. Есть там 10-й и 11-й резервные полки.

— Хорошо. И все-таки нашу просьбу запишите в донесение,— посоветовал Лонгва.

Анвельт записал: «Также прошу направить из Петрограда в дивизию 10-й и 11-й стрелковые полки».

Ночью 27 ноября лишь только Лонгва и Анвельт вернулись с передовой на КП дивизии, как к ним прискакал командующий армией Сергей Иванович Одинцов.

Лонгва хотел угостить его чаем. Командарм не отказался, но было видно, что он недоволен ходом наступления. И хотя отлично понимал, что большего дивизия была не в состоянии сделать, упрекнул комиссара:

— Вот вы, товарищ Анвельт, проявили настойчивость и заставили отменить приказ об отводе полков, а почему же так скромны ваши успехи?

— Причина одна, товарищ командарм. Пока на данном участке фронта противник сильнее нас. Вот он и сопротивляется отчаянно. Но мы превосходим белых в боевом духе солдат и в конечном итоге победим. Вы нам только снарядов и патронов подвезите.

Выслушав начдива и комиссара, Одинцов согласился, что противник сильнее наших атакующих войск: дивизия наступала на главном направлении, шла к Нарве.

В конце ноября и первых числах декабря наступление на Юденича ослабло. Все резервы, все боеприпасы поглощали Южный и Восточный фронты. Не принесла успеха последняя неделя наступления и 2-й дивизии.

Ян Янович пытался анализировать положение дел с точки зрения общей политической обстановки и делал утешительные выводы: Юденичу оставалось жить недолго. Подтверждением этому стал еще и такой факт. Разведчики, которые ходили в тыл врага, добыли там свежие эстонские газеты. Они были доставлены в штаб дивизии и переданы Анвельту.

Он раскрыл газету на родном языке с волнением: давно не читал по-эстонски. Неожиданно его внимание привлекло сообщение о том, что эстонское буржуазное правительство приняло решение разору-

жить части Северо-Западной белой армии, перешедшие государственную границу. Это была новость огромного значения. И это был ключ к разгадке упорного сопротивления белых. Лишенные поддержки эстонской буржуазии, армии, они попали, как сделал вывод Анвельт, между молотом и наковальней. И теперь им осталось одно: драться с отчаянием обреченных.

В тот же день на КП дивизии приехал член РВС Западного фронта Рейнгольд Иосифович Берзин. Анвельт показал ему эстонскую газету и предложил:

— В данной ситуации необходимо срочно наладить более действенную пропаганду среди солдат противника, чтобы они сдавались в плен.

— Правильно. Враг действительно обречен. Лишенные поддержки Эстонии, лишенные возможности получать от Англии и Франции транспорты с оружием и боеприпасами, белые растеряют свой боевой дух. И вполне возможно, что солдаты будут сдаваться в плен. Мы примем меры.

— Может, забросить на аэропланах листовки? — посоветовал Анвельт.

— Да, это хорошее средство,— согласился Берзин.

Между тем обстановка на фронте менялась с каждым днем. В ночь на 10 декабря в дивизию Лонгвы поступил приказ командующего фронтом № 340, в котором говорилось, что 2-я дивизия и вместе с нею 3-я бригада 21-й дивизии передавались в оперативное подчинение 15-й армии, которой командовал Август Иванович Корк.

Утром во 2-ю дивизию прибыло пополнение, полки 10-й и 11-й, которые Лонгва и Анвельт запросили еще в ноябре. И дивизия вновь начала активные боевые действия. Предстояло захватить небольшой плацдарм на берегу реки Нарвы. На 10-й полк, который первым занял этот плацдарм, белые обрушили ураганный огонь.

На командный пункт дивизии от 10-го полка прибежал связной, передал Лонгве записку, в которой командир полка сообщал, что он вынужден будет покинуть плацдарм, если его не поддержат огнем артиллерии. Начдив ответил, что поддержка будет, и приказал удержать плацдарм любой ценой.

— Так и передай: любой ценой,— жестко сказал Лонгва.

— А может, попробуем малыми силами,— вмешался Анвельт.— Там в основном не дает житья бронепоезд. Нужно подавить его. Я отправляюсь в полк и попытаюсь помочь молодому командиру.

— Спасибо, комиссар,— горячо ответил Лонгва.— Только будьте осторожны.

Анвельт и ординарец Ян сели на коней и поскакали на позиции 10-го полка. Командный пункт его был на опушке леса. Впереди тянулся хвойный подлесок. Анвельт рассчитал, что до самого берега можно подойти скрытно.

Анвельт спросил командира полка, где у него находится батарея.

— Она на закрытых позициях,— был ответ.— Снарядов по десять на орудие. Бережем на крайний случай.

— Отлично. Этот крайний случай пришел. Будет лучше, если выкатите пушки на прямую наводку.— Анвельт рассматривал в бинокль бронепоезд белых, который стоял неподалеку от корчмы Уздно.— Так легче будет подавить бронепоезд. Дуэль не в его пользу.

Летом восемнадцатого года Анвельт закончил 2-е Петроградские артиллерийские курсы комсостава РККА и имел опыт ведения артиллерийского боя.

— Действуйте, командир.— И еще Анвельт сказал командиру полка:— Через десять минут откроете огонь по бронепоезду. К этому времени мы будем на берегу Нарвы и под прикрытием огня батареи перейдем на плацдарм. Там и будет ваш КП.— И повысил голос: — Коммунисты идут со мной!

Как только бойцы и командиры во главе с Анвельтом скрытно подошли к берегу реки, красные артиллеристы открыли огонь по вражескому бронепоезду. Как и предполагал Анвельт, завязалась дуэль. И комиссар позвал:

— За мной, товарищи!— и первым спустился на лед Нарвы. Все побежали следом, а вскоре те, что были помоложе, обогнали Анвельта, ринулись на плацдарм на помощь товарищам.

Весть о том, что комиссар дивизии находится в полку и вместе с бойцами обороняет плацдарм, вскоре облетела все батальоны. И бойцы по инициативе комиссаров и командиров поднимались в атаку, и к полудню весь 10-й полк штурмовал укрепления врага. Утопая в снегу, проваливаясь в незамерзшие болотные бочажины, но охваченные безудержным порывом, бойцы смяли передовую линию вражеской обороны, сбили прикладами с кольев колючую проволоку, забросали ее шинелями и, несмотря на сильный заградительный огонь, ворвались в окопы противника и завязали рукопашный бой.

Энергичные действия 10-го полка у корчмы Уздно стали известны всей дивизии. А подбитый вражеский бронепоезд вдохновил артиллеристов полков на открытые схватки с противником.

В ту же ночь, вернувшись на КП дивизии, Лонгва и Анвельт написали приказ: «Войскам дивизии приказываю 14 декабря в 12 часов энергичным и коротким ударом овладеть Большой Жердянкой и Усть-Жердянкой, деревней Черная. С началом операции буду находиться на Темницких хуторах, в шести верстах южнее Большой Жердянки. Лонгва, Анвельт».

Бой у Большой Жердянки и Усть-Жердянки — одна из блестящих страниц истории 2-й дивизии. Красноармейцы, которых вели в бой комиссары, в 20-градусный мороз ворвались на вражеские позиции и навязали рукопашный бой. Белые не выдержали натиска. Остатки наголову разбитой Ливенской дивизии и отряды Булак-Бала-

ховича бежали к Нарве. В руки красных бойцов попало 15 пулеметов, сотни винтовок. Было взято в плен 200 солдат.

В эти дни командующий Западным фронтом Владимир Михайлович Гиттис отдал 7-й и 15-й армиям приказ перейти в общее наступление, развить успех 2-й дивизии.

17 декабря в 5 часов вечера после массированного артобстрела части 15-й армии, ломая сопротивление врага, пошли вперед. Им удалось подойти к Нарве с юга на расстояние 3 версты. Город уже просматривался даже без бинокля. Были видны крепостные башни, церкви, дома.

Белогвардейцы оказались в критическом положении. В их руках оставался крохотный клочок земли, который простреливался вдоль и поперек. Но Нарва была крепостью. И с ходу взять ее не удалось. Белые обороняли эту крепость еще около месяца. Однако Анвельт знал, что красные войска активно не наступали в этот период по тактическим и политическим причинам.

В конце декабря 1919 года было заключено перемирие между Советской Россией и Эстонией.

Стремясь прекратить бессмысленное сопротивление солдат бывшей Северо-Западной армии, Советское правительство пошло на гуманный шаг, разрешив им вернуться на родину. Не последнюю роль сыграла листовка, распространенная среди них. В ней говорилось: *«Солдаты, вернитесь обратно к своим семьям и товарищам. Нам нужны не только воины, но и работники. Поэтому РСФСР решила: всем, кто перейдет к 25 января, будет обеспечен проезд к своим семьям и дана денежная поддержка для восстановления своего хозяйства. Всем, кто перейдет до 10 февраля, дается право на проезд к семье без денежной поддержки, а кто к этому времени не вернется, для таких нет ни родных, ни родины, с ними будем поступать, как с изменниками народной власти».*

Только на участке 2-й дивизии за январь было принято свыше 8 тысяч солдат, признавших Советскую Россию своей родиной.

26 февраля Ян Янович Анвельт был назначен начальником Петроградского укрепленного района. А во 2-й дивизии право комиссара быть всегда впереди стало законом.

6 Заказ 4800

Евгений
ВОРОБЬЕВ

ЧЕЛОВЕК, НЕПОХОЖИЙ НА САМОГО СЕБЯ

Леве Маневичу было девять лет, когда его старший брат, большевик-подпольщик, осужденный на царскую каторгу, совершил побег из Бобруйской крепости.

Солдат Жак Маневич был арестован за хранение гектографа, прокламаций и оружия — шестнадцать фунтов динамита, браунинг и патроны к нему. Все это Маневич-старший прятал в казарме.

Он долго сидел на крепостной гауптвахте. Тридцать пять человек осуждены 22 ноября 1905 года по делу о восстании штрафного батальона в Бобруйской крепости. Тринадцать были приговорены к смертной казни, остальные к каторге или арестантским ротам на большие сроки.

Группа каторжан готовила побег, но один из осужденных оказался провокатором. В камере произвели тщательный обыск и под каменным полом нашли бурав, ножовку, ломик, а также нюхательный табак.

Однако Маневич и его товарищи не оставили мысли о побеге. У солдатика из «сознательных» Маневич узнал, что несколько лет назад какой-то смертник удачно бежал из лазарета при крепости. А вот как попасть в лазарет здоровым арестантам?

Трое удачно притворились умалишенными. Еще двое заварили в чайнике махорку, выпили настой и вызвали у себя мучительную рвоту с пеной на губах. Еще двое оказались в лазарете после того, как достали шприц и впрыснули себе деревянное масло — у них распухли лимфатические железы.

Товарищи ждали в лазарете Маневича, он был связан с местной организацией социал-демократов (большевиков).

Как же ему попасть в лазарет? Уговорили товарища стукнуть Маневича увесистой кружкой по голове. Товарищ переусердствовал, Маневич упал, обливаясь кровью, его долго не могли привести в чувство. Вызвали фельдшера, санитаров с носилками и отправили в желанный лазарет.

Арестантам удалось связаться с сестрой милосердия и фельдшером. Оба сочувствовали революции и вызвались помочь побегу. Передали записку местным подпольщикам-большевикам. Нужно до-

стать белье — в лазарете арестанты носят халаты на голое тело. Нужна обувь — больные ходят в шлепанцах. Каждому нужна верхняя одежда, немного денег и явка, где можно укрыться.

В записке, полученной из города, сообщалось, что боевая дружина будет ждать в условленном месте около трех ночи.

Один из смертников бесшумно выдавил два стекла и начал пилить массивную решетку. Высунул голову в новоявленную форточку, убедился, что наружного караула нет, и тихо свистнул два раза. Раздался ответный свист — помощь ждет.

Горячая встреча с товарищами из боевой дружины; беглецов ждала и сестра Маневича. С переодеванием нельзя мешкать, нужно как можно скорее скрыться из города. Уходили поодиночке или по двое.

В ту ночь из крепости бежали восемь человек, из них четыре смертника. Двоих поймали (их подвели матросские татуировки на руках и на груди), а шестеро, и среди них Маневич, спаслись. Во время перестрелки они убежали от жандармов через границу по направлению к Эйдткунену.

Спустя несколько лет подпольщики, занятые нелегальной доставкой в Россию ленинской «Искры», смогли выполнить просьбу своего товарища по эмиграции Жака Маневича — после смерти его матери из Белоруссии привезли младшего брата Леву; семья бедная, учить мальчика не на что, воспитывать некому.

Руководители партийной колонии определили Леву Маневича в политехнический коллеж. Подросток довольно быстро научился немецкому, в Цюрихе все разговаривают по-немецки. Когда юноша окончил коллеж, он свободно, как жители Женевы, владел французским, освоил итальянский; на нем говорят в южном кантоне Тичино. Швейцарский государственный климат помог юноше стать полиглотом — эти три языка там полноправны...

Лева попал в Народный дом случайно.

Вернулся с занятий в политехническом коллеже и нашел в комнатушке незнакомого гостя. К брату приехал товарищ, тоже медицинского сословия, то ли из Лугано, то ли из Лозанны. Медик приехал в Цюрих на несколько часов по партийному поручению, ему необходимо срочно повидаться с Жаком.

Лева сказал, что брат сегодня на съезде швейцарской социал-демократической партии, там должен выступить с приветствием геноссе Ленин. Лева не раз встречал Ленина на улицах Цюриха, а еще чаще на почте; знал, где Ленин живет, но никогда его не слышал.

Он привел приезжего в Народный дом в ту минуту, когда Ленин тепло приветствовал швейцарских социал-демократов; он говорил по-немецки.

Лева хорошо понимал картавый говорок Ленина, понравилась ясность, с какой Ленин доказывал, почему партия не поддерживает террора и почему при этом стоит за применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей, почему ведет пропаганду вооруженного восстания.

Разве мог юноша предполагать, что тот день поздней осени 1916 года внесет перелом в его сознание, определит направление всей жизни?

В годовщину Кровавого воскресенья (в России этот день по старому стилю отмечали 9 января), 22 января 1917 года, Лева слушал в Народном доме доклад Ленина о революции 1905 года на собрании рабочей молодежи. Начал Ленин доклад с обращения: «Юные друзья и товарищи!» А в конце доклада причислил себя к старикам, которые, может быть, не доживут до решающих битв. Но молодежь будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции!

Отныне Лева не пропускал ни одного номера газеты «Социал-демократ», внимательно прочитывал статьи Ленина. Особенно ему запомнилась статья «Поворот в мировой политике» (№ 58), незадолго до того, как к ним в Цюрих донеслись первые вести о революции в России, о свержении царя.

Ленин уехал в Берн, где находились все посольства; первая группа эмигрантов деятельно готовилась к отъезду в Россию.

Вместе с братом Лева был в числе тех, кто 9 апреля провожал в Цюрихе поезд, которым выехало тридцать эмигрантов во главе с Лениным. Пришлось долго ждать, пока к поезду, идущему к германской границе, прицепят специальный вагон «микст».

Каждый пассажир этого вагона дал подписку в том, что будет подчиняться всем распоряжениям руководителя поездки Фрица Платтена, что ответственность за поездку каждый берет на себя.

Старший брат Жак Маневич не был знаком с секретарем социал-демократической партии Швейцарии Фрицем Платтеном, но знал, что тот женат на русской, участвовал в революции 1905 года в Риге, сидел в тюрьме, был освобожден царским правительством под залог, а сейчас выполнял партийное поручение, стал руководителем поездки. Братья Маневичи знали, что Платтен — единственный швейцарский делегат, который примкнул на Циммервальдской конференции к левому крылу и разделял взгляды Ленина.

Скоро эмигрантам стало известно, что на пограничной станции Тайнген все пассажиры вагона «микст» прошли досмотр в швейцарской таможне, пересекли границу и так же благополучно прошли проверку на первой немецкой станции Готтмадинген...

Лева продолжал готовиться к экзаменам и жил при колледже с соучениками из других кантонов.

Теперь он каждый день просматривал газеты на трех языках, искал сообщение о приезде Ленина в Россию.

Братья Маневичи надеялись, что им удастся уехать со второй группой эмигрантов. Поезд будет сопровождать член правления Швейцарской социал-демократической партии Ганс Фогель. Этим поездом 12 мая уехала группа в 257 человек. Накануне отъезда цюрихские социал-демократы устроили в зале «Эйнтрахт» прощальный митинг. Выступил и Платтен, который вернулся из путешествия в Россию, и Отто Ланг, который будет проводником следующего эшелона.

Специальный поезд провожала русская колония и много швейцарских товарищей. Вагоны украсили цветами, поезд отошел под звуки «Интернационала». Братьев Маневичей среди пассажиров не было. Их перевели в третью, более позднюю группу, и это решение совпало с их личными планами — старший должен закончить работу в клинике, а младшему предстояли экзамены, без которых не выдадут диплома.

Немало провожающих собралось и 30 июня, когда третья группа — еще 206 эмигрантов — покидала Цюрих. В числе пассажиров и братья Маневичи — старший с дипломом врача, младший с дипломом об окончании политехнического коллежа.

Много пересадок пришлось сделать братьям, прежде чем они добрались к себе на родину в Белоруссию, в городок Чаусы на Могилевщине. Дорога длинная и трудная.

Тихий заштатный городок Чаусы был в стороне от революционных потрясений. Жак Маневич уехал в Москву и окунулся с головой в дела народного здравоохранения. А Лев Маневич решился на далекое путешествие в Баку, где жила и работала учительницей сестра Амалия Николаева.

Очень скоро 19-летний Маневич стал бойцом 1-го интернационального полка, воевал под командой Мешади Азизбекова, одного из 26 бакинских комиссаров.

В боях с мусаватистами за установление Советской власти в Баку получил закалку Лев Маневич. Он не раз отличался в боевых действиях, когда работал в Особом отделе штаба фронта. Вскоре его направили под Самару; там шли бои против Колчака, там он стал комиссаром бронепоезда.

Вся деревня собралась за околицей. Башкиры, стоявшие в строю, с недобрым удивлением смотрели на комиссара в черной кожанке и незнакомого башкира в шинели. Они быстро приближались, и стало видно, что оба безоружны.

Комиссар успел заметить пулемет на правом фланге отряда. У двоих на шинели тускло блестели офицерские погоны. Не у всех

повстанцев стрелковое оружие. Те, кто держал в руках винтовки, карабины,— в первом ряду, а за ними — с пиками, вилами, баграми и всяким дрекольем. «Уж не от пугачевских ли времен сохранился этот арсенал?— успел подумать комиссар.— А к чему багры? Ах да, ими стаскивают с седел во время конной атаки».

Подходя к деревне, комиссар спросил у своего переводчика Миргасыма, как по-башкирски «Здравствуйте, почтенные старики».

Впереди стояли седобородые башкиры в островерхих войлочных шапках. Комиссар подошел, снял кожаную фуражку, пригладил волосы и поздоровался по-башкирски:

— Иссенмесез, картлар!

— Нам не о чем разговаривать с большевиком!— раздался злобный выкрик по-русски.— Цепляйте его баграми!

И такая тишина окружила парламентера в кожаной куртке, что он услышал, как стучит сердце.

Сколько таких секунд простоял он недвижимо, на полдороге между жизнью и смертью? Вечность!

Седобородый старик, по-видимому самый старший, даже не обернулся на крик офицера, будто не понимал по-русски, и с достоинством ответил молодому человеку в кожанке:

— Иссенмесез!..

Вчера позвонили по селектору со станции Бугуруслан в дорполитотдел Самаро-Златоустовской железной дороги и сообщили о беспорядках в волости. В нескольких башкирских деревнях вспыхнуло восстание. Волнение вызвано беззакониями, которые совершил начальник продотряда матрос Дымза. Комиссар знал, что Дымза в недавнем прошлом анархист-максималист, и потому сильно встревожился. Дымза ввел продразверстку по всем дворам, реквизировал последнее зерно у бедняков. А кулаки использовали общее недовольство крестьян и начали подстрекать к восстанию. Тут же объявились два офицера-башкира из колчаковских недобитков. Мулла пытался поднять зеленое знамя и объявить газават — религиозную войну мусульман. Грозили пойти походом на Бугуруслан и поджечь его с четырех сторон, благо в те дни всех красноармейцев оттуда отправили в другой конец уезда, на поимку банды «Черный орел». Однако нашлись благоразумные старосты, которые не подпали под влияние муллы и офицеров, остудили их воинственный пыл и решили ограничиться вооруженной защитой своих деревень от анархии и беззакония. Именно поэтому комиссар обратился прежде всего к седобородым старостам.

Они пожаловались комиссару, что продотряд бесчинствовал в волости. Лошадей, которых башкиры дали для перевозки зерна, Дымза не возвратил. За каждый пуд добровольно сданного зерна крестьянам полагалась соль, но Дымза соли не выдал.

— Такая власть нам не нужна,— гневно сказал старик, перечислив обиды и беззакония.— Мы решили жить по своим законам.

Комиссар обещал, что начальник продотряда Дымза будет отдан под суд за превышение власти и злоупотребления. Он попросил старост послать свидетелей в Самару, в трибунал, и обещал, что их никто не обидит и они беспрепятственно вернутся домой. Он раскрыл истинное лицо председателя сельсовета Мирзабаева, который называл себя не иначе как «Советская власть», но делал все, чтобы эту власть дискредитировать и опорочить.

Оба офицера и еще какие-то крикливые смутьяны попытались посеять недоверие к комиссару, но строй отряда уже распался, и молодого человека в кожанке окружили тесной толпой крестьяне, вооруженные и безоружные.

Восставшие знали, что бронепоезд стоит верстах в двух от деревни. Если бы в деревню явился вооруженный отряд, дошло бы до кровавого столкновения. А то, что комиссар пришел к ним без оружия, да еще с башкиром-переводчиком, и правдиво рассказал о положении в уезде и в Самаре, вызвало доверие. Он говорил, не надевая фуражки, зябко поеживаясь в черной кожанке; под ней виднелась черная сатиновая косоворотка.

Комиссар прочитал письмо Самарского губкома и губисполкома с просьбой к крестьянам сообщить о всех нарушениях законности для срочного принятия мер. Советская власть никому не позволит заниматься самоуправством, оскорблять национальное достоинство башкир и творить разные безобразия. Он горячо говорил о национальной политике Советской власти, о том, как татары и башкиры дружно работают и воюют рука об руку с русскими, о том, что дети Петрограда умирают от голода, и о том, сколько соли, спичек, сахара, керосина, мыла получено для крестьян их волости.

Миргасым переводил, не пропуская ни слова, он совсем охрип. И то, что над ним сжалились и принесли ему глиняную чашку с водой, было хорошим предзнаменованием...

Командир бронепоезда Липатов, старый артиллерист, смотрел в бинокль и видел большую толпу на околице деревни. Он долго отговаривал комиссара идти безоружным на переговоры с восставшими. Командир боялся самосуда и готов был каждую минуту прийти на помощь своему комиссару.

Но еще не прошли три часа, которые выпросил комиссар для похода в деревню и мирных переговоров.

Пока же не истекли обусловленные три часа, никому не разрешалось выходить из бронепоезда — ни самарским коммунистам, которые откликнулись на призыв политотдела дороги, ни бойцам из железнодорожного батальона. Не снимали чехлов с орудий, стоящих на платформах, молчали станковые пулеметы в броневых башнях...

Когда бронепоезд вернулся на станцию Самара, он выглядел весьма необычно: орудия на платформах были обложены мешками с зерном. Какой-то большой военный начальник, сказывали, член Реввоенсовета фронта, сделал выговор Липатову за то, что позволил превратить бронепоезд в элеватор или амбар на колесах. Но когда начальник узнал, что зерно изъято из закромов богатеев, а погрузили мешки сами восставшие башкиры, он примирительно махнул рукой и только спросил: как это удалось? Командир бронепоезда Липатов пожал плечами и показал на молодого человека в кожанке, лихо спрыгнувшего с бронированной платформы:

— Спросите сами у комиссара Маневича...

После того как войска Колчака были разгромлены, бывший комиссар бронепоезда Лев Маневич и коммунист из Москвы Яков Никитич Старостин оказались соседями по вагону.

Нет, они не были попутчиками. Оба жили в вагоне, загнанном в дальний тупик станции Самара-Товарная. Купе были затянуты ситцевыми занавесками, за ними ютились семьи чекистов; жили тесно, спали и на третьих полках. В тот год к Старостину приехала из Москвы жена Зина с семилетней дочкой Раей.

По инвалидности тот вагон третьего класса перешел на оседлый образ жизни. В тупике, где он стоял, рельсы выстлало ржавчиной. Летом на крыше вагона зеленела трава. Женщины сушили белье на веревке, протянутой вдоль вагона. Дети привыкли играть рядом с рельсами и, как дети путевых обходчиков, стрелочников, мало обращали внимания на проходящие поезда. А еще играли на задворках депо, где стояли неподвижные паровозы, на них лежал зимой нетронутый снег. Паровозы с потушенными топками — как мертвецы, на чьих лицах не тают снежинки.

В неподвижном зеленом вагоне жили сотрудники политотдела и чекисты Самаро-Златоустовской железной дороги. Фронт отступил уже далеко. Но по эту сторону фронта было очень неспокойно — белые офицеры, кулаки, меньшевики, эсеры, анархисты устраивали заговоры, готовили восстание, подбивали машинистов, кондукторов на забастовку, на саботаж.

Молоденького Маневича направили на железную дорогу и вручили мандат длиной в аршин: «Предъявителю сего разрешается ездить в штабных, воинских, санитарных, продовольственных, пассажирских, товарных и всех иных поездах, а также на паровозах и бронеплощадках...»

Познакомился Маневич с Яковом Никитичем, когда тот был командиром бронепоезда. Он не первый год с оружием в руках защищал Советскую власть. Когда же Маневича назначили начальником райполитотдела, знакомство перешло в дружбу. Не одну ночь они

проговорили, лежа на соседних полках. По вагону гулял ледяной сквозняк. Уже сожгли все противоснежные щиты, стоявшие вдоль путей.

Старостин, присланный из Москвы по партийной разверстке, рассказал о Ленине, которого несколько раз видел и слышал. Судя по фотографии в «Известиях», за последние два года внешне Ленин не изменился; только теперь на нем кепка, которой в Цюрихе не носил.

Это была первая фотография Ленина после его ранения, которую увидел Маневич. Бойцы Железной дивизии послали телеграмму о взятии Симбирска и получили ответ от Ленина, еще не оправившегося от тяжелого ранения: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны». Старостин уверял, что это из Железной дивизии залетела в их вагон-общежитие песня: «За рану первую твою Симбирск отвоевали, клянемся за вторую рану — отобрать Самару».

Старостин рассказывал о своей жизни; невеселых воспоминаний больше, чем радостных. Маневичу было семь лет от роду, когда Старостина выслали в административном порядке из Москвы. Паспорт отобрали и в полицейском управлении выдали карточку со штампом «неблагонадежный»; к ней приклеили фотографию, указали особые приметы.

Держались они как братья. Старостин определился к Маневичу в инструкторы: «Ты грамотнее, я в помощниках у тебя похожу». У Старостина побогаче житейский опыт, а Маневич — с образованием, и кругозор у него шире. Вместе ходили на субботники, устраивали облавы на бандитов, которые разбивали и грабили вагоны на сортировочной горке. Вместе реквизировали излишки зерна у кулаков, вели заготовку сухарей для голодающих рабочих Москвы и Петрограда; собрали больше вагона пшеничной и ржаной муки.

Однажды Яков Никитич вернулся из командировки в Серноводск и Сургут в радостном возбуждении. Крестьяне рассказали Старостину, что в селе Михайловке «деготь из земли бьет». И телеги там не скрипят, и сбруя блестит, и мужички ходят в смазанных сапогах. Старостин не поленился, сходил в Михайловку. В каждом крестьянском дворе стоит бочка с дегтем. Крестьяне жаловались, что весной деготь портит воду в колодце. Спустившись в лощинку, подошли к большой маслянистой луже. Старостин обмакнул палец, понюхал — нефть!

Возвратясь, он поделился новостью с Маневичем.

— Знаешь что, Яков Никитич? Пиши-ка письмо Ленину. Это ведь дело государственное!

Письмо Старостина не затерялось. Шел субботник, разгружали баржу с дровами, когда на пристань реки Самарки прибежала с газетой Рая:

— Папа, тут про тебя написано!

На радостях стали качать Старостина; подбрасываемый в воздух, он кричал:

— Нефть покуда в земле прячется. Давайте лучше на дровишки поднажмем. Лева, останови их. Разобьют ведь!

Заметку в газете «Экономическая жизнь» читали вслух не один раз. Нефть в Поволжье! Под заметкой напечатали сообщение инженера-геолога Чегодаева. По поручению редакции он побывал в Михайловке, там на самом деле обнаружено месторождение нефти.

Значит, Владимир Ильич переслал их письмо в газету. Старостин и Маневич радовались так, словно волжская нефть уже бьет фонтаном...

Маневич бежал по станционной платформе за кипятком. Состав вот-вот отойдет, а в одной из теплушек сидит малознакомая, но уже дорогая его сердцу девушка. Они случайно встретились сегодня на станции Самара во второй раз. Красноармейцы приняли ее за мешочницу и не пустили в теплушку; она расплакалась от обиды и отчаяния. Маневич, проходивший по платформе, взял девушку под защиту, распорядился, чтобы ее пропустили, помог взобраться в теплушку, подал вещи. Вызвался принести чайник. Обжигая руки, он налил кипятку и добежал с ее чайником до теплушки. Вот-вот состав на Уфу тронется. Им показалось, что прощальный гудок паровоза прозвучал раньше времени. Она оторвала уголок от какого-то объявления, приклеенного к стенке вагона, наскоро написала свой адрес и сунула ему в руку. Попрощались второпях. Уже на ходу прокричал Наде: если снова окажется в Самаре, пусть разыщет его на вокзале, политотдел Самаро-Златоустовской железной дороги.

Поезд ускорял ход, он бежал вдогонку за теплушкой, за прощальными словами Наденьки...

В июле 1920 года Маневича перевели по его просьбе в Уфу, оттуда родом была Надя Михина. Он стал начальником райполитотдела той же Самаро-Златоустовской железной дороги.

Отчим Нади фельдшер Михин был председателем железнодорожного комитета Башкирии. Когда Уфу захватили белогвардейцы, мать и младший брат Нади Михиной были брошены в тюрьму как заложники вместе с семьями Цюрупы, Брюханова, Кадомцева и других видных большевиков.

В самом начале 1920 года Якова Никитича Старостина отозвали в главные паровозные мастерские на Казанскую железную дорогу. Маневич проводил его в Москву, но дружба их продолжалась. В одном из писем Старостин написал, что 5 февраля видел Ленина, слушал его речь перед железнодорожниками. Ленин сказал, что транспорт сейчас висит на волоске. А если остановятся поезда — погиб-

нут пролетарские центры, так как нам труднее будет вести борьбу с голодом и холодом.

Осенью 1921 года в Москву приехали Лев с Надей. Маневича приняли в Военную академию, но жить было негде. Зина Старостина решила приютить их у себя, уступила одну из двух комнат. Дружной семьей, как когда-то в старом вагоне-общежитии, зажили Старостины и Маневичи в неказистом двухэтажном доме № 41 по Покровской улице.

Москва еще хранила много примет царского времени. Денег на извозчика не было и Лева ходил пешком в далекую академию в порыжевшей кожанке, и в глаза ему бросались старые, с буквами «ять» и твердыми знаками, вывески и щиты с отжившей свой век рекламой. Ему рекомендовали пить чай фирмы Кузнецова, «Братьевъ К. и С. Поповыхъ», Высоцкого, пить коньяки и ликеры Шустова, а водку Смирнова, покупать сыры и масло у Бландова и Чичкова, покупать ситцы и сатины Циделя и Саввы Морозова, опрыскиваться одеколоном № 4711.

Армейские сапоги прохудились, Маневич хлюпал по лужам, а его наперебой уговаривали купить галоши то фирма «Богатырь», то «Треугольникъ». Если бы он вздумал лакомиться конфетами, к его услугам фирмы «Эйнемъ», «Жоржъ Борманъ», «Сіу», «Абрикосовъ».

А если бы Маневич вздумал страховать свое движимое и недвижимое имущество, ему следовало обращаться к услугам страхового общества «Россия» или «Саламандра».

«Имущество у моего дружка известное,— говаривал в те годы Яков Никитич.— Пошел в баню — и считай, что съехал с квартиры...»

Маневич окончил Военную академию, которая тогда еще не носила имени Фрунзе, с отличием. А спустя годы поступил на курсы усовершенствования начсостава при Военно-воздушной академии.

Маневич всю жизнь помнил старый-старый дом в арбатском переулке, окрашенный в грязно-шоколадный цвет. Хорошо помнил кабинет начальника Разведуправления корпусного комиссара Яна Берзина, которого подчиненные называли Павлом Ивановичем, а заглазно Стариком.

В углу несгораемый шкаф. Голубая штора задернута, за ней стратегическая карта. Письменный стол, возле него два кресла. Стол без единой бумажки, с громоздким чернильным прибором...

Когда Маневича впервые вызвали сюда для беседы, он, пожалуй, был излишне строг к себе, ответив на вопрос о знании языков: «Французский — свободно, немецкий — слабее, английский, итальянский — еще слабее, испанский — слабо».

Берзин почти не заглядывал в анкету молодого Маневича, которая лежала на столе во время его беседы с будущим разведчиком.

— Как вы отнеслись бы к предложению перейти к нам на работу? Придется и по белу свету поездить...

Маневич не торопился с ответом.

— Языки знаете?— тоном полувопроса продолжал Берзин.

— В Самаре меня даже обзывали полиглотом. После одного случая...

— Какого же?

— Еще в двадцатом году. Я тогда работал заврайполитом. Дорожная ЧК задержала двух подозрительных — мужчину и женщину. Хотели обыскать — те скандалят, требуют французского консула. По-русски вроде бы понимают плохо... Я попросил не представлять меня той парочке, сел молча в стороне, послушал. Потом чекист взял из рук женщины сумочку, разрезал подкладку, достал оттуда пластинки золота и документы.

— Кто же они?

— Колчаковский полковник с женой. В Самаре была явка, пробирались за границу. Их обыскали не напрасно. Даже в каблуках у дамочки оказались бриллианты.

— А почему обратили внимание на сумочку?

— Ах, да, виноват, забыл сказать... Я услышал, как полковник предостерег жену по-французски, чтобы она спрятала сумочку в муфту. Тогда я подал знак чекисту. Потом мы с полковником поговорили откровенно. «Я, говорит, только вы вошли, сказал жене, что этот стройный черноволосый чекист наверняка из аристократов. А уж когда вы заговорили по-французски!..» Никак он не мог поверить, что с ним говорил большевик. Сперва упрекал, что я перебежал от своих, потом хотел откупиться...

— Отлично,— засмеялся Берзин.— Можно считать, что некоторый опыт разведработы у вас уже есть...

Берзин вел себя как учитель, который внимательно слушает ученика и улавливает малейшую неуверенность в ответах.

Но, по-видимому, Берзину нравились неуверенные ответы Маневича. Он понимал, что неуверенность эта продиктована повышенной требовательностью к себе. И нерешительность, которая, как казалось самому Маневичу, портила тогда все, на самом деле, как только Берзин установил ее происхождение, уже питала не сомнение, а убеждение Берзина, что он говорит с человеком, на которого сможет положиться. От Берзина не укрылась искренность Маневича. В молодом человеке чувствовалась спокойная духовная сила, рожденная неугомонным темпераментом революционера, и непреклонная воля, смягченная тактом интеллигента. Такие люди обладают мягкой властью, а это уже много, очень много для будущего разведчика.

Маневич сидел в кресле перед пустым просторным столом и наивно полагал, что еще ничего не решено, что главный разговор впереди,

что не все пункты его анкеты проштудированы, и не замечал в волнении, что тон и характер вопросов Берзина изменился, а главное, неуловимо потеплел его взгляд.

Годы спустя Старик признался Этьену (Маневичу), что вопрос о его работе в разведке был решен в ходе этой беседы, независимо от всех и всяческих анкетных подробностей.

Берзин считал, что без полного и безусловного доверия к разведчику тот не может вести работу, и приучал Маневича, как и других, к самостоятельности. В условиях конспирации, где-то на чужбине разведчику даже посоветоваться будет не с кем. В ответ на это доверие Маневич и его товарищи по работе платили Берзину бесконечной преданностью. Самая строгая дисциплина прежде всего основана на доверии, а не на бездумном послушании, чинопочитании. Бывало всякое, приходилось в одиночку решать очень трудные задачи, и всегда Маневич мысленно спрашивал себя: «Как бы сейчас на моем месте поступил Старик?» Так ему легче бывало найти правильное решение.

Те же годы спустя Маневич (теперь уже Этьен), заполняя анкету, мог бы с чистой совестью написать: «Французский, немецкий, итальянский — свободно, английский почти свободно, испанский — слабо».

Ночная, взъерошенная весенним ветром вода в Москве-реке. Плывут одинокие льдины. Дворник в тулупе и треухе скалывает лед на набережной. Звонкая капель.

По набережной идут Маневич и Берзин. Оба в форме начала двадцатых годов — остроконечные шлемы, шинели с «разговорами». У Старика на петлицах три ромба.

Берзин отстает на несколько шагов от Маневича, критически приглядывается к его походке.

— А тебе пора отвыкать от строевой выправки,— говорит он строго.

— Стараюсь, Павел Иванович. Не получается.

— Отвыкнешь. И фрак научишься носить. И цилиндр.— Берзин остановился.— А вот притворяться в чувствах потруднее.

— Ну и дела,— усмехнулся Маневич.— Позавчера — комиссар бронепоезда. Вчера — слушатель военной академии. Сегодня — летчик. А завтра — коммерсант?— Маневич попробовал сменить походку на более свободную.— Ну как?

— Чуть-чуть лучше,— подбодрил Берзин и продолжал серьезно.— Ты и завтра останешься летчиком. Летчиком свободного полета! Ты должен видеть дальше всех и немножко раньше, чем увидят другие. Ты должен стать человеком, непохожим на самого себя. И коммерсантом ты станешь не простым.— Он рассмеялся и хлоп-

нул Маневича [1] по спине.— Бальзаковский банкир Нюсинжен — щенок по сравнению с твоим коммерсантом!..— Берзин помолчал и спросил потеплевшим голосом: — Сколько дочке?

— Два года.

— А Наде сказал? Командировка длительная.

— Она знает.

— Длительная и опасная... Может, еще раз обдумаешь?

— Я обдумал еще семь лет назад. В восемнадцатом. Когда вступал в партию...

---

[1] Лев Маневич (кодовое имя Этьен) — один из самых талантливых учеников Яна Берзина (Старика), руководителя советской военной разведки в 20—30-е годы.

Для Этьена и его боевых соратников война началась задолго до 22 июня 1941 года, до нападения Гитлера на Советский Союз, вдали от его границ.

Много лет провел Л. Маневич в тюрьмах Муссолини, на каторге. В конце войны он стал узником Маутхаузена. В лагерном подполье его знали как полковника Старостина.

Яков Старостин был освобожден союзниками (концлагерь Эбензее, Австрия) за несколько дней до победы тяжелобольным и умер утром 9 мая 1945 года. Похоронен на окраине города Линц на кладбище Санкт-Мартин, где покоятся советские воины.

Спустя 20 лет после победы был обнародован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза (посмертно) «за доблесть и мужество, проявленные при выполнении специальных заданий Советского правительства перед второй мировой войной и в борьбе с фашизмом...».

С тех пор на памятнике значится: «Герой Советского Союза полковник Л. Е. Маневич».

Олег
КОЧЛАДЗЕ

ПАРТИЙНОЕ ЗАДАНИЕ

Известия о революционных событиях в Петрограде 25 октября 1917 года пришли в Сибирь по телеграфу 26—27 октября. А уже к апрелю 1918 года новая власть торжествовала даже в самых отдаленных районах.

Силы сибирской контрреволюции ушли в подполье и готовились к реваншу. В Омске, Новониколаевске, Барнауле, Иркутске, в больших и малых городах создавались тщательно законспирированные вооруженные организации. Надежду на победу они связывали с иностранным вмешательством.

В ноябре 1917 года у дальневосточных берегов бросил якорь американский крейсер «Бруклин». На рейде Владивостока замаячил японский броненосец «Ивами». Вслед за ним появился английский крейсер «Суффолк». Жерла орудий смотрели на притихший приморский город, ожидая команды. Чтобы ускорить решительные действия «союзников», контрреволюционеры спровоцировали грабеж во владивостокской гостинице «Версаль», а затем убийство в отделении японской конторы «Исидо»... Японский и английский десанты сошли на берег. Но окончательно развязал им руки мятеж чехословацкого корпуса.

Командование корпуса вело среди солдат и офицеров циничную антисоветскую пропаганду и откровенный подкуп. Им было обещано, что с момента мятежа каждый рядовой будет ежемесячно получать вместо пяти рублей жалованья — двести... Только за период с 7 марта до начала восстания Франция и Англия отпустили на нужды корпуса около пятнадцати миллионов рублей.

Эшелоны мятежников рассредоточились на всем протяжении Транссибирской магистрали — от Пензы до Владивостока. Они свергали Советы, расстреливали большевиков и красноармейцев.

При блеске чужих штыков на территории Сибири и Дальнего Востока стали возникать всевозможные контрреволюционные «правительства». Просуществовали они недолго и были всего лишь подготовительным этапом к открытой военной диктатуре Колчака.

«Верховный правитель России» ликвидировал завоевания социалистической революции, отменил восьмичасовой рабочий день, за-

кон об охране труда рабочих на промышленных предприятиях и другие постановления Советской власти, принялся восстанавливать учреждения и порядки, существовавшие до революции, развязал кровавый террор против большевистской партии, актива Советов.

Когда белочехи захватили Томск и начались повальные аресты, комиссар Красной гвардии Матвей Иванович Ворожцов по настоянию товарищей ушел в подполье. Его знали теперь под именем Анатолий. Долго оставаться в городе он не мог: за ним велась самая настоящая охота. И партия перебросила его в помощь Барнаульскому партийному комитету. Опытный конспиратор, он принял активное участие в собирании уцелевших партийных сил и их пополнении. Работая столяром в главных железнодорожных мастерских, он уже к лету 1919 года организовал в городе двадцать подпольных пятерок. Кроме того, установил связь с политзаключенными и их семьями, наладил выпуск листовок.

На первых порах многие крестьяне были осторожны и пассивны, надеясь пережить это смутное время. Но колчаковцы, можно сказать, сами заставили крестьян пройти начальную школу политграмоты: они призывали их в армию, не считаясь с положением семьи и хозяйства, отбирали скотину и утварь, облагали непомерными налогами, вешали, расстреливали. Доведенные до отчаяния произволом белогвардейцев, крестьяне взялись за оружие. Интересно, что в некоторых уездах крестьянские волнения проходили под лозунгом: «Даешь наши потерянные Советы!»

В этом лозунге каждое слово наполнено глубоким смыслом. Не сразу сибирские крестьяне осознали, кто им друг, а кто враг, но когда понимание пришло, встали на путь революционной борьбы.

Кроме степного Алтая, где действовали партизаны Мамонтова, в губернии возникли еще два крупных очага партизанского движения. Один из них находился на северо-востоке — в таежном районе по реке Чумыш. Но к руководству здешними партизанами пробрались анархисты Рогов и Новоселов. Они всячески извращали саму идею борьбы за Советскую власть. Барнаульский комитет РКП(б), взявший курс на вооруженное восстание, направил на Чумыш Анатолия с группой товарищей. Партийное задание было ответственное: разоблачить антисоветскую линию Рогова и Новоселова, изолировать их от основной массы партизан и твердо взять в свои руки руководство восставшим районом.

* * *

Ночь выдалась промозглая. Пятерка Анатолия еще с вечера затаилась в прибрежном кустарнике Бежецкого острова. До рези в глазах всматриваясь в кромешную тьму, подпольщики поджидали распропагандированных колчаковских солдат из охраны моста через Обь.

— Плывут!

Показалась большая лодка. Она доставила на берег семнадцать солдат с оружием и боеприпасами.

Анатолий построил людей. Поздравил с вступлением в партизанский отряд. Своими заместителями назначил большевиков — солдата Виктора Булгакова и рабочего Ивана Бугрова. Скомандовал:

— Вперед!

На рассвете отряд вышел к деревне Средне-Красилово. Углубились в рощу, выставили дозоры и — повалились на траву.

Под вечер часовые привели трех человек.

— А ну-ка, покажите мне товарища Анатолия,— потребовал самый старый из них.

— Вот он я,— отозвался Анатолий.

— А я — Шпагаткин,— представился дед,— связной подпольной «веревочки» от Барнаула до тайги.

Шпагаткин предупредил, что в здешней округе лютует кулацкая дружина.

На четвертый день пути показалась кромка тайги. В широкой лощине раскинулась деревня Пещерка. Анатолий выслал разведку. Вернулась она быстро. С разведчиками пришел связной — крестьянин Нормайкин. Он сообщил, что местные и залесовские купцы и кулаки организовали дружину и рыскают по окрестным селам.

— Ищут вас,— озабоченно закончил связной.

— А мы и не прячемся,— весело откликнулся Анатолий.— Булгаков! Флаг!

Построившись в колонну, партизаны вошли в деревню. Их окружили крестьяне. Долго приглядывались к городским людям. Потом, робея, стали жаловаться на сельских мироедов.

— Скорей бы уж,— вздохнул кто-то,— власть поменяли, что ли.

Ему возразил сумрачно глядевший дядька:

— Оно по нонешним временам, конечно, не сладко. Да, чай, и большевики не сахар. Понастроят казарм солдатских, позагоняют вас туда — и мужиков, и баб с ребятней малой. Что-то тогда запоешь?

Анатолий приказал Булгакову отвести отряд за околицу и в случае опасности уходить, не дожидаясь его. А сам остался потолковать с крестьянами. Ему не впервой было слышать такие речи. Колчаковцы распускали о Советской власти разные небылицы, чтобы сбить с толку доверчивого мужика. Пугали, что безбожники-большевики устраивают в церквах кабаки и конюшни. А с икон-де берут налоги — и поштучно, и с вершка...

Беседа была в самом накале, когда неожиданно затарахтел пулемет, затрещали винтовочные выстрелы. В деревню с гиканьем ворвалась конная банда.

Анатолий перепрыгнул через изгородь, побежал, петляя, огоро-

дами. По нему открыли огонь. Ранили в бедро. Но ему все-таки удалось скрыться. Немало дней он скитался потом по тайге, волоча раненую ногу, питаясь кореньями. Вот когда пригодились бинты и йод, что загодя, до ухода в лес, припас для своего отряда. В Барнауле достать медикаменты и перевязочный материал не было никакой возможности, а в Томске, в аптеке, работала его сестра Наталья Ивановна...

Наконец вышел к реке. Постоял, настороженно вслушиваясь в незлобливый собачий перелай, скрип колодезного журавля, мычание коров. Деревня была где-то рядом. Как-то его примут там?

На околице встретил парнишку лет десяти. Узнал от него название деревни и повеселел: в Плотниково была у него явка, верные люди. Они помогли выкопать в лесу землянку и незаметно перенесли туда гектограф, хранившийся до времени в тайнике. Вскоре в окрестных селах появились листовки, призывавшие крестьян не верить небылицам о Советской России, вооружаться против колчаковцев.

Понимая, что живое слово куда доходчивее листовок, Анатолий, как только позволила подживающая нога, стал наниматься к кулакам и вместе с бедняками косил и скирдовал сено. А когда выпадала свободная минута, заводил непринужденный разговор о несправедливости и реакционности колчаковского правления.

— Вам твердят попы и деревенские богатеи,— говорил Анатолий,— что Колчак несет с собой свободу, что он хочет спасти Россию. Это — ложь и обман. Вы помните, какая была свобода при царе. Не забыли, должно быть, кого и за что пороли нагайками, гноили в тюрьмах. Разве при Колчаке стало жить легче? Никакой он вам, угнетенным и обездоленным, не защитник, раз горой стоит за ваших деревенских кровососов.

Анатолий исподволь подводил людей к мысли взяться за оружие. Он хотел, чтобы решение создать партизанский отряд стало естественным, осознанным их желанием. Тогда люди будут крепче держаться друг за дружку, охотнее слушаться командиров.

В повседневных заботах о новом партизанском отряде Анатолий ни на минуту не забывал о товарищах, с которыми пришел в тайгу. Если бы отряд погиб, размышлял он, эта весть разнеслась бы по всей округе. Но, похоже, отряд отбился. Тогда почему же о нем ни слуху ни духу?

И надо же было такому случиться, в тот день, когда Анатолий снарядил на поиски барнаульцев двух смышленых пареньков, дозорные привели Виктора Булгакова.

— Знаешь, сколько я тебя ищу, командир?! — с порога закричал Булгаков.

Он рассказал, как удалось им там, в Пещерках, скрытно подобраться к пулеметчикам, забросать расчет гранатами и прорваться в глубь тайги, не потеряв ни одного человека.

— Сейчас мы в отряде Рогова. Но что это за отряд! Роговцы пьянствуют и безобразничают. Они грабят кулаков, купцов, зажиточных крестьян, обирают церкви и... уклоняются от столкновений с карателями.

Рогова Анатолий знал. Он встречался с ним еще в бытность свою сначала комиссаром, а потом начальником Красной гвардии в Томске.

До войны Григорий Федорович Рогов работал приказчиком «Казенной водки», но и крестьянское свое хозяйство содержал исправно. Потом, в мировую, служил в железнодорожном батальоне. Вернулся в семнадцатом в чине фельдфебеля. Мужик он из себя видный. Надо ли удивляться тому, что Мариинская волость делегировала его, бывшего приказчика, на Томский съезд Советов. А после он стал членом Алтайского губернского земельного комитета, и, возможно, далеко пошел бы Григорий Федорович, не случись с ним осечка. Контрреволюционный переворот 1918 года встретил почему-то спокойно. А предложение вступить в Красную гвардию отклонил.

Подъезжая к Жуланихе, резиденции Рогова, Анатолий подумал: интересно, признает ли его Григорий Федорович?

Булгаков остановился у пятистенки, где квартировал «сам». Анатолий спрыгнул с коня и очутился в объятиях барнаульцев. Привлеченный непривычными здесь трезвыми возгласами, на крыльцо вышел Рогов. С минуту приглядывался. Узнав, протянул:

— А-а-а, здорово, комиссар! — и широким жестом гостеприимного хозяина пригласил в дом.

— Богато, однако, живешь, Рогов! — усмехнулся Анатолий, обегая взглядом плюшевые диваны и кресла, стоявшие вдоль стен, широченную, явно купеческую кровать, дубовые столы, ковры, церковные ризы.— Одного не пойму, к чему тебе, боевому командиру, столько барахла?

Рогов не успел ответить. За его спиной с грохотом распахнулась тяжелая дверь, и в избу ввалились двое.

— Батько! — еле ворочая языком и преглупо ухмыляясь, говорил один, протягивая бутыль с самогоном.— Вот, тебе уберегли...

Рогов вырвал посудину, замахнулся и сорвался на крик:

— Вон, мерзавцы! Убью!

Бутыль хряснула о порог.

Потом Рогов долго метался из угла в угол, потрясая пудовыми кулаками, бормотал, будто спорил с кем-то:

— Нет, нет, надо на Бердь уходить. Там глухие, безлюдные места. Ничего, что нет охотников вступать в отряд. Зато и драпануть никто не сможет...

— Э, мил человек,— возразил Анатолий,— так ты отряд не сохранишь.

Рогов круто обернулся:

— С армии не люблю длинных речей, комиссар. Что предлагаешь конкретно?

— Идти на Пещерку. Надо уничтожить тамошнюю хорошо вооруженную дружину.

— А я думал — митинговать будешь.

— Садись к столу,— оборвал его Анатолий.— Поделюсь своим планом разгрома пещерской дружины.

* * *

Требовательный стук вернул размечтавшегося купца Красилова на грешную землю. Бросив озабоченный взгляд на заветный сундук, крадучись подошел к двери, затаился. Пещерские так не осмелятся, знать, чужой кто ломится. Стук повторился. Купец молча снял засов, потянул на себя дверь, опасливо придерживая ее ногой, выглянул — и, шумно переведя дыхание, заулыбался. Перед ним стоял широкоплечий офицер, сзади толпились солдаты, державшие связанного Нормайкина, деревенского бунтаря.

— Кирилл Терентьевич,— распорядился офицер, поздоровавшись,— пошлите кого-нибудь за старостой и начальником дружины.

Вскоре перед молодым строгим поручиком склонились в полупоклоне рослый детина — начальник дружины и под стать ему староста.

— Господин начальник дружины,— приказал поручик,— бейте тревогу. Срочно выступаем на Жуланиху. Надо наказать тамошних голодранцев, чтоб другим неповадно было, и вздернуть на виселицу этого смутьяна Рогова.

Возле сельской сборни, переминаясь с ноги на ногу, толпился народ. Крестьяне с опаской посматривали на подходивших вразвалку дружинников, белогвардейского офицера, солдат, связанного Нормайкина.

Поручик, окинув собравшихся долгим приметливым взглядом, нахмурился:

— Господа дружинники, прошу всех в помещение сборни. Охоту затеваем нешуточную, необходимо проверить ваше оружие.

Кто-то было заворчал:

— А чо его доглядать? Справное.

Да тут купец Красилов подстегнул:

— К столу, к столу, господа! Закусите на дорожку чем бог послал.

Когда все расселись за длинным столом, шумно и нетерпеливо наполнили граненые стаканы, поручик, а это был переодетый Виктор Булгаков, постучал вилкой о стеклянный графин, призывая к тишине, встал и тоном, не допускающим возражений, сказал:

— Господа защитники отечества, предлагаю поднять руки. Выше, выше! И обе, пожалуйста... Иначе лишитесь головы.

— Ка-ак? — всполошились дружинники.

— А так! — грохнул выстрел.

В дверях и в окнах ощетинились винтовками партизаны. Незадачливые вояки подняли руки, обливая себя самогоном.

Ликвидировав пещерскую дружину, партизаны возвращались в Жуланиху. Победная молва забегала далеко вперед. В деревнях встречали их как освободителей. Крестьяне охотно записывались в отряд.

Первый успех окрылил Анатолия. Он предложил Рогову бить врага поодиночке. Для начала налететь на Салаир. Но Григорий Федорович замыслил иное. Он хотел дать отряду... отдых. А потом, потом-де нужда подскажет, как быть. Анатолий не согласился.

— Ладно,— сказал Рогов,— будь по-твоему. Только учти, комиссар,— ты городской, тебе это невдомек — крестьяне хорошо воюют лишь вблизи своих баб.

Анатолий собрал партизан-большевиков, обрисовал обстановку, попросил отобрать для предстоящей операции наиболее сильных, смелых, преданных делу революции людей.

Охотников воевать вдалеке от родных очагов и впрямь нашлось немного. Вооружены они были неважно: на трех человек одна винтовка. Зато настроение — хоть куда. «Ну, это главное,— подумал Анатолий.— А оружие, что ж, оружие даст Колчак...»

Старый следопыт, знаток тайги Леонтий Жуланов повел отряд одному ему известными тропами. К Салаиру подошли лишь на четвертые сутки. Разведка доложила: офицеры расположились в двухэтажном особняке, солдаты — в школе. И те, и другие ведут себя беспечно.

Налет был внезапным. В окна полетели самодельные бомбы. Солдаты сразу же закричали:

— Сдаемся! Сдаемся!

Партизаны захватили богатые трофеи: несколько десятков винтовок, два пулемета, сорок тысяч патронов, большое количество гранат, склад обмундирования.

Пленные просились в отряд. Мобилизованные в колчаковскую армию насильно, молодые люди, вчерашние рабочие Томска, оказывается, только и ждали подходящего момента, чтобы перейти на сторону народа. Но Рогов, указывая на убитого партизана, прохрипел:

— За него... всех... к чертовой матери порублю!

Анатолий Рогова в слепой его ярости не поддержал.

— Нельзя мстить без разбора. Разве ты не видишь, что белая армия разваливается? Все меньше остается у Колчака охотников защищать неправое дело. Все больше желающих перейти на сторону большевиков. И мы этим доверием к молодой Республике Советов должны дорожить.

Бывших солдат зачислили в отряд, выдали им оружие.

Партизаны, теперь уже не таясь, кратчайшим путем двинулись на Жуланиху. Вдруг хлопнул выстрел. На дорогу выскочил человек.

— Кто таков? — спросил Анатолий.

— Я — Орел, командир взвода из новоселовского отряда, а со мной десяток отважных ребят. Принимайте до себя.

— А где сам? — поинтересовался Рогов.

— А,— Орел безнадежно махнул рукой,— в тайге, в глухомани отсиживается. На «охоту» выходит ночью, точно зверь. По купеческим все закромам да по церквам шарит,— и закончил:— Тоска с ним! Разграбить мужской монастырь — это он может. А вот, как вы,— карателей погнать — кишка тонка.

В Жуланиху — центр партизанского движения на Чумыше — отряд вошел с триумфом.

Не успели Анатолий с Роговым расположиться на мягких диванах, как приоткрылась дверь, пропуская в штаб-квартиру Марию Колтышеву.

— Григорий Федорович,— всхлипнула от порога молодая женщина,— до тебя я, с жалобой.

Она рассказала, что третьего дня ввалились к ней в избу гуляки и, стращая обрезом, потребовали выпивки. Вдова выставила на стол, что осталось от мужа. Но пьянчугам показалось мало. Кто-то выхватил из сундука шубу — и за дверь. Вернулся с четвертью самогона. Безобразничали до утра. А потом самый бесстыжий сгреб хозяйку в охапку и повалил на кровать.

— А ты,— спросил Рогов, насупившись,— могла бы признать обидчика?

— Да из тысячи отличу!

За околицей построили партизан, уклонившихся от похода на Салаир. Женщина пошла вдоль строя.

— Вот он!

— Игнашкин, шаг вперед! — приказал Анатолий.

Парень сплюнул сквозь зубы, воровато зыркнул по сторонам, сказал с ленцой:

— Если каждой бабе верить...

— Кто еще был с тобой у вдовы? — потребовал назвать соучастников комиссар отряда.

Игнашкин осклабился:

— Я и сам с усам.

— Товарищи! — воскликнул Анатолий.— Что же это у нас получается? Колчаковцы до того замордовали народ, что к нам бегут со всей округи. А мы, оказывается, и грабим, и насилуем не хуже карателей. Куда же податься людям? У кого искать защиты? Ваш земляк Колтышев погиб на фронте. Чья, если не наша с вами, святая обязанность оградить его вдову от насильников и мародеров? А если Игнашкин завтра надругается над вашими женами?

— Смарать его!

— Смерть ему!

Увидев, что дело принимает скверный оборот, Игнашкин повалился на колени, заползал перед строем.

Метнув на Анатолия недовольный взгляд, Рогов попытался «образумить» разошедшихся «крикунов»:

— Ну-ну, петухи,— заговорил он по-отечески покровительственно,— погорячились — и будя. Этак вы перебьете у меня лучших бойцов. И за кого? Тьфу! — Он картинно плюнул себе под ноги.— Стыдно сказать — за бабу!

Не слушая Рогова, партизаны выбрали трибунал.

И судьи приговорили Игнашкина к расстрелу.

И стало на земле одним подлецом меньше. И крепко задумались иные гуляки: как жить дальше? К какому пристать берегу? С Роговым пойдешь, от своих же пулю примешь. Может, с городскими-то оно вернее?

Ликвидация пещерской дружины и салаирской базы вынудила колчаковское командование принять меры. На Жуланиху двинулся сводный отряд карателей: две тысячи сабель и тысяча штыков. Основные силы партизан отошли в тайгу, затаились до времени, а в бой ввязывались лишь мелкие группы, подзадоривая противника на преследование. Белогвардейцы попались в расставленную ловушку. Нетрудно представить их удивление и ужас, когда в какой-то момент вместо одиночных выстрелов из дробовиков на них обрушились дружные винтовочные залпы, перекрестные очереди из пулеметов. Ошеломленные мощью партизанского огня, каратели трусливо бежали с поля боя, укрылись в Зыряновке. Перегруппировавшись, несколько раз пытались наступать, но так и не добились успеха. А на другой день партизаны и сами перешли в наступление. Каратели отбивались до темноты. А ночью, налегке, бросив обоз с награбленным, лошадей, пулеметы, боеприпасы, улизнули через болото.

Потерпев очередное поражение, колчаковские головорезы привычно вымещали свою злобу на стариках, женщинах, детях. Не отставали от карателей и отряды «Зеленого креста». Особенно жестокими расправами над безоружными людьми прославилась дружина попа Василия Закурдаева. На сытых, сильных конях носились бандиты из деревни в деревню, отбирая у бедняков последнее. Непокорных со словами «во имя бога и святого духа» озверевший поп предавал лютой смерти. Партизаны во главе с Анатолием выследили дружину и уничтожили ее. Сорок возов хлеба, пятнадцать возов различного крестьянского добра — от нательной рубахи до сбруи — вывезли они с закурдаевской базы и вернули крестьянам.

* * *

В первых числах июля Анатолий собрал большевиков. Пригласил на совещание и командира отряда. Сказал:

— Обстановка в нашем крае с каждым днем все напряженнее. Страшась мести белогвардейцев, люди бросают нажитое. В притаежных деревнях копятся беженцы. Но некому позаботиться об их размещении, пропитании, медицинской помощи. Того и гляди вспыхнет эпидемия. А спекулянты? Кто пресечет их деятельность? Кто наведет, наконец, в наших селах общественный порядок? Опять же, у нас нет твердого тыла. Кто обеспечит его нам? Нет собственных боеприпасов. Кто наладит их выпуск? Считаю, пришло время восстановить на Чумыше Советскую власть. А вы какого мнения, товарищи?

Большевики шумно и радостно поддержали своего комиссара. Один Рогов был против.

— Рано хлопочете об этом. Колчак не разбит. Вот разобьем, тогда что ж, тогда можно и о ярме для народной шеи подумать...

— Странное у тебя представление о Советской власти, командир,— сказал Виктор Булгаков.— Ты, часом, не того, не хватил лишнего, когда шел сюда?

18 июля в Жуланихе открылся I съезд рабочих и крестьянских депутатов Причернского края. На съезд съехались представители четырнадцати волостей. Они избрали Совет и исполком, утвердили главный военно-революционный штаб и призвали крестьян создавать отряды самозащиты.

Анатолий несколько дней выглядел именинником. Подумать только! Адмирал Колчак еще силен в Сибири. Он еще не оставил надежды возродить буржуазно-помещичий строй. А Советская власть здесь, на Чумыше, подобно зеленому ростку, уже снова пробила себе дорогу к жизни.

Из Барнаула вернулся Иван Бугров. Он был командирован для доклада об успехах партизанского движения на Чумыше. Бугров проинформировал товарищей о состоявшемся VIII съезде РКП(б), о том, какие обсуждались на съезде задачи и какие были приняты резолюции.

— А совсем недавно, 19 июля, Центральный Комитет принял постановление «О сибирских партизанских отрядах»,— сказал Бугров.— Нам, товарищи, надо менять тактику борьбы с колчаковцами. На Чумыше, помимо нашего, есть и другие партизанские отряды. Но они малочисленны, плохо вооружены и потому не отваживаются нападать на крупные гарнизоны. Настало время объединить наши силы и перейти к решительному наступлению на беляков.

В августе против Колчака и ненавистной колчаковщины, принесшей народу ничем не ограниченный произвол озверевших белогвардейцев, грабительские налоги и насильственные мобилизации,

поднялась вся Сибирь. Предвидя скорый конец, ярый враг Советской власти барон А. Будберг еще в июле 1919 года писал в своем дневнике: «В тылу разрастаются восстания, так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь. Какой толк нам в стоянии вдоль линии разных союзников, когда весь организм охватывается постепенно этой красной сыпью!»

В середине октября партизаны осадили основную базу белогвардейцев на Чумыше — Сорокино. Каратели и дружинники из отряда «Зеленого креста» укрылись в каменной церкви, что стояла на горке в центре села. Окружавшая подворье металлическая ограда была выложена изнутри мешками и ящиками с песком. Пулеметы в импровизированных бойницах и на колокольне также затрудняли штурм «крепости».

На четвертый день осады в Сорокино объявился со своим воинством анархист Новоселов. Рогов встретил его с распростертыми объятиями и тут же начальственно приказал:

— Занимай оборону южнее Сорокино. И чтоб птица не пролетела!

— Но-но, ты мне условий-то не диктуй,— одернул приятеля Новоселов.— Вы будете сами по себе, мы — сами. Сочту нужным поддержать вас огоньком в трудную минуту — поддержу, не сочту — чур без претензий. Анархия — мать порядка!

На том и порешили. Увы, комиссар отряда ничего не знал об этом сговоре.

Белогвардейцы стреляли все реже. Кончались патроны у партизан.

В 2 часа ночи на выручку осажденным подошел большой отряд под командованием капитана Неразика. Новоселовцы бросили позиции без единого выстрела.

Рогов вынужден был снять осаду. А на рассвете с криками «Даешь Сорокино!» партизанская конница ворвалась в село. Колчаковцы в панике бежали. Позже, опомнившись, они подтянули к Сорокино орудия, десятки пулеметов и открыли ураганный огонь. Партизаны отступили к Жуланихе и дальше, в тайгу. Каратели влетели в пустую Жуланиху, запалили для острастки несколько изб, но на преследование не отважились.

В тот же день разведка Орла доложила: возле Мартынова появился отряд белогвардейцев. Бой был коротким. Почти весь отряд — около пятисот солдат и офицеров — добровольно сдался в плен.

Позже, в 1921 году, Г. Гине, бывший одно время управляющим делами Совета министров при «верховном правителе», напишет в своих мемуарах: «Беспрерывные мобилизации дали несколько десятков тысяч новых солдат, но этим солдатам нельзя было доверять.

Не было гарантий, что они не перейдут к красным, не потому, что они сочувствовали им, а потому, что больше верили в их силу, чем в силу Колчака».

* * *

Однажды в главный революционный штаб пришли члены исполкома. Они с возмущением говорили о том, что новоселовцы вконец распоясались. Не только не выполняют распоряжения и постановления исполкома, но и похваляются этим. Под их влиянием взялись за старое и попритихшие было роговцы. Дня не проходит, чтоб где-нибудь не ограбили, не обидели беззащитного человека, не надругались над женщиной. Между тем исполнительный комитет лишен права самостоятельно, без согласования с ревштабом, судить партизан, нарушающих общественный порядок.

— А, власти захотели! — рявкнул Рогов.

— Поизгаляться над народом вздумали! — поддакнул дружку Новоселов.

И, размахивая оружием перед лицами опешивших исполкомовцев, стали толкать их к выходу.

Пришлось Анатолию вмешаться. Дело дошло до рукопашной.

Рогов и прежде был склонен к анархии, а столкнувшись с Новоселовым, окончательно распустился. Все хулиганы в округе знали, что «батько» не выдаст, выгородит, спасет от наказания,— и не унимались. Большевики советовали Анатолию арестовать Рогова и Новоселова, отдать под суд. Анатолий же опасался, что это вызовет раскол в отряде. Но позже он не единожды упрекнет себя, что не послушался вовремя товарищей.

5 декабря собрался очередной, III съезд Алтайского, как он тогда именовался, краевого Совета. Рогов и Новоселов на съезд не явились. Они бросили демагогический и провокационный клич:

— Кто хочет воевать против белогвардейцев — идите к нам, кто не хочет — пусть остается.

К ним присоединилась десятая часть отряда — до тысячи человек. В основном любители кутежей, грабежей, острых ощущений. Предвкушая богатые трофеи, воинство двинулось на... Кузнецк, где уже была установлена Советская власть. От идейного шатания и разброда к открытому неповиновению Советской власти, борьбе с ней — таков финал этих отщепенцев.

А комиссар Ворожцов повел свой отряд навстречу Красной Армии. Через Залесово пришел в Черемушкино, где находился штаб партизанского отряда Громова-Амосова, действовавшего по нижнему течению Чумыша. На совместном заседании штабов было принято решение о формировании 1-й Чумышской партизанской дивизии. Начальником дивизии избрали Анатолия.

Успехи Красной Армии, добивавшей колчаковские соединения, создали благоприятную обстановку для наступления дивизии на Барнаул. В ночь с 9 на 10 декабря легендарная партизанская армия Мамонтова при поддержке большевистского подполья, организовавшего восстание барнаульских рабочих, освободила город.

А дивизия Анатолия оседлала железную дорогу на перегоне Бийск—Алтайская. Она не просто сдерживала натиск отступавших из Барнаула и Бийска белогвардейских частей, но и сама громила их.

«Верховный правитель российского государства» едва поспевал штопать дыры в расползавшемся плане обороны против победоносной Красной Армии. Потеря в таких условиях Алтайской губернии была бы для него непоправимым ударом. Ведь терялась обширная территория, крупные запасы продовольствия, значительные людские резервы. Поэтому, чтобы покончить с освободительным движением на Алтае, Колчак снял с фронта пятнадцать тысяч солдат, два десятка орудий, сто пулеметов... Но все было тщетно. Восставший народ победил. Алтай стал советским.

...Заканчивая отчет Барнаульскому комитету РКП(б), Анатолий сказал:

— Задание партии выполнил. Какие будут поручения?..

Татьяна
ВАСИЛЬЕВА

НОЧНОЙ БОЙ

Теплой сентябрьской ночью девятнадцатого года группа всадников вынеслась на бугор и застыла, облитая лунным светом. Облака то и дело набегали на луну, и силуэты всадников то исчезали в темноте, то опять появлялись на фоне быстро темнеющего неба. Ночь только вступала в свои права, и осенние длинные сумерки еще позволяли различать пустынную приволжскую степь, редкие черные силуэты деревьев, темные пятна оврагов, влажно блестевшую в сумрачном свете траву.

Человек, выехавший на гнедом жеребце вперед, высвободил руку с нагайкой из-под бурки, блеснул край генеральского погона, человек обернулся и спросил:

— Кто перед нами?

— Справа — части двадцать шестой стрелковой дивизии красных, ваше превосходительство, слева — вторая бригада красной тридцать пятой дивизии, она стоит в станице Звериноголовская. А прямо перед нами — никого. Здесь нас не ждут.

— Ну что ж... Не все время Тухачевскому праздновать, пора ему и приостановиться...— Генерал махнул нагайкой, и две колонны всадников обтекли с обеих сторон холм и галопом ушли в темноту. Топот покатился к горизонту.

— Пока стоит сравнительно спокойная сентябрьская погода и дороги не развезло, мы должны выйти вот сюда,— начдив 26-й вел пальцем по карте.— Левым флангом по железной дороге Курган — Петропавловск, правым флангом по тракту Звериноголовская — Петропавловск. На севере, у железной дороги, имеем соседом двадцать седьмую дивизию, на правом фланге — тридцать пятая. Одна ее бригада, та, что в Троицком укрепрайоне, служит нам как бы резервом, другая ее бригада стоит в Звериноголовской, и, если судить по связи...

— Второй час нет связи с соседями,— прервал начдива начальник штаба,— и полтора часа нет связи с нашими передовыми частями...

— Не совсем ладно идем в наступление,— комиссар 26-й дивизии Гончаров склонился над картой, потер виски.— Голова болит... С недосыпу, что ли?

— Отдохнул бы малость,— посоветовал начдив.

— Когда тут отдыхать... Смотри, какие разрывы между нами и нашими соседями. Конницы-то у противника гораздо больше нашего, как двинут подвижные конные группы нам в тыл...

Вбежал телеграфист:

— Звериноголовская на проводе! Там вроде каппелевцы на прорыв двинулись...

Начштаба выскочил за дверь, а комиссар встал и стал молча надевать кожанку. Снял с гвоздя фуражку, проверил, на месте ли наган. Начальник штаба вернулся, подошел к карте:

— Судя по сообщениям, белые начали контрнаступление. Атакованы сразу и мы, и двадцать седьмая. Белые — пехота и конные — здесь и здесь выходят к нам в тыл, отрезая наши передовые части друг от друга и от соседей... Больше ничего не знаю, снова оборвалась связь.

Начдив бросил на карту циркуль, схватил комиссара за рукав:

— Николай Кузьмич, ты куда? Это же к волку в пасть! А если отрежут от тылов? Я сейчас соберу резервы...

— Пока ты соберешь, пока они дойдут... А там, на передовой, черт знает что делается! Сейчас я там нужнее, там.

— Возьми моего коня,— начдив все не выпускал руку комиссара.

— Он тебе здесь пригодится, я поеду на штабном «форде». Ну...— комиссар сурово улыбнулся, надел фуражку.— Ждите вестей.

Осеннее наступление советской 5-й армии под командованием Тухачевского на Восточном фронте застопорилось.

Части белых под командой генерала Сахарова, используя превосходство в коннице, 2 сентября 1919-го двинулись в контрнаступление против измотанных непрерывными боями красных дивизий. 27-я дивизия 5-й армии была атакована Уфимской группой белых. 26-я дивизия по фронту попала под удар Волжской группы противника, а с правого фланга ее атаковали 2-й белогвардейский конный корпус и группа генерала Доможирова.

Примерно две-три тысячи всадников мощным ударным кулаком вклинились между передовыми частями 26-й дивизии и станицей Звериноголовской, двигаясь в тыл красных войск...

Натужно ревел мотор «форда». Шофер, вцепившись в баранку, поглядывал вперед, на восток, откуда доносилась беспорядочная стрельба. Изредка слышались пулеметные очереди, бухал орудийный раскат, и тогда в ночи над горизонтом загорался и тут же гас огненный сполох.

Гончаров наклонился к шоферу:

— Если можешь, быстрее!

— Так куда же быстрее по этим-то буеракам... Темень хоть глаз выколи!

И тотчас комиссар и шофер увидели группу людей, бегущих навстречу. Шофер надавил на тормоз, машина вильнула, но комиссар подумал: «Если белые—были бы конные...» и приказал:

— Давай к ним!—И встал в машине.—Стой! Кто такие? Товарищей бросать?!

— Где они, товарищи?—крикнули из темноты.—Белых тьма прет! Наши порубанные лежат! Был бы ты, комиссар, на нашем месте...

— Вот я и иду на ваше место, которое вы бросили! Здесь наверняка головы сложите, если побежите. А там можно уцелеть, если всем вместе сдерживать врага. Залезайте в машину. Все лезьте! Я вас на глупую гибель не поведу, сам долго жить собираюсь... Показывайте дорогу!

В ночном мраке все чаще встречались отступающие группы и одиночные бойцы. Настоящей паники еще не было. Отступали как-то неуверенно, оглядываясь туда, откуда доносилась стрельба. Пока это еще был не страх, а растерянность, еще не бросали винтовок. Кто-то даже тащил пулемет.

Встречая комиссара, решительно и уверенно расспрашивавшего о дороге, как будто ничего не случилось и там, куда он направляется, ему ничего не грозит, бойцы останавливались, начинали разыскивать своих командиров и постепенно объединялись в небольшие организованные группы.

Гончаров уже ориентировался в обстановке. Ему уже показали, где какой полк стоял при начале белогвардейской атаки, где стоят пушки, где—штаб полка, менее других пострадавшего от вражеского натиска, сколько примерно километров до соседей и что за домики чернеют впереди, и что за деревушка притулилась на взгорке в полуверсте слева.

Гончаров понял, что здесь ударили не главные силы прорыва. Какой-то большой отряд краем зацепил и разметал красные части и ушел в темноту. Неразбериха и растерянность возникли скорее из-за внезапности и неизвестности. В любой момент белые могли вернуться, ударить большими силами — вот тогда начнется настоящая паника, грозящая разгромом.

— Занимайте вон те избы,— сказал Гончаров,— перед ними ройте окопы. Быстро! Семенихин,— увидел он знакомого комроты,— собери своих, сколько сумеешь, двигай к той деревушке, я тебе сейчас подброшу пару пулеметов, готовь пока окопы и пулеметные ячейки...— Гончаров огляделся, подозвал нескольких бойцов, более уверенных с виду, чем прочие, приказал: — Подберите себе каждый команду человек по десять. И еще мне нужна связь с соседом на пра-

вом фланге и с теми, кто сейчас дерется вон там, впереди... Найдите мне хотя бы два орудия с прислугой... Проверьте телефонную линию...— Он разослал бойцов и стал подсчитывать в уме, сколько примерно каждому из них понадобится времени, чтобы выполнить задание, и успеют ли они вообще что-нибудь сделать, прежде чем белые предпримут новый натиск?

...Не первый раз в жизни Николаю Гончарову приходилось брать на себя ответственность в сложных обстоятельствах.

Еще в девятьсот четвертом году у него на квартире в одном из московских районов устраивались большевистские собрания, хранились запрещенные книги, листовки, оружие.

В девятьсот пятом, во время Декабрьского восстания, сражался на баррикадах, был разведчиком при штабе дружин Бутырского района, помощником начальника боевой дружины.

В апреле 1917, после возвращения из ссылки, включился в подготовку Октябрьской революции, в дни восстания стал членом Симоновского ВРК и комиссаром Московского ВРК, дрался с юнкерами у Ильинских ворот, за Кремль, за Симоновские пороховые погреба.

В августе 1918 года добровольцем ушел на фронт, был заведующим политотделом Штаба войск Вятского района 6-й армии, потом заведующим политотделом Северного фронта, а в девятнадцатом году, после перевода на Восточный фронт, назначен комиссаром 26-й стрелковой дивизии 5-й армии.

Вместе с дивизией участвовал во всех крупных операциях весеннего и летнего наступления Восточного фронта, но в такую критическую ситуацию, как во время сентябрьского контрнаступления белых, попадать ему еще не доводилось.

Семенихин укрепился в деревушке. Человек тридцать с двумя пулеметами идут ему в подкрепление. Два взвода окапывались перед домишками, черневшими впереди. Орудия нашли, уже подкатывают два и тащат к ним зарядные ящики. Еще одно застряло на дороге, сейчас его выкатят руками...

— Оставьте его там, за бугром, пусть пока будет в тылу,— приказал комиссар.— Два взвода — в охранение.— Он прислушался к неясному шуму справа, добавил: — Востриков! Скажи своему комвзвода, чтобы выдвинулся к тем кустам, что темнеют впереди, правее домишек...

Силуэты бойцов только-только успели скрыться в кустах, как неясный гул надвинулся, рассыпался на топот множества копыт, и темная масса понеслась из глубины надвигающейся ночи...

«Конница начинает атаку километра за полтора, чтобы разогнаться... — подумал комиссар,— а мы ей не дадим разогнаться...»

— Гаврилов! — крикнул комиссар.— Давай к Семенихину,

пусть со своими пулеметчиками будет готов к круговой обороне... Ерохин! Беги к избушкам, предупреди, чтобы не обнаруживали себя, пока конные не повернут к кустам и не покажут фланг...

Справа открылась частая стрельба. По тому, как сбился ритм конского топота, и по поднявшемуся крику можно было понять, что конница смешалась, топчется на месте, но вот топот опять перешел в гул: часть конных поскакала к кустам, и тотчас из окопчиков, из-за домишек, открыли огонь затаившиеся красноармейцы, а затем зачастил пулемет.

Белогвардейцы, оказавшись меж двух огней, снова смешались. Их начальник, видимо, решил, что открыл истинное расположение красных, и, разделив своих на две части, послал одну группу в лоб на окопы, а другую в далекий обход на левый фланг.

В эту ночь все чувства и разум Гончарова были необычайно обострены: еще прежде чем связные сообщили ему о предпринятом маневре белых, он уже по слуху понял, какую опасность следует немедленно предупредить, и, едва конский топот затих где-то вдали слева, Гончаров послал полсотни бойцов прикрыть тыл своего левого фланга. Еще полсотни красноармейцев он направил в ложбину, потянувшуюся между двумя избами и деревушкой, занятой Семенихиным. Таким образом, не имея возможности создать сплошную линию обороны, он все же сумел защитить самые уязвимые и важные участки, прикрыв одновременно перекрестным огнем те точки, в которых у него не было бойцов.

Тут ему пришло в голову, что в темноте огонь не может быть достаточно метким, следовательно, пули будут поражать больше лошадей, а не всадников. Спешенные же всадники в темноте могут скрытно подобраться к позициям и... Гончаров немедленно послал еще взвод бойцов в помощь той полусотне, что ушла прикрывать тыл левого фланга. Наступили критические минуты боя: теперь не атаки врага, которые начнутся с минуты на минуту, решат, на чьей стороне будет успех, а та скорость и точность тактических действий и решений, которая сможет либо упредить действия врага, либо...

У него не было времени, да и желания додумывать каждый раз, что будет, если... или либо... «Никаких если!» — вот задача, которую он решал в этом ночном бою.

В ночь ушли новые группы связных — в тыл, поторопить артиллеристов, в штаб дивизии, к соседу справа — в Звериноголовскую.

Далеко слева началась стрельба — это посланные в обход белые наскочили на засаду. Стрельба сменилась криками — потеряв лошадей, белые в пешем строю бросились на засаду, но тут подоспел посланный на помощь засаде взвод...

Командир белогвардейского отряда вынужден был все больше дробить свои силы: когда его конники не смогли новой атакой в лоб сбить красноармейцев у кустарника, то часть сил снова двинулась на

левый фланг красных и попала под огонь пулеметов из деревушки, удерживаемой Семенихиным. Еще один эскадрон бросил в зону предполагаемого затишья — между деревушкой и двумя домиками, стоящими в центре позиции Гончарова. Но здесь, в ложбине, их встретила новая засада. Теперь белые были связаны боем на большом участке, в темноте они пока не могли определить наиболее слабые места обороны красноармейцев и вынуждены были атаковать по всему фронту.

Кто-то позади Гончарова удовлетворенно сказал:

— Вот теперь мы зададим им жару!

— Не говори «гоп»...— хмыкнул Гончаров; обостренный его слух уловил какой-то новый звук, идущий из глубины степи, со стороны белых,— к ним подходило подкрепление, и теперь главным стал вопрос времени: что произойдет раньше? Прорвут ли конной массой казаки тонкие заслоны в ложбине и перед кустарником? Или орудия, застрявшие за бугром, успеют сделать хотя бы по нескольку выстрелов? Обтекут ли казаки, широко растянувшись по степи, засаду на левом фланге, или опять же пушки успеют встретить их картечью? Иссякнут ли последние силы у обороняющихся на позиции красных, или к ним подоспеет подкрепление с тыла и от соседей справа?

Необходимость постоянно посылать связных почти совсем истощила то, что Гончаров называл своим резервом. Комиссар прислушался: судя по всему, засада на левом фланге уже дерется в окружении. А вот теперь ясно, что казаки прорвались и по ложбине и Семенихин в деревушке тоже принужден занять круговую оборону. Вот белые вклинились между домишками в центре позиции и засадой у кустарника на правом фланге.

Он оглянулся: из-за бугра артиллеристы выкатывали пушку. Еще одно орудие разворачивалось левее. Изредка прорывавшаяся сквозь разрывы облаков луна скупо подсвечивала поле боя, и Гончаров, хотя возле него почти не осталось людей, послал по два человека к каждому орудию с указанием, по каким целям стрелять. Потом он собрал последние тридцать — тридцать пять человек, в большинстве раненых, к тем домишкам в центре позиции, которые вот-вот могли быть захвачены белыми.

«Только бы не пропустить их к пушкам...» При тусклом свете луны Гончаров увидел, что примерно пол-эскадрона прорвалось по ложбине. Он выстроил своих шеренгой, и они успели дать три залпа по всадникам. Те смешались, из домишек им во фланг стреляли тоже... Но теперь справа набегали спешенные казаки, прорвавшиеся у кустарников.

Гончаров повернул свой резерв и повел в штыковую атаку.

Позади гулко ухнуло — раз, второй, третий... Картечь завизжала над головами красноармейцев, белые смешались. Второе орудие било по тем, кто прорывался на левом фланге. Семенихину стало легче,

он оставил перед деревушкой заслон и с оставшимися бойцами ударил на белых, подступавших с тыла... Последние защитники центра выскочили из домишек и помогли Гончарову и его резерву рассеять спешенных казаков на правом фланге...

Одна из пушек перенесла огонь в тыл белых, они дрогнули и начали отходить.

При всполохах орудийных выстрелов и слабом свете луны Гончаров оглядел поле боя. Темными кучками тут и там лежали тела красноармейцев и казаков. Под шальными пулями носились по степи лошади. Бой иссяк, шум его опал и растворился. Санитарные команды обходили степь, собирая раненых и относя их к избам.

Подошел Ерохин, придерживая раненую руку:

— Николай Кузьмич, тут связные из Звериноголовской с телефонистом — связь протянули...

Гончаров оглянулся, увидел перед собой невысокого, кряжистого человека, коротко обронил:

— Вовремя! Вовремя...

Из деревушки пришел солдат с отчаянно-решительным выражением лица, с забинтованной головой, представился:

— Так что, товарищ комиссар, принял командование на обороняемом мною пункте, поскольку...

Он замолчал и указал взглядом на четверых бойцов, которые несли на шинели тело Семенихина. Солдат сказал:

— Там у меня пленные, трое, раненые... И тыл у меня открыт...

Послышались голоса, подошло первое подкрепление из дивизии.

— Вовремя! — повторил Гончаров.

Он приказал передвинуть на другую позицию пушки, часть подошедших подкреплений отправил в деревушку, часть — дальше, на левый фланг, туда, где почти полностью полегли бойцы, сорвавшие обходной маневр казаков. Потом комиссар велел углублять окопы и повернулся к связным из Звериноголовской:

— Ваши уже разворачиваются? Ну, давайте мне ваше начальство!

Он взял у телефониста трубку...

Измотанная предыдущими боями, 26-я дивизия в первые часы контрнаступления белых понесла большие потери и подалась назад.

Командование 5-й армии срочно перегруппировало части: благодаря стойкой обороне, организованной Николаем Кузьмичем Гончаровым, удалось выиграть время. Фронт укрепили бригадой 35-й дивизии, подошедшей из Троицкого укрепрайона, из двух бригад 5-й дивизии позади правого фланга 26-й создали ударную группу. Она атаковала и потеснила прорвавшиеся отряды противника.

За мужество и героизм и отличие в боях с белыми Николай Кузьмич Гончаров был награжден именным оружием — одной из самых почетных боевых наград того времени.

Борис КОСТЮКОВСКИЙ
Вячеслав РАКИТИН

КОМИССАР «ГРОЗНОГО»

В начале победного мая 1945 года Маршал Советского Союза Конев Иван Степанович находился в Чехословакии. Его войска только что разгромили здесь последний очаг сопротивления гитлеровцев и освободили Прагу. В один из дней он осматривал этот старинный город, любуясь его красотой.

На улице, забитой радостно кричащей толпой, ему встретилась казацкая часть. Впереди ехал молодой казак. Его небольшая лошаденка-монголка была вся в цветах: на шее несколько венков из роз, через круп перекинуты гирлянды, под уздечку, за седло и даже под подпругу — везде заботливые руки чешек пристроили цветы. Да и сам казак выглядел красиво: загорелый, грудь в орденах и медалях, усы лихо закручены, из-под сдвинутой набок фуражки выбился черный упрямый чуб. Две девушки вели его коня под уздцы, две другие держались за стремена.

Что-то знакомое показалось маршалу в этом казаке. Он остановился и спросил:

— Откуда родом, старшина?

— Забайкальский я, товарищ маршал,— бодро ответил казак.

— Бывал я в ваших краях, воевал в гражданскую с колчаковцами и семеновцами. Ну, теперь домой поедете?

— Да как начальство прикажет... Но, честно говоря, я очень соскучился. За последнее время все снится мать, деревня наша и сопки.

— А конь-то, я вижу, у вас тоже из Забайкалья. Неужели вместе на фронт прибыли?

— Нет, товарищ маршал, за время войны он у меня третий. Двух первых убило. Но с этим — Буяном я сроднился. Он не раз спасал меня от смерти. Если удастся, вместе вернемся в Забайкалье и поработаем еще в колхозе.

— Ну что ж, счастливого пути,— произнес Конев, уступая дорогу казакам.

Когда конники скрылись за поворотом, маршал глубоко задумался. Забайкалец навеял ему воспоминания о далеком прошлом. Он очень напоминал разведчика Елизара Мусихина, который в гражданской служил на бронепоезде «Грозный». Лихой это был казак,

отважно ходил в тыл к колчаковцам. Иван Конев, в ту пору еще совсем молодой, был комиссаром этого бронепоезда и не раз объявлял Мусихину благодарности. Много воды утекло с тех пор. Но свою боевую комиссарскую молодость маршал всегда вспоминал с душевной теплотой, хотя она и была далеко не легкой.

14 июня 1918 года жители глухого вологодского городка Никольска торжественно провожали на фронт отряд своих земляков во главе с военкомом Иваном Коневым. На площади у собора состоялся митинг. Первым выступал Конев. Он говорил о том, что империалисты со всех сторон пытаются задушить Советскую Россию. Внутренняя контрреволюция, белое офицерье, монархисты не могут смириться с тем, что Советская власть отняла землю у помещиков и отдала ее крестьянам, а фабрики — рабочим. Момент грозный, хуже не бывает. Но сегодня, сказал Конев, мы уходим на фронт и будем биться до конца за святое дело революции.

Слушая эту речь, трудно было поверить, что военкому шел всего двадцать первый год. Но он, несмотря на молодость, был уже вполне сложившимся коммунистом и пользовался в городе большим авторитетом. Местная газета «Плуг и молот» в номере от 18 июня 1918 года поместила статью о митинге, в которой Коневу посвящались такие строки:

«14 июня из города Никольска отправился на фронт добровольцем один из лучших, честных, всей душой преданных революции, организатор ячейки коммунистов, военком дорогой товарищ Конев И. С.».

Военкомом Никольского уезда Конев был назначен за несколько месяцев до этого митинга. Он сразу же начал формировать боевой отряд. И эта его инициатива оказалась весьма своевременной, так как вскоре в соседних волостях вспыхнули кулацкие мятежи. В уезде сложилась тяжелая обстановка, опасность угрожала даже непосредственно Никольску. Отряд тут же выступил против контрреволюционеров. Этот поход как для Конева, так и для бойцов явился суровой школой классовой борьбы. Крепко усвоил тогда Иван Конев, что живым большевистским словом, личным примером можно добиться многого. Действуя смело и решительно, отряд разгромил вологодскую контрреволюцию и возвратился в Никольск окрепшим и закаленным. И особенно ценным было то, что в его рядах сформировалась многочисленная группа пламенных агитаторов.

После похода Конев снова приступил к исполнению обязанностей никольского военкома. Гражданская война продолжала разрастаться. Из Никольска уходят на фронт рота за ротой. И хотя Конев понимал, что тут, в тылу, он делал важную работу, он постоянно рвался туда, где шли главные сражения, где решалась судьба революции.

Но начальство рассуждало так: зачем менять военкома, который прекрасно справляется со своими обязанностями? И не торопилось решать этот вопрос. Тогда Конев обратился непосредственно к Михаилу Васильевичу Фрунзе, который в то время являлся военным комиссаром Ярославского военного округа. Выслушав просьбу Конева, он сказал:

— Вы пришли весьма кстати. Я как раз ломал голову над тем, кого можно послать в Костромскую губернию на подавление кулацких мятежей. Берите свой отряд и отправляйтесь туда немедленно. А уж после этого поедете на фронт.

Опыт борьбы с вологодской контрреволюцией пригодился Коневу. Никольский отряд быстро подавил мятежи костромских кулаков и влился в запасной полк. Затем Ивана Конева назначили командиром маршевой роты, которая отправлялась в 3-ю армию на Восточный фронт. Там он попал в запасную артиллерийскую часть, где был избран секретарем парткомитета. И хотя партработа увлекла Конева, он продолжал рваться на фронт.

Наконец мечта сбылась — его назначили комиссаром бронепоезда, который заканчивал формировку в Екатеринбурге. Не теряя времени, Конев выехал туда и 3 сентября 1919 года был уже на месте.

Командовал бронепоездом Владимир Баклыков, пожилой человек с болезненным лицом. Пожимая руку прибывшему комиссару, он спросил с усмешкой:

— Сколько же вам годков-то?

Конев сделал вид, что не заметил ехидства, и бодро ответил:

— В декабре стукнет двадцать два.

— О, раз так — вы будете в экипаже самым молодым. Завтра после утренней поверки я представлю вас личному составу. А сейчас пойдемте полюбуемся нашим стальным красавцем.

На рельсах высилась серая махина из пяти огромных металлических коробок.

Впечатление она производила весьма внушительное. Баклыков пояснил, что средняя коробка — это бронепаровоз, спереди и сзади к нему прицеплены две бронированные пулеметные площадки, а в голове и в хвосте находятся артиллерийские бронеплощадки с башнями для орудий. Бронепоезд имеет на вооружении шестнадцать пулеметов «максим» и два трехдюймовых орудия образца 1902 года. Штатная численность экипажа — 125 человек, но пока набрано около ста.

— А сколько в экипаже коммунистов? — спросил Конев.

Вопрос оказался неожиданным, и Баклыков замялся.

— Точно не помню. Что-то около десяти,— протянул он.

— Маловато для такого коллектива,— сказал Конев.— Комячейку уже создали?

— Нет еще, как раз из-за малочисленности партийцев. Я не раз говорил об этом в Броневом управлении... Обещали добавить и все тянут...

Разговор этот был явно не по душе Баклыкову. И он стал рассказывать о том, что сейчас бронепоезда заменяют в наступлении танки и артиллерию, а в обороне превращаются в подвижные крепостные редуты. Не зря их называют «ударной силой революции».

По вопросам Конева командир почувствовал, что комиссар хоть и молодой, но уже достаточно опытный и зрелый человек. И это его порадовало.

Сумерки сентябрьского вечера уже начали сгущаться. Баклыков поспешно посмотрел на часы и сказал, что пора идти размещаться на ночлег, иначе это придется делать в абсолютной темноте, так как на станции поврежден электрокабель.

В ста метрах от бронепоезда на путях стоял старый зеленый вагон. Указав на него, Баклыков сказал:

— В нем живет весь комсостав. Мое купе первое, ваше — рядом, размещайтесь. Завтра утром зайду за вами.

Разложив вещи, Конев почувствовал усталость и лег спать. На следующее утро его разбудил горнист. Где-то рядом он трубил подъем. Часы показывали ровно шесть. Вагон комсостава мгновенно ожил. Едва Конев успел побриться и одеться, раздался стук в дверь и появился Баклыков.

— Как спалось? — осведомился он.

Конев поблагодарил, и они направились к бронепоезду, на утреннюю поверку. По дороге командир похвастался, что ему удалось сколотить боевой экипаж. В основном это моряки Балтфлота и кадровые уральские рабочие. Народ все бывалый, многие уже не раз нюхали порох. Конев невольно вспомнил, что в «бывалом» экипаже он будет самым молодым.

— Ну вот посмотрите сами, каких молодцов я подобрал,— заключил Баклыков, подходя к строю.

Конев прошелся взглядом по шеренгам, стараясь сохранять бодрый вид, но в душе волновался.

Баклыков представил комиссара и спросил:

— Какие будут вопросы?

Последовала тишина, затем из конца второй шеренги раздался голос:

— Дети есть?

Спрашивал явно какой-то хохмач, и Конев почувствовал, что именно сейчас ему следует рассказать о своем боевом прошлом. Он шагнул к строю и сказал:

— Я вижу, что мне надо рассказать биографию, и дело не в детях, которых, кстати, у меня нет. Родился в 1897 году в деревне Ло-

дейно Никольского уезда Вологодской губернии [1] в семье крестьянина. Подростком помогал отцу вывозить с лесосек бревна. После трехклассной сельской школы поступил в земское училище и закончил его с похвальным листом.

В мае 1916 года призван в армию. Сначала в запасной полк в Моршанске, затем попал в артиллерию и учился в тяжелой артиллерийской бригаде, стоявшей в Москве, на Ходынском поле. Познакомился с большевиками, стал читать нелегальную литературу. Здесь меня и застала Февральская революция.

По требованию союзников «временные» спешно готовили наступление на Юго-Западном фронте. Наш дивизион отправили в Тернополь.

Октябрь прекратил грабительскую войну, развязанную империалистами. Армия стала демобилизовываться. Я тоже демобилизовался. В звании младшего унтер-офицера. Ехал домой, думал о мирных делах. Но оказалось, что Советская власть на Вологодчине хоть и установилась, но наряду с молодыми Советами существовала и заправляла делами старая земская управа. Чиновники не выполняли распоряжений Советов. Полыхнули контрреволюционные мятежи. И вот не долго думая собрал я свои пожитки — и в уездный город Никольск. Прямо в уком. Объяснил, что хочу помогать Советской власти. Там выслушали, дали работу. Потом в партию приняли. А спустя несколько месяцев избрали членом Никольского уездного исполкома и назначили военным комиссаром.

От коммунистов Вологодчины был делегатом на V съезде Советов. 6 июля во время работы съезда левые эсеры подняли в Москве мятеж. На его подавление была мобилизована большевистская фракция съезда. Меня направили в район Каланчовки на площадь трех вокзалов, командовать рабочим отрядом. В результате общих предпринятых мер ни один из вокзалов мятежники не сумели использовать в своих целях.

Говоря обо всем этом, Конев видел, что слушают его с большим интересом.

В заключение он рассказал, как формировал на фронт маршевые роты, как сам рвался на фронт и сколько ему пришлось преодолеть препятствий, прежде чем он оказался на этой зеленой лужайке перед строем бравых бойцов, среди которых есть шутники, кто постоянно думает о детях.

По шеренгам пробежал смешок. Других каверзных вопросов не последовало. Однако Конев интуитивно почувствовал, что ему предстоит немало поработать, чтобы заслужить настоящий авторитет и доверие команды бронепоезда. И он решил познакомиться с каждым, подробно расспросить, выяснить настроение, уточнить грамот-

---

[1] Ныне Подосиновский район Кировской области.

ность, в зависимости от нее сформировать группы для политзанятий.

После завтрака Конев начал знакомиться с командным составом бронепоезда. Встретился с помощником командира Иваном Грыженковым, старым большевиком. Побеседовал с начальниками боевых бортов Анатолием Новицким и Александром Меркушиным. Оба ранее служили в Кронштадте. Особенно ему понравился начальник артиллерийского борта Иван Мысин, который за революционную деятельность провел около десяти лет на царской каторге. Такой не подведет в бою, подумал Конев, направляясь к группе артиллеристов. В основном это были моряки с кораблей Балтийского флота и кронштадтских фортов. Рослые, широкоплечие, подобранные один к одному. После огромных корабельных и береговых орудий трехдюймовые пушки бронепоезда казались им игрушками. Комиссар почувствовал себя среди артиллеристов в родной стихии. Сразу пошел деловой разговор о состоянии орудий, надежности замков, точности прицелов и наличии боекомплектов. Осматривая орудийные башни, Конев посоветовал, как можно увеличить вертикальный и горизонтальный углы прицеливания. Моряки почувствовали, что комиссар в свою бытность фейерверкером потрудился у орудий.

Пулеметчики оказались менее колоритным народом. Их набирали из различных действующих пехотных частей. Зато многие из них уже не раз бывали в боях, некоторые имели награды. Среди них выделялся своей энергичностью помощник начальника пулеметного борта Иван Согрин, большевик, бывший сталевар демидовских заводов на Урале. Коренастый, плотный, он все время двигался, находя себе дело: то поправлял ленту в «максиме», то требовал убрать мусор, то отчитывал молодого бойца за нечищеные сапоги. Пулеметчики к нему относились уважительно и беспрекословно выполняли все его указания. Слушая толковое объяснение Согрина об огневой мощи бронепоезда, Конев подумал, что из него мог бы получиться хороший председатель комячейки.

Запомнился Коневу и артмастер бронепоезда Оскар Тукс, пожилой, скупой на слова, обрусевший эстонец.

Но пожалуй, больше всего Коневу понравился начальник разведки забайкальский казак Елизар Мусихин. Красивый, стройный, чубатый. Мусихин недавно пришел в Красную Армию добровольцем, но уже успел не раз отличиться в боях с колчаковцами. Разведчики рассказывали, как месяц назад он захватил в плен трех беляков, в том числе одного полковника.

Конев и Баклыков обошли все подразделения бронепоезда. Побывали и на бронепаровозе. Познакомились с машинистами, кочегарами, бригадой ремонтников пути. Все они были опытными железнодорожниками с солидным стажем работы. Когда заглянули в кочегарку, Конев заметил на полу около дров граненый стакан. Пока го-

ворили о трудностях с топливом, он таинственно исчез. У Конева возникло подозрение, что в паровозной бригаде кто-то пошаливает с выпивкой.

В целом экипаж бронепоезда Коневу понравился, не считая нескольких красноармейцев из местных крестьян, которых мобилизовали недавно. Они не скрывали своего желания побыстрее вернуться домой. Конев что-то пометил в своем блокноте.

После осмотра бронепоезда и первого знакомства с экипажем командир и комиссар направились в штабной вагон.

— Ну, какие у вас впечатления о бойцах и командирах? — спросил Баклыков.

— Я полагаю, с таким народом воевать можно. Но меня волнует, что коммунистов маловато.

— А знаете что! — воскликнул Баклыков.— Махните-ка завтра утром в Броневое управление и поставьте там вопрос ребром — пусть срочно пришлют коммунистов на наши вакансии. Вы человек новый, к вам прислушаются. А я им уже надоел со своими многочисленными просьбами. Только это надо делать оперативно. В ближайшие дни нас могут двинуть на фронт.

— И еще мне показалось, что боевой дух не у всех бойцов одинаков. Новобранцы из числа местных жителей какие-то грустные. Надо срочно начинать с ними политзанятия,— сказал Конев.

— Их можно понять,— задумчиво произнес Баклыков.— Они получили землю, настроились ее пахать, а тут снова воевать надо. Давайте я вам помогу разбить экипаж на группы для политзанятий.

И командир с комиссаром принялись просматривать списки бойцов.

На следующий день Конев поднялся еще до рассвета и направился в Броневое управление. По дороге завернул в запасной полк, который комплектовал все формирующиеся части. В обоих местах его выслушали, обещали помочь. И не зря ездил комиссар: к вечеру прибыли пять коммунистов, в том числе адъютант Шустов и лекарский помощник Фролов. Конев решил сразу же провести организационное собрание. Оно прошло быстро. Все шестнадцать коммунистов единогласно избрали председателем комячейки помощника начальника пулеметного борта Согрина. Затем составили список коммунистов, собрали первые членские взносы.

Едва закончилось собрание — поступил приказ: бронепоезду предписывалось 6 сентября 1919 года выступить на фронт в район станций Омутинская — Ишим Омской железной дороги и там поддерживать наступление 30-й стрелковой дивизии. Временно дислоцироваться в Екатеринбурге, затем, по мере продвижения наших частей, перебазироваться в Ялуторовск. Этот приказ Баклыков сообщил только командирам, тем не менее слух об отправке на фронт распространился среди всего экипажа.

На следующий день на утренней поверке обнаружилось, что в бригаде ремонтников дезертировали красноармейцы Зотин и Агачин. К тому же напился кочегар Драгеев. Они как раз были недавно призванными местными жителями. Баклыкова эти происшествия очень расстроили, и он принялся распекать командиров.

— Еще не успели вступить в бой, а уже имеем потери. Какой позор! — гремел он.— Что скажут в управлении бронесил? — Увидев подходившего Конева и Согрина, Баклыков воскликнул: — Вы, комиссар, были правы насчет «грусти» этих подлецов. А я проглядел.

— Слезами горю не поможешь,— сказал Конев.— Когда будем проводить митинг по случаю отправки на фронт?

— В двенадцать часов,— процедил Баклыков сквозь зубы.

— Ну что ж, тогда мы успеем провести до митинга собрание комячейки,— сказал Конев.

В это время к ним подошел начальник разведки Елизар Мусихин и обратился к Баклыкову:

— Товарищ командир, разрешите доложить... Дезертиры Зотин и Агачин были призваны из деревни Окатово. Она находится верстах в десяти отсюда. Разрешите мне сгонять туда верхом? Я под землей найду их.

Баклыков молчал, обдумывая предложение Мусихина.

— Мысль верная,— вмешался Конев.— Да и вообще, должны же мы что-то предпринять.

— Поезжайте,— сердито произнес Баклыков.— Только возьмите с собой несколько разведчиков. И не опоздайте, мы выезжаем в пятнадцать часов.

Собрание комячейки прошло за тридцать минут. Выступавшие приветствовали отправку на фронт, выражали уверенность в победе над врагом. Конев внимательно слушал, делал заметки и в конце собрания взял слово. Подчеркнув важность роли коммунистов в боевой обстановке и отметив высокий боевой дух бойцов и командиров бронепоезда, он сказал, что исчезновение Зотина и Агачина, а также пьянство Драгеева — позор для всего экипажа и этот позор может быть смыт только боевыми делами бронепоезда на фронте.

Бойцы и командиры дружно собрались на митинг, даже чуть раньше объявленного времени. Все подтянулись, у каждого было приподнятое настроение. На бронепоезде торжественно реял красный флаг. Ровно в 12 часов Баклыков, Конев и человек десять актива взобрались на старую платформу, служившую трибуной. Митинг открыл Конев. Затем Баклыков извлек из планшета приказ об отправке на фронт и зачитал его. Командир призвал экипаж выполнить свой долг перед Советской Родиной.

Всех очень порадовало сообщение Баклыкова о том, что бронепоезду придается еще одна бронеплощадка с тремя гаубичными орудиями.

После Баклыкова выступили Мысин, Тукс, Согрин и несколько красноармейцев. Они клялись драться смело и не пожалеть жизни для разгрома врага. Последним взял слово Конев.

— Товарищи бойцы и командиры! — сказал он.— Я убежден, что и огневая мощь нашего бронепоезда будет иметь тройную силу в ваших руках — руках солдат революции. Это будет грозная сила. Предлагаю назвать наш бронепоезд «Грозным» и призываю всех воевать так, чтобы мы действительно стали грозой для колчаковцев.

Раздавшиеся дружные аплодисменты говорили о том, что предложение комиссара было единогласно принято. После митинга артмастер Тукс написал белой краской на серых бортах бронепоезда его новое название.

Близилось время отправки. Раздавались последние команды. Экипаж напоминал растревоженный муравейник: сновали командиры, красноармейцы заканчивали погрузку боеприпасов и продовольствия, кочегары запасались водой и топливом. А Мусихин как в воду канул. Конев уже начал было думать, не совершил ли он ошибку, поддержав предложение начальника разведки. Но вот раздался конский топот, а через минуту показался и сам Мусихин.

— Разрешите доложить,— обратился он к Коневу бодрым голосом.— Беглецы задержаны.

— Вы хотели сказать дезертиры,— поправил Конев.

— Да какие они дезертиры, товарищ комиссар? Неграмотные, темные мужики. Я бы сказал таежные медведи. У каждого куча ребятишек. Нищета страшная, посмотрели бы вы на их деревню. Кругом непролазная топь. Оба по три года провоевали с немцами. Едва добрались домой, а тут снова на фронт. Вот и решили они пойти попрощаться с женами. А в деревне загуляли...

— Я вижу, из вас мог бы выйти хороший защитник,— сказал Конев.— Так где же беглецы?

— Сейчас их доставят мои разведчики.

Вскоре Зотин и Агачин, понурив головы, стояли перед Баклыковым и Коневым.

— Мерзавцы, дезертиры! Расстрелять вас мало! Под трибунал отправлю,— гремел Баклыков, не в силах сдержать негодование.— Почему не отпросились?

— Все равно бы не отпустили. На фронт ведь, сказывали, сегодня поедем...— пробурчал Агачин.

— «Сказывали»,— повторил со злостью Баклыков.— Если бы все поступали, как вы, нам бы вскоре пришлось с комиссаром воевать вдвоем.

Конев внимательно рассматривал задержанных беглецов. Зотин все время вертел головой, тяжело вздыхал и нервно одергивал гимнастерку своими большими крестьянскими руками. Агачин угрюмо смотрел в пол, переминаясь с ноги на ногу. У обоих были бороды,

отчего они выглядели лет на пятьдесят. На самом же деле им было немногим больше тридцати. Мусихин довольно метко обозвал их таежными медведями. И Конев невольно вспомнил, сколько таких неграмотных, темных мужиков приходилось ему встречать во время подавления кулацких мятежей в лесах Вологодчины и Костромы. И как они преображались в ходе политбесед: из нейтральных, а порой и враждебных людей становились помощниками Советской власти. Может, и из этих мужиков ему удастся сделать надежных бойцов революции. Хорошо бы...

— Под арест, на гауптвахту,— отрезал Баклыков.— Потом разберемся.

Конев отвел его в сторону и сказал:

— Владимир Иванович, а что если дать им возможность искупить вину в бою? Наказать всегда успеем. Надеюсь, они оправдают доверие.

— Мягкотелость проявляете? Учтите, она никогда не приводила к хорошему. Не накажем этих, завтра другие дезертируют. Вот тогда вам придется отвечать одному. Если вы продолжаете настаивать, берите их под свою ответственность.

— Хорошо,— сказал Конев, направляясь к Зотину и Агачину. Объявив им по три наряда вне очереди, отпустил.

Вскоре стальная махина двинулась на восток и скрылась в золотистых кронах осеннего леса.

В 30-й дивизии «Грозного» встретили с большой радостью. На станцию приехал даже сам начдив. Окинув взглядом бронепоезд, он мечтательно произнес:

— Эх, если бы нам дали штучки три таких утюгов, сразу бы белых жиманули.

— А мы и стоим трех,— ответил кто-то из экипажа.

— Это еще доказать надо в бою,— сказал начдив, приглашая жестом Баклыкова и Конева в штаб.

Там он разложил на столе карту и провел карандашом по линии фронта, которая проходила вдоль небольшой речки Ук. Показал позиции противника и его огневые точки.

— Вот уже несколько дней мы топчемся на месте. Больше всего нам досаждает вот эта батарея 76-миллиметровых пушек,— он ткнул пальцем в опушку леса у самой железной дороги.— У нас почти не осталось снарядов, поэтому я не жду чудес от нашей артиллерии. Не может ли бронепоезд выйти на открытую позицию и заткнуть глотку этим пушкам и потом подавить пулеметные гнезда вдоль железной дороги?

— Слишком близко подходить к батарее рискованно,— сказал Баклыков, разглядывая карту.— Но вот сюда, за поворот дороги,

выскочить можно. Если, конечно, исправен путь. Сколько у нас времени на проведение разведки и подготовку данных для стрельбы?

— Целая ночь,— ответил начальник дивизии с улыбкой.— Утром мы будем снова атаковать — колчаковцы интенсивно укрепляются. Потом их вышибать будет труднее.

Вернувшись на бронепоезд, Баклыков и Конев собрали всех командиров. Изложив задачу, Баклыков попросил высказать соображения. Постепенно план операции свелся к следующему. Ночью Мусихин со своей группой проводит разведку. Тем временем начальники артиллерийских бортов Мысин и Иванов готовят данные для стрельбы. Если путь исправен, бронепоезд на рассвете внезапно выкатывается за поворот железной дороги, подходит на максимально короткую дистанцию к вражеской батарее и наносит по ней удар, затем подавляет пулеметные точки.

Когда этот план доложили начальнику дивизии, он внес поправку — наметил на левом фланге отвлекающие действия, чтобы дать возможность группе Мусихина успешно разведать железную дорогу.

Вечером Конев обошел бронепоезд. Побывал во всех подразделениях. Сообщил последние известия, подробно остановившись на новых победах Красной Армии, раздал свежие газеты. Боевое настроение красноармейцев и командиров его порадовало. Все тщательно готовились к бою: проверяли оружие, получали боеприпасы. Последней он посетил бригаду ремонтников и там умышленно задержался. Ему хотелось обстоятельно побеседовать с Зотиным и Агачиным. Комиссар расспросил их о семьях, поинтересовался, что делает новая власть в деревне Окатово. Оказалось, что Зотин и Агачин не являются такими уж темными людьми, какими показались вначале. Они расспрашивали о декретах Советской власти, чем отличаются большевики от меньшевиков и эсеров и что за человек Ленин. Оба просили простить за отлучку, благодарили, что он за них заступился, и обещали впредь служить добросовестно.

Мусихин со своими разведчиками вернулся в 2 часа ночи. Он сообщил, что путь на повороте разобран и там выставлены часовые. Но развинчены и сдвинуты всего два рельса.

— Значит, если бесшумно снять часовых, то до рассвета путь восстановить можно? — спросил Баклыков.

— Восстановить путь успеем. Сложнее снять часовых. Но попробуем выполнить и это.

— Тогда действуйте, Мусихин. Если все пройдет успешно, сигнальте карманным фонарем,— сказал Баклыков.

Мусихин откозырял. Затем, отобрав наиболее крепких разведчиков и опытных ремонтников, исчез в темноте.

Потянулись томительные минуты. Чтобы скоротать время, Конев пошел к артиллеристам помогать готовить данные для стрельбы. С левого фланга доносились пулеметные очереди — как было обу-

словлено, велись отвлекающие действия. А над железной дорогой висела подозрительная тишина.

На первой артиллерийской бронеплощадке было шумно, раздавался смех. Конев присел к веселой компании, но то и дело продолжал посматривать на часы. И когда пошел пятый час, он встал и вышел на улицу. Стояла темень. Его охватила тревога: уж не случилось ли чего с Мусихиным? Комиссар неторопливо прошелся вдоль бронепоезда. Никто не спал. Приготовившись к бою, все напряженно ждали. Наконец, когда на востоке уже начало светлеть, наблюдатель доложил, что видит свет карманного фонаря. У Конева отлегло от сердца.

Раздалась команда: «По местам!» Бронепоезд сделал долгий выдох, и стальная махина, разрезая темноту ночи, плавно покатилась в сторону противника. На повороте дороги Мусихин ловко вскочил на подножку и доложил, что часовые сняты и путь исправлен.

В это время над позициями колчаковцев взвились три красные ракеты. Вслед за ними в стане белых поднялась страшная суматоха: раздались винтовочные выстрелы, застрочили пулеметы. Пули забарабанили по броне «Грозного», но он продолжал катиться вперед сквозь свинцовый дождь, охлаждая пыл колчаковцев дружным огнем своих пулеметов. Вон и опушка леса. В бинокль уже видна батарея, у орудия суетятся пушкари. Раздается команда «Стоп!», следует скрежет тормозов, лязг буферов. Еще мгновение — и грохочет первый залп «Грозного», за ним второй, третий... Батарея белых смогла сделать всего лишь несколько ответных выстрелов, не причинив вреда бронепоезду. Но один из ее снарядов разорвался позади бронепоезда и перебил рельс. Ремонтники тут же высыпали на полотно и, не обращая внимания на свист пуль, принялись исправлять повреждение.

В это время наблюдатель доложил, что со стороны станции показался паровоз, который толкал впереди себя две платформы, груженные камнями. Разогнав их, паровоз притормозил. А платформы, набирая скорость, помчались под уклон в сторону бронепоезда.

На какое-то мгновение все растерялись. Первыми пришли в себя и оценили опасность ремонтники. Схватив что попало под руку, они бросились навстречу платформам. Впереди всех, взвалив на плечо тяжелую шпалу, бежал Зотин. От земляка не отставал Агачин.

— Заваливайте путь,— крикнул им вдогонку Конев.

Но Агачин видел, что шпалы такую махину не остановят. Ухватившись за конец рельса, он начал разворачивать его поперек пути. Несколько человек кинулись ему помогать. Ломая шпалы и сбивая все, что было на рельсах, платформы с камнями неудержимо неслись на бронепоезд. Но вот передняя наскочила на рельс, подпрыгнула и начала переворачиваться. Вторая ударилась об нее и остановилась. Все произошло мгновенно.

В это время раздались крики «Ура!» — бойцы 30-й дивизии ворвались на позиции белых. «Грозный» поддержал их наступление огнем орудий и пулеметов. Вскоре станция Омутинская была очищена от колчаковцев.

После боя настроение у всего экипажа было приподнятое. Шутка ли — боевое крещение закончилось победой, да еще и обошлось без потерь. Этот бой сплотил коллектив. Люди поверили в себя, друг в друга, в свое оружие. И Коневу показалось, что он уже давно знает весь экипаж бронепоезда.

В последующие дни наступление продолжалось. «Грозный» совершал стремительные рейды, участвовал во множестве боев, и нередко его орудия говорили в боях решающее слово. Бойцы 30-й дивизии настолько поверили в бронепоезд, что одно его появление вселяло в них уверенность в победе. Неприятельское командование выделяло специальные группы, которые охотились за ним: разбирали рельсы, взрывали стрелки, устраивали артиллерийские засады. Но железному экипажу бронепоезда удавалось прорываться через все заслоны, и стальная махина продолжала идти на восток, порой впереди частей 30-й дивизии.

Быстро летели дни. Осень красила леса всеми цветами радуги. Большой урон наносил противнику «Грозный», но и сам нес потери. В конце месяца серьезно заболел Баклыков. Его пришлось отправить в госпиталь. Командовать бронепоездом временно поручили помощнику командира Ивану Грыженкову. Но он не имел достаточного опыта командирской работы и во всем советовался с Коневым.

Во время боя на 401-й версте Омской железной дороги «Грозного» постигла неудача. В первую бронеплощадку угодил тяжелый снаряд. При этом убило трех человек: помощника начальника боевого борта Петра Михалева, пулеметчика Ивана Ковязина и телефониста Дмитрия Самайкова. «Грозному» пришлось отойти на станцию базирования в Ялуторовск и там встать на ремонт. Благодаря энтузиазму рабочих ремонтных мастерских и настойчивости Конева восстановление бронеплощадки удалось закончить за три дня. В начале октября дружные залпы «Грозного» вновь раздались на передовой.

В это время шли упорные бои на 403-й версте около 26-го разъезда. Противник отчаянно сопротивлялся, прикрываясь огнем тяжелых орудий. Он рассчитывал здесь надолго закрепиться, создавал склады боеприпасов и продовольствия, разбирал перед разъездом рельсы.

Ремонтной бригаде бронепоезда с утра до вечера приходилось восстанавливать путь, разрушаемый белыми. Бойцы работали и под дождем, и под обстрелом. Зотин и Агачин были в числе самых старательных.

В середине октября 255-й Уральский полк, поддержанный метким огнем «Грозного», внезапно ворвался на 26-й разъезд и занял его. Белые в панике бежали. Из-за повреждения пути они не сумели угнать состав, груженный зерном. Бронепоезд взял его на буксир и отвел в безопасное место. Пулеметчики и артиллеристы высыпали посмотреть на трофеи. Конев наблюдал, с какой радостью эти вчерашние крестьяне любовались спелым зерном, терли его в ладонях, пересыпали из руки в руку, улыбаясь счастливыми улыбками. «Награблено в здешних местах»,— заключил кто-то.

— Ну, тогда это зерно надо раздать местным крестьянам,— предложил исполнявший обязанности командира Грыженков.

— У меня другое предложение,— вмешался Конев.— Давайте направим этот хлеб тем, кто кует наше оружие, кто сегодня своим героическим трудом укрепляет Советскую власть. Давайте подарим его голодающим московским рабочим.

— Правильно, правильно! — раздались голоса.— Вот это идея!

Отбуксировали эшелон с хлебом в Ялуторовск. А уже оттуда в сопровождении красноармейца Александра Иванова хлебный подарок отбыл в Москву.

И снова замелькали боевые будни. Красная Армия наносила колчаковцам удар за ударом. 29 октября 255-й Уральский полк после небольшой артподготовки атаковал 27-й разъезд. «Грозный», как всегда, поддерживал наступление. Сначала красноармейские части продвигались успешно. Но у самого разъезда попали под сильный ружейно-пулеметный огонь. По этому же квадрату начала бить артиллерия колчаковцев. Наступление захлебнулось, и красные части начали отходить. Чтобы прикрыть их, «Грозный» выехал вперед. В это время навстречу ему из леса выкатились сразу два бронепоезда белых. Завязался неравный бой. От непрерывной стрельбы орудия раскалились. В первую артиллерийскую бронеплощадку угодил снаряд. Контузило наводчика. К прицелу встал Конев, и снова полетели снаряды в противника. Экипаж стоял насмерть. Противнику был нанесен большой урон, но и «Грозный» получил многочисленные повреждения. Весь изрешеченный, он еле добрался до Ялуторовска. А оттуда его отбуксировали на ремонт в Тюмень.

Потянулись скучные недели ремонта. Но Конев не терял времени зря. Эту вынужденную паузу он максимально использовал для воспитательной работы с экипажем. Развернул политзанятия, создал общеобразовательные кружки для малограмотных красноармейцев и даже организовал художественную самодеятельность. Политическая сознательность бойцов росла на глазах. Многие подали заявления в партию. Особенно порадовался Конев, когда к нему за рекомендациями обратились Зотин и Агачин. За месяц число членов комячейки перевалило за сорок человек. Это уже была сила, способная влиять на жизнь экипажа и вести его за собой.

В один из дней прибыл новый командир Алексей Пеатриковский. В начале декабря отремонтированный «Грозный», блестя свежей краской, покинул Тюменское депо и устремился на восток. В эти дни наши войска, развивая наступление, вышли к Иртышу. Колчаковцы, стараясь любой ценой остановить их, взорвали железнодорожный мост. Но и это не остановило красноармейцев — они перешли на другой берег по льду. Там завязались упорные бои. Противник стремился любой ценой отбросить наши части обратно за Иртыш. В этой тяжелой обстановке невольно возникла мысль перевезти бронепоезд на другой берег по льду. Но опытные железнодорожники сказали, что, с тех пор как на рельсы вышли поезда, такого случая не было. К тому же бронепоезд весит много больше обычного состава. Словом, перевозить его по льду — просто самоубийство.

Но Конева жгло сознание того, что на той стороне гибнут красноармейцы, они ждут помощи. И он делал все возможное, чтобы найти выход: спрашивал, советовался, делал расчеты. И вот, когда уже казалось, что все возможности исчерпаны, его окликнул Мусихин, все тот же бесстрашный разведчик Елизар Мусихин.

— Товарищ комиссар, есть предложение,— выпалил он радостно.

— Я не помню случая, когда бы его у вас не было,— произнес с грустью Конев.

— Нет, вполне серьезно. Я ведь родился и вырос в этом краю и знаю, что лед сейчас на Иртыше метровый. Черта выдержит. И нечего тут гадать. Надо взять старый паровоз, нагрузить камнями и пустить по настилу на ту сторону. Только тянуть надо осторожно, вручную — так будет меньше давления на лед. Если паровоз не провалится, то и мы не потонем.

— А как быть с крутыми берегами Иртыша? Смотрите, какие откосы,— сказал Конев.

— Срыть их. Мобилизнем всю округу и сроем.

Конев почувствовал в рассуждениях Мусихина здравый смысл и направился к командиру бронепоезда. Пеатриковский долго упирался. Говорил, что, если утонет бронепоезд, всем головы не сносить. Но постепенно под напором Конева сдался. И работа закипела. Собрали окрестных крестьян, железнодорожников и тыловые части. Ломами, лопатами и кирками долбили прибрежные откосы, делая пологие съезды. Возили на лед бревна, возводили на них настил. На нем укрепляли шпалы, выкладывали рельсовый путь. Наконец старенький паровозик, нагруженный до предела камнями, хрипло просвистел и медленно пополз по рельсам.

— Прыгай, если что,— крикнул кто-то вдогонку машинисту.

Паровозик бодро выкатился на лед. Все затаили дыхание. Минуты, пока его перетаскивали через Иртыш, показались Коневу вечностью. А лед даже не треснул. После этого с криками «Ура!» пере-

вели через реку ручной тягой сначала бронепаровоз, потом одну за другой и его бронированные площадки.

И снова пошел «Грозный» вперед, с боями отмеряя версты.

У молодой Советской Республики на Дальнем Востоке был еще один враг — японцы. Недобитые колчаковцы и семеновцы быстро нашли с самураями общий язык и позволили им распространиться по всей Забайкальской железной дороге. Но у японцев очень явно за деланными улыбками и театральными поклонами сквозили захватнические устремления. Это вызывало сопротивление местного населения, и забайкальские казаки все чаще стали переходить на сторону Красной Армии.

Японцы тоже не все были одинаковы. Рядовые солдаты не хотели воевать и мечтали побыстрее вернуться на родину. Однажды Мусихин, находясь в разведке, натолкнулся на роту японских солдат, которые восстанавливали поврежденное железнодорожное полотно. Они не пожелали завязывать бой и упорно твердили: «Русский не стреляй, японцы не стреляй — домой поедем».

Ряды белых таяли. Ощущая нехватку солдат, они стали насильно мобилизовывать в армию бурятское население. Но буряты тоже не хотели воевать и разбегались при первой возможности.

Как-то Конев обратил внимание, что в районе бронепоезда регулярно появляются пастухи-буряты. Он попросил Мусихина задержать их и выяснить, что они здесь делают. Сначала те утверждали, что ищут своих лошадей, но потом признались, что по приказу семеновцев собирают информацию о частях Красной Армии. Пришлось комиссару еще раз выступать перед экипажем и рассказать о роли революционной бдительности. И не знал тогда Иван Конев, что это было его последнее выступление перед бойцами и командирами «Грозного». Вскоре его назначили военкомом 5-й стрелковой бригады.

7 июля 1920 года Конев прощался с экипажем. Долго махали ему бойцы и командиры, а машинист Ивашов дал длинный прощальный гудок.

Много еще комиссарских дел совершил Конев на Дальнем Востоке: был комиссаром стрелковой дивизии, штаба Народно-Революционной армии ДРВ и 17-го Приморского стрелкового корпуса. И всюду, где бы он ни находился, вспоминал с теплотой свою службу на бронепоезде «Грозный».

Когда окончилась гражданская война, Коневу исполнилось всего двадцать пять лет. За этот в общем-то небольшой срок жизни он успел стать бывалым воином, зрелым, опытным политработником.

В 1921 году его избрали делегатом на X съезд партии. По дороге в Москву он познакомился с Александром Булыгой — тоже делегатом X съезда партии и комиссаром одной из частей Народно-Революционной армии. Впоследствии Булыга рассказывал, что их поезд

тащился целый месяц. За это время они подружились и, чтобы скоротать время, рассказывали друг другу о своих боевых делах. А потом в Москве уже не расставались — вместе жили, рядом сидели в зале съезда. Все им было ново и интересно, все их радовало. Особенно первая встреча с Владимиром Ильичем Лениным. Но внезапно их радость омрачило известие о Кронштадтском мятеже. Они без промедления записались добровольцами в отряд делегатов съезда и выехали на подавление мятежа. Друзьям повезло — оба остались живы. Вернувшись в Москву, они с огромным интересом прослушали доклад Владимира Ильича об итогах работы съезда.

Прошли мирные годы пятилеток и тяжелые годы Великой Отечественной войны. Многое изменилось за это время. Иван Степанович Конев стал Маршалом Советского Союза, не раз избирался депутатом Верховного Совета, был избран кандидатом в члены Центрального Комитета партии. Александр Булыга стал известным советским писателем Александром Фадеевым, неоднократно избирался депутатом Верховного Совета, был членом Центрального Комитета. Несмотря на занятость, они сохранили дружбу, зародившуюся в купе того дальневосточного поезда, и частенько встречались.

Думается, что при этих встречах не раз они вспоминали свою боевую комиссарскую молодость.

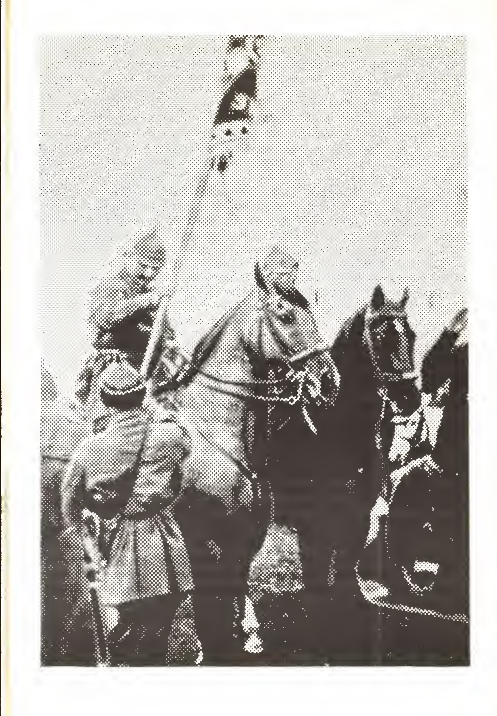
НА ПЛЕЧАХ ПРОТИВНИКА ВОЙТИ В КРЫМ

Центральный Комитет
призывает все партийные
организации
и всех членов партии,
все профессиоиальиые союзы
и все вообще
рабочие оргаиизации
поставить иа очередь дня
и немедлению принять меры
к усилению борьбы
с Враигелем.
В ближайшие дни
внимаиие партии
должно быть сосредоточено
на Крымском фроите!..

Каждому рабочему,
красноармейцу
должио быть разъяснено,
что победа иад Польшей
невозможна без победы
над Враигелем.
Последиий оплот
геиеральской контрреволюции
должен быть уничтожен!

17 июля 1920 г.

Из письма ЦК РКП(б)
всем партийиым организациям
о мобилизации сил иа борьбу
с Враигелем

Юрий
ЛЕСОХИН

У СОКОЛЕНКА КРЫЛЬЯ СОКОЛА

Есть люди, до последнего часа сберегающие идеалы юных лет. Он был из них. Есть люди, постоянно обогащающие ум и сердце ближнего. Он был из них. Есть люди, бесповоротно входящие в жизнь других, сами не ведая о том. Он был из них.

Но говорить о Николае Александровиче Соколове-Соколенке, возводя в степень прилагательные, не могу и не хочу. Конечно, судьба его легендарна, да только запомнился он мне «негромким», лишенным всякой хрестоматийной героики. Бросалось в глаза противоречие: комиссар гражданской войны, а характер почти чеховский. Мягкий. Деликатный. Даже застенчивый, когда заходила речь о его заслугах.

Впервые увидел его в 1962 году в Улан-Удэ, во время корреспондентской командировки, в пединституте. Соколенок пришел к студентам как внештатный лектор ЦК ВЛКСМ. Был он в генеральской форме. Что знали здесь о нем? Да ничего. Но ведь не каждый, как он, в восемнадцать лет стал красногвардейцем, был и организатором первых комсомольских ячеек во Владимирской губернии, а на III съезде комсомола разговаривал с Лениным...

Когда Владимир Ильич закончил свое выступление, делегаты тотчас обступили его. У каждого много вопросов, они казались самыми важными. И Соколенок мечтал поговорить с вождем, да вот задача — сидел далеко, оказался отрезанным от Ленина плотным заслоном спин. Если обратиться к военному языку, находился он на внешней стороне окружения. Но сумел-таки выбраться вперед.

Вынырнул чуть левее Владимира Ильича. Встал рядом с ним. Ленина, видимо, привлек его мальчишеский вид, явно не вязавшийся с орденом Красного Знамени на груди. Он обратился к Соколенку:

— А ваши планы, товарищ военный?

Ему бы объяснить спокойно, как подобает военкому, а он закричал, точно на плацу:

— Приехал учиться в академию, Владимир Ильич!

Уж очень был счастлив, что говорит с Лениным. Хотелось, чтобы спросил еще о чем-нибудь. Но тот больше ни о чем не спрашивал, лишь заметил серьезно:

— Учитесь, учитесь. Это хорошо [1].

Завет вождя он запомнил навсегда.

...Николай Александрович не любил рассказывать о себе. Считал, что надо вспоминать о тех, кто погиб, только о них.

«...Награждается орденом Красного Знамени вторично бывший комиссар 199-го стрелкового полка Соколов Николай Александрович за то, что 18 января при форсировании реки Маныч он во главе кавалерийской группы атаковал превосходящего численностью противника и, несмотря на ранение, продолжал руководить боем, в результате которого противник был разбит. Своей храбростью и самоотверженностью тов. Соколов способствовал успешному форсированию реки Маныч и дальнейшему поражению врага...»

...Конечно, он был прав тогда, сберегая резерв, хотя очень хотелось сразу пустить его в дело. Удержался. Не забыл слов командарма Степина, сказанных о нем накануне в штабе 9-й:

— В пылу боя Соколов легко теряет контроль над обстановкой, а это опасно.

Прощаясь, командарм спросил:

— В шахматы научился играть? Нет? И зря! Отлично выдержку воспитывают.

Нет, на сей раз он делал все правильно. Даже когда полез в самую гущу. Даже когда кто-то крикнул ему, чтобы уходил. Не мог он уйти, увидев, как рыжий сотник снял с коня одного, потом другого бойца и приближался к Потапенко — из недавнего пополнения, худому, неуклюжему. В те секунды, что рыжий падал, Николай успел прочесть в его глазах удивление: «Неужели это ты, пацан, рубанул меня?»

Останавливаться нельзя. Гнать их, гнать. Сколько там до хутора Сусатского? Не больше двух верст — он помнит эти места с восемнадцатого года.

Справа начал бить пулемет, почти тотчас — второй. Вот чего он боялся. Как выйдет из положения Руднев? Бросил взгляд в сторону — порученец рядом. Чуть придержав коня, крикнул:

— К начдиву Рудневу. Спроси, не нужна ли помощь. Быстро!

Бледно-лимонное солнце на белесом небе. Коршун распластал крылья... Не отвлекаться! Вот бородатый донец. Красные лампасы, два Георгия на груди, крепкий дядька. Ну вот, сейчас. Глаза в глаза.

---

[1] Из беседы Соколова-Соколенка с автором очерка, опубликованной в газете «Советская культура» 16 августа 1969 года.

Грудь в грудь. Шашка со свистом пронизала воздух. И снова — кто кого! Не сразу понял, что произошло. Ремень портупеи рассечен, на кожанке большая прореха. А боли нет, только земля все ползет и ползет куда-то вверх. Горячо, очень горячо левому плечу. Подскакали свои: что, ранен?

— В лазарет комиссара!

Черный туман перед глазами.

— Какой лазарет, кто приказал?

А плечо разгорается, словно костер, в который подбросили сушняка.

Летят красные конники, не дают оторваться врагу. Скоро хутор Сусатский, потом Карповка.

— Бей беляков, бе-эээй! — кричат бойцы.

Тоже понимают, что главное — не дать врагу опомниться. Пылает плечо. Но взмах руки, как прежде, легкий, упругий. Вперед, только вперед — одно у него стремление. Наперерез гонит порученец:

— Пулеметы задавили! Хутора Соленые наши...

Очень хорошо. Пехота сделала свое дело, а вот они пока нет. Белое лицо порученца, искаженный рот — что он кричит? И этот о лазарете? К чертям! Он владимирский, в нем живучести на троих.

Боли Николай не чувствовал. Голова работала на удивление четко. Руднев может быть спокоен. Переправится через Маныч вся пехота, закрепится, а там ее хоть штыком выковыривай — поздно. Да, крепкий у них народ. Который год трехлинейки из рук не выпускают. А пашня к себе манит. Иной горсть земли возьмет: растирает, нюхает, вздыхает. Но не жалуется.

Нет, оружия из рук не выпустят. Нагляделись на то, что несет им Добрармия. Те же шкуровцы расстрелами и грабежами красного бойца лучше любых политотдельских листовок воспитывают. Ничего, мы поокоротим этого Шкуро. Или — Шкуру? На днях был разговор: уверяют, именно так в действительности звучит генеральская фамилия. Значит, правы бойцы, давным-давно прозвавшие бандита «шкурой»...

В Сусатском белые, конечно, попытаются удержаться. Не выйдет. Подоспели дивизионные тачанки с пулеметами. Будут «максимы» против «максимов». Сила против силы. Вот тут и понадобится ему резерв, разумно прибереженный.

И снова падали на холодную землю люди. И снова бил свинцом неутомимый пулемет. В хуторе комиссар с коня не слезал, говорил сквозь зубы, медленно. Отдал несколько распоряжений, кивнул эскадронцу — помоги, мол. Парень только взялся за стремя, как Соколов потерял сознание.

К вечеру приехал Руднев. Посмотрел на его серое, как оберточная бумага, лицо и хмуро сказал:

— Ты что же это, а?

Сил отвечать не было, прошелестел что-то невнятное. Через минуту снова впал в забытье. Прибывший с начдивом врач готовил шприц.

Выйдя в соседнюю комнату, Руднев оглядел стоявших командиров.

— Не уберегли,— бросил охрипшим голосом.

Все молчали.

Он рвался в родной Владимир. Там, в переулке, выложенном булыжником, обшарпанный дом, рядом низкорослое дерево — прямо перед его окном. Ах, как хорошо бы сейчас туда.

Сознание возвращалось, опять уходило. Но вот через несколько дней стало легче.

...И вновь увидел себя в тот день, который потом назвал мостом между «вчера» и «сегодня». Необыкновенный день. Он застал ученика выпускного класса городского училища, можно сказать, врасплох. Знакомый студент прислал из Москвы лекции их земляка профессора Николая Егоровича Жуковского, прочитанные в Высшем техническом училище. Ясное дело, понимал с пятого на десятое. Закон, определяющий величину подъемной силы крыла самолета,— не из легких. Он, надо думать, не всякому студенту по зубам, а с его-то подготовкой и подавно. Но увлекся, обо всем на свете забыл.

Тут как раз товарищ в дверь стучит:

— Хомяк ленивый! Книжки читаешь? А в Питере революция...

Потом они бежали вместе с толпой. Кто-то крикнул:

— В тюрьму!

Коля споткнулся. Старые отцовские валенки были велики. В тюрьму они опоздали. Зато в казармы подоспели вовремя.

Солдаты выламывали двери, распахивали окна.

— Дурачье,— сказал рядом с Колей рабочий в кепке.— Думают, заперли солдатиков — и конец! Думают, революция к ним не пробьется...

Солдаты выбрасывали со второго этажа матрацы и прыгали прямо на них. У каждого в руках винтовка. За спиной Николая причитала старушка:

— Радость-то какая, просто праздник.

Верно, праздник. Для него даже двойной: приехавший на побывку сосед сказал, что видел в московском лазарете отца. Оставил записку матери. В дорогу!

Пять или шесть лазаретов обошел — все напрасно. Десятки Соколовых на излечении. Но ему требуется один-единственный: капельмейстер, променявший дирижерскую палочку на жизнь окопника. Отец считал, нет у него права на бравурные марши, когда льется кровь. Где же он, где?

Наконец сестра милосердия, отворив дверь сводчатой палаты, сказала:

— Соколов, к вам соколенок прилетел.

Шутка понравилась. Так и звали его все время, пока гостил в Москве: соколенок да соколенок. Отец улыбался. Улыбался и Коля. Правда, не очень весело, понимал — это потому, что он ростом не вышел. А может, не только из-за роста?..

В декабре семнадцатого Николай решает — его место в Красной гвардии.

Плачет мать:

— Убьют тебя.

Ничего, увернется, он шустрый. Гимназистка Люба, с которой вчера ходил в кинематограф, тоже не верит, что убьют... Образовался в городе Союз рабочей молодежи — Николай рядом с Герасимом Фейгиным. У этого есть чему поучиться. Умный, начитанный, врагов, как говорится, нутром чувствует.

Дни складывались в недели — не угнаться! Ежедневно какая-нибудь новость. У них уже не губком Союза рабочей молодежи, а губком комсомола. Единомышленников становится все больше. Митингуют. Спорят. Проводят рейды против банд. И у всех мечта — фронт.

Поехали! Правда, не на фронт, но в места «горячие». Первый эшелон комсомольцев был отправлен на Дон, укреплять ревкомы. Их теплушка, названная «международно-товарной», оказалась самой веселой. Коля первым затягивал:

— Мы кузнецы, и дух наш молод...

Остановились на станции Серебряково. Ребята выскакивали из вагонов, а к ним уже бежали:

— Владимирцы? Комсомольцы? Заждались вас!

Назначения получали самые разные — один стал членом ревкома, другой — заведующим земотделом, а некоторых даже в окружной ревком посылали. Его распределили в станицу Молодельскую. Когда узнал, на какие дела, начал отбиваться, но разве что-нибудь докажешь! На все доводы один ответ: работу у нас не выбирают, ты комсомолец. И стал заведующим местным загсом, а по совместительству — секретарем ревкома, «попечителем» школы и организатором комсомолии. И народным творчеством ему надлежало заниматься. Правда, тут не спорил. Отец рано научил любить музыку, песня для него всегда была в радость.

Через месяц во Владимирском губкоме комсомола читали составленный Николаем отчет о работе своих посланцев на Дону. Он не скрывал, что приходится чертовски трудно. Каждый из них работает не жалея себя, и все-таки многого недоделывают. «Мешают враги, которых здесь у Советской власти хватает. А вот распознавать их пока не научились. Что тут толковать о пролетарском чутье,— писал Соколов,— оно часто подводит. В будничной жизни все сложнее,

страшнее. Да вы, чертяки, кажется, уж смеетесь надо мной? Думаете, труса праздную — так нет же!

Вот пример: взялись ставить злободневную пьесу, в ней рассказывается о революционно настроенном солдате, вернувшемся с фронта. Обстоятельства складываются так, что он вступает в борьбу с братом-кулаком. По ходу действия этого солдата — играл его я — должны были убивать из ружья, которое заблаговременно зарядили холостым патроном. Но кто-то тайно поменял патрон на боевой. Одним словом, спасло вот что: начал падать на секунду раньше того момента, когда грянул выстрел. Пуля пролетела под мышкой, чуть-чуть задев... Посоветуете искать врага среди артистов-любителей? Так об этом и дурной догадается, но вот поди распознай».

Ему хотелось объяснить землякам, как непросто тут. Поймут ли? Ведь если всю правду сказать, то пытались его уже трижды ухлопать. Был и четвертый случай, но о нем он ни за что не напишет. Тогда жизнь ему спасла Настя, зеленоглазая Настя, каштановая челка едва прикрывавшая лоб. Всю ночь они бродили за оврагом, у мельницы, но только утром она рассказала о случайно подслушанном разговоре: с ним той ночью собирался расправиться ее дядька, подхорунжий.

Второго отчета во Владимире не дождались. Белые начали наступление. Николай Соколов вместе с партизанским отрядом Северного Дона с боями выходил к своим. Влился отряд в 23-ю дивизию, выпестованную его старым знакомцем Филиппом Кузьмичом Мироновым, который летом восемнадцатого командовал Усть-Медведицкой бригадой. Знал, как любим этот человек среди казачества, пошедшего за Советской властью. Восхищались его военным талантом, образованностью, справедливостью.

Да только все ли? Даже кое-кто из владимирцев, бывало, цедил за спиной Миронова:

— Белая кость, нет ему веры.

Как, почему? Соколову объяснили: войсковой старшина — это, считай, подполковник в пехоте, зачем такому Советская власть? Может быть, год назад подобная логика его и могла убедить, но теперь он спрашивал:

— Факты есть против Миронова? Ну тогда прикуси язык...

Не верил толкователям классовой борьбы, у которых на все случаи готовые ответы. Заранее, видишь ли, знают, кто свой, а кто — нет. Николай не забыл станичную учительницу, выдавшую их партизана белогвардейцам. Чем ей дорог был генерал Деникин, можно объяснить? И рядом Настя, выросшая в семье богатея, ни в чем не знавшая отказа, сердцем потянулась в комсомольскую ячейку, хотя понимала, как отплатят ей за своеволие...

Однажды вызвали его к военкому дивизии. Явился. Тот с Мироновым чай пьет. И Николая усадили — попей, мол, горяченького,

сейчас закончим, тогда о твоих делах поговорим. Прислушался к беседе.

— Ты все твердишь,— усмехнулся начдив,— что трудовые мозоли есть гордость пролетариата. Значит, по ним теперь будем зло от добра отличать? Протяни руку — тотчас все ясно, мудрить не над чем. Так, что ли? Не слишком просто?

Военком в свою очередь не соглашался: он, Миронов, сводит его мысль к примитиву, хотя любой человек сегодня знает, что очень многое определяет социальное происхождение.

— Многое, да не все,— отрезал начдив.

Его ответ понравился Соколову. Думая над услышанным, решил: прав, пожалуй, Филипп Кузьмич.

Еще во Владимире они с Герасимом Фейгиным размышляли о том, какой скоро станет жизнь. Без эксплуатации человека. Без лжи и корыстолюбия. Без всех подлостей отвергнутого революцией мира. Ясно, появятся совсем новые ценности. Например, любовь, чуждая какому-либо расчету, а вместе с ней и подлинное равноправие женщины. Сколько чистоты это внесет в отношения людей! Сколько истинной радости!

Герасим не позволял товарищу парить в заоблачных высях.

— Пойми, сам человек одновременно носитель добра и зла, правды и кривды,— рассуждал он, постукивая ладонью по столешнице.— Отсюда все проблемы. Чем, к примеру, вытравить зависть? Ту самую зависть, которая разрушает личность, отравляет жизнь... Как избавить от нее людей?

— Воспитывать! — с азартом крикнул Николай.

— Конечно,— согласно кивнул Фейгин.— Но ты представляешь, сколько времени потребует эта работа?

На мгновение затих, соображая, потом уверенно сказал:

— Лет пять, думаю.

Тот смеялся:

— Это тебе так хочется... А на самом деле долгие, долгие десятилетия.

Но и Соколов был не из тех, кого можно взять голыми руками:

— Брось! Если общество всемерно способствует распространению добра, человек его быстро впитывает...

Летом 1919 года Соколова принимали в партию.

К вечеру в просторной горнице собралось человек тридцать. Говорили о Николае хорошо. Он известен каждому.

То один, то другой называл его Соколенком: видно, у людской молвы и впрямь широкие крылья. Правда, кто-то вспомнил, как долго не давалось ему искусство сабельного удара. Не потому, что неловок или слабосилен. Не мог Николай жизни человека лишить. Пусть врага, пусть в бою, собственную жизнь защищая, все равно не мог!

Вот и страховали его опытные бойцы. Всякий раз кто-то из них, а то и двое сразу оказывались в жаркий миг рядом.

Нужда, говорят, всему научит. Научился и он военной работе, да так, что мужики, прошедшие мировую войну, с уважением поглядывали — этому палец в рот не клади... Вот если бы сейчас здесь был Герасим! Интересно, что бы тот, коммунист с ноября семнадцатого, пожелал ему? Наверное, сказал бы:

— Воюй, комса.

Вскоре он стал комиссаром полка.

...Никто не помнил, сколько раз они пытались отбить село Терсу. Был приказ, который следовало выполнить. Однако все понимали, что проклятое село лобовой атакой уже не вернуть. Хотя бы по той простой причине, что ее ждут, к ней готовы. Завидев комиссара, бойцы опускали глаза. Молчали. А он знал, о чем молчали: дурное дело — лезть на пулеметы.

Нужна Терса штабу дивизии. Что-то, видно, там не сходилось без нее в планах будущего наступления. Вот и жали, требовали — взять! Приказ есть приказ. Не веря в успех, уже готовили новую атаку, подкрепляя кавалерию пехотой, словно она английский танк, которому пули нипочем. Но он сказал:

— Сегодня больше не будем. Тут подумать надо.

Думал вместе с разведчиками.

Под утро ложбиной, делая немалый крюк, проехали всадники. Впереди — комиссар. Время от времени оборачивался и прикладывал палец к губам:

— Ша...

Когда въехали на главную площадь села, у колодца встретилась молодуха. Увидела красноармейские шлемы, вскрикнула, и снова послышалось негромкое:

— Ша...

А на другом краю Терсы уже раздавались выстрелы. Красные пошли в атаку. И тогда он скомандовал:

— За мной!

Офицерские погоны поблескивали в лучах солнца. Соколов бросал шашку с плеча — еще, еще, еще. Вдруг боль, точно связку длиннющих иголок, загнали в него. Падая, услышал красноармейское «Ура!».

За бой под Терсой награжден первым орденом Красного Знамени. Он был и рад и озадачен, считал, что нельзя отмечать обычную боевую работу наградой. Орден — для исключительных заслуг, способных вызвать истинное восхищение. Но одно, пожалуй, ему можно зачесть: не дал лобовыми атаками губить людей, хотя полегло к тому времени немало.

Тут его, комиссарова, вина. Почему вообще согласился на зряшные атаки, свидетельствовавшие о тактической безграмотности? Заволновался, в сотый раз переиначивая всю тогдашнюю ситуацию. Себя одного винил.

Горькие мысли прояснили сознание. Острая боль, подобная той, что была в Терсе, пронизала тело. Он услышал собственный стон. Какой-то старческий, мучительный. По всему видно, осталось жить недолго. Надо потерпеть. Еще хотел вспомнить о чем-то важном, но не смог — навалился черный туман.

Врач, проверив пульс, повторно ввел раненому камфору.

Реальность окружающего мира напомнила о себе тошнотой. Он жив, и это поразительно. Несмотря на боль, пусть притупившуюся, но завладевшую всей верхней половиной тела, способность вспоминать сохранилась.

Жизнь Республики и его жизнь тугим канатом переплелись. Белогвардейские армии — Добровольческая, Донская и Кавказская — надвигались с юга. Опасность увеличивалась ежедневно. Красные полки отходили, отчаянно сопротивляясь. Деникинцы дорого платили за успех.

В октябре 1919 года вызвал Трифонов — член Реввоенсовета Юго-Восточного фронта. Знал его еще с лета, когда тот был комиссаром Особого экспедиционного корпуса на Дону. Позже Валентин Андреевич стал членом Реввоенсовета Особой группы Южного фронта, в которую входила их 9-я армия. Прежде казалось, что Трифонов выделял его среди других. Вот и теперь не ограничился общим кивком, подошел пожать руку. Но лицо пасмурное, пенсне на черном шнурке прикрывает воспаленные ночной работой глаза. Короткий вопрос:

— Тяжело?

Ответ:

— Держимся.

После совещания не дал уйти со всеми, снова усадил:

— Ну, начистоту...

Николай рассказал о борьбе на территории Донской области, о том, что обозы постоянно подвергаются нападениям. Попытался объяснить, почему это происходит: не искали взаимопонимания с местным населением, немало глупостей натворили. Ведь до чего дошло! По чьему-то указанию стали упразднять даже слова «станица», «казак».

И оборвал себя, спохватившись:

— Кому все это говорю? Вы же из донских казаков, Валентин Андреевич.

Тот усмехнулся:

— Да я и сам порой забываю об этом.

А ведь он еще молодой, почему-то пришло на ум Николаю, ну, лет на десять меня постарше. Сам не понимая зачем, вдруг спросил:

— Вы с какого года в партии, товарищ Трифонов?

Член Реввоенсовета увидел растерянность, мгновенно охватившую Николая, но вида не подал, ответил вполне серьезно:

— С четвертого, товарищ Соколенок.

Потом Трифонов сказал, что поддержал его кандидатуру на выдвижение военкомом бригады.

Простившись и подойдя к двери, Соколенок неожиданно совсем расхрабрился:

— Извините, один вопрос замучил. Насчет Миронова... Известно что-нибудь достоверно? Слухи ходят самые страшные, а бойцы не верят...

Трифонов придвинулся вплотную, положил руку на плечо:

— А сам веришь?

— Нет! — выдохнул он тотчас.— Не мог Миронов предать Советскую власть, не верю!

Впервые за все время разговора член Реввоенсовета фронта засмеялся, и от души. Опять повел его к стулу, сказав, что о серьезных вещах на ходу говорить негоже.

Усадив, не снимая руки с плеча, велел запомнить: ЦК партии обвинение в контрреволюции с Миронова снял, есть решение ввести его в состав Донисполкома. Еще добавил, что сам тоже никогда не верил в напраслину, возведенную на организатора 23-й дивизии. Филипп Кузьмич еще большую пользу Республике принесет. Пусть эти слова Соколов запомнит, они оправдаются.

...Целый калейдоскоп видений. Обрывки. Память выхватывает без разбора. Вот Фейгин поднимает в атаку красноармейскую цепь. Идет без фуражки, с наганом в руке. Рассказывали, как шел, как упал, как потом, раненного, выносили из-под огня. И это произошло на юге, совсем рядом. А вот Думенко, его Сводный конный корпус пришел на помощь их дивизии...

Как-то видел — немолодой боец из крестьян пытал военкома:

— Верно, что «болшаки» общих жен заводят?

В ответ смешки:

— Спи спокойно, папаша, кто на твою старушку польстится?

Слова путем не сказал, а у человека, может, своя логика: совестливая власть — значит, надолго, а нет — до среды...

Чуть было душу не вытряс из этого военкома!

Что скрывать, ему и себя немного жалко. Мама с отцом теперь одни останутся, по вечерам о нем вспоминать будут. И про то, как пятилетним вместо микстуры нашатырного спирта хлебнул, и про отметки в училище, и про мечту авиатором стать. Ладно. Нечего ню-

ни распускать. Коли смерть выпала, умереть надо достойно. Для революции он сделал все, что мог... Эх, военкомом бригады не успели назначить! Ну да что об этом. Вот опять черный туман в глаза лезет, будь он неладен... Интересно, какое сегодня число?

Спустя годы, прожив большую и славную жизнь, он рассказывал мне, как приходила за ним смерть в январе двадцатого...

Он выжил. Уже в феврале стал комиссаром бригады. Воевал все лето, а осенью направлен был учиться в Академию Генштаба РККА. Но закончить учебу тогда не удалось: его послали громить кулацкие банды в Поволжье. Потом сдавал зачеты и экзамены. Кстати сказать, как раз в это время узнал новости о Филиппе Кузьмиче Миронове.

Тот командовал 2-й Конной армией на Южном фронте. Фрунзе приказал ему помочь нашим частям, отступавшим под натиском конницы генерала Барбовича. Тут Миронов снова показал себя, что и предсказывал проницательный Трифонов. Командарм направил свою конную лаву наперерез белым, скрыв за ней тачанки с пулеметами. В самый нужный момент они оказались перед врагом. Разгром был сокрушительный. Миронова наградили Почетным революционным оружием и орденом Красного Знамени...

После гражданской войны Николай Александрович накрепко связал жизнь с авиацией. Все вышло так, как мечталось. Он — один из первых советских летчиков-испытателей. Еще в предвоенные годы возглавил Академию имени Жуковского. После Великой Отечественной генерал-лейтенант Соколов-Соколенок руководил кафедрой в Академии Генштаба.

С конца пятидесятых, выйдя в отставку, много ездил по командировкам ЦК комсомола. В одном из писем он писал мне:

«Надо, чтобы молодежь знала, откуда идут истоки советского героизма. Надо, чтобы о них никогда не забывали. Надо, чтобы наше прошлое не уходило в отставку. Рассказы о нем должны быть правдивы, и тогда молодежь, поверив нам, будет знать, «в каком идти, в каком сражаться стане».

Мне нередко говорят: доброта, гуманизм для человека завтрашнего дня — важнейшее качество. Согласен! Но какая доброта? Настоящая, действенная, она иной раз требует и ненависти, и твердой воли. Такая ненависть и твердость защищают доброту и никогда не бывают в родстве с жестокостью».

А незадолго до смерти (Н. А. Соколов-Соколенок умер в 1977 г.) признавался: «Я счастлив, если моя работа с молодежью увеличивает в сердцах количество того железа, без которого дорогая нам всем человеческая мягкость оборачивается обыкновенным слюнтяйством. Человек лишь с той поры человек, когда начинает бороться за свои идеалы. Сегодня солдат, просыпаясь по сигналу тревоги, не знает, что́ это — учеба или война. Не знает... Но просыпаться он должен бойцом.

Мы против войны. Мы за всеобщее разоружение и сокращение армий. Однако армия патриотов, армия убежденных борцов за идеалы Октября — это та армия, которую никто не собирается ни сокращать, ни разоружать. Мы намерены ее множить, крепить. Вооружать нашей правдой, стойкостью. И любовью к своему настоящему. И к прошедшему».

Очень точные слова.

8 Заказ 4800

Вячеслав
ФЕДОРОВ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ

Известие о свержении царского самодержавия вызвало у политэмигранта — молодого большевика Михаила Янышева неописуемую радость. Он решил не медля возвращаться на родину. Сборы в дорогу были недолгими, и уже в начале апреля 1917 года на зафрахтованном русскими эмигрантами пароходе он покинул Америку.

Стоя на палубе среди оживленно гудевшей толпы соотечественников и наблюдая, как многоэтажный Нью-Йорк исчезает в синей дымке, Михаил Петрович ощущал, что расстается с этим городом без сожаления. Если б он мог, он охотно оставил в этой же дымке и все тяжелые воспоминания об одиннадцатилетних скитаниях в эмиграции. Жаль было лишь расставаться с товарищами из Федерации русских социалистов Социалистической партии США, которые так тепло провожали его в порту. С этой организацией у Янышева было связано много хороших воспоминаний. Он потратил немало сил и времени на ее создание.

Янышев хотел представить себе революционный Петроград. Каков он теперь? Как там его встретят? Ведь прошла уйма времени! Может, никто и не уцелел из товарищей по подпольной борьбе? Но, как выяснилось, о нем помнили, его ждали и встретили с большой радостью.

Михаила Янышева направили на работу в Московское областное бюро ЦК РСДРП (б). Не зря говорят, что счастье не приходит одно. Здесь он познакомился с Александрой Пермяковой — голубоглазой, светловолосой и необычайно серьезной девушкой. К тому же оказалось, что живут они по соседству на Арбате. И волей-неволей им приходилось в одно время отправляться на работу, вместе уезжать домой. Нередко они добирались пешком, так как дел было по горло — освобождались поздно, когда не ходил уже никакой транспорт.

По дороге чаще всего рассказывали друг другу о своем прошлом. А вспоминать им было что. Несмотря на молодость, оба успели пройти суровую школу борьбы с царским самодержавием.

Михаил исчислял свой революционный стаж с тех пор, когда он в

Ярославле вступил в подпольный кружок искровского направления. В ту пору ему шел всего пятнадцатый год и он уже работал на текстильной фабрике наравне со взрослыми.

Летом 1905 года Михаил участвовал в Иваново-Вознесенской политической стачке. Тогда в нем созрело твердое решение вступить в партию большевиков. Мечта осуществилась в том же году.

Еще раньше, чем Михаилу, пришлось начать трудиться Александре Пермяковой. С двенадцати лет она уже работала на льнопрядильной мануфактуре неподалеку от Сормова, а вскоре, когда семья осталась без матери, на нее легли еще и многие заботы по дому. В те годы в квартире ее отца тайно собирались большевики. По их заданию Шура стала связной одного из социал-демократических рабочих кружков. Позже ей поручали распространять нелегальную литературу, охранять рабочие сходки.

После поражения первой российской революции, когда началась столыпинская реакция и свирепствовал кровавый террор, Шура продолжала участвовать в революционном движении. В 1910 году 6 мая, в день ее рождения, Александру Пермякову приняли в партию большевиков. А после Февральской революции направили работать в Московское областное бюро ЦК РСДРП(б).

Шуре сразу понравился этот интеллигентный человек, выступления которого отличали страстность и убежденность. Ей даже как-то не верилось, что он — самоучка.

Однажды она с ехидством спросила:

— Михаил Петрович, говорят вы за границей университет закончили?

— И не один,— ответил он, хитро улыбаясь.— В доках Гамбурга постиг науку грузчика, в Австрии получил квалификацию шахтера, во Франции — сталевара. А когда не было работы по этим специальностям, нанимался на корабли матросом. Объехал почти все континенты. Америку исколесил вдоль и поперек. И брался за любую работу. Все науки прошел...

Лето 1917 года пролетело быстро.

В памятные дни октябрьских боев в Москве Янышев в рядах борцов за Советскую власть. Шуру назначили комиссаром в отряд красногвардейцев, которому поручили выбить юнкеров из храма Христа Спасителя. 23-летняя девушка понимала свои комиссарские обязанности так: быть в первых рядах атакующих. Юнкера отчаянно сопротивлялись, но стремительный натиск красногвардейцев заставил их сдаться. Большая группа контрреволюционеров засела в Кремле. В Военно-революционном комитете, который располагался на Скобелевской площади, готовились к штурму. Требовалось разведать обстановку. Решили поручить это Шуре, которая когда-то была сестрой милосердия. Пермякова охотно взялась за опасное поручение. Она облачилась в хранившуюся у нее медицинскую форму. Затем с

удостоверением студентки медицинского института Рудневой пробралась в гостиницу «Метрополь». Мило улыбаясь и немного кокетничая, она быстро собрала необходимые сведения. Очень пригодились они при штурме Кремля.

Революция раскрывает в человеке лучшие душевные качества. Шура и Михаил прошли через нее рядом и радовались, находя друг в друге отвагу и верность, ненависть и любовь. Они поженились вскоре после победы Октябрьской революции. На свадьбе гостям подавали по стакану сладкого чая и ломтю черного хлеба. На невесте вместо подвенечного платья красовалась комиссарская куртка, на ремне — маузер. И тем не менее это была одна из самых веселых и радостных свадеб.

Счастливая Шура, теперь уже Янышева, сказала:

— Я отлично понимаю, что тихой семейной жизни у нас не предвидится. Нам предстоит суровая борьба, в которой мы будем бойцами. Но главное не в этом. Мы любим друг друга — вот что я считаю главным. И пока мы будем вместе, нам не страшны никакие трудности. Миша, давай условимся никогда не разлучаться, быть всегда рядом.

— Что ж, это прекрасное предложение, и я охотно его принимаю,— ответил, улыбаясь, Михаил Петрович.

Социалистическая революция быстро побеждала на всей территории страны. Ленин назвал это «сплошным триумфом Советской власти». И тогда контрреволюционеры с оружием в руках выступили против власти Советов.

Александра Янышева работала в политотделе штаба Московской красной гвардии. Помимо агитационной работы политотдел вел борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и всякого рода бандитизмом.

Янышева рассказывала, как однажды вечером им сообщили, что в переулке около Сухаревки в квартире некоей Марии Федоровны собрались контрреволюционно настроенные офицеры, которые готовят вооруженное выступление. И она не медля направилась туда с отрядом красногвардейцев. Отыскали в глухом темном переулке указанный дом, окружили. Затем Янышева вошла в подъезд. Вот и квартира заговорщиков. Шура позвонила и, услышав за дверью шаги, назвала хозяйку по имени и отчеству. Дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель кто-то выглянул и тут же попытался захлопнуть дверь. Но было уже поздно — Шура успела подставить ногу. Навалившись плечом, она протиснулась сама. Стоявшая у дверей женщина при виде незнакомки в кожаной куртке, да еще с маузером, растерялась. Не медля ни секунды, Янышева вбежала в соседнюю комнату и, замахнувшись гранатой, крикнула находившимся там офицерам:

— Сдавайтесь! Вы окружены!

В подтверждение ее слов квартиру заполнили красногвардейцы. Контрреволюционеры вынуждены были сложить оружие.

В те дни на Михаила Петровича навалилась масса дел. Его назначили председателем Московского ревтрибунала. Чуть позже избрали членом коллегии Московской ЧК и членом Исполкома Моссовета, а на V Всероссийском съезде Советов — членом ВЦИК. Теперь он был занят и день и ночь. По вечерам, стараясь подбодрить уставшего Михаила Петровича, Шура говорила:

— Знаю, как ты перегружен, Миша. Давай будем надеяться, что потом станет полегче.

Нет, легче не становилось. Наоборот, работы все прибавлялось.

...Весной 1919 года над красным Питером нависла реальная угроза. К городу подступили войска Юденича. 13 июня в гарнизонах фортов Красная Горка и Серая Лошадь вспыхнули контрреволюционные мятежи. Белогвардейцев и мятежников поддерживала английская эскадра, находившаяся в Балтийском море, буржуазная Эстония и белофинны.

Московский комитет партии сформировал отряд коммунистов и направил на помощь революционным морякам Балтики. Михаила Янышева назначили командиром. Узнав об этом, Шура чуть не со слезами в голосе сказала:

— Миша, а как же я, ты же обещал...

— Обещание остается в силе. Комиссаром отряда назначена ты,— ответил Михаил.

Отряд московских коммунистов вместе с матросами штурмовал Красную Горку с суши. Командир отряда и комиссар все время находились в первых рядах атакующих. В ночь с 15 на 16 июня мятежники были разгромлены. Над фортами снова взвилось красное знамя. Решено было, что об этом радостном событии доложит Александра Янышева лично Ленину. Она тут же выехала в Москву на паровозе товарного состава. Рано утром прямо с вокзала направилась к секретарю Московского комитета партии Загорскому, а оттуда вместе с ним в Кремль. Пока Владимир Ильич заканчивал в своем кабинете совещание, их радушно приняли в домашней обстановке Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична Ульянова.

Вскоре подошел и Владимир Ильич. Внимательно выслушал доклад, поблагодарил и сказал, обращаясь к Янышевой:

— После трудной дороги вам не мешает умыться, товарищ...— он сделал паузу, стараясь вспомнить, как Загорский представил ему эту девушку.

— Шура,— подсказала она.

— Товарищ Шура,— повторил Ильич.

Посмотрела она в зеркало и ахнула: все лицо и волосы были в угольной пыли.

— А теперь и позавтракаем, товарищ Шура,— предложил он, когда Янышева привела себя в порядок,— чай-то у нас сегодня с молоком.

Шура и Загорский долго отказывались, зная, что Владимир Ильич жил тоже на скромном пайке. Но он настоял. За чаем, разговаривая с Янышевой, он еще несколько раз назвал ее «товарищ Шура».

Прошли годы. Многое позабылось из того, о чем говорилось на этой встрече. Но до конца своей жизни запомнила Янышева, как Владимир Ильич называл ее «товарищ Шура».

Осенью 1919 года в результате потерь на фронте в самое тяжелое время стал ощущаться недостаток партийцев на фронте и в тылу. Партия объявила призыв трудящихся в свои ряды. В те дни «Правда» напечатала ленинскую статью «Государство рабочих и партийная неделя». Ленин писал: «Нам нужна партийная неделя не для парада. Показных членов партии нам не надо и даром...

И теперь, когда производится усиленная мобилизация на фронт, партийная неделя хороша тем, что не дает соблазна желающим примазаться...

Тем лучше. Пойдут в партию только искренние сторонники коммунизма, только добросовестно преданные рабочему государству, только честные труженики...»

Активно участвуя в проведении «партийной недели», Янышевы все время просили отправить их на фронт. Они знали, что судьбы революции решаются сейчас на полях сражений и истинные большевики должны находиться там. Их отговаривали, доказывали, что такие работники позарез нужны и здесь. Но когда угроза Деникина Москве стала серьезной, просьбу удовлетворили. Михаилу Петровичу выдали удостоверение лаконичного содержания:

«Октября 11 дня 1919 года *№ 259/б*

В ПОЛИТУПРАВЛЕНИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ

Московский комитет РКП направляет в ваше распоряжение для отправки на Южный фронт Председателя Московского Ревтрибунала, члена коллегии МЧК, члена Исполкома Московского Совдепа тов. Янышева Михаила Петровича».

Аналогичное удостоверение получила и Шура, только за номером 258/б. Вскоре Янышев был назначен комиссаром, а она — заведующей агитотделом 15-й Инзенской стрелковой дивизии, которая после тяжелых боев с деникинской конницей была отведена на переформировку. Когда Янышевы добрались в дивизию, стоял уже декабрь.

Вечером, после принятия дел, Янышевых разместили в небольшом домике тут же, в Левой Россоши. Перед сном Михаил Петрович

достал блокнот и принялся просматривать сделанные днем пометки. Потом сказал:

— Ты помнишь, начдив говорил, что среди новобранцев очень мало членов партии. А новичков в дивизии сейчас много. Думаю, нам следует прежде всего заняться укреплением партийных рядов, провести в дивизии «партийную неделю». Давай начнем с этого.

Так и сделали. Вскоре в работу включился весь политсостав бригад и полков. Но, конечно, основной груз лег на плечи Янышевых. Михаилу Петровичу пришлось осваивать верховую езду.

У заведующей агитотделом тоже не оставалось свободного времени. Она наладила во всех частях и подразделениях политзанятия, организовала для малограмотных красноармейцев кружки ликбеза, начала создавать художественную самодеятельность. Бойцам нравилось слушать беседы Янышевой. У нее был сильный голос, она никогда не выступала по бумажке, не употребляла общих фраз, а говорила лишь о том, что было ею самой пережито, прочувствовано и осмыслено.

Часто Янышева начинала с того, как еще девчонкой стала участвовать в подпольной революционной работе, а в шестнадцать лет уже вступила в партию большевиков. Рассказывала об аресте, тюрьмах, ссылке в архангельскую глушь, где в далекой Медведовке она вместе с ссыльными большевиками изучала марксизм и труды Ленина, отпечатанные на тонкой папиросной бумаге. Но, несомненно, самым интересным был рассказ Янышевой о том, как в апреле 1917 года ей довелось видеть Ленина на площади у Финляндского вокзала в Петрограде и слушать его речь с броневика. Заканчивала она свою беседу воспоминанием о том, как летом 1919 года была у Ленина в Кремле. Красноармейцы старались не пропустить ни одного слова.

С приездом Янышевых политическая работа в дивизии заметно оживилась, выросло число коммунистов.

Благодаря упорству и настойчивости военкома вышел первый номер дивизионной газеты. Он был маленьким и неказистым, но уже в нем проявился боевой настрой редакции. К примеру, газета возмущалась тем, что по нерасторопности снабженца артиллеристам задержали выдачу теплого обмундирования. В результате многие из них простудились, некоторые получили обморожения. В другой заметке сообщалось, что в деревне Заречная, где располагалась рота пулеметчиков, сгорела баня, а с ее восстановлением дело затянулось. По этой причине бойцы не мылись три недели. Используя газету, Янышев совестил нерадивых бойцов и командиров, отмечал и ставил в пример старательных. Авторитет газеты рос с каждым днем. Вскоре она читалась нарасхват, да и внешне стала выглядеть получше.

Первое время нового комиссара считали строгим и несколько побаивались, но постепенно поняли, что Михаил Петрович хотя и

требователен, но справедлив, а главное, постоянно проявляет заботу о красноармейцах, не оставляет без внимания ни одной их просьбы, ни одной жалобы.

В начале января 1920 года Инзенская дивизия повела успешное наступление и вскоре вышла в северные районы Донской области. Она показала высокие морально-политические качества красноармейцев и боеспособность. В бою возле станицы Родионово-Несветайской на дивизию обрушилась конница белых. Белые имели задачу остановить и отбросить инзенцев. Они рассчитывали на деморализующий эффект, производимый несущейся под блеском обнаженных клинков конной лавиной. Но инзенцы не растерялись, они словно вросли в землю. И атака мамонтовцев захлебнулась.

Янышев и в этом бою был на передовой. Его присутствие ободряло бойцов, вселяло в них уверенность в победе.

Обозленные неудачей, белые зверствовали: расстреливали пленных, не щадили даже раненых красноармейцев.

В станице Родионово-Несветайская они раздели догола несколько захваченных в плен красноармейцев, пытали, а затем повесили на площади.

На траурном митинге перед погибшими товарищами бойцы и командиры поклялись мстить. Гневом звучали слова командира 1-й бригады Владимира Резцова. Он призвал бойцов и командиров настичь врага в Ростове и выбить его из города.

Наступление продолжалось. Красные кавалерийские и стрелковые части подошли к Ростову-на-Дону. 10 января город был полностью очищен от белых.

В марте Красная Армия возобновила наступление. На подступах к Новороссийску войска натолкнулись на мощную оборону противника.

В эти дни Янышевы не покидали передовую. Михаил Петрович переходил из одной роты в другую, подбадривая бойцов, рассказывал им о победах Красной Армии на других фронтах. Внешне он был спокоен и, казалось, не чувствовал усталости. На самом же деле валился с ног. Он неотступно думал лишь о том, что же еще можно сделать для прорыва мощных укреплений врага.

Двое суток не сомкнула глаз и Янышева — преданный и верный помощник военкома во всех делах. Беседуя с людьми, она как бы между прочим спрашивала, не был ли здесь Михаил Петрович и куда он отсюда направился. Шура тревожилась. Да и как было не тревожиться — кругом бои, а комиссар то и дело находится в рядах наступающих.

Янышев, зная тревогу жены, успокаивал ее:

— Не волнуйся так, Шура, все будет хорошо...

— Я надеюсь, но все же ты будь хоть немного поосторожней,— просила она, глядя на него укоризненно.

— Да-да, конечно...

Но когда наставал решительный момент, он снова штурмовал укрепления противника с передовыми цепями.

Инзенцы с ходу овладели станцией Тоннельной и первыми вошли в Новороссийск.

В конце июня 1920 года бои шли уже в Северной Таврии. Штаб дивизии расположился в станице Жеребцы. Предстояло овладеть селами Первое и Второе Копани и станицей Большой Токмак. Стрелковые части, состоявшие в основном из новобранцев, повели успешное наступление и заняли Гохгейм — поселение немецких колонистов. Это был несомненный успех, и командование дивизии решило продолжать наступление на этом участке.

Тем временем, подтянув кавалерию и бронемашины, белые предприняли контратаку. Среди молодых бойцов началась паника. Вслед за поселением они оставили и высоту Гохгейм, которая имела важное тактическое значение.

Как только об этом стало известно в штабе, Янышев тут же бросился к своему коню. В тот миг он не раздумывал, чем сможет помочь людям, охваченным паникой. Воодушевлять бойцов, атаковать с ними в первой шеренге стало для него нормой жизни.

— Что случилось, Михаил? — крикнула ему вдогонку Александра Янышева.

— Противник потеснил наших у Гохгейма... Я скоро вернусь...— бросил он на ходу.

«Противник потеснил наших...» Эти слова отдались болью в сердце Шуры. Она представила картину тяжелого боя. А что произойдет дальше, ей было известно, такое случалось уже не раз... Михаил остановит бойцов, повернет и первым бросится на врага. Тревога сковала ее, и не умом, а сердцем она почувствовала, что в этот миг должна быть рядом с Михаилом.

Янышев скакал к месту боя. Завидев его, красноармейцы приободрились, начали возвращаться в свои окопы. Комиссар соскочил с коня и громко крикнул:

— Держись, ребята! Помощь идет...

Затем приказал красноармейцам занять более удобный рубеж обороны, распорядился об оказании помощи раненым, отчитал командира роты. И паники как будто не бывало. Тем временем подошло подкрепление. Все смотрели на комиссара, ждали его команды. Янышев спокойно взял винтовку, зарядил полной обоймой и решительно двинулся вперед, скомандовав:

— За мной, товарищи!

Словно могучая сила подняла красноармейцев, по цепи прокатилось могучее «Ура!»...

Вот уже близко высота, у подножия закипел рукопашный бой. Белые не ожидали такого дружного натиска, не выдержали и побе-

жали. Победа прибавила сил красноармейцам. Вскоре на вершине высоты затрепетало красное знамя. Бой еще продолжался. На правом склоне, поросшем густым кустарником, шла ожесточенная схватка. Янышев бросился туда. И не заметил военком, как из-за огромного валуна выскочил офицер-дроздовец с винтовкой наперевес. С перекошенным от злобы лицом кинулся он на комиссара. Штыковой удар... Янышев упал.

Шура видела это издали. Бежала со всех ног...

Бойцы подняли комиссара и понесли на перевязочный пункт. Но помощь уже не требовалась. Всех потрясла горестная весть.

Проводить комиссара Янышева в последний путь собрались представители всех частей и подразделений. На траурный митинг в полном составе явились курсанты созданной им партийной школы.

«Правда» писала в эти дни: *«Янышев принадлежал к числу тех лучших вождей Красной Армии, которые на постах комиссаров, командиров — в батальонах, полках, дивизиях — заключают в себе тайну героических успехов и неодолимой силы армии пролетарской революции».*

Михаила Петровича Янышева было решено похоронить в Москве на Красной площади. В столицу гроб с телом сопровождали заместитель военкома Николай Глушков и Александра Янышева.

Тяжело, очень тяжело переживала Александра Александровна потерю мужа. Надежда Константиновна видела это и прямо с похорон увезла ее к себе. В тот вечер Владимир Ильич пришел позднее обычного, вспоминала потом Александра Александровна. Увидев Янышеву, он попросил Надежду Константиновну и Марию Ильиничну сделать для нее все возможное. Затем сказал:

— Очень жаль, товарищ Шура, что не уберегли Михаила Петровича. Ведь таких Янышевых у нас немного.

Александра Александровна поняла, что этот упрек не относился непосредственно к ней, тем не менее она в значительной степени приняла его и на свой счет.

При отъезде из Москвы Янышеву сфотографировал корреспондент газеты. Взяла она в руки фотографию и не узнала себя: на нее гневно смотрела осунувшаяся женщина в комиссарской кожанке, туго перетянутой ремнем. Позади нее виднелся плакат: «Врангель еще жив! Добей его!»

— Вот за этим я и еду на фронт,— произнесла Александра Александровна.

Осенью 1920 года в деревню Строгановка прибыл новый командующий. Один из сопровождавших его военных, обращаясь к Янышевой, сказал:

— А вам посылочка, товарищ Шура.

В небольшом свертке оказались три пачки папирос, теплые носки, варежки, пакетик леденцов и записка от Надежды Константи-

новны. Хоть Владимир Ильич и не любит курящих женщин, писала Крупская, но ты уж, раз куришь, так закури, когда будет тяжело.

Лицо нового командующего фронтом Шуре показалось очень знакомым. Она мучительно пыталась вспомнить, где они встречались, и наконец вспомнила.

В самом начале 1917 года ей поручили конспиративно отвезти на фронт чемодан с большевистской литературой. Поверх брошюр лежали градусники и медикаменты, а на крышке чемодана крупными буквами было написано: «Осторожно, стекло!» Шура в то время была молоденькой сестрой милосердия и носила на голове белоснежную косынку с красным крестиком. Словом, никаких подозрений у жандармов не вызывала. Она передала чемодан большевику, назвавшемуся Михайловым. Не думала тогда Шура, что судьба сведет их еще раз. Но вот свела. Только теперь это был не Михайлов, а Михаил Васильевич Фрунзе.

Войска фронта тщательно готовились к штурму вражеских укреплений в Крыму. Разведка донесла, что врангелевцы построили мощную оборону на Перекопе, у Ишуньских позиций и Чонгарских переправ. Фрунзе доложил об этом Ленину телеграммой и указал, что штурм влобовую будет стоить больших жертв. Вскоре пришел ответ:

«...Проверьте — изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма».

Стали искать переходы, спросили местных жителей. Они сообщили, что лучше всех знает броды через Сиваш крестьянин Оленчук. Его пригласили в штаб, объяснили задачу. Оленчук подтвердил, что броды есть, и взялся провести красноармейцев.

Решили сформировать несколько ударных отрядов. В Инзенской дивизии эту работу поручили Янышевой. Она отобрала двести семьдесят отважных и преданных делу революции коммунистов и комсомольцев и доложила Фрунзе о готовности.

— Комиссаром отряда пойду сама,— заявила она.

— Женщине очень трудно выдержать такой поход, ведь вода ледяная,— пытался он отговорить ее.

Тут Янышева вспылила и гневно воскликнула:

— Товарищ командующий! С этими бойцами ходил в атаку комиссар Янышев. Он погиб в бою. Так разрешите мне занять его место.

Фрунзе тихо сказал:

— Вы имеете на это право. Не могу вам отказать.

Утро 7 ноября выдалось морозное. В частях торжественно отмечали 3-ю годовщину Октябрьской революции. На берегах Сиваша всюду проходили митинги. Бойцы клялись победить и заканчивали свои выступления словами: «Смерть Врангелю! Свободу Красному

Крыму!» Прямо с митингов они шли получать боеприпасы и сухой паек.

К вечеру приготовления были закончены, наступило время выступать. Бойцы отряда Янышевой должны были идти первыми.

Впоследствии этот момент был описан А. А. Янышевой в ее воспоминаниях «Пережитое»:

«Первым, с длинным шестом, вошел в воду Оленчук. В косматой шапке, в поддевке, подпоясанной красным кушаком, он походил на сказочного богатыря. За Оленчуком вошли комиссар 133-го полка Петров, помощник командира этого же полка Карпов и я. Вслед за пешими бойцами тронулись конники-связисты. Путь штурмового коммунистического отряда отмечался вешками-заметками для полков и дивизий, которые должны были тронуться за нами».

Ледяная ноябрьская вода обжигала тело. Около берега дно было твердым, потом пошел вязкий ил, который так крепко засасывал ноги, словно находился в сговоре с противником. Но больше всего донимали ямы — неосторожно ступи и можно захлебнуться. В целях маскировки никто не курил, разговаривали вполголоса. Двигались как привидения.

Янышева шла не в своей обычной комиссарской кожанке. Она надела вязаную шерстяную фуфайку и на ноги — шерстяные носки, присланные Надеждой Константиновной. Рядом с ней все время находился кто-нибудь из бойцов. Они поддерживали ее, помогали преодолевать глубокие места.

Несколько часов двигался отряд. Казалось, этому гнилому морю не будет конца. Но вот дно стало твердеть. Бойцы ускорили шаг. И тут Сиваш осветили прожекторы противника, темноту прорезали пулеметные очереди. Падали убитые, тонули раненые. Но никто не дрогнул, никто не думал об отступлении. Не за этим шли... С криками «Ура!» выбирались красноармейцы на берег Литовского полуострова. Каждый готов был драться за десятерых.

Комиссару отряда пришлось непрерывно перевязывать раненых. Бесстрашно, в полный рост шла Янышева туда, откуда доносились стоны. И пули словно облетали ее, а смерть отступала. Своим присутствием и бесстрашием она воодушевляла бойцов. Они продолжали сражаться и дрались до тех пор, пока над Сивашем не загремело могучее «Ура!» — на помощь горстке храбрецов шли другие отряды.

Через несколько дней Крым был очищен от врангелевцев. Позднее за эту операцию Александре Янышевой вручили орден Красного Знамени. Это был ее первый орден.

После гражданской войны Янышева всегда была там, где этого требовали интересы строительства нового общества.

А как только грянула Великая Отечественная, Янышеву снова назначают комиссаром, а затем военкомом санитарного поезда. С ее помощью и материнской заботой выздоровела и возвратилась в

строй не одна тысяча раненых бойцов. После ранения ее демобилизовали. Но ничто не могло выключить из борьбы истинного бойца ленинской гвардии. Она оставалась комиссаром, пропагандистом. Ее звонкий голос, как и прежде, слышали на заводах, фабриках, в воинских частях, среди студентов и школьников.

Она рассказывала о встречах с Лениным, о его соратниках — комиссарах гражданской войны, которые в бой шли первыми и из сражений выходили последними. Комиссар гражданской войны оставался комиссаром и в наши дни.

Тамара
АЛЕКСАНДРОВА

ЧТО СКАЖЕШЬ, ОТВАЖНАЯ?

Проводник впереди, она — за ним. Клац-клац — камни под копытами коня. Солнце прокалило воздух, выжгло траву на склонах гор. Кажется, прикоснись к ней — рассыплется под ладонью. От жары тяжелеют веки. Пустить бы коня вскачь, рассечь застоявшийся зной, ощутить струи воздуха на лице! Но конь ступает осторожно: тропа каменистая, узкая.

Проводник? В слове надежность, но только в слове. В любой миг он может повернуться круто назад, сверкнут белки глаз на заросшем черной щетиной лице, белозубо оскалится рот в секундном напряжении прицела, и больше уже ничего никогда не увидишь, не услышишь.

Этот человек прискакал сегодня поутру и в штабе, куда доставили его дозорные, сказал, что «наши люди» хотят встретиться с «вашим командиром». Можно не с самым главным, но с таким, чтобы ответил на все вопросы. Вопросов много у людей. Вот послушают, что скажут красные, и тогда станет ясно, надо ли и дальше кровь проливать.

В контрреволюционных бандах немало бедных темных крестьян, околпаченных мусаватистами, их главарями, запуганных россказнями о Советской власти. Хорошо бы им растолковать, кому выгодна эта кровопролитная борьба, ради кого и ради чего они рискуют головой, бросив свои дома, голодных ребятишек. Только где гарантия, что агитатор вернется в целости и невредимости, что он вообще вернется? Кто сможет поручиться, что его не пустят в расход, если не понравятся речи? Да если и убедит большинство, может просвистеть чья-то пуля в знак несогласия. Но упустить возможность рассказать мятежникам правду о Советской власти, о том, кого защищает Красная Армия, никак нельзя.

И тогда она поднялась, словно ставя точку в сомнениях и выборе, одернула гимнастерку:

— Надо ехать. Поеду я.

О ней никто не думал как о возможной кандидатуре. Женщине-комиссару не без труда приходилось преодолевать недоверие бойцов. Надо было в бою перед ними предстать, поднять в атаку залегшую

цепь, а им — устыдиться своей минутной слабости и восхититься ее отвагой, чтобы кончились снисходительные разговоры о бабе, о юбке, о курице — не птице. А тут и вовсе не перед организованными красноармейцами речь держать — перед мусаватистами, мусульманами. Женщина для них — существо низшее, рта перед мужчиной не открывает. Оскорблением сочтут само появление посланницы. Риск большой. Но она сама вызвалась: «Поеду я». Она умела сказать так — и знала, видимо, за собой эту особенность,— что все державшие наготове множество возражений вдруг замолкали и соглашались. Что за сила в ней прорывалась? Может, окружающие видели в такие минуты перед собой железного человека? Комбриг, давший добро на поездку, будто стараясь запечатлеть в памяти этот момент, эту неостановимую решимость, отметил про себя: «Задорный нос, твердый взгляд...» Вот и все железо.

Штаб остался далеко позади, и с каждым шагом все сильнее ощущение пустоты, пропасти за спиной, свои защитить уже не смогут.

Если усилием воли поднять отяжелевшие веки — круп коня перед глазами, выше — широкие плечи, обтянутые серой каляной рубахой с темным пропотевшим пятном между лопаток, черная баранья шапка...

Еще вчера можно было разыскать многих воевавших рядом с той тоненькой девушкой на коне, которая далеким жарким днем ехала в стан мятежников, разыскать ее близких, услышать живые голоса. Желание проникнуть в строй чувств, строй мыслей человека, поразившего строем поступков, вполне понятно. Чем дальше уносит нас время от героев революции и гражданской войны, тем острее это желание и труднее его осуществить. Сегодня остаются для поиска библиотека — книги, где может мелькнуть событие, к которому она имела отношение, и — вдруг! — само ее имя, извлекаемая из груды книг горстка фактов; архив — папки документов, шелест хрупких листов, сопровождающий путешествие во времени. Штабные приказы, донесения, протоколы собраний партячеек, написанные нередко на оборотной стороне санплакатов-предупреждений: опасно!.. тиф!.. холера!.. Не бумажки подшивал делопроизводитель, неуважаемая на войне «бумажная душа»,— складывал для нас бесценные свидетельства быстромчащихся дней, ничего из них не отсеивая: ни грома побед, ни слез поражений, ни героизма, ни малодушия, ни тягот военного быта, ни высочайшей самоотверженности, ни чьей-то мелкой подлости. И уж вовсе нежным чувством проникнешься к неизвестному педанту, когда в вязи выцветших чернил встретишь знакомое имя: восстановлен еще один факт или день увлекшей тебя жизни, в характере, который так хочешь понять, приоткрылась еще одна черточка.

Все равно, наверное, из этого сложится лишь версия: даже живущего рядом окружающие воспринимают по-разному, даже, бы-

вает, по-разному видят. «Серые глаза, румянец во всю щеку, вьющиеся каштановые волосы»... «У нее черные-пречерные глаза, обветренное загорелое скуластое личико»...— обе фразы о девушке на коне.

Лето 1920 года, Азербайджан, уже ставший Советской Социалистической Республикой. После долгой борьбы свергнута буржуазно-помещичья власть мусаватистов. Контрреволюция все еще надеется на реванш, собирает силы для мятежей. Неспокойно у границ с дашнакской Арменией. Здесь стоит 58-я бригада 20-й стрелковой дивизии, бойцы 11-й армии, которая в конце апреля по просьбе Азербайджанского ревкома пришла на помощь восставшему народу. Комбриг — Александр Тодорский. Начальник политотдела — Рузя Черняк.

Она и сказала: «Поеду я», воспользовавшись своей комиссарской привилегией быть первой там, куда непросто отправить другого. Да ведь, наверное, легче броситься в атаку, чем медленно двигаться навстречу опасности. Там нет и секунды для размышлений о жизни, о смерти, а тут так долго остаешься на грани между ними, что успеваешь вернуться ко многим прожитым дням. К лучшим из прожитых. Они сами по себе четко проявляются в памяти. Но связь их с будущим контролирует трезвое, хоть и суеверное «если». Если... Что «если»? Если останусь жива? Да ведь это только в старости просто рассуждать: выживу, доживу... А в двадцать лет каждая клеточка рвется к жизни, и Рузя, может быть, еще не жила с такой полнотой, как в то лето двадцатого года. Бессильными оказались внутренние комиссарские запреты, самоодергивание — чувство смело их. В штабе остался самый дорогой для нее человек — комбриг. Не возразил, услышав о решении, не остановил. Она одна знала, чего это ему стоило. Должна она непременно вернуться к своим! Разагитировать бандитский отряд и вернуться. Дадут договорить — она скажет! А если не дадут?..

Война могла кончиться для нее еще несколько месяцев назад. В январе в Политуправление Реввоенсовета Республики пришло письмо из Центрального Комитета партии за подписью секретаря Елены Стасовой. ЦК предлагал демобилизовать Рузю Черняк и направить в распоряжение Московского комитета РКП(б). Телеграф сразу же отстучал указание ПУРа политотделу 10-й (Черняк тогда еще была в 10-й) армии: «...демобилизуйте...», «направьте Московский комболь...», «исполнение донесите...»

По-другому сложился бы этот день ее жизни. Москва, рядом мама — столько уже не виделись! — тихий Мыльников переулок, в двух шагах Чистые пруды... Совсем по-другому, если бы она не отказалась покинуть своих товарищей. В ответной телеграмме, пришедшей более чем через два месяца (были непрерывные бои, армия не стояла на месте, «исполнение» потребовало времени), так прямо

и сообщалось: «Черняк Рузя отказывается покинуть армию конца войны».

Да могло ли такое быть, чтобы чье-то личное желание и решение Политотдел армии счел важнее распоряжения ЦК, указания ПУРа? По логике партийной и военной дисциплины — не могло. Но в московской канцелярии аккуратно подшили к делу Черняк телеграмму с фронта, и сегодня на пожелтевшем бланке можно прочитать те две строки — свидетельство ее крепкого характера. Она и тогда, вероятно, так сумела сказать, что ее доводы приняли, поэтому, видно, и не размышляли долго над формулировкой ответа: «Черняк Рузя отказывается...»

В отказе не каприз, не романтический порыв «вперед, только на линию огня». Заместитель начальника политотдела 38-й дивизии Черняк, успев побывать на Северном фронте и навоеваться на Южном, сполна постигла, что такое огонь, смерть и быт войны. Одолевая Деникина, одновременно боролись со вшивостью, тифом, цингой. В декабре — январе вели бои под Царицыном. Не у всех бойцов шинели, многие в продуваемых, набухавших от дождей и мокрого снега телогрейках. Коченели руки на прикладах винтовок, неделями не ели хлеба, питались почти одной тыквой... И при этом решимость: выстоять, погнать врага! В наступлении еще больше окрепло это настроение. Но как тяжело давался каждый километр! Поредевшие полки 38-й влились в 39-ю дивизию. В феврале форсировали Маныч: ледяная вода, шквал огня с южного берега, потом занесенная снегом степь. Как же она, комиссар, носитель революционного духа, оставит бойцов, хлебнув столько лиха с ними вместе? Значит, она в Москву — ясно, не на отдых, на работу,— а они дальше в бой?!

Жаркий день и проводник в неизвестность — закономерное продолжение того выбора. Опаленные горы, раскаленное солнце... А в Москве, на Чистых прудах, лебеди рассекают прохладную гладь воды.

Были ли в двадцатом году лебеди на Чистых? Скорее всего, Рузя их там не видела, как не видела спокойной, мирной Москвы. Перебралась туда семья Черняк в 1916 году: из-за войны покинули родную Лодзь (на два года осели в Чернигове и снова поднялись).

В Москве явственней ощущалась предгрозовая атмосфера — недовольство войной, дороговизной, голодом, недовольство царизмом, выливавшееся в политические, антивоенные выступления. Все сводилось к одному: так продолжаться не может, взрыв неизбежен.

Бурлила молодежь в народном университете Шанявского на Миуссах, туда поступила Рузя. Учебное заведение, учрежденное на средства общественного деятеля А. Л. Шанявского, дипломов не выдавало, но образование в нем можно было получить и в объеме гимназии, и в объеме университетской программы, причем бесплат-

но. Такая доступность формировала демократический состав слушателей из неимущих, малоимущих. Почти 3 тысячи человек обучались в университете, и больше половины из них — девушки, редкое явление по тем временам. В умонастроениях молодых чувствовалось влияние большевиков: они активно работали здесь. Все больше сторонников завоевывали их благородные цели, борьба с царизмом, их отношение к угнетенным.

Рузя вся была наполнена ежедневными событиями и новостями. Их обсуждали в университете и дома: старшие сестры Матильда и Эмма — большевички.

Начался 1917 год. Февральская революция — ликование: свергнут царизм! В марте Рузя Черняк стала членом партии, большевиком, и никогда в своих идейных убеждениях не колебалась. Рузя пришла в Леонтьевский переулок в здание бывшего Капцовского училища, где разместился Московский комитет партии, пришла, и... исчезли границы между сутками, дни мелькали — не успеваешь заметить, а если вдруг оглянешься на какой-нибудь из них — покажется неделей, месяцем.

Строгий взгляд из-под очков, четкие распоряжения: срочно, немедленно. Секретарь МК Землячка имела право требовать от своей помощницы Рузи Черняк невозможного не по одной партийной должности. Сама жила по «невозможному расписанию», никто не знал, когда она спала и спала ли вообще. Борьба за влияние в массах — яростная война с меньшевиками и эсерами — шла всюду: на заводах, в полках, в Советах. Быть в курсе каждого шага идейных противников, не пропустить ни одного митинга, ни одного собрания, ни одного случая публично сразиться с ними, «раздеть» их и раскрыть суть большевистской платформы, смысл большевистских лозунгов. Каким же ораторским искусством надо было обладать, чтобы переломить настроение многолюдного митинга, порой прорваться через острую враждебность — «Не слушайте большевиков! Вон с трибуны немецких шпионов!», завладеть вниманием — «А ну, тихо, дело вроде человек говорит», завоевать сторонников — «Правильно! Зачем нам война? Не будет ни мира, ни хлеба, пока временные правят!» Почти три месяца воевали с меньшевиками на заводе «Гужон», с меньшевиками и эсерами в Рогожско-Симоновском Совете... Если запоздает сообщение о каком-нибудь меньшевистском митинге и уже некогда обсуждать, кого из опытных товарищей послать от большевиков, Розалия Самойловна тотчас решала: «Бегу!» — и взгляд из-под очков на Рузю: «Ты со мной?»

Путь часто лежал на другой конец Москвы. Вскакивали на подножку трамвая — автомобиля Московский комитет не имел. Если трамвай слишком петлял или подолгу простаивал у стрелок, пересаживались на извозчика. Быстрее! Успеть! Мгновенно уловить ход и настрой собрания, врезаться в «патриотические» проповеди, в по-

ток клеветы, льющийся на большевиков, не испугаться накала страстей (случалось, за ноги стаскивали ораторов с трибуны), суметь зацепить за живое.

Год семнадцатый — и 17-летняя Рузя, оказавшаяся на гребне событий. Члены Московского комитета партии — известные революционеры-ленинцы: Михаил Степанович Ольминский, Вадим Николаевич Подбельский, Розалия Самойловна Землячка... Рядом с ними не могла она не постичь, что искусство завоевывать словом — это не только отработанные веками приемы красноречия. Важны они, разумеется. Но без веры, без твердой убежденности, что только большевистский путь приведет к благу России и благу народа, не убедишь других.

У Рузи много обязанностей: держать связь со всеми большевистскими райкомами, снабжать необходимой литературой пропагандистов, организовывать распространение большевистских газет — «Правды» и московского «Социал-демократа».

Строгий взгляд из-под очков — никакой снисходительности к молодому товарищу по партии. Улавливала ли в нем Рузя особую теплоту, нежность, которая сродни лишь материнской? «Ребенок, совсем еще ребенок,— отмечала про себя Розалия Самойловна,— а работает без устали, беззаветно».

Рузя иронична, остра — некоторые пропагандисты ее побаиваются,— бывает даже сурова. Но к ней тянутся многие, особенно «хвостики». Свои «хвостики» были при каждом райкоме — гимназисты, совсем молодые рабочие,— они всегда оказывались на подхвате, выполняли разные поручения, бегали по митингам — жаждали разобраться в происходящем. Не всех их можно было принять в партию — зелены, но надо было воспитывать, растить смену. «Хвостики» прибегали к Рузе по делу и просто поговорить, приводили своих знакомых. Почти всегда вспыхивали споры, и в спорах выделялся звонкий Рузин голос: «Нет, вы только посмотрите на него! Ему пятнадцать! А он не знает, за большевиков он или за меньшевиков!» Максимализм заносил ее часто, но в ней признавали лидера, вожака. Естественно, что именно она стала секретарем Союза молодежи при МК РСДРП(б).

...«Приходилось ли вам выступать на больших и маленьких собраниях?» — вопрос анкеты, которую полагалось заполнить политработнику, направляющемуся на фронт. Не спрашивали, владеете ли трехлинейкой или маузером — владеете ли словом?

Ей, конечно, приходилось, и не сочтешь, сколько раз.

К противнику, засевшему в горах, ехал опытный оратор. Правда, ожидающих ее слушателей никак не сравнить, скажем, с московскими гимназистами, перед которыми она произнесла одну из первых своих речей. Но разве и тогда ей, недавней гимназистке, не потребовалась отвага?

Эсеры собрали вместе 5-е классы мужской и женской гимназий. Выступали директор, латинист, представитель эсеровской партии, только что вернувшийся с фронта. Юношам и девушкам объясняли, что они должны делать сейчас, когда идет война, когда в тылу «беспорядки»: «Ваше дело — наука»... Собрание шло гладко, лились запланированные речи: «Заниматься политикой вам еще рано»...

— Ждите второго пришествия! — вдруг раздался с камчатки звонкий насмешливый голос.

Все повернули головы в сторону поднявшейся девушки: «Незнакомая, не наша»...

— Торопиться некуда,— продолжала она.— А революция ждать не будет и не простит тех, кто пережидает!

Заволновался председатель:

— Я не давал вам слова!

— От вас и нельзя ждать такой любезности. Мы сами берем слово,— и продолжала, ободренная вспыхнувшим всеобщим вниманием, горячо объясняла своим ровесникам, что буржуазия и ее прихлебатели в лице эсеров больше всего боятся, что молодые выступят за правду рабочих и крестьян, пойдут в стан истинных революционеров, истинных борцов за свободу.

Некоторые из тех, кто слушал Рузю на том собрании, позже стали членами Союза молодежи, активными организаторами Союзов молодежи других районов Москвы.

Вожак, лидер... Что отличает людей, способных вести за собой? Наверное, сколько вожаков — столько ответов. А на чем выросли известность и авторитет секретаря Черняк? Рузю настолько знали в Москве, что в объявлениях о молодежных собраниях или товарищеских вечерах в солдатских казармах (это уже в начале 1918 года) писалось: «С участием Рузи». Именно так — без фамилии и должности. Одно имя говорило о многом.

Собираю воедино строки, которые оставили о Рузе товарищи, стараюсь уловить общее в том впечатлении, которое производила она на окружающих. Это нетрудно. Даже в выше процитированных строчках о серых и черных глазах — одно и то же: любование. Мы всегда любуемся яркими людьми. Судя по всему, к ним она принадлежала. Живая, быстрая, энергичная. Умна, насмешлива. В любом споре наготове острое слово — сразит моментально.

Встретишь воспоминания о шумном клубе на Цветном бульваре — клубе Союза молодежи, «войдя» вслед за автором в переполненный зал, непременно увидишь Рузю. Конечно, она верховодит. Здесь с жадностью слушают старших товарищей из Московского комитета партии. Они говорят с молодыми о политической ситуации в стране, о расстановке сил, о необходимости вооруженного восстания, о насущных задачах.

Обсуждая текущий момент 9 июля 1917 года, общее собрание

Союза молодежи единогласно внесло следующую резолюцию: «...горячо протестуем против обвинения интернационалистов в пособничестве немцам и требуем немедленного расследования при деятельном участии представителей революционных организаций и, по мере раскрытия наглой лжи и клеветы, немедленного привлечения к суду тех, кто под видом борьбы с агентами Вильгельма сеет контрреволюцию».

Здесь яростно спорили на самые жгучие темы и самозабвенно пели любимые песни.

Мы кузнецы, и дух наш молод,

Куем мы счастия ключи...

За роялем — Рузя, она задает темп, от нее идет живой задор.

И в воспоминаниях о рождении Московского Союза рабочей молодежи «3-й Интернационал» тоже встретишь имя «Рузя». Снова можно будет «услышать» ее звонкий голос, на этот раз под сводами царского павильона.

В старинном павильоне у Николаевского вокзала обычно останавливалась царская фамилия, прибывшая из столицы или направляющаяся в оную из Москвы. В один из октябрьских дней 1917 года здесь собрались представители большевистских юношеских организаций всех районов Москвы, чтобы объединиться в единый Союз.

Старый хмурый швейцар у входа с недовольством и пренебрежением разглядывает непривычную для этих стен публику. Но как хорошо знакома вся публика Рузе! Анатолий Попов — близкий друг, опора во всех делах, он представляет Пресненский союз. Здесь Сережа Барболин, рабочий Сокольнических трамвайных мастерских, Люсик Лисинова, молодежный вожак Замоскворечья...

Доклад о задачах Союза молодежи делает Подбельский. Конференция принимает призыв ко всей молодежи России: идти по ленинскому, большевистскому пути.

Слово — Рузе. Она рассказывает о Международном юношеском дне — Дне протеста против войны. Из Цюриха, из Интернационального бюро социалистических юношеских организаций, пришло Обращение — в знак солидарности провести этот день вместе со всеми молодыми рабочими мира. Звенит Рузин голос: «Все на манифестацию!.. 15 октября!»

15-го она была на Скобелевской площади. Тысячи юношей и девушек собрались здесь под красными знаменами и дали клятву верности партии большевиков.

Оставались считанные дни до октябрьских боев...

Революционная Москва отдавала последний долг своим героям. Люсик Лисинова погибла на Остоженке, Ананий Жебрунов и Сергей Барболин на Тверском бульваре... В очередном номере «Интернационала молодежи» — органе Союза рабочей молодежи «3-й Интернационал» — имена погибших, некрологи.

«При слове «Барболин» что-то светлое встает перед глазами. Небольшого роста, со светлыми волосами, с постоянной улыбкой на лице, со светлым, ясным умом. В его присутствии легче становилось на душе, веселей кругом...

Бодрость и веру в победу вносил он всюду с собой, бодрость и веру в нашу силу вносили его революционная твердость, расцвет его молодости,— т. Барболину было только 20 лет.

Перед похоронами зашла я в Сокольнический район.

Скучно, тоскливо там без Барболина и Жебрунова, без двух «хвостиков», как называют нас, молодежь, с добродушной улыбкой наши партийные товарищи... С первого момента революции Барболин принимал в ней самое активное участие. Но ему все мало казалось, он все рвался в бой. И вот... при взятии градоначальства... погибли оба товарища...»

Боль, печаль, нежность, чувство глубокого родства с теми, кому «все мало», кто рвется в бой. Это тоже Рузя. Так и подписала свои строки, вылившиеся, видно, на одном дыхании: когда надрывается сердце, слова не ищутся.

Она вероятней всего была замечательным товарищем. Есть прямое подтверждение Евстафия Ивановича Позднякова, шахтера, революционера-подпольщика, в гражданскую — комиссара 38-й дивизии. Он пишет о замначподиве Черняк, вспоминая в своей книге «Юность комиссара» тяжкое лето девятнадцатого года. Отступление на Южном фронте и приказ командующего 10-й армии — остановить во что бы то ни стало противника. Рытье окопов всю ночь — а на рассвете атака деникинцев, рвущихся к Саратову. Отбили. Снова атака. Два кавалерийских эскадрона стремительно катят на окопы. Нужны опыт, железные нервы, чтобы выдержать этот устрашающий вал, не побежать, отбить точным оружейным огнем. Нет, броситься самим навстречу конникам! И Поздняков с маузером поднимается из окопа, за ним цепь бойцов...

Успел увидеть комиссар хвосты повернувших вспять коней, развевающиеся бурки... Когда очнулся — перед глазами белел потолок хаты, доносились звуки удаляющегося боя. Тоненькая встревоженная девушка рядом. На ней кожаная куртка, короткая юбка, сапоги. Это она вынесла комиссара с поля боя, позвав кого-то в помощь, уже успела перебинтовать ногу и теперь командует тихо и властно: «Не разговаривать, иначе мы с вами поссоримся. Поедем в госпиталь». Возмущенный этим заявлением, военком пытается встать, но сильная маленькая рука укладывает его снова: «Лежать».

«Те, кто знает Рузю Черняк,— пишет Поздняков,— а мне кажется, я немножко знаю ее,— обычно с нею не спорят. И я подчиняюсь, покорно жду прихода врача.

В сущности говоря, Рузя — добрейшей души существо. Девятнадцатилетняя Рузя обладает редкостным умением жить для дру-

гих. Среди молодых коммунистов дивизии она ярко выделяется и недюжинными знаниями, и широким кругозором, и какой-то особенной твердой уверенностью в мыслях и поступках».

Разные факты из Рузиной жизни приходили ко мне отнюдь не в хронологическом порядке. То год двадцатый, Темир-Хан-Шура, конференция женщин-горянок, то год семнадцатый, Москва, Боевой партийный центр...

А вот всплыла весточка из года девятнадцатого — анкета, заполненная Рузиной рукой 2 июня, перед тем как отправилась на Южный фронт — «в распоряжение политотдела 10-й армии, в Котельниково через Царицын», так обозначено в ее удостоверении. Что может рассказать анкета? Официальные вопросы, предполагающие короткие, сдержанные ответы, без эмоций. Но Рузя не была бы Рузей... «Имеете ли ранения, физические недостатки, каково состояние вашего здоровья?» — «Прекрасное». В этом кратком слове нетерпение рвущегося на фронт человека. «Какую должность занимаю в настоящее время?» — «Член президиума Московского комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи». «Считаю ли ее подходящей для себя?» — «Да». «К какой работе чувствую наибольшую склонность?» — «К организационной». «Какая организация откомандировала на фронт?» — «Московский комитет РКП(б)». «Адрес семьи?» — «Мыльников переулок, дом 12, квартира...» До свидания, мама!..

Выстраивая по порядку Рузины дни, ловила себя на том, что, если бы мое знакомство с ней началось «от печки», от дня рождения, и последовательно развивалось, скажем, до семнадцатилетия, когда еще плечи не успели узнать комиссарской кожанки, все равно, приостановившись на этом рубеже ее жизни, можно было бы точно предсказать комиссара Черняк, предсказать ее в бою. Есть характеры, в которых нельзя ошибиться: столько в них искренности, надежности. Я бы увидела Рузю на войне именно такой, какой видели ее бойцы. В одном из боев в октябре девятнадцатого. Неприятель прорвал фронт. Его конница клином врезалась в расположение 38-й дивизии на стыке двух бригад. Фланг одной из них под сильным натиском дрогнул, обратился в беспорядочное бегство... Рузя появилась в самый критический момент прорыва. Как на крыльях летела она во главе горсточки храбрецов прямо навстречу бегущим: «Кто такие? А ну — за мной!» И вмиг осмелевшая пехота повернула и покатила следом за ней на мчащийся конный строй, сломала его, закрыла прорыв...

Что же за храбрецы неслись вместе с Рузей в центр сражения? Работники политотдела, хозяйственных команд, которых подняла она по тревоге, услышав о прорыве.

«...Много на ее счету было подвигов, во многих сражениях мне довелось ее видеть,— это снова Поздняков вспоминает,— и всегда

из огня ей удавалось выходить невредимой. Смелость и отвага выручали ее. Да, любимая бойцами, наша Рузя была подлинным героем гражданской войны».

Значит, в тот жаркий день в Азербайджане ничего особенного не произошло: просто ей, как всегда, не изменили смелость и отвага. А ведь не вызовись она ехать к мятежникам — не потеряла бы уважения в глазах других. Такое сподручней мужчине. Но вряд ли Рузя позволяла себе подобные скидки. При чем тут деление на слабый и сильный пол? Людей, стрелявших вчера в ее товарищей, можно разоружить словом. А это ее комиссарский долг.

Вот Розалия Самойловна Землячка не верила, что нельзя не убедить массы. Разговоры с убежденными или ослепленными одиночками могут ни к чему не привести, а с массой... Она считала: необходимо разъяснять, чего бы это ни стоило. И Рузя так считала.

Нужно было в августе восемнадцатого перебросить на восток часть сил: мятеж чехословацкого корпуса приобретал угрожающие размеры, и Землячка прибыла в Оршу с группой московских коммунистов, чтобы не дать левым эсерам сорвать переброску. Некоторые полки находились под их сильным влиянием, и они подстрекали командиров и солдат сорвать Брестский мир, перейти, нарушить установленную границу, что грозило республике новыми осложнениями.

Один из полков наотрез отказался явиться в Оршу и двигался в сторону демаркационной линии. Полку был объявлен ультиматум: если он не явится в 24 часа, то будет стерт с лица земли.

Отпущенное время истекло. Розалия Самойловна убеждала повременить с крутой мерой, дать ей последнюю возможность поговорить с полком, последнюю попытку.

Она отправилась без охраны. Приехав в полк, потребовала от командира немедленно собрать красноармейцев. Они стояли на деревенской улице, хмурые, враждебно настроенные, среди них были крестьяне, видно, эсеровского толка, у богатой избы как материализованный символ настроя — два кулака с вилами в руках. Она говорила. Почти час.

Наутро на улицах Орши гремели медные трубы. Полк явился в полном порядке, с оркестром, в боевом настроении.

Так что у Рузи, едущей к мятежникам, немало оснований верить в успех рискованного предприятия. Правда, народ неизвестный — не ярославские, не архангельские, не вологодские мужики. Их она хорошо узнала в осенних раскисших окопах под Котласом. На Северном фронте она была с Землячкой в группе молодых агитаторов. Розалия Самойловна очень полюбила тогда своих помощников, эту «славную», «свежую» «публику», молодых петроградских и московских рабочих, рвущихся на тяжелую опасную работу. А под Котласом было очень тяжко.

Агитаторы шли к отступавшим красноармейцам. Видя, как они вымотаны, измучены, говорили о положении в стране, на фронтах, о замыслах Антанты, которая никак не может смириться с самим существованием государства рабочих и крестьян. К агитаторам прислушивались, всегда оживлялись при слове «земля», переспрашивая, все ли именно так, как в декрете. Значит, пользование бесплатное и долги старые отменены? Все так, но сейчас надо это защитить.

Отступавший Вологодский полк вернулся на свои позиции.

...Проводник перед Рузей покачивается в седле. Он спокоен, невозмутим. Он выполнил то, зачем его посылали. И никто не посмеет упрекнуть, что плохо, мол, выполнил — женщину привез. Не от него это зависело. Не выбирал. Кого дали — с тем вернулся. Справится ли она теперь со своей миссией? Донесет ли ее слова переводчик? Она скажет людям, которые будут перед ней, как больно смотреть на нищету их селений, на их измученных жен, на ребятишек со вспученными животами. Кругом — голод, горе. Мусаватистскому националистическому правительству помещиков и буржуазии никакого дела не было до нужд и страданий народа, оно продавало Азербайджан то туркам, то англичанам... Она спросит их: за что же вы боретесь? За свободу? Свобода у вас уже есть. Азербайджан — свободная суверенная республика. За землю? Земля теперь — ваша. Идите, обрабатывайте ее, кормите детей.

Сколько раз потом придется Рузе искать путь к сердцу людей, которые говорят совсем на другом языке! Но она не ведает о том, что случится сегодня, доживет ли до завтра. Это мы можем забежать вперед — в любой из ее дней. Можем заглянуть, например, из жаркого лета в глубокую осень того же двадцатого года. Что увидим? Снова — горы. Но не такие, как в Азербайджане. Куда как неприступней.

Это — Дагестан. Шумят реки в глубоких ущельях. Малейший дождь, и ручьи превращаются в бешеные потоки, сносят мосты. Перевалы трудны даже для вьючного движения, а бойцы тянут в горы артиллерию, веревками удерживают срывающиеся со скал пушки. В горах — банды Нажмутдина Гоцинского, имама, богатого землевладельца, пытавшегося еще в семнадцатом году создать на территории горцев Северного Кавказа имамат — шариатскую монархию под покровительством Турции. Теперь его отряды при поддержке меньшевистской Грузии вторглись на советскую территорию. К ним присоединились кулаки, муллы и те неграмотные, забитые горцы, которые были под влиянием реакционного мусульманского духовенства. Антисоветский мятеж охватил несколько районов...

Глубокая осень, зима, беспрерывные бои. Таких испытаний, пожалуй, еще не выпадало бойцам 32-й дивизии. У всех разбита обувь — никакие сапоги не выдерживают горных дорог, по ним непривычному человеку и налегке передвигаться трудно, а с пушками...

Но без артиллерии не снять осады с крепостей Хунзах и Гуниб, не взять крепости Ботлих. Даже сыновей гор, безудержно смелых красных партизан, удивляют и восхищают красноармейцы.

Поднимать боевой дух — это наипервейшая задача комиссара. И есть только одна возможность выполнить ее в тяжелой обстановке — личный пример. Это лучше других знает Рузя Тодорская, исполняющая обязанности заместителя начальника политотдела дивизии, опытнейший политработник. Опытнейший? В двадцать-то лет?

В гражданскую молодости не удивлялись. Ведь и начдиву Александру Тодорскому, командующему Дагестанской группой войск, было всего двадцать шесть.

В первой мировой войне проявил себя как талантливый офицер. После февраля 1917 года избран председателем полкового комитета. Октябрьскую революцию принял без колебаний. Вернувшись в родной Весьегонск Тверской губернии, работал в уездном исполкоме, редактировал газету. Талантливый человек. К первой годовщине Советской власти большевику Тодорскому было поручено написать отчет о деятельности уездного исполкома — он написал... книгу «Год с винтовкой и плугом». «Из нее надо извлечь серьезнейшие уроки по самым важным вопросам социалистического строительства, превосходно поясненные живыми примерами», — так отозвался о книге Владимир Ильич Ленин.

Разбив контрреволюционные отряды, напишет Александр Тодорский следующую свою работу: «Красная Армия в горах. Действия в Дагестане». Это монография военного специалиста, но в ней излагается не только тактика боев, операций. Автор выступает прежде всего как коммунист, как интернационалист.

Красная Армия пришла горцам на помощь в их трудной, долгой борьбе с контрреволюцией, и они должны почувствовать в ней надежного друга. Военачальник рассказывает о воспитании в красноармейцах уважения к народам Дагестана, их обычаям, нравам. О работе среди местного населения. А ведь это все — важнейшие политотдельские заботы. И, заглянув в дагестанские дни комиссара Рузи Тодорской, мы увидим ее в ауле, в нищей сакле рядом с женщинами и детьми, на митинге и на собрании местных жителей, на заседании областного комитета партии и на конференции женщин-горянок.

Она организует неделю красного пахаря — и красноармейцы вместе с крестьянами обрабатывают каменистые клочки земли. Объявляется неделя ребенка — и недельный заработок отчисляется дагестанским детям, а еще — по полфунта хлеба от ежедневного рациона каждого и весь недельный сахар. Делились последним.

Никаких проступков, хоть как-то порочащих мораль Красной Армии, не спускает Тодорская. Только что узнала: два бойца при

отправке их части из Баку в Петровск-Порт накупили яблок и втридорога продали местным жителям. Разыскать их и вызвать немедленно!

И еще один из Рузиных дней. Видимо, очень трудный для нее, хотя не свистят пули и ничто не угрожает жизни. Партячейка политотдела дивизии ставит вопрос о случае грубости Тодорской. Самовольно перенесла время собрания, не выслушав возражений, оборвала товарища: «Молчать!» Да, не сдержалась. Наверное, дают о себе знать накопившаяся усталость, постоянное напряжение. Но правы коммунисты: «Во имя партийной дисциплины тов. Тодорской взять себя «в руки» для восстановления товарищеских отношений». Она согласна с ними: происшедшее недопустимо. Не оправдаешь его пошатнувшимся здоровьем. Никому не объяснишь, что ждешь ребенка...

Уже 1921 год. Весна. Март. Рузя вернулась из Москвы, с X съезда партии. Делится с товарищами своими впечатлениями. Издалека ей и всем казалось, там, где не стреляют, жизнь почти наладилась. На съезде ясно открылось, как и чем живет вся Россия. Трудно, тяжело в стране. Не скоро придется отдыхать.

Как многих бойцов гражданской, Рузю ждут учебники. Она станет студенткой Московского высшего технического училища. Трудный вуз, и должности после защиты диплома не легче: заводской мастер, заместитель начальника цеха, ведущий инженер. Ей поручат возглавить техническое бюро по проектированию и строительству химического комбината... Так что в 37-летней жизни Рузи Иосифовны Черняк-Тодорской вообще не будет периодов, которые принято называть передышкой. Но это все потом, а пока...

...Конь несет ее в контрреволюционный отряд. Товарищей в штабе не оставляет тревога: как все обойдется? В жестокости бандиты преуспевают... И предполагать никто не мог, насколько ошеломит мятежников ее появление. Девушка?! На коне?! В красноармейской гимнастерке?! Одна, без охраны?! Что же скажешь, отважная?

Никто из Рузиных товарищей не видел ее в логове бандитов. Никто не слышал, что она сказала. И нам не оставлено свидетельств. Но доподлинно: говорила она так, что убедила своих слушателей. Это был подвиг. Один из ее подвигов. За него она была представлена к награде.

Евгений
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Заложив руки за спину, туго обтянутую плотной, зеленой гимнастеркой, член Реввоенсовета 9-й армии решительный товарищ Полуян стремительно расхаживал по своему кабинету, цепляясь шпорами за неровности дощатого, давно не крашенного пола, за стертую домотканную дорожку, разостланную от двери до письменного стола, на котором горой лежали карты, оперативные сводки, картонные папки с цветными тесемчатыми завязками, серпантины телеграфных лент. Споткнувшись, Полуян взглядывал себе под ноги, привычным жестом — двумя руками поправлял широкий ремень, собирал все складочки за спину и продолжал движение, в котором Дмитрий Фурманов сразу же заметил одну характерную закономерность: Ян Васильевич, старый знакомец, двигался от стола к окну, выглядывал во двор, где происходило что-то весьма важное, привставал на цыпочки, затем поворачивался налево кругом, по-казачьи отмахивал правой рукой,— это у него само собой получалось, он уж и не замечал как,— затем через два шага оказывался над молчащим полевым телефонным аппаратом, который явно должен был вот-вот зазвонить, но почему-то не звонил. Член Реввоенсовета взирал на него с ненавистью и так, будто телефон — существо одушевленное, его следует поторопить: «Смотри у меня! Не балуй! Давай, звони!» Он не мог ни минуты усидеть на месте, должен был сразу делать множество неотложных дел. Как Чапаев. Это роднит их с Василием Ивановичем, подумал Фурманов, устало опустив руки на колени.

— Слушай,— обратился к нему Полуян,— мы тебе должность подыскали, так что ты, Митяй, вовремя поспел. Я тебя вчера как раз ждал. В общем и целом есть для тебя подходящая работа. По твоей специальности.

— Это как понимать?

— Согласно моего предположения...

— Согласно моему. Дательный падеж,— поправил вновь прибывший.

Полуян остановился, вскинул голову:

— Один шут! Моего, моему... Нас грамоте на медные гроши учили. Слушай дальше.

Зазвонил телефон. Резко, хрипло. Полуян сорвал трубку:

— Алло! Я у аппарата, так точно. Слушаю тебя. Чего говоришь? Три парохода, говоришь? Готовы и ждут. И еще четыре баржи? Знатно! Думаю, хватит в общем и целом. В Славянской место погрузки оцепить! И чтоб у меня, Епифан, друг дорогой, ни одна живая душа про то, о чем мы гутарим, не знала! Чтоб тихо, тихо, тихо... Полная, мраком, понял, Епифан, покрытая тайна.— Член Реввоенсовета весело усмехнулся: — Да, у меня сидит. Вояка он, вояка, не волнуйся. Будем сейчас сватать. Кто не согласится? Наше дело красноармейское. Сейчас приказ заготовим.

Сидевший в потертом кожаном кресле Фурманов заволновался. Было ясно, речь идет о нем, какая-то готовится для него новая должность и сейчас его будут «сватать», а он будет не соглашаться, потому-то лукавый Полуян и ввернул вроде бы просто так, к слову, что дело наше красноармейское, чтоб сразу без вступления развернуть главный тезис: «Чем сильна армия? Армия сильна дисциплиной! Вот так. Возражения по данному тезису имеются? Нет возражений. Значит, действуй!»

Дмитрий Фурманов прибыл в Екатеринодар, где размещался Реввоенсовет 9-й армии, из Ташкента. Там состоялась у него встреча с Михаилом Васильевичем Фрунзе, которого он не без труда, но убедил-таки в необходимости своего скорейшего перевода на Кавказ, в места, хорошо знакомые по боевым действиям пятнадцатого года. Он мечтал работать в печати, в большой газете, в издательстве. И театр его прельщал, соблазняя непонятными своими законами, светом рампы, запахом кулис, непроходящим восторгом. Он вел дневник. И накануне приезда в Екатеринодар записал торопливо: «Желательно поработать на поприще литературном... Все мне советуют обратить побольше внимания на свой литературный дар и принять все меры к его развитию и выявлению вовне. Да и сам так думаю. Теперь я поглощен обдумыванием месяц тому назад задуманной пьесы под названием «Коммунисты». Общие контуры мне уже ясны, герои налицо, направление и смысл продуманы, внешнюю декоративную сторону также представляю: в форму надо влить содержание. К этому еще не приступил. Итак, я должен работать в области творчества, об этом думаю последнее время...»

Молодого человека Полуян называл Митяем. Митяй и Митяй. Он был студентом Московского университета, потом — санитаром на Турецком фронте — вот откуда знал Кавказ! — писал стихи, работал преподавателем на фабричных курсах в дымном Иваново-Вознесенске, его избрали секретарем губкома РКП(б), он воевал комиссаром 25-й дивизии, затем — заведующий политотделом Туркестанского фронта, ликвидировал мятеж в городе Верном (теперь Алма-Ата), и было ему двадцать восемь лет.

Двадцать восемь — это так много, ему казалось. Он понимал, что находится на том рубеже, после которого стать профессиональным литератором невозможно. Еще чуть-чуть, и ему придется отказаться от своей мечты. До тридцати, за два оставшихся года, он должен написать что-то значительное, у него есть жизненный опыт, он видел — что видел? — он был участником великих социальных потрясений.

Визг шрапнели. Кровь, наполненный стонами полумрак санитарного поезда, начдив Чапаев в черной развевающейся бурке впереди наступающих цепей — все это он должен был запечатлеть на бумаге, сделать литературным фактом, свидетельством большого искусства, и в мечтах видел он себя в светлой комнате за письменным столом, перед ним — стопка чистых листов, чернильница и перо. Больше ничего не надо! Он должен писать. Он и Фрунзе сказал, что другой работы для себя не представляет, кроме литературной. Разве он на легкое поприще торопится? Фрунзе понял. Но не сразу. Посокрушался: «Очень уж мне тебя отпускать не хочется...» И вот они вместе с женой Наей из Туркестана едут на Кубань, в Екатеринодар, откуда до Кавказа рукой подать, но в Екатеринодаре с вокзала он идет в Реввоенсовет к старому знакомцу решительному товарищу Полуяну, чтоб узнать новости, и среди тех новостей окажется и та, которая неожиданно сломает все его планы.

Август 1920 года. Жара. Пыль. Душный ветер гонит по булыжной мостовой жухлый мусор. Часовой на крыльце переминается с ноги на ногу. Подъезжает жаркий, пыльный автомобиль, и адъютант командарма Левандовского, придерживая шашку с красным темляком, взбегает на крыльцо. Часовой торопливо берет на караул.

Полуян вытягивает шею, смотрит вниз. На душе у члена Военного совета тревожно. Да и как иначе? Несколько дней назад из Крыма барон Врангель высадил на Кубань несколько своих полков, а может, даже отборную дивизию с пулеметами, с артиллерией под командованием боевого генерала Улагая, известного головореза, от которого всякого можно ожидать.

— Он сейчас по нашим тылам пойдет,— объяснил Полуян.— Вырубать будет гарнизоны, коммунистов вешать, свою власть ставить вместо Советской. Стратегическая его задача, понимай, нацелена на то, чтоб против нас Кубань, казачество поднять. По нашим разведданным, они имеют несколько уже готовых бригадных и дивизионных штабов, все офицеры от начдива до эскадронного, считай, подобраны. Объявляй мобилизацию, бери личный состав и пошел. Марш, марш! Так-то, Митяй.

— Я ваших местных условий не знаю,— сказал Фурманов уклончиво.— Двадцатый год не восемнадцатый.

— Верно говоришь, не восемнадцатый, но есть недовольные. Зажиточным казакам не нравится продовольственная разверстка

и то, что мы запретили вольную торговлю и бессовестную эксплуатацию батраков. О старых своих вольностях тоскуют, о казачьих привилегиях. У них оружие по куреням запрятано, я их, мурзиков, знаю, искры одной хватит, поверят в силу Улагая и поднимутся. Большие неприятности могут выйти.

— Так какое решение принято? Что делать собираетесь?

— Решение... К карте подойди. Они от нас в каких-нибудь сорока верстах, сейчас мы все силы наличные подняли. Улагай как высадился и сразу, почти не встречая настоящего сопротивления, свободно пошел вперед, развивая успех. Голова у него варит. Хитрый генерал. Сейчас они от нас, считай, на расстоянии одного перехода, поднатужатся и здесь вечером будут.

Полуян не сгущал красок. Накануне в Екатеринодаре подняли по тревоге все наличные силы. Выставили шесть тысяч рабочих-добровольцев. Уже на ближних подступах рылись окопы и пулеметные гнезда. А кое-где богатые казаки сбивались в конные банды, наскакивали на тыловые части Красной Армии, устраивали крушения на железной дороге, рвали связь, а совсем недавно троих уполномоченных в станице взяли, те из города приехали по продовольственным делам: «Граждане станичники, рабочие города ждут от вас...» Так им животы вспороли, зерном набили, сложили рядком на телегу и пустили по дороге, а на телеге — транспарант, безграмотный прочтет, кровью буквы выведены: «Всех порешим, красная сволочь!»

— Что от меня требуется? — спросил Фурманов, вставая.

— Помимо всех срочных мер решили мы послать в тыл Улагая красный десант, это значит по рекам Кубани и Протоке верст на сто пятьдесят к станице Ново-Нижестеблиевской. Там как раз улагаевский штаб, а посему имеешь шанс генерала живьем в плен взять. Утречком он сны досматривает, а вы на него обрушитесь как снег на голову. В приказе значится основной вашей задачей — нанесение неприятелю внезапного стремительного удара в тылу. Надо вырвать у него инициативу наступления, произвести панику, разрушить его планы. Это и будет твой последний и решительный, если все как надо спроворишь, а там — иди в газету.

Командовать красным десантом поручалось герою гражданской войны, начальнику гарнизона Екатеринодара, бывшему командующему знаменитой Таманской армией Епифану Иовичу Ковтюху. Это с ним разговаривал Полуян по телефону и называл запросто Епифаном.

Полторы тысячи штыков и сабель, 15 пулеметов, 4 артиллерийских орудия — вот и все, что имелось в распоряжении Ковтюха. Не много, но и не мало. Успех всей операции зависел главным образом от внезапности удара.

— Конечно, риск большой,— рассуждал Полуян, расхаживая по

кабинету,— в случае неудачи прижмет он вас к реке, отступать будет некуда, так что победа или смерть: кругом неприятельские части. Зато, ежели выпадет вам успех, то возьмете зверя в логове.

— Понимаю. Задумано богато.

— Вот и хорошо, что понимаешь. А теперь давай иди, получай предписание комиссаром к Ковтюху. Вовремя приехал, мы тебя с большим нетерпением ждали. И запомни, Ковтюх командир сурьезный.

Епифан Ковтюх был не просто строгим командиром. Герой гражданской войны, широко известный в Красной Армии, он относился к своей заслуженной боевой славе так, будто она к нему лично никакого отношения не имела. Ковтюх готов был слушать о Ковтюхе, строго насупив кустистые брови, и делать выводы, будто тот, знаменитый Ковтюх, это совсем не он, а другой человек, у которого должно учиться, перенимать опыт борьбы. Подражать. Перенимать успех. Он и сам считал, что внешне на героя мало похож.

Он был строг, требовал неукоснительного соблюдения революционной дисциплины, хвалил редко, а представлял к наградам еще реже. От своего имени он объявлял благодарность действительно отличившимся бойцам, знатным рубакам. А когда хотел подчеркнуть заслуги красного воина, то благодарил от лица трудового народа. Но такое случалось крайне редко. Вот к этому командиру и было приказано вновь прибывшему товарищу идти комиссаром.

— Слушаюсь,— сказал он.— Наше дело красноармейское.

— Давай, Митяй, двигай,— Полуян дружески хлопнул его по плечу.— Желаю победы.

Далее события развивались стремительно, без задержек, как очередь из хорошего пулемета. Фурманов получил предписание, из которого следовало, что «с получением сего приказываю вам явиться в распоряжение начальника гарнизона и отправиться в тыл противника комиссаром десанта». Он сложил вчетверо белый бумажный листок с прыгающими строчками, напечатанными на разбитом штабном «ундервуде», сунул в нагрудный карман. Осуществление заветной мечты снова отодвигалось куда-то далеко, переносилось на неясный срок. «В добрый час, товарищ Фурманов»,— напутствовали его в Реввоенсовете. Все точно. Молодого человека звали Дмитрий Андреевич Фурманов. Это был он, будущий автор «Чапаева» и «Мятежа».

На штабном автомобиле шофер-красноармеец в черной кожаной фуражке доставил их с женой и двумя товарищами, которым оказалось по пути, на берег Кубани. Туда, где дымили три парохода. Стояли, привалившись к дощатой пристани, пропахшей смолеными канатами, солеными арбузами, рыбой, дегтем и еще чем-то неуловимым, но обязательным, чем непременно пахнут все пристани от

Оки и Клязьмы до реки Белой, где они с Чапаевым отбирали у Колчака город Уфу. Горячие выдались тогда деньки.

Все три парохода — «Илья Пророк», «Благодетель», «Гайдамак» — старые, потрепанные, с проржавелыми, мятыми бортами выглядели неказисто. Не было в них внушающей доверие силы. Три ржавых корыта дымили у берега; из черных, промасленных труб лениво валил клочьями сизый антрацитовый дым. По широким сходням, перекинутым с пристани, шла торопливая погрузка. Грузили артиллерию — красноармейцы вкатывали на борт две полковые пушки, осторожно переносили снарядные ящики, из рук в руки перекидывали караваи хлеба. Рядом сводили в трюм лошадей, и одна норовистая молодая кобылка приседала на задние ноги, мотала мордой, не хотела идти. Ее пытались впихнуть. Ругань висела над пристанью, шум голосов, грохот орудийных кованых колес, цоканье копыт, тут же торговали на пристани мальчишки — продавцы папирос крутились под ногами, конское ржанье, отрывистые команды, советы со всех сторон:

— Тащи ее!

— Не хотит идтить, контра!

— Табачок, табачок, кааму табачок?!

— Арбуз сахарный рассыпчатый, вкусней не бывает...

— Товарищи! Товарищи, не задерживайте погрузку!

Сверху, на песчаном откосе, зеваки, смотрят любопытными глазами, рассуждают, куда это красные собрались, не иначе далекий лежит путь.

На пристани командовал адъютант Ковтюха Яков Гладких в лихо заломленной командирской фуражке с красной звездой, на боку — маузер в деревянной кобуре, полевая сумка бьет по бедру, речной ветер треплет малиновые бриджи и тяжелая драгунская шашка в ножнах, окованных горящей на солнце медью, цепляется за сапог. Лихой кавалерийский командир.

Фурманов поспешил к нему, и, когда взмокший адъютант в очередной раз завернул в бога, в душу, святителей начал вспоминать, комиссар сказал:

— Ругаетесь вы, товарищ командир, отчаянно.

Гладких обернулся, окинул Фурманова рассеянным взглядом:

— А вы, собственно, кто таков? Как сюда попали?— И за маузер рукой.— Кто вас пропустил в расположение воинской части?

— Я назначен в ваш отряд комиссаром. Вот мое предписание. А медсестра на берегу, видите женщину с санитарной сумкой, спешит сюда, это моя жена.

Гладких смутился, взял руки по швам. Нескладно знакомство начиналось.

— Извините, товарищ комиссар.

— Будьте добры, покажите местечко, куда бы нам свои вещички скинуть, а я помогу грузить лошадей. У меня в этой работе некоторый опыт имеется.— Фурманов усмехнулся.— В кавалерии служил.

Ковтюха во время погрузки на пристани не было. Он находился в штабе 9-й армии, получал последние указания от командира Левандовского.

Первые огни зажигались на берегу, на реке; туман стлался по воде, далеко, за версту, слышались чьи-то голоса, под дощатый настил тяжело плюхала волна, скрипели уключины. И только два любопытных паренька смотрели с откоса вниз, ждали, когда загудят пароходы и тронутся в неблизкий путь.

До возвращения Ковтюха Фурманов с погрузкой закончил. Он взял руководство этим суетливым делом на себя, да так оно, пожалуй, само собой получилось. Командиры подходили, знакомились с комиссаром, и у каждого были свои вопросы, свои трудности, которые надо было решать на месте и незамедлительно.

Погрузили все, кроме медикаментов, их обещали подвезти и все никак не подвозили и не подвозили.

Весь десант находился в трюмах, в каютах и на палубах, дымились походные кухни, личный состав вот-вот должен был приступать к вечернему приему пищи, а по-граждански говоря, к ужину. Фурманов собрал всех коммунистов на короткую беседу. Ему познакомиться нужно было с людьми, с которыми он шел в бой, а времени на обстоятельную беседу почти не было.

— Товарищи коммунисты,— сказал он,— все знают важность задачи, которая поставлена перед нами, так что много говорить я не стану. Прошу вас довести эту важность до каждого бойца. О всех настроениях, сомнениях, возникающих трудностях говорите мне. Ночь за полночь, у нас такое правило было в 25-й дивизии, и оно себя оправдало, иди к комиссару! Какие вопросы есть?

Вопросов не было.

Ковтюх приехал к вечеру. Уже темнело. Он поднялся на палубу, за руку поздоровался с Фурмановым. Их глаза встретились. «Ну что, комиссар? — молча вопрошал Ковтюх.— Вместе будем воевать? Не подведешь?» — «Не подведу»,— так же взглядом ответил Фурманов.

Ковтюх знал Фурманова, но нельзя сказать, что коротко. Он гораздо больше был про него наслышан: комиссар Чапаевской дивизии вызывал острое любопытство.

Слава красного командира Епифана Ковтюха к тому времени облетела уже все фронты. И Фурманов тоже много слышал о нем, но не предполагал, что когда-нибудь придется им воевать вместе. Это было почетно, но и трудно. При командире с таким боевым авторитетом комиссар запросто мог потеряться, не завоевать у бойцов доверия и уважения. Оказаться в тени.

Крестьянский сын из села Батурино Херсонской губернии Епифан Ковтюх прошел всю империалистическую, был стрелком, был пулеметчиком и такое на своем пулемете вытворял, что в траншеях легенды про него рассказывали. Он из своего «максима» запросто расписывался, то есть роспись на мишень клал — Ковтюхъ. По заказу семь букв одна к одной, на конце твердый знак. За храбрость послали его в школу прапорщиков, он ее закончил, стал офицером, но батрацкого сына не очень жаловали в благородных собраниях. Для всех этих господ он оставался серой окопной скотиной. Над ним посмеивались не всегда добродушно, и господин полковник Сметанников, полковой командир, брезгливо поджимал губы, сидя с ним рядом за одним столом. Фурманов видел таких прапорщиков из солдат и таких полковников. Человеческий материал гражданской войны он хорошо знал, и это помогало ему в его комиссарской работе, сближало его с людьми, позволяло надеяться на откровенность и доверие.

Он считал свою комиссарскую должность ступенькой к писательской работе, тем фундаментом, который позволит ему найти своего читателя. Обо всем, что видел на дорогах гражданской, надо было написать. О Чапаеве, о Фрунзе, о большевиках фабричного Иванова, о боях под Уфой и в жарком Туркестане... О Ковтюхе он бы тоже написал. О герое прапорщике Ковтюхе и брезгливом полковнике Сметанникове. Там не так просто все кончилось. Потом пути их перехлестнулись. В восемнадцатом году ходил по нашим тылам белый летучий отряд. Смертниками себя называли, потому, наверное, что пощады от них не было ни старому, ни малому. Каленым железом выжигали сочувствие к «товарищам большевикам», села, деревни жгли и трупы — такая мера наказания была — в колодцы сбрасывали. И не словить их было, ни взять, пока не поручили дело самому Ковтюху. Трое суток шел он чуть в стороне, хоронясь, чтобы наверняка настичь. И вот настиг. И штаб взял во главе с командиром. Полковник Сметанников, старый сослуживец в то утро из себя аристократа не корчил.

Епифан Ковтюх бил их высокородие по морде, душу хотел вытрясти, сказал: «Беги. Не буду тебя рукой кончать. Как ты был солдатом, то от пули твоя смерть». И полковник побежал по рыжей стерне к жидкому лесочку. Жить хотел. Бежал, оглядывался, голову прятал. Адъютант вынул маузер. Выстрелил. «Эх,— сказал,— незадача: сапоги надо было снять».

Обо всем этом хотел написать комиссар Фурманов, но позже, когда покончено будет с Улагаем, а сейчас тысячи разных дел заставляли его переходить с парохода на пароход, спускаться в трюмы, смотреть, проверять, как уложены грузы, не забыто ли чего, в каком порядке будет идти выгрузка, так ли все: а то погрузят, а там хоть трава не расти,— как выгружать?

Медикаментов не подвезли. Пришлось звонить в санупр армии, но там толком ничего ответить не могли, тогда Фурманов связался с самим Полуяном.

— Уже воюешь? Молодец! — похвалил решительный товарищ Полуян.

— Не воюю и не могу воевать: нет никаких медикаментов. Ни ваты, ни бинтов, ни йода даже.

— Хорошо, хорошо... Сейчас все выясню.

— Ян Васильевич, сам должен понимать, нельзя же так. Бойцы видят, что в случае ранения, даже самого незначительного, они беспомощны. И это накануне боя.

— Ты мне военную тайну не разглашай! — попробовал отшутиться член Реввоенсовета, но комиссар Фурманов твердо стоял на своем:

— Ян Васильевич, боец заботу о себе должен чувствовать. Нельзя, чтоб так нас отправляли безо всякого медицинского обеспечения.

— Не волнуйся, постараюсь уладить,— пообещал Полуян, и голос его дрогнул.— Но знаешь, если откровенно, туго у нас с медициной.

Затем пришлось поспорить с артиллеристами, доказывать им, что пушки надо выставить на палубе так, чтоб в случае чего можно было дать залп прямо с реки.

— Так-то оно так,— раздумчиво говорил пожилой артиллерист,— однако откат орудия нужно учитывать, прочность палубы, то-се, а времени, однако, нет. Вон оно сколько на палубе вещей, помнем.

— Да ладно с ними, с вещами! Ежели стрелять придется, то уж не до вещей будет. А потом, что за вещи, в другое место их можно переложить. Чье это хозяйство?

— Связистов.

— Начальника связи ко мне! — приказал Фурманов.

Затем беседовал комиссар с начпродом, чтоб во время пути кормил бойцов горячим и хлеб был свежим.

— Все кухни чтоб были в работе!

Хитрый начпрод сослался было на то, что от дыма полковых походных кухонь будет всему каравану неприятность.

— Демаскируем свой подход в точку назначения, товарищ комиссар.

— А то, что пароходы дымят, это разве не демаскировка? Добавьте своего дыма, не страшно.

— У нас дым пахучий, знаете, как по реке запах красноармейского борща разносится?

— Знаю! — отрезал Фурманов.— Выполняйте ваши обязанности.

Епифан Ковтюх был настоящим солдатом, это про таких сказано — дымом греется, шилом бреется, храбрости и смекалки было ему не занимать. Вилку, ложку — это он не знал, пожалуй, как надобно держать по всем правилам этикета, но имелись другие инструменты, с которыми было ему легче. Пулеметы всех систем — Мадсена, Шоша, Гочкиса, Виккерса, Браунинга, винтовки и карабины — пехотные, драгунские, казачьи... Чего он только не держал в своих заскорузлых руках! К семнадцатому году Ковтюх уже штабс-капитан, грудь в крестах, Владимирский темляк на шашке. Солдаты его крепко уважали. После Февральской революции избрали в полковой комитет. После Октября он командовал ротой, был заместителем командира красногвардейского отряда на Кубани, участвовал в боях с белогвардейцами на Северном Кавказе, а во время героического похода Таманской армии командовал 1-й колонной, шедшей в авангарде. Позже все события того похода легли в основу романа «Железный поток», где Александр Серафимович лепил с Епифана Иовича образ командарма Кожуха.

Красный командир Ковтюх участвовал в жарких боях под Царицыном, Тихорецкой, Туапсе, Сочи и вот в августе 1920 года возглавил десантную операцию против генерала Улагая, двигавшегося на Екатеринодар. Перед отходом Фурманова вызвали к командиру.

Широкоплечий, приземистый, с внимательными серыми глазами, Епифан Ковтюх говорил мало, предпочитал слушать. И когда слушал, все теребил и теребил пушистые усы. Он понимал, дело предстоит не шуточное: прежде всего следует скрытно подойти к Ново-Нижестеблиевской, к штабу Улагая. Высадку наметили на раннее утро, точнее, на рассвет. Главное — предусмотреть скрытность движения, кроме нескольких командиров, никто не должен знать маршрута. Наверняка разведка белых уже обратила внимание на то, что от Екатеринодара отходит караван — три парохода с войсками, но, куда они держат путь, никто из посторонних не имел права догадаться, иначе пиши пропало: Улагаю достаточно выкатить из станицы одну пушку, поставить на бережку и встретить красный десант картечью. Три, четыре хороших выстрела — и хватит.

— Товарищи командиры, еще раз прошу соблюдать дисциплину и революционный порядок,— говорил Ковтюх, зорко оглядывая присутствующих.— Чтоб у меня насчет того, куда идем, зачем, ни гу-гу. А теперь свободны, я над картой должен посидеть вдвоем с комиссаром. Комиссара прошу остаться.

Все вышли. Фурманов подошел к столу.

— Вот видишь на Протоке на правом бережку полянку? Смотри... Тут кустики расступаются, я красным карандашом означил, здесь и станем высаживаться. Пароходы к самому берегу подойдут. А сюда, гляди, батарею поставим, залп дадим по станице,

чтоб сразу накрыть. Маловато двух пушек, ну да ладно, на нет и суда нет.

Фурманов взял циркуль, измерил расстояние.

— В самый раз, но на пределе... Еще бы поближе...

«Вояка,— одобряюще засопел Ковтюх,— понимает, где артиллерию ставить. Научил его Чапаев». Сказал:

— Ближе грехи не позволяют. С этой позиции будем бить.

Через несколько минут подняли сходни, отдали концы, и три парохода без свистков, без громких команд тихо отвалили от пристани, отдуваясь белым паром, вышли на середину реки. Каждый пароход на буксире тащил баржу, и было в этом движении, по мнению комиссара Фурманова, что-то одновременно торжественное и жуткое: отряд уплывал в неприятельский тыл, где ждала победа или смерть. Третьего быть не могло. Так он напишет потом.

Фурманов вышел на палубу. Узкая полоска заката догорала за речным изгибом. Пожаром полыхал купол далекой колокольни, блеснуло стекло в окне совсем уже невидимом, и телеграфные столбы тянулись вдоль дороги на берегу и пропадали в разлившейся на полнеба темноте.

Вечер выдался тихий, гулкий. Голоса на реке далеко разносятся, потому отдали приказ соблюдать тишину, разговоры говорить и песни петь, сколько душе угодно, но вполголоса: кто его знает, где сейчас белые и не скачут ли уже по-над берегом, не крадутся, хоронясь в камышах, улагаевские дозоры.

Куда движется караван, красноармейцы не знали, но по быстроте сборов, по той явной важности, которая придавалась всей операции, о чем догадывался каждый, становилось ясно всем, что дело предстоит нешуточное. Да и бойцы в десант были набраны все добровольцы, партийцы, комсомольцы, рабочие, члены профессиональных союзов. Почти все — бывшие в боях, нюхавшие порох.

— Куда идем? На подмогу, небось? — спрашивали некоторые не столько для того, чтобы услышать ответ на свой вопрос, сколько для порядка, для разгона в душевном разговоре.

— Идем буржуев бить,— отвечали бывалые бойцы.

На палубах среди наваленных в груды пропотелых седел, штопаных мешков, солдатских тугих сумок, звонких арбузов сидели красноармейцы, ужинали. Некоторые, закончив с едой, спрятав тщательно облизанные ложки в сапог, вели неспешные мужские разговоры, обычные разговоры перед боем о солдатских заботах — о доме, о семье, об урожае в этот год и видах на мировую революцию, когда весь трудовой люд с красным знаменем подымется на своих угнетателей — фабрикантов да помещиков.

Совсем стемнело. Ковтюх с адъютантом вышли из каюты. Командир десанта решил пройтись по палубе, посмотреть, чем народ дышит, какие думки перед боем, какое настроение. Он шел, широко

раскидывая ноги в высоких хромовых сапогах, руки за спину. Гладких вышагивал рядом. Тут до них донесся голос Фурманова.

На корме сидели красноармейцы, покуривали в кулак, и комиссар что-то им рассказывал. «Политбеседу проводит»,— определил Ковтюх и срезал шаг, чтоб не помешать, не перебить «политику», дело перед боем важное: каждый боец должен знать, за что он дерется и, может, саму свою молодую жизнь кладет без остатка. Ковтюх остановился.

Теперь голос Фурманова слышался совсем ясно.

— И вот собрал он все свои деньги,— рассказывал комиссар,— и в третий раз пошел играть. Идет и про себя твердит: «Тройка, семерка, туз...»

Комиссар рассказывал красноармейцам пушкинскую «Пиковую даму».

Когда-то давно, много лет прошло, поручик Ковтюх, получив краткосрочный отпуск, оказался в губернском городе Эн. Какая разница, Тамбов это был или Ярославль. Главное, прямо с позиций он попал в райскую тишину, в эдемские кущи. Неделю спал без просыпа. В дворянской бане отпарился, банщику на чай — трешку, чтоб веником отстегал без жалости. И вот вечером, в новом мундире, режущем под мышками, в орденах, в ременном кожаном хрусте, в серебряном позванивании парадных шпор, явился на театр. Шинель швейцару скинул и тоже — трешку в лапу, знай наших.

Блеск золоченых лож его ослепил. Он увидел дам в мехах, в бриллиантах. Дамы тихо обмахивались веерами. Занавес еще не подняли, в оркестровой яме настраивали скрипки, альты, виолончели, и струнный этот сложный звук, сопровождающий начало театрального действа, на мгновение расслабил его. Он потом этого себе простить не мог! А было так: он в ложе увидел женщину редкой красоты, волосы ее, высоко поднятые на затылке, открывали тонкую шею, острые ослепительные камни горели в ушах. Он ее тонкий профиль запомнил. Она его взгляд почувствовала. Их глаза встретились.

Сердце поручика упало, как перед атакой. Он побледнел, его обветренные скулы означились резче. Она усмехнулась, и сидящий рядом с ней господин в черном фраке тоже взглянул на него и тоже усмехнулся. Снисходительно или даже брезгливо. Плебей, сын плебея, он кожей почувствовал эту брезгливость и потом казнил себя, мучился. «Что решил барином стать? Чужой ты им! Чужой! И никогда своим не станешь, даже ежели до генеральского чина дослужишься. Они в тебе мужика чуют... И пусть ты герой, только что приехавший с позиций, для всех этих дам и тыловых интендантов, поставщиков провианта и кожевенного товара ты, Епифан,— чужак, будто ты не за их счастье корчился в наскоро отрытом окопе под обстрелом германской тяжелой артиллерии и не ты на колючей про-

волоке свою горячую кровь проливал...» На всю жизнь врезалось в память: театр перед поднятием занавеса и рядом — бегущий полковник Сметанников. Он бежал, пригибаясь и оглядываясь, к дальнему лесу, синеющему за убранным полем. И ветер гнал колючую морось в лицо, и скрипки пели в ветвях над головой, и батарея рявкнула за холмом — музыка боя.

— Я так и знал, что проклятая ведьма помешает,— вздохнул один из красноармейцев.— Надо было этому, как его? Герману, товарищ комиссар, карты те три раза и перекрестить.

— Да,— усмехнулся другой,— выходит так, что и графы, и князья в очко резались.

— Это почему? — не понял Фурманов.

— А вот же! Тройка, семерка и туз. В самый раз, сложи, выходит двадцать одно.

Все засмеялись. Начали расходиться, укладывались спать, кто прямо на палубе, кто спускался в трюм.

Три парохода без огней двигались по узкой реке среди полей, болот, густых зарослей камыша. Берегов не видно. Изредка вспыхивали полуночными огнями редкие приречные станицы, лай собак доносится, запахи человеческого жилья. Тишь. Сонь. Только стрекочет моторная лодка, рыскающая туда-сюда перед караваном. У нее своя задача — проверить, не стоит ли на фарватере мина или фугас. Но пока особой тревоги нет: до станицы Славянской наши берега, сюда Улагай еще не дошел.

— Хорошо бы без стуку, без грюку,— рассуждает Ковтюх, наклонившись над картой, разостланной на столе в кают-компании.— Да только есть у меня сомнение, тревога лежит в сердце. Они эти места отлично очень знают, все тропиночки потаенные, все дорожки по кочкам да в обход трясин, то-то и оно, комиссар...

— Пока тихо. Стрельбы нет,— отвечает Фурманов.— Разреши, Епифан Иович, я на моторку переберусь, впереди каравана пойду и, если опасность или что подозрительное замечу, сразу дам знать.

— Не возражаю,— отвечает Ковтюх.— Действуй в добрый час.

У станицы через реку перекинут большой железнодорожный мост. Фурманов его первым увидел темной тенью среди ночи. Когда белые отступали и поняли, что положение их безнадежно, под мостовые опоры заложили взрывчатку. Мост рухнул многотонными клепаными пролетами, но самые крайние фермы каким-то чудом удержались, скособочились только. Утром под этими крайними фермами и следовало провести караван. Капитаны собрались на совет. Старые капитаны, усы седые вразлет, у каждого на груди часовая цепь и вместо брелоков — свисток, чтоб с мостика сигнал давать на корму и на бак. Задача непростая: река обмелела.

— Глубины нет,— говорили капитаны и разводили руками,— опасно шибко, а там, извините, как бог даст, граждане коммунисты.

— Чуть что, и за верхнее строение как раз задеть можно...
— Оно если бы землечерпалку, другой разговор.

Начали мерить глубину. Спустили шлюпки, и матросы, скинув шаровары и по колено закатав бязевые подштанники, лезли в воду с мерными цветными шестами, кричали хрипло: «Пойдет! Право держи!» — или совсем неутешительное: «Не пойдет! Эвон сколько песку нанеслось. Мель!» Работы хватило до самого вечера. Наконец тронулись помалу. У Славянской приняли с берега новых бойцов, кое-что из припасов добавили. Но медикаментов и здесь не нашлось. Ковтюх дал в штаб армии категорическую телеграмму, что безобразие кругом, саботаж в санупре, сидят там доктора старой школы, о бойце не думают.

Весь десант разделили на три эшелона. Во главе каждого поставили начальника на время пути. Вместе с Фурмановым Ковтюх провел инструктаж, по карте показывали, какой предстоит маршрут, какие возникнут ориентиры на берегу, какой принят порядок следования и что можно ждать со стороны белых, когда, где.

— Тут ведь в плавнях дивизию до поры можно спрятать, а потом шашки наголо и порубают нас всех за здорово живешь,— невесело вздохнул Ковтюх.

— Такой вариант от нас самих зависит. Во все глаза будем вести наблюдение, не порубают,— сказал Фурманов.

Едва стемнело, тихо, без гудков караван тронулся от Славянской. Взорванный мост остался за кормой. Теперь до передовых отрядов Улагая было рукой подать, потому весь день станица Славянская была оцеплена отрядом особого назначения: ни в станицу, ни, особенно, из станицы никого не пускали. Стояли кордоны по всем дорогам и тропинкам, пешего, конного встречали окриком: «Стой! Кто идет? Не велено пускать, вертай назад». Так что была надежда, что ко времени высадки Улагай никаких сведений о десанте, направляющемся в его тыл, не узнает.

— Тайна должна быть сохранена,— говорил Фурманов.— Это самое главное, Епифан Иович, но и дергать людей перед боем нельзя. Пусть отдыхают.

— Сохраним тайну, сохраним жизнь,— соглашался Ковтюх и все разглаживал, разглаживал усы. На душе командира было тревожно, и он этой тревоги не скрывал. Спросил только: — Скажи, комиссар, а Чапаев Василий Иванович перед сражением спокойного характера был человек?

— Когда как,— уклончиво отвечал комиссар.

От Славянской до Ново-Нижестеблиевской по Кубани и Протоке, если изгибы речные учитывать и повороты, набегает семьдесят верст. Так и посчитали по карте и скорость движения определили таким образом, чтоб на рассвете начать высадку.

— Одно меня беспокоит,— сокрушался Ковтюх,— успели Улагаю сообщить о нашем визите или мы ему как снег на голову?

— Надо бы меры и на крайний случай принять. Давай, Епифан Иович, одно орудие на палубе расчехлим, прислугу поставим и, если на берегу засада определится, ударим без промедления,— предложил Фурманов.

Ковтюх согласился. Затем вызвал к себе двух самых решительных командиров. Оба явились незамедлительно. Стояли, покашливали в кулак.

— Слушайте меня,— сказал Ковтюх строго.— Имею до вас боевую задачу. Кругом белые, жестокие враги, схоронились по луговинам, над лиманами, в камышах сидят, ждут. Знаете эти места, товарищи?

— Так точно! — отвечали командиры.

— Ну а ежели не врете, берите с собой десятка три-четыре самых хороших хлопцев, самых боевых и — на конь! Один по правому берегу пойдет, там опаснее, другой — по левому, тебе под начало и десяти человек хватит. Идите и, как что, сразу нам сигнал. А теперь маскарадом займитесь.

И с этими словами Епифан Иович протянул командирам узел, в котором, как оказалось, лежали погоны, кокарды, офицерские фуражки. Ковтюх все это загодя, еще в Екатеринодаре, заготовил.

— Вот берите,— продолжал он.— Разукрасьте себя в лучшем виде, но только не сейчас, а когда малость отъедете. И чтоб аккуратно, и насчет чинов, у кого больше, не спорьте. И запомните оба, не очистите берегов, нам всем назад возврата нет. Тут и лягем.

— Ляжем,— поправил комиссар.

— А это кто как,— Ковтюх блеснул серым своим стальным взглядом и вышел на палубу.— Лягем, ляжем, как положат...

Опытный солдат, думал Фурманов, глядя ему вслед, с таким можно воевать, не пропадешь, он все уже заранее предусмотрел, Епифан Иович. Все у него расписано. Все рассчитано. Теперь он весь — пружина. Но опытность командира разве снимает ответственность с меня, комиссара? Надо поговорить с бойцами, высаживающимися на берег, о важности разведки, о необходимости бдительно нести службу в дозоре, привести трагический пример — последний чапаевский бой. Сняли тогда беляки охранение, вырезали часовых с подчасками. Халатность с нашей стороны была допущена, никто из старших командиров как надо посты ночные не проверил, и застал нас враг врасплох, так что дорого пришлось расплачиваться за ошибку.

Его слушали молча. Лица серьезнели. Стояли вокруг комиссара тесным кольцом, понимали важность минуты. И все вокруг как бы подчеркивало и усиливало чувство тревожного ожидания. Плыли по реке три парохода, ни голосов оттуда до берега не доносилось,

ни отсвета, только устало шлепали по сонной воде плицы пароходных колес да впереди стрекотала моторная лодка, то замирала, вырвавшись вперед, то снова возвращалась. А по обоим берегам двигались красные дозоры. Застоявшиеся, сытые кони неторопливо шли по влажной, топкой земле. Над болотами по низинам стлался туман. Перешли на рысь. Ехали час, и два часа, и три... Кругом тишина. Наконец на правом берегу различили неясные звуки. Притихли. Руки упали на шашки. «Приготовьсь!» — чуть слышно прозвучала команда, а через некоторое время впереди из тумана возникли силуэты шести всадников.

— Кто едет? — крикнули издали.

— Стой! Какой части?

— Алексеевцы мы, а вы кто будете?

— Комендантская рота генерала Казановича!

Всадники подъехали ближе. Увидели погоны, ордена, фуражки, все по форме, амуниция, как при Николае. Потянулись за портсигарами, за кисетами. Такая встреча, покурить чуток можно.

— Разъезд?

— Так точно. Пятнадцать верст проскакали, никого не встретили.

— Спокойно все.

Разговор заструился неспешным ручейком, красные сомкнулись кольцом вокруг неприятельского разъезда. Покурили, выведали, что следом идет еще один разъезд. Эскадронный гикнул, сверкнули шашки, и через пять минут все было кончено. Поскакали дальше. И новый разъезд прикончили. А всего за ту ночь на правом берегу изрубили шесть неприятельских разъездов, и ни одному врагу не дали уйти. Ловко работали, тихо. Зато на левой стороне с самого начала чуть не приключилась беда. Только шашки выхватили, под раненым беляком рванулся конь и понес. Пришлось вдогонку стрелять. Этот выстрел и встревожил Фурманова с Ковтюхом. Они оба стояли на верхней палубе, прислушивались. Берега проплывали совсем рядом, неясные ночные звуки долетали из темных, колышущихся камышей. То казалось, лязгает винтовочный затвор, то вроде шепот доносился, и чудилось, что это вражеские часовые сидят в дозоре, переговариваются между собой: увидели — плывут пароходы, сейчас вскачут на коней и припустят к своим поднимать тревогу. А тут как раз выстрел шарахнул, раскатистое эхо гулко понеслось над рекой по мокрым берегам до самой Ново-Нижестеблиевской. Фурманов решил, сейчас начнется перестрелка, сжался. Но выстрел затих, эхо погасло, с берега сообщили, что все в порядке: не ушел беляк.

— Вот и хорошо,— сказал Ковтюх.— А теперь и нам с тобой, комиссар, пора переодеваться и — на берег. Давай.

Чапаев всегда настаивал, что место командира в наступлении —

впереди на лихом коне! Самое лучшее, когда в критическую минуту боя боец видит рядом с собой командира или комиссара. Или их обоих вместе. «У бойца силы удесятеряются»,— говорил Василий Иванович, но сам же делал поправку — это в критическую минуту боя, ибо поспеть всюду командир не может.

Епифан Иович Ковтюх знал эту истину не хуже Чапаева, да и понимал, что в предутренней темноте его вряд ли увидят все бойцы десанта или даже некоторые и будут воодушевлены самим фактом его присутствия. Командир должен быть в работе. В деле. А потому к началу боя Ковтюх собирался сойти на берег, тем более если белые приготовили им жаркую встречу и ждут в камышах. Бойцы увидят его командирский пример — «Делай, как я!» А потому задумано было переодеться в офицерскую форму, за несколько верст до станицы быть на берегу вместе с разведчиками и на рысях идти к месту высадки, к поляне, означенной на карте красным карандашом. Так будет скорей, а значит, ближе к победе.

Сейчас личный пример — самое главное, думал Фурманов. Я впереди должен быть с командиром, он прав. Но его они знают в лицо, а я новый человек. За время пути от Екатеринодара со мной многие познакомились, но Ковтюха они видели в бою, в деле, а меня — нет. Они знают, командир у них герой, легендарный воин гражданской войны, а я два вечера беседовал. Расспрашивал, у кого какие заботы, искал земляков, рассказывал о судьбе Германна из «Пиковой дамы», объяснял, как устроен компас, почему синяя стрелка всегда смотрит на север и какие люди живут в Африке. Это все хорошо. Нет ничего дороже простого человеческого слова, тихой беседы перед боем, но это половина комиссарской работы.

Он вообще любил рассказывать. Он по натуре был учителем. Знаниями своими ему нравилось делиться, и он делился охотно и с радостью. В Красной Армии любили слушать, а он, бывший студент Московского императорского университета, многое мог рассказать. Он ведь столько книг прочитал! Самых знаменитых профессоров слушал! Ему верили, и он понимал, окруженный вниманием, что нужен.

Беседуя с бойцами, сам воодушевлялся. Он себя даже немного со стороны видел четким, по-военному решительным, и все вспоминалась ему Москва, голодные студенческие годы, беготня по грошовым урокам. Купеческих сынков, великовозрастных оболтусов натаскивал по алгебре, по русскому языку. Бегал в куцей шинелишке, в рваных калошах по осенним лужам с Дорогомилова в Лефортово, с Каланчевки на Кудринку, всегда голодный, озябший. И вот однажды, торопясь с урока на урок, на Тверской увидел государя всея Руси Николая II. Император в полевой полковничьей форме вместе с императрицей, зябко кутавшейся в меха, катили в черном лакированном автомобиле. Прохожие останавливались, некоторые

становились во фрунт, некоторые снимали шапки, крестились торопливо, кланялись, старушка в белом платочке грохнулась на колени. Рядом с автомобилем скакали казаки государева конвоя, атаманцы-молодцы, сырой ветер рвал алые башлыки. Лица казаков были серьезны, озабоченны. Они несли службу. Но государь не видел ни их, ни прохожих, глазевших на него, он был весь в себе и вообще ничего не видел. На его равнодушной, слегка мятой физиономии не отражалось никакой мысли, он скучал, томился, скука стыла в его тусклом, будто похмельном взгляде. «Неужели этот человек решает судьбы страны? И от его прихоти зависит жизнь миллионов русских людей и моя тоже?» — подумал студент Фурманов и растерялся. Он не ожидал увидеть царя таким ничтожным. Этот ленивый, скучающий человек не должен был править страной, раскинувшейся от Финских хладных скал до пламенной Колхиды! Не должен! И эта крамольная мысль тогда-то засела в голову студента-филолога. Он писал стихи о русском народе-великане.

Тише... Огромное чудо свершается:
В темном лесу Великан пробуждается,
В темном дремучем лесу...
Он еще дремлет под шапкой мохнатою;
Он еще сердцем и мыслью крылатою
Солнца не знает красу.

Но кому они были нужны, его стихи? Его чувства? Его вера в Великана?

Помнится, он пошел в редакцию. У парадного за зеркальными стеклами стоял ливрейный швейцар, Митя Фурманов робко поднялся по мраморной лестнице, застланной красной ковровой дорожкой, его пропустили в кабинет главного редактора. Редактор слыл большим демократом и любил студентов.

Он сидел на широком диване, положив под себя ногу, читал его стихи, тонкий листик подрагивал в редакторской пухлой руке.

— Да,— наконец сказал он протяжно,— этого мы печатать не будем. Не годится.

— А что годится? — дерзко спросил студент Фурманов, и редактор начал читать Гумилева:

Барабаны, гремите, а трубы, ревите, а знамена
везде взнесены.
Со времен Македонца такой не бывало грозовой
и чудесной войны.

— Давай переодевайся,— поторопил Ковтюх, возвращая Фурманова в действительный мир. Уже начинали выводить лошадей. На палубу накидали сена, чтоб не цокали копыта.

В густом рассветном тумане высадились на берег. Вдали кричала ночная птица. Под ногами жмыхала болотная вода. Рысью пошли к станице. Впереди — Ковтюх в форме подполковника, за ним — Фурманов. Все-таки обязанность комиссара не только беседовать, есть у него еще и боевая работа, и вот она начиналась.

Издали услышали собачий лай, запах дыма. Кони, почуяв жилье, запрядали ушами. Уже вырисовывались окраинные строения станицы — сараи, курени по окаему, темные кусты. Церковная колокольня маячила в тумане, и ощущение возникло такое, что вот-вот ударят в колокол.

Вдруг из станицы навстречу вырвалась группа всадников, и, не приближаясь, густой, начальственный голос крикнул издали:

— Кто идет?

— Подполковник Григорьев с разъездом,— спокойно отвечал Ковтюх. И конь волчком вертелся под ним.— С кем имею честь?

— Дежурный по гарнизону поручик Федоров!

— С добрым утром, господин поручик.

Дальнейшее все произошло мгновенно. Отличных бойцов подобрали в отряд Ковтюха. Знатные все были рубаки. Никто из белых не ушел.

За две версты до станицы на правом берегу открылась та самая широкая, ровная поляна, где удобно было начинать разгрузку. Загремели якорные цепи. Скинули сходни, стрелки сбежали на берег, рассыпались в цепь. Скатили орудия, начали сводить лошадей. И сразу, едва ступили на ровную, твердую землю, нервозность пропала, сменившись деловой сосредоточенностью. Командиры строили свои подразделения, во все стороны поскакали разведчики, все делалось быстро, решительно, каждая команда исполнялась на лету. Теперь каждый красноармеец, ступив на твердую землю, понимал, что сумеет постоять за себя и так просто жизни не отдаст. Это не на пароходе, где всех одним залпом можно накрыть.

Подскакали Ковтюх с Фурмановым, сорвали погоны. Командиры верхами окружили их.

— Сейчас пошел вперед и не давай ему очухаться! — возбужденно говорил, почти кричал Ковтюх.— Оборону не дай организовать. Руби, коли, зубами рви врага, знай, от Улагая пощады не будет!

Затем он подозвал к себе юного разведчика на резвом коняшке, поманил пальцем. Для него имелось у Ковтюха особое задание. Парень что есть духу припустил в станицу. Промчался, поднимая пыль, по сонным улицам мимо белых хат с запотелыми окнами, мимо домов станичных богатеев, дремавших в густых садочках, сделал круг по главной площади. Станица спала мертвецким сном. Кое-где на крылечках, по углам, на перекрестках станичных неровных улиц дремали часовые, они провожали всадника сонным взглядом, полагая, что скачет свой вестовой со срочным донесением,— в штабе

разберутся, звон как нажаривает. Срочные дела... За изгородью большого, нарядного дома стояли два автомобиля и мотоциклетка. Там был штаб. А на площади, у церкви, распластал тонкие крылья аэроплан. Там же рядом расположилась батарея из четырех орудий. Стреноженные кони лениво пощипывали траву.

Когда запыхавшийся разведчик подлетел к Ковтюху и, спрыгнув на землю, пересказал все, что видел, Епифан Иович понял, враг взят врасплох. Сейчас главное — ударить со всей внезапностью, чтоб впечатление возникло у оглушенного Улагая, что навалилась на него крупная сила.

— Так, так,— приговаривал Ковтюх и рассылал засады на пути отступления, если побежит враг или попятится, спасаясь на Ачуев, к морю. Надо было сразу же создать картину полного окружения и убедить белых в полной безнадежности всякого сопротивления.

Перед станицей тянулись полосы невыжженных камышей, пришлось двигаться кружным путем. По расчетам Фурманов знал, выгрузка, сборы, само движение до станицы, до исходных рубежей займет около двух часов. Все было тихо. Десант не обнаружили и за эти два часа. Туман над рекой продолжал висеть плотным, почти паровозным дымом. У самой Ново-Нижестеблиевской Протока делала резкий поворот к западу, там по берегу шла большая торговая дорога. По этой дороге, как только протрубили атаку, и поскакали они с Ковтюхом, ведя за собой передовой эскадрон. Части десанта одновременно подошли к станице с разных сторон и одновременно же по сигналу открыли огонь. Ударила Красная артиллерия, полковые пушки, уже разместившиеся на своих позициях.

Ветер ударил в лицо. Фурманов дал шпоры коню, вырвался вперед. «Ура!» — неслось со всех сторон. «Ура!» и «Даешь!..»

Станица сразу и недружно ответила редкими винтовочными выстрелами. Красноармейцы успели занять уже несколько улиц, но в центре, столкнувшись с неприятелем, готовым к обороне, остановились. Фурманов заметил, как за садами, на задах станичной улицы сбегаются фигурки в распоясанных гимнастерках, парусящих на ветру. Кто бежал босой, кто ремень на бегу прилаживал, оглядываясь. В той же стороне выкатывали пулемет, торопливо разворачивали рылом в сторону атакующих, и второй номер, как баба полотенце, на руках протягивал наводчику снаряженную пулеметную ленту. Молоденький офицер рукой, рукой подзывал своих замешкавшихся. Толпа росла, но еще не нашлось командира, чтоб превратить эту толпу в военную силу, послушную первой же отданной команде. Еще минута, и будет поздно, понял Фурманов. Еще минута — и все пропало: красноармейские цепи встретят стену штыков и огня, и атака захлебнется. Вперед! Сейчас все зависит от меня! Скорей! Главное, не дать им опомниться!

— Ура! — крикнул он, повернувшись в седле так, чтоб видеть тех, кто, воодушевленный его порывом, двинется вперед. Он обернулся, но никого не успел увидеть, небо качнулось в глазах, утреннее, раннее. Он не увидел бойцов, оказавшихся рядом, он почувствовал их дыхание. Жаркое, решительное, такое, что сердце рвется. Он был не один. Его поддержали!

— Ура! — крикнул он, задыхаясь. И будто какая-то великая сила подхватила и понесла, понесла.

Это был его звездный час. Он не думал ни о жизни, ни о смерти. Красное знамя рвалось впереди на ветру. Он князя Андрея вспомнил и небо Аустерлица и себя увидел в своем последнем и решительном бою впереди на лихом коне.

— Ура! — неслось со всех сторон. Он взмахивал шашкой, осколком сбило с него фуражку, горячая липкая кровь текла по лицу, но он не чувствовал боли. И когда его ранило пулей, он даже не вздрогнул. Он летел вперед, вперед, где в дымных разрывах вставало утро победы.

После двухчасового боя станицу взяли, повели к пристани пленных и раненых в окровавленных бинтах. Подсчитали: Алексеевский пехотный полк разбит, запасной батальон того же полка разбит наголову, Алексеевское и Константиновское военные училища, Кубанский стрелковый полк, штаб Улагая во главе с генералом Караваевым — сам Улагай накануне поехал с докладом к Врангелю,— а там еще крупные и мелкие тыловые штабы — все перестало быть военной силой, смешалось, было порубано, взято в плен, бежало, прячась в кусты, чтоб попасть под огонь пулеметов засады, которые заранее выставлял Ковтюх. К пароходам и баржам, вплотную подошедшим к станице, начали подводить пленных в окровавленных нижних рубахах, в разорванных гимнастерках, всего около тысячи пятисот человек. Среди них — офицеры, генералы... Подвозили военные трофеи — пушки, зарядные ящики, подводы с консервами, с амуницией, два штабных автомобиля катили на руках, потому что не могли завести: что-то там беляки успели попортить. А тонкокрылый аэроплан улетел, судя по направлению, в Ново-Николаевскую станицу, что очень опечалило Ковтюха.

— Теперь он своих в известность поставит. Готовься к обороне, Врангель подмогу вышлет,— говорил Ковтюх и плеткой стегал себя по пыльному голенищу.— У него еще сила имеется, но эту часть мы крепко потрепали.

К нему подъехал Фурманов. Комиссар был контужен, в крови, тяжело держался в седле, но глаза его горели азартом боя, запекшиеся губы пытались улыбнуться.

— Жив? — спросил Епифан Иович, вглядываясь в лицо Фурманова.

— Жив.

— Вот и хорошо. Видишь, как удачно вышло. Слезай, голубчик, трофеи будем считать.— Большим мятым платком Ковтюх вытер крепкую шею, лоб. Плотно нахлобучил фуражку и, придав лицу выражение, подобающее моменту, сказал: — Ты герой, комиссар. Я тебя в деле видел. Герой! А потому выношу тебе благодарность от лица трудового народа и бумагу подписываю, чтоб наградили тебя орденом. Ты хорошо дрался.

Вообще-то Ковтюх, как это было сказано, отличался скупостью на похвалу. И тем не менее позже, когда Фурманов за разгром Улагая получал орден Красного Знамени, он эти свои слова повторил, добавив только, но уже самому Фурманову, рядом они сидели в президиуме, за столом, накрытым тяжелой кумачовой скатертью:

— А пиковая дама, Митя, по-моему, просто является взбалмошной старухой, колдовство тут, как таковое, ни при чем. Я в колдовство напрочь не верю. С нами есть только то, что есть на земле.

Леонид ЕГОРОВ
Юрий МИХАЙЛОВ

ПРАВО НА ВЫБОР

Вся в маскировочных серо-зеленых разводах громада бронепоезда прижалась к путям. На станцию из окрестных лесов наносит волнующие ароматы весны. Они перебиваются жесткими военными запахами сгоревшей взрывчатки, пожаров, паровозных топок, дальних фронтовых эшелонных странствий... Приглушенно посапывает бронепаровоз — одетая в железо, неунывающая, трудолюбивая «овечка». Часовой окликает плохо одетого, похожего на беспризорника высокого парнишку, который смело направляется к бронепоезду:

— Стой! Не положено...

— У меня пакет... к командиру.

А вот и командир: худощавый, подтянутый, очень молодой, но суровость на себя не напускает. Спустился со ступенек боевой рубки, смотрит приветливо:

— Давай пакет.

Паренек не врет — на самом деле достает из-за пазухи книжку в яркой обложке, из нее конверт, он не запечатан. На листочке бумаги: «Товарищам из детприемника. Прошу принять Ивана Василенка. Его отец мобилизован в Красную Армию, а мать с его младшей сестрой угнаны пилсудчиками. Демьян Бедный». Но этот юноша хочет только на войну: вернуть мать-красавицу и сестренку, ради этого жизни не пожалеет...

Бронепоезд — не детский приемник, но красный командир узнал книжечку агитационных стихов пролетарского поэта, изданную Политуправлением их Западного фронта. Значит, на самом деле парень был у товарища Бедного в его агитвагоне. Известно, что вагон старый, побитый, но там с утра до ночи трещит пишущая машинка и поэт охотно читает стихи гостям или случайным путникам: бойцам, комиссарам, железнодорожникам, даже беспризорным мальцам. Последних особенно привечает: моет, кормит, пишет такие вот записки. Не покидает Демьяна Бедного надежда, что еще один юный человек начнет новую жизнь.

Но командир хочет понять, что за человек перед ним и чем ему можно помочь. Сам Костя Калиновский хлебнул всяких бед, хоть по

социальному происхождению дворянин, но жизнь его не баловала: в три года остался без отца, небогатого служилого офицера, мать — медицинский работник — поднимала его с сестрой на скромное жалованье. Не голодали, но трудная, полусиротская была гимназическая жизнь. В семнадцатом году пошел добровольцем на фронт рядовым, в тяжелую артиллерию.

В Политотделе армии, где Калиновский получал партийный билет, выступал лектор. Он рассказал, как болезненно воспринимают враги успехи нашей агитационно-пропагандистской деятельности, особенно среди крестьян. Выходившая в белом лагере газета «Россия» со злобой отмечала: «К делу агитации и пропаганды прилагают свое дарование все вожди большевизма, но сверх того привлечены и недюжинные силы писателей, поэтов... Газеты от строки до строки проникнуты одним тоном пропаганды, полны энергии и воодушевления, плакаты красочны, образны, метки и умны, воззвания горячи». Молодой коммунист, командир бронепоезда Калиновский вместе с секретарем партячейки машинистом Чугуновым отвечает за идейный настрой бойцов, за работу с населением. Применительно к данному случаю: не проходить мимо ни одной судьбы, всегда и всюду быть агитатором за Советскую власть словом и делом. Человек от природы добрый, отзывчивый на чужую беду, командир Калиновский хочет сейчас знать, что за человек перед ним и чем ему можно помочь.

Сам он тогда, в неполные двадцать лет, летом семнадцатого, считал, что имеет право на выбор — и отправился на фронт. Но скоро выяснилось: настоящий выбор его еще впереди, по какую сторону баррикад тебе быть, Костя Калиновский?

Соученики по 2-й московской гимназии, сослуживцы по артиллерийскому полку недоумевали: ты сын поручика, что общего у тебя с большевиками, отменившими твое сословие? А зов гражданской совести, не социальное происхождение, а социальное положение привели в Красную Армию. Решительный и смелый, он хорошо понимает этого мальчишку, который не намного моложе его самого, тогдашнего. 17-летний Василенок, как и он, Костя, два года назад, сделал выбор: во что бы то ни стало уйти в Красную Армию. И он все равно из детприемника убежит, если уж принял решение отправиться воевать.

Калиновский уважает людей, умеющих принимать решения, от которых потом не откажутся. Раскаленное революционное время нуждается в таких личностях. У Василенка детство кончилось, когда белополяки угнали мать и сестру. Парню нужно не мешать, а помогать стать взрослым и настоящим бойцом. А если погибнет на войне? Что ж, зато не от голода, не от одиночества — красным бойцом республики.

— Нельзя,— сказал сверху, со своей «вышки» Чугунов.— Нам детей брать не положено.

— Можно,— сказал командир Калиновский.— Молодые разные бывают, и не ребенок он.

— Глядите, командир...

— Мне тоже люди помогали свой путь найти. Давайте, товарищ Чугунов, вместе. Хочешь в телефонисты?

Так на бронепоезде № 8 появился «сынок». С разрешения начальника броневых сил 15-й армии Ерошенко он был зачислен на все виды довольствия.

Надо сказать, что Калиновский и Чугунов неплохо дополняли друг друга. Хотя внешне были очень разные. Если командир утверждает одно, машинист непременно дополнит чем-то своим. Поспорят, посерчают, потом согласятся, посмеются — а делу от этого и лучше. Это у них с той поры, когда приехал Калиновский на Брянский завод ремонтировать бронепоезд и вместо заболевшего машиниста партячейка предложила взять коммуниста-добровольца Чугунова. Они тут же заспорили и после этого все решили: не подойдут друг другу. Но они, точно сговорившись, заявили, что согласны работать, согласны воевать на одном бронепоезде, лишь бы была польза общему делу. Один выбрал другого...

За полгода до начала последнего похода Антанты Константин Калиновский окончил в Москве Броневую школу. И в приказе по школе было объявлено, что ему в числе других курсантов «присваивается звание красного офицера броневика». Теперь слово «броневик» в том значении, которое употреблялось в гражданскую войну, вышло из употребления. Тогда же бойцы, командиры, политработники Красной Армии, воевавшие на бронепоездах, с гордостью именовали себя именно так, что закреплено в боевых приказах и распоряжениях того, уже давнего, героического времени.

Константин был человек думающий и смелый, кроме того, был упрям в лучшем смысле этого слова и умел добиваться своего. Если его не устраивала какая-то должность, казалась ему недостаточно боевой, он добивался от командования нового назначения. Так, очутившись летом семнадцатого года на фронте в тяжелой артиллерии, стоявшей довольно далеко от передовой, добился перемещения сначала на должность артиллерийского наблюдателя, а затем и мотоциклиста. Теперь неприятеля Константин мог видеть «своими глазами».

После школы он получил назначение на бронепоезд № 8 начальником артиллерийского борта. Под руководством молодого краскома оказались расчеты четырех пулеметов, прислуга двух 76-миллиметровых орудий, всего 20 человек команды. Константин быстро сжился с коллективом. Скромный, стеснительный, даже застенчивый, он отдавал делу всего себя. Рассказывал бойцам об особенностях их оружия и тактике бронепоездов, об истории войн и политике Советского государства. «В сутки пехота проходит полсотни верст,

а бронепоезд покрывает это расстояние за час. Роль бронепоездов трудно переоценить, потому что бои идут преимущественно по линиям железных дорог,— это ударная сила Красной Армии. Поскольку команды составляются из тех рабочих, которые сами строили броневые поезда, то понятно, товарищи, какая важная роль выпадает нам всем, и мы должны оправдать надежды пролетариата, доверие командования и выходить победителями из каждого боя как смелые и сознательные воины рабоче-крестьянской армии». Так говорил краском Калиновский.

В боях с белогвардейцами он быстро рос как командир. К началу действий против белополяков Калиновский был уже командиром бронепоезда, его приняли в ряды РКП(б).

На фронте смелые, умно воюющие и идейно преданные воины растут быстро. В конце летнего наступления Западного фронта Калиновского вызвали в штаб 15-й армии. Имя боевого командира бепо-8 было широко известно: его бронепоезд отличился в боях, и теперь боевые заслуги краскома коммуниста Калиновского, его преданность делу пролетариата дали основание политорганам 15-й рекомендовать командира бронепоезда Калиновского также и военным комиссаром бронепоезда.

Подобное делалось лишь в тех случаях, если командир был членом РКП(б) и по своим политическим качествам мог также исполнять обязанности комиссара.

В штаб также был вызван начальник броневых сил армии Ерошенко, один из рекомендовавших Калиновского в партию. Начбронарм-15 был старым партийцем. Он высказался за утверждение командира «восьмерки» комиссаром бронепоезда, добавив, что этот факт считает нерядовым эпизодом для армейских броневиков.

Константин Калиновский был утвержден в должности командира-комиссара БП-8.

22-летний краском блестяще оправдал надежды тех, кто выдвинул его на должность командира-комиссара. Меньше чем через десять лет видный военачальник коммунист Калиновский станет одним из создателей советских бронетанковых сил, их теоретиком, активным борцом за обретение ими роли самостоятельного рода войск. Созданный им танковый корпус (в 1931 году, после трагической гибели комкора в авиакатастрофе, он получил имя Калиновского) стал кузницей кадров для танковых войск, их боевым полигоном. В блистательных победах в Великую Отечественную войну наших танкистов есть и доля участия Константина Калиновского. Не было военачальников в Красной Армии, кто бы не учился по его книгам, наставлениям, инструкциям.

...Бронепоезд стоял за станцией, за стрелками, в тупике. Конечно, таскать сюда снаряды, патроны, провизию от огневого и продовольственного складов было далековато. Но зато и опасность попасть

под бомбы вражеского аэроплана была поменьше. Тупичок хорошо маскировала густая рощица, к тому же команда бронепоезда прикрыла боевые платформы, броневые вагоны и вечно находящийся под парами бронепаровоз срезанными кронами деревьев. «Мораны», особенно когда по ним с земли стреляют из пулеметов или винтовочным залповым огнем, ведут себя нервно, торопятся сбросить бомбы, где попало, лишь бы поскорее убраться подальше от опасной станции.

В команде бронепоезда у Калиновского несколько деятельных помощников — в основном это коммунисты, кадровые рабочие из Москвы, Тулы, Брянска. Пошли воевать добровольцами, по зову партийной совести. Твердые, верные, надежные люди. От них ни разу командир-комиссар не слыхал жалоб на трудности службы, на тяготы военного времени. Как бы советуясь, не нарушая субординации, они предостерегают своего молодого командира от лишней горячности, стараются внушить ему быть в бою более осмотрительным, зря не рисковать. А уж слушаются беспрекословно, авторитет перед беспартийной массой, перед молодежью свято берегут. Уважение и любовь коммунистов Калиновский завоевал за немногие месяцы службы на бронепоезде своей смелостью, разумной командирской отвагой, комиссарской преданностью общему делу.

Они, эти рабочие, принимали его, своего командира, в партию. Деликатно, но дотошно расспрашивали о его жизненном пути, о взглядах на непростые вопросы, которые выдвинули пролетарская революция, гражданская война.

Он умел отвечать только честно, искренне — этого они и хотели от него.

Да, он весьма решительно расстался со своим классом, с прошлым, когда в окопах первой мировой войны на живую действительность смотрел только сквозь панораму орудийного прицела, обращенного на позиции кайзеровских войск. Оказалось, что мир раскол совсем по-иному: не на русских и немцев, турок и англичан — а на эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых и бедных. Костя Калиновский в свои 20 лет красноречиво ответил на вопрос о его социальных и классовых симпатиях: в июне восемнадцатого стал красноармейцем.

То было трудное время для молодой Республики. Огненное кольцо фронтов отторгло от страны три четверти ее территории. Борьба шла на пределе — решался вопрос: быть или не быть России советской. И уж на тех, кто в ту пору отдал себя в распоряжение Республики, она могла рассчитывать полностью и до конца.

Юный дерзкий мотоциклист из автороты Костя Калиновский был среди них.

В составе артиллерийского дивизиона особого назначения он прибыл в 6-ю армию Северного фронта. Армия прикрывала от

англо-американских интервентов и белогвардейцев, наступавших от Архангельска, Онеги и с Урала, северные районы страны, дороги на Вологду, Котлас, Вятку. В тяжелых боях под Шенкурском Калиновский обратил на себя внимание командиров как смелый, мыслящий, инициативный боец.

Способный к технике, неплохо знающий историю, разбирающийся в политической обстановке, он с какой-то особенной страстью вникал во все сложности и тонкости военного дела. И эта страсть проявлялась все отчетливей. На глазах командиров и товарищей формировался цельный, волевой, мужественный характер воина, бойца Республики Советов. Летом 1919 года командование предложило Калиновскому отправиться в Москву учиться в Высшей военной автоброневой школе РККА.

Броневые силы — очень молодой, многообещающий и перспективный род войск. Огневая мощь артиллерии и пулеметов сочетается в нем с необыкновенной мобильностью, могучие дредноуты суши — бронепоезда — связаны, правда, с железной дорогой, но и в этих пределах они обладают большой свободой маневрирования. Значительно уступающие им в боевой мощи юркие броневики восполняют этот недостаток своей подвижностью, проходимостью. Танки, в которых удачно сочетаются эти оба положительных боевых качества бронепоезда и бронеавтомобиля, пока еще не находят широкого применения — у республики нет своих бронированных машин. Бронепоезд стал настоящим богом-громовержцем гражданской войны. В тяжелых боях с армией генерала Краснова под Царицыном летом и осенью 1918 года бронепоезда наводили ужас на белоказаков. Огонь их пушек и пулеметов надежно прикрывал красноармейские части, а во время контрнаступлений они прорывались в глубину вражеского расположения, громили штабы противника, высаживали дерзкие десанты. Кому не известны теперь славные и грозные дела таких бронепоездов, как «Товарищ Ленин», «Коммунист», «Третий Интернационал», «Артем», «Гром»?..

В закатных лучах нежаркого весеннего солнца застрекотали над головами аэропланы противника. Частой злой скороговоркой отозвались на прилет непрошеных железных птиц пулеметы. «Гости» опасливо повернули в сторону. Ахнули вдалеке, у рабочего поселка, сброшенные беcприцельно фугасные бомбы. Прерывисто взревели на путях паровозы.

Серо-зеленый, в черных маскировочных зигзагах бронепоезд стоял на выезде со станции, у закрытого семафора. Калиновский что есть силы, не слыша своего голоса, прокричал бойцам, стоящим у «восьмерки»:

— По воздушной цели... Прицел... Залп-о-ом...

Дружно рванул навстречу подлетающим вражеским аэропланам залп, за ним второй, третий. Один из «моранов» качнулся, задымил,

резко отвалил в сторону. «Ур-р-а!» — оглушил Калиновского радостный крик.

Став командиром бронепоезда, Калиновский потребовал от подчиненных: во время нападения аэропланов противника они должны забыть об укрытиях. Объявляется воздушная тревога — хватай винтовку, карабин (на крайний случай даже наган сгодится) и взбирайся повыше — на бронеплощадку, на платформу или хоть с земли открывай огонь по вражеским летчикам. Нет с вами командира — любой должен подать команду для залпового огня. Так заявил себя Калиновский на посту командира БП-8. А как коммунист, как комиссар, он, несмотря на занятость, вел регулярные беседы с личным составом о текущем моменте, о задачах Республики в войне с Польшей, о том, чему мечтал посвятить свою жизнь,— о строительстве могучей родной Красной Армии, чтобы в мирную пору она могла надежно защитить завоевания Октября.

Готовилось наше наступление, и дел команде бронепоезда хватало. Большую помощь оказывал секретарь партячейки машинист Чугунов. Хоть и возражал Иван Иванович против «усыновления» подростка, но в тот вечер увидел Калиновский сцену необычайную. Чугунов поставил в какой-то тазик парня и мыл его. Это «неуставное дело» происходило в будке машиниста. Картина была настолько неожиданной, что поднявшийся на паровоз Калиновский оторопел.

Всегда ходил машинист Чугунов в старой, но аккуратной черной шинели с синими кантами работника службы тяги, сдержанно, с достоинством здоровался. Лицо худое, строгое, к такому не сунуться с расхожим: «Эй, дядя!» Знал Калиновский: неуловимо отличает что-то всех рабочих-большевиков — в общении, в повадках, в выполнении долга. Очень надежная категория людей, выкованная суровой классовой борьбой, закалившаяся в пламени трех революций.

Они оба поначалу очень растерялись, а потом расхохотались. Константин знал, что у Ивана Ивановича своих трое «огольцов», как он говорил, но кто бы мог подумать, что у этого строгого и сдержанного в чувствах человека столько доброты и заботливости?

Командир-комиссар и секретарь партячейки после этого случая согласно сломали тонкую перегородку, разделявшую их, отношения стали дружескими, теплыми, хотя остались уважительные «вы», «товарищ Чугунов», «товарищ Калиновский». И только когда в конце того же двадцатого придется им расставаться, обнимутся крепко и сердечно. «Прощай, Иван Иванович, дорогой, спасибо тебе, дружище, за все». «Ну что ты, что ты, Константин Брониславович, за что благодаришь. Это мне надо за то, что такого человека, как ты, встретил на путях своей жизни...»

...Приехал к ночи на побитом, живучем автомобиле Ерошенко. Надо срочно в штаб армии. Разбрызгивая воду в лужах, автомобиль покатил по тихим вечерним улицам прифронтового города. Солнце

садилось в кроваво-серую, грозящую ливнем тучу. На деревьях затихали нахохлившиеся воробьи.

Когда подъезжали, стало темно, как ночью, и хлынул короткий злой ливень. Пока бежали от машины до подъезда, фуражки и шинели намокли. Часовые у штаба, хотя знали их обоих, скрестили штыки. Ерошенко и Калиновский предъявили мандаты — винтовки разошлись: в штабе во всем чувствовался военный порядок.

Командарм 15-й Август Иванович Корк говорил с заметным эстонским акцентом, медленно, уверенно и точно. Армия в тяжелом положении. Ее фронт растянут. В стрелковых и кавалерийских дивизиях мало активных штыков и сабель, недостаточно боеприпасов и снаряжения. Враг хорошо подготовился. Антанта снабдила Пилсудского всем необходимым. Пока не подойдут резервы, командование армии и фронта большие надежды возлагает на бронепоезда. В связи с этим перед вами стоят следующие задачи...

В конце совещания к командующему подошел адъютант:

— Август Иванович, вы просили напомнить...

— Да-да, я не забыл... Товарищи Ерошенко и Калиновский, прошу вас остаться.

Беседа с командующим была короткой.

— Начбронарм говорил о вас,— сказал он Калиновскому,— как о смелом и инициативном командире. К выполнению важной самостоятельной задачи вы как командир-комиссар бронепоезда готовы?

— Готов.

— Тогда слушайте боевую задачу...

Несется сквозь ночь бронепоезд. На площадках замерли часовые. Константин Калиновский в боевой рубке обдумывал детали боевой операции, сверял карту с местностью.

Железная дорога тянется в пяти—семи километрах от фронта. С востока, севера, юга торопятся сюда эшелоны, мчатся поезда с пехотой и конницей, орудиями и боеприпасами. А пока готовит наступление Западный фронт, могучие тяжелые бронепоезда должны тревожить врага беспрестанными огневыми налетами, дерзкими вылазками десантных отрядов. У белополяков надо создать впечатление, что им противостоят полнокровные, хорошо оснащенные артиллерией дивизии и многочисленные бронепоезда. И вот каждую ночь стали уходить в рейды «бепо» и среди них «восьмерка», или, как говорили все чаще, уважительно — «бронепоезд Калиновского».

Майское наступление оперативных успехов Западному фронту не принесло. Но в конце месяца, после перегруппировки и подхода свежих сил, пошел вперед Юго-Западный фронт под командованием

Егорова. К началу июля 1-я Конная армия Буденного вышла на Ровенское шоссе.

Зябки — крошечная, голая, без белорусских соловьиных рощ станция на железной дороге от Полоцка к Молодечно. Несколько жалкого вида пристанционных зданий, над ними высится круглая кирпичная голова водокачки. На запад, между озерами Свядово и Долгое, рассекая наши и польские окопы, убегает железнодорожная насыпь.

Противник успел основательно укрепиться. Его позиции состоят из трех полос окопов полного профиля, системы опорных пунктов, хорошо оснащенных огневыми средствами. В межозерном дефиле, шириною в версту, перед траншеями — речонка, за нею проволочные заграждения в два-три кола. Железнодорожный мост взорван.

Наступление Западного фронта было назначено на 4 июля. За станцией, у господского дворика Душки, укрылся бронепоезд № 8. Не ведет огня, не подает гудков, словно и нет его. Грузят снаряды, патроны. Подтянутый, деловито спокойный командир-комиссар Калиновский распоряжается уверенно, без окриков.

Замасленные, прокопченные, затянутые в кожу, пробираются лунными ночами от станции к передовой линии экипажи танков. Они разведывают местность, по которой их машинам атаковать врага. Командир-комиссар БП-8 провожает их долгим, внимательным взглядом, по возвращении зазывает танкистов к себе и подробно расспрашивает, как их машины проявляют себя в боевых условиях.

Танков всего три. Трофейные. Они громко именуются «отрядом» — 2-м танковым отрядом. На них 37-миллиметровые пушки, пулеметы. Рабочие Путиловского завода, недоедая и недосыпая, спешили отремонтировать машины к началу наступления.

Ночь на 4 июля. В бесчисленных частях и подразделениях фронта командиры произносят торжественные и неумолимые слова:

— Слушай боевой приказ!

— Слушай боевой приказ! — говорит своим и Калиновский.

Пожалуй, впервые в гражданскую войну столько родов и видов оружия соединятся в прорыве неприятельской обороны. Когда танки и пехота после артиллерийской подготовки прорвут оборону противника, в бой будут введены броневики 14-го бронеотряда вместе с конницей. Бронепоезд № 8 поддержит атаку своей артиллерией, отвлечет на себя огонь вражеских батарей, но из-за поврежденного моста он не может принять участие в преследовании. Аэростаты станут корректировать огонь всей артиллерии участка.

Раннее утро 4 июля. Под прикрытием густой пелены тумана на исходный рубеж выползают танки. 6 часов. Начинают стрельбу пушки трех стрелковых дивизий. Почти тотчас отвечает противник.

Пора! Из командирской боевой рубки Калиновский подал команду машинисту Чугунову: «Вперед!», а через несколько минут

услыхали и в артиллерийских башнях знакомый твердый голос: «Огонь!»

Бронепоезд вышел из-под прикрытия станции и на ходу дал несколько залпов по батареям противника. Этим он должен вызвать их огонь на себя. Еще несколько сот метров по открытому месту, еще несколько залпов. Ага, неприятель отвечает! Все ближе начинают рваться снаряды. Хорошо! Еще стреляйте, еще!

Новая команда — и завизжали тормоза, это Чугунов дал контрпар. БП-8 рванулся назад, прочь от места, где взвился целый лес разрывов. Потом снова помчался вперед, к разрушенному мосту, гремя орудиями. Теперь по нему била почти вся артиллерия участка. Бронепоезд огрызался огнем и все маневрировал, ни секунды не стоя на месте. Попаданий не было, хотя все полотно от станции до моста покрылось сплошной сыпью воронок.

Но Калиновский смотрел не на них, а туда, где сейчас должна решиться судьба прорыва и всего нашего наступления. По пехоте и танкам белополяки не стреляют — «восьмерка» приняла весь огонь на себя. Вот танки выбрались из укрытий и гуськом, один за другим покатили к передовой. Сейчас они развернутся, переползут наши окопы и рванутся в атаку. Бронепоезд, вперед, залп, залп, залп! Что там? Ага, пошли, пошли! Огонь, товарищи артиллеристы и пулеметчики.

Поднялась в наступление наша пехота. Не резко, не так чтоб уж очень прытко, но сердито, уверенно, не ложась. А впереди нее — Калиновский не отрывал бинокль от глаз — поползли серые неуклюжие танки, такие грозные и такие беспомощные... Как их мало! Они захвачены у Деникина и теперь служат революции, в них сидят славные мужественные ребята, вчерашние рабочие, с закопченными дымом и порохом лицами. Прикрыть их огнем. Вперед, бронепоезд, огонь с обоих бортов, из всего оружия! Ослепить врага, не давать прицелиться, весь огонь принять на себя!

— Машинист Чугунов, вперед, к мосту, станем у них на виду, примем огонь на себя.

— Есть, товарищ комиссар!

Теперь, в решающую минуту, бронепоезд самоотверженно стоит у самого моста, и грозно ухают его орудия, и безостановочно строчат пулеметы. А вокруг — сплошная стена черно-красных смерчей разрывов.

Вот танки ударили из пушек и пулеметов. Вокруг них тоже стали рваться снаряды. Но танки не поворачивают — это хорошо. И не ложится пехота — это тоже хорошо. Тогда должен бежать враг. Вот сейчас, сейчас!..

«Ура-а-а!» — донесся слитный, протяжный, могучий крик.

Нет, не остановились танки, не легла под огнем краснозвездная пехота — побежали, побежали те, кто противостоял им.

Вперед рвался теперь только один танк, расстреливая бегущих. Красноармейская цепь пробежала покинутую врагом первую линию окопов, захватила вторую, третью. Утонули в сизой дымке бронеавтомобили — они выбирались из укрытий на дорогу и устремлялись за отступающими. Неяркие лучи восходящего солнца осветили цепи конницы, красные знамена над нею, в прорыв начали втягиваться кавалерийские полки.

Бронепоезд потоком огня расчищал путь наступающим.

Части группы генерала Енджеевского, на которые был нацелен совместный удар артиллерии, танков, пехоты, броневиков, кавалерии, ливень огня бронепоезда, были смяты, деморализованы и откатились так стремительно, что уже через час с небольшим оказались в местечке Плисса, отстоявшем в 15 верстах от линии фронта...

Словно мстя за свое поражение, враг снова сосредоточил огонь на БП-8. Теперь била тяжелая артиллерия из глубины расположения белополяков. Тогда только бронепоезд, не прекращая стрельбы, отошел на станцию. Калиновский и телефонист Егоров спрыгнули на полотно, пригибаясь под взрывами, перебегая, направились к водокачке. За ними змеилась, разматываясь, тонкая нитка провода. Надо прокорректировать огонь по отступающему противнику. Задыхаясь, падая, вновь поднимаясь, добежали, перевели дух и полезли на самый верх. Осмотрелись, проверили слышимость. Константин подал команду: «Прицел... Трубка... Огонь!»

Здание водокачки сотрясалось от близких разрывов. Рвалась и оживала связь. Но снова и снова на артиллерийских площадках «восьмерки» отдавался в мембранах телефонных трубок уверенный, твердый голос командира-комиссара:

— Артиллеристы. Пулеметчики. Огонь!

Вдруг треснуло в трубке, и стало тихо. Егоров берет в руки провод и по нему идет искать обрыв, чтоб починить линию. Что-то долго его нет, и нет связи. Константин опускает бинокль, выглядывает в оконце. Вот кто-то бежит к водокачке среди разрывов. Лег, ищет концы провода. Но это не Егоров, тот большой, плотный, а этот худ и поменьше ростом. Однако связь восстановлена!

— Начальник артиллерии «бепо»-восемь,— зовет Калиновский, а когда тот отзывается, дает команду: — Огонь по господскому дворику Борисковичи!

Легкие шаги на лестнице, и в проеме счастливое мальчишеское лицо.

— Это ты, Ваня, провод срастил?

— Я, товарищ комиссар! Осколками провод перебило, а Егорова убило.

— Молодец, боец Василенок!

— Служу трудовому народу!

— Слышишь меня, «восьмерка»? — кричит Калиновский.— Прицел... трубка... Бризантными... очередь три снаряда... Огонь!

Константин проникся уважением к пареньку, когда увидел, как самоотверженно Ваня преодолевает все трудности нелегкой даже для взрослого службы на бронепоезде. Уже после первых орудийных выстрелов на бронеплощадке от скопляющихся газов тяжело дышать. Поезд под огнем непрестанно маневрирует, дергается вперед, назад. Резвая «овечка» у Ивана Ивановича. А еще тормозит, несется на всех парах. Даже такой выдержанный и опытный машинист, как Чугунов, не может ничего придумать иного в бою под градом команд, под градом снарядов.

За бой у станции Зябки объявил командир-комиссар перед строем благодарность всему личному составу бронепоезда. А особо подчеркнул: красноармеец отделения телефонистов Василенок, несмотря на смертельную опасность, восстановил связь и тем способствовал... Ваня стоял впереди шеренги красный, счастливый. Калиновский подошел, крепко пожал руку, уважительно поднес ладонь к фуражке.

Ставя красноармейцам в пример самого молодого бойца на «восьмерке», Калиновский словно забыл, что более всего достается ему самому. В бою он ни на мгновение не позволяет себе расслабиться. В тесной боевой рубке (башне), находящейся в тендере паровоза, идущего всегда в бой именно тендером вперед, с узкими окнами для наблюдений, во время боя сплошной гул от грохота своих орудий, разрывов неприятельских снарядов. Враг целит в рубку, и командиру бронепоезда нужны крепкие нервы. Хороший слух, громкий голос и особенно мужество, выдержка необходимы, тебя слышат каждый миг боя все.

Необходима разумная и спокойная подача команд машинисту, на бронеплощадки, десантному отряду. Делается это с помощью трубы с раструбами. Команды Калиновский подает умело: громко, коротко, выдержанно. Старается тоном своим, даже если очень напряженная обстановка, сообщить бодрость и уверенность в победе всей команде бронепоезда. Никто никогда не слышал, чтобы командир-комиссар повысил голос, дал волю нервам, выругался. А ведь ему всего-то двадцать два с небольшим.

Кто-то предложил откомандировать Василенка «за малолетством» с бронепоезда. Но восстал командир-комиссар Калиновский:

— Кому и когда в Республике Советов молодость мешала отважно сражаться за Родину? Привести красноармейца Василенка к присяге!

Когда надо было, умел Калиновский быть твердым и драться за тех, в кого верил, кому давал путевку в жизнь.

От маленькой станции Зябки и почти до Варшавы протянулся путь армий Запфронта и БП-8. На самых трудных участках дрался

бронепоезд прославленного теперь командира и комиссара Калиновского. Одно упоминание, что против них направлен этот «красный дьявол», приводило в ужас белополяков. Астрономические суммы денег сулили паны-генералы тем, кто сумеет вывести из строя восьмой бронепоезд, пленить или убить «пшеклентного комиссара-большевика», «билэго поляка», «безбожния» Константина Калиновского («проклятого», «бывшего», «безбожника»... Можно гордиться, когда так тебя ругают враги).

Круто повернулся на Висле ход советско-польской войны. Не могли допустить Антанта, весь буржуазный мир победы Республики Советов.

Трудными дорогами отходила на Восток Красная Армия. В арьергарде, прикрывая свои части, постоянно находился «бепо» Калиновского.

У Пинска, сдерживая наседавших белополяков, бронепоезд принял тяжелый неравный бой с артиллерией и бронепоездами противника. Но не отошел до тех пор, пока все наши части не переправились на восточный берег Ясельды.

В один из самых трудных дней обратился к Калиновскому боец Василенок: просил перевести его в отделение подрывников...

Дрогнул Константин, когда понял: Ваня рвется, как он сам когда-то, на самое опасное дело. Исхудавший, позабывший о спокойном сне, мучительно переживающий наш отход, вгляделся в юношу. У того — огромные умоляющие глаза во все лицо, а сам, как командир-комиссар, худой, усталый. И впервые отказал Калиновский смелому, надежному красноармейцу: подрывники уходят последними, незачем ему туда, неопытному в обращении с взрывчаткой, а учить сейчас некогда...

Но жизнь рассудила по-своему.

В конце сентября наши части оставили Пинск. Одна за другой следовали вражеские атаки. Красноармейцы берегли патроны, переходили в рукопашную и медленно отступали вдоль железной дороги на Лунинец.

У бронепоезда на исходе боеприпасы. Подвоза нет. Противник идет по пятам, наседает превосходящими силами. Впереди — мост. Редко, в самые критические моменты, бухают орудия «восьмерки».

Новая атака. Густые цепи противника подходят все ближе и ближе. Молчат орудия и пулеметы бронепоезда — Калиновский бережет каждый снаряд и патрон, с поразительным хладнокровием подпускает врага. Наши части откатываются. Пехотинцы подбегают к бронепоезду, машут, кричат: бей, мол, чего ждешь!..

— По противнику!..— наконец подает команду Калиновский. Он все же медлит, хотя видит: часть красноармейцев, отстреливаясь, отошла к реке. Какое-то шестое чувство, тонкое понимание ритма боя как будто говорит ему: еще подожди, собери свою волю, не стреляй... Ну, а теперь — пора!

— Огонь! — и враз полыхают орудия бронепоезда, и грозный тугой удар отдается по окрестностям, замирает в недальних болотах

— Огонь! — и снова снаряды в упор, в ошалевшего врага.

— Огонь! — и торопливо заговорили пулеметы.

Скоро кончатся боеприпасы, и тогда замолчит бронепоезд. Но этим бой не должен завершиться. Тихо. Пока враг ошеломлен — вперед!

Калиновский открывает дверь командирской рубки, спрыгивает на насыпь. С ним отделение подрывников. Помощник имеет приказ — прикрыть их огнем. С маузером в руке бежит наперерез отступающей группе красноармейцев. За ним, рассыпаясь на бегу в цепь, бросается часть команды бронепоезда, десантный отряд, телефонисты, путейцы — верные товарищи в час смертного боя. Вместе со всеми — тонкая фигурка, юный боец с наганом в руках.

— Сто-ой, сто-о-ой! — кричит Калиновский, подбегая к пехотинцам. Чтобы привлечь к себе внимание, он палит в воздух из маузера.— За мной, в цепь, вперед!

И устремляется навстречу вражеской пехоте. Красноармейцы бегут за ним. Через несколько десятков метров Калиновский командует:

— Ложись! По противнику...

И цепь защелкала выстрелами, чаще, гуще — это возвращались отошедшие к реке красноармейцы.

Пока противник задержан, красноармейские части приведены в порядок и организованно переправляются на восточный берег Ясельды. Но снарядами поврежден путь к мосту и сам мост. Чтобы за бронепоездом противник не бросился вслед, ремонтники должны восстановить путь, пропустив «восьмерку», заложить под мост динамит и взорвать его. Все это предстоит сделать за короткую летнюю ночь. А кому-то надо с группой подрывников под покровом ночи пройти как можно дальше в расположение врага и взорвать в двух-трех местах путь, чтобы вражеские бронепоезда не пустить к реке.

И тогда Калиновский обвел своих взглядом быстрым, оценивающим, потому что решение надо было принимать особенное, и не только как командиру, а и как комиссару. «Кто со мной? Кто со мной?..» Это означало: кому, как себе, верю, у кого нет «семерых по лавкам», кто бегает быстрее ветра и себя не пожалеет, когда надо. Выходило: Ване Василенку оставаться с ним, им двоим последними выходить на путь и взрывать его. А если окажется их «восьмерка» во вражеском кольце, динамитные «конфетки» подложить под тумбы орудий, к буксам и сцепкам вагонов, к ходовым частям бронепоезда и... А налетят белополяки, живыми не даваться. У пилсудчиков повадки деникинцев — как и белые, люто ненавидят тех, кто служит на бронепоездах, а особенно отходящих последними: большевики, ленинские комиссары! Этих мучают и лишь потом убивают.

И молодых, и немолодых. Паренек все понял и решил сразу:

— А я с вами, Константин Брониславович!

— Знаешь, Ваня, что нас ждет, если живыми попадемся? — спросил Константин. Василенок вместо ответа поднес руку к виску, сложил пистолетом, хекнув при этом.

— Отставить,— поморщился Калиновский,— ты же знаешь, не люблю я твоих беспризорничьих ухваток.

— Виноват, товарищ комиссар, больше не повторится. А идти с вами должен только я.

Если Ваня что-то обещал, на него можно положиться. В бою хлопчик был проворен и сообразителен.

Они выполнили все, что задумал и взялся со своими бойцами осуществить Калиновский. Путь на мосту был сшит на живую нитку. И только искусный, да еще с крепкими нервами машинист мог провести тяжелый бронепоезд. Это может сделать Чугунов — сделать хладнокровно, ювелирно. Рассветало, и пилсудчики могли обнаружить отход. Константин считал: риск оправдан, ни за что он не хотел взрывать свою «восьмерку», она еще послужит республике. Чугунов неслышно двинул бронепоезд. Красноармейцы, ремонтировавшие насыпь, восстанавливавшие путь, свинчивавшие рельсы, взрывавшие стыки и стрелки перед носом белополяков, казалось, готовы были плечи подставить, руками толкать родную «восьмерочку». Только вышло солнце из-за зубчатого края лесов, громыхнул взрыв. Глубокая, с топкими берегами Ясельда отделила наших от врагов.

И опять, готовая к боям, стоит на путях, вся в шрамах и вмятинах, зелено-серая бронированная махина: «бронепоезд Калиновского», БП-8. Его команда выстроилась вдоль состава. К боевым товарищам обращается Константин Калиновский:

— Разгромим, товарищи, черного барона и — по домам! Такая участь ждет каждого врага, поднявшего оружие на страну рабочих и крестьян.

Стоит в строю высокий, худой, в старой форменной фуражке машинист Чугунов, стоит, подняв подбородок с ямочкой, повзрослевший Ваня Василенок. Слушает строй своего командира-комиссара. Всю жизнь потом будут гордиться они, что воевали под началом этого удивительного человека.

...Только один — прекрасный и суровый — был в ту пору орден у Республики Советов — орден Красного Знамени. И дважды получал высокую революционную награду командир-комиссар бронепоезда № 8 Константин Калиновский: за июльский прорыв обороны врага у станции Зябки и за сентябрьскую переправу через Ясельду у Пинска. Как отмечалось в обоих приказах о награждениях, своими мужественными и умелыми действиями способствовал общему делу и успеху операций, примером личной храбрости воодушевлял и увлекал товарищей красноармейцев.

Сергей
НИКОЛАЕВ

ПО СТЕПЯМ ТАВРИИ

Над станицей Белореченской висела густая серая пыль, поднятая копытами тысяч лошадей и колесами бесчисленных повозок. За полвека существования станицы жители не видели такого скопления войск. До отказа забитые дома не могли вместить такую массу людей, а они все продолжали прибывать по железной дороге и в походном порядке. К берегам реки Белой в том месте, где она выходит из объятий Большого Кавказа, стекались полки Отдельной кавалерийской бригады 33-й стрелковой дивизии, 1-й Кавказской кавалерийской дивизии, 1-й Таманской кавбригады, подходили маршевые эскадроны из Новочеркасска и Твери. Шло формирование новой боевой единицы Красной Армии — 5-й Кубанской кавалерийской дивизии.

Каждый прибывавший эскадрон приносил с собой устоявшиеся традиции и привычки, сложившиеся за годы войны. Со стороны командиров и комиссаров требовалась немалая выдержка, настойчивость, сила воли, чтобы из огромной массы бойцов создать монолитный, боеспособный коллектив. Любители «вольницы» сразу же почувствовали твердую руку молодого начдива Якова Балахонова. Из своих двадцати восьми лет он уже успел четыре года провести в окопах империалистической войны, с начала 1918 года командовал 2-м Кубанским революционным отрядом, затем Отдельной кавалерийской бригадой 33-й стрелковой дивизии и вот 2 сентября 1920 года приказом по 9-й Кубанской армии был назначен начальником дивизии.

Стояла ранняя осень — самая благодатная пора на Кубани. Под тяжестью плодов гнулись к земле ветви деревьев. Сдав в Черноморской стрелковой бригаде дела военкома своему заместителю, Василий Винников-Бессмертный ехал в Белореченскую к месту новой службы. За окнами медленно ползущего поезда открывалась живописная панорама Кавказа. Когда состав изгибался по ущелью, из окна были видны сосредоточенные лица красноармейцев, прильнувших к пулеметам. В горах скрывались остатки разгромленной весной армии Деникина и банды «зеленых».

10 Заказ 4800

Вскоре горы кончились, и за окнами вагонов потянулась плодородная долина Кубани с богатыми станицами. В Белореченскую поезд пришел под вечер. Едва Василий Лаврентьевич спрыгнул на землю, как к нему тут же подбежал, придерживая шашку, щеголеватый ординарец. Каким-то внутренним чутьем он угадал, что перед ним новый комиссар дивизии, хотя внешне он ничем не отличался от многих сошедших с поезда людей.

— Добро пожаловать, товарищ комиссар,— поприветствовал он приехавшего.— Начдив ожидает вас дома.

На грязной, до предела забитой войсками привокзальной площади коноводы держали на поводу лошадей. Ординарец лихо вскочил на серого в яблоках жеребца и с явным любопытством бросил взгляд на комиссара. Ему не терпелось увидеть и оценить его кавалерийские навыки. Молодой казак, с детства привыкший к лошадям, считал, что только рожденные на берегах Дона и Кубани могут быть лихими наездниками. Взявшись за луку седла, не вставляя ногу в стремя, Василий легко вспрыгнул на молодую кобылу вороной масти. Ординарец и коноводы одобрительно переглянулись...

В тесной хате с двумя узкими оконцами, задернутыми цветастыми ситцевыми занавесками, за столом ужинал Яков Балахонов. Увидев входившего комиссара, он поднялся навстречу, крепко стиснул руку. Двое молодых людей стояли друг против друга и были удивительно похожи между собой. Оба коренастые, крепко сбитые, с сильными рабочими руками.

Родились они, как оказалось, в один и тот же год, а потом в юности почти одновременно ушли, гонимые нуждой, из дома на заработки, познали тяжелый труд, столкнулись с лишениями. С первой же встречи между ними возникло то чувство взаимного доверия и искреннего уважения, о котором не говорят, а ощущают постоянно, всем сердцем.

Каждый, не теряя времени, занялся своим делом. Начдив «выколачивал» у снабженцев обещанное вооружение и боеприпасы, придирчиво проверял в частях боевую подготовку и джигитовку, а военкома целиком поглотила политическая и партийная работа среди красноармейцев.

Особенно много внимания требовал 6-й полк, прибывший из Отдельной кавалерийской бригады. В нем было немало кубанских казаков, служивших когда-то в армии Деникина. Куда бы ни ехал военком, а обязательно старался попасть в станицу Тимашевскую, где стоял полк. Выкраивал час-другой, чтобы побеседовать с красноармейцами. Чаще всего разговор вращался вокруг земли, хлеба, армии Врангеля, засевшей в Крыму.

Беседуя с бойцами, он терпеливо разъяснял, что такое Советская власть и каково ее отношение к казачеству. Такие встречи вызывали большой интерес и у жителей станиц. Приходила не только мо-

лодежь, но и седобородые старцы, которые засыпали комиссара вопросами.

Особенно интересовало их, что будет с хлебом. Урожай на Кубани в тот год выдался отменный, и казаки побаивались, как бы у них не забрали все зерно. Военком откровенно говорил станичникам, что из-за неурожая в центральных районах России создалось крайне тяжелое положение с продовольствием. Многие губернии, которые раньше имели избыток хлеба и снабжали им городское население, теперь сами нуждались.

— Надо помочь рабочим России хлебом,— убеждал казаков комиссар.— В свою очередь город пришлет вам мануфактуру, мыло, керосин и другие товары, в которых нуждаются ваши семьи.

За годы войны кубанские станицы сильно обезлюдели, мало осталось и лошадей, пригодных к полевым работам. Винников-Бессмертный обещал казакам, что красноармейцы помогут в уборке урожая.

Выступая в станице Тимашевской на партийной конференции, которая была посвящена проведению кампании по заготовке и вывозке хлеба голодающему центру, военком говорил:

— Каждому красноармейцу, комиссару, командиру надлежит помнить, что наряду с исполнением им своих прямых обязанностей он должен принять все меры к тому, чтобы Россия имела хлеб, чтобы были накормлены рабочие, изготовляющие нам на заводах оружие, чтобы были накормлены наши семьи, находящиеся в России. Мы освободили Кубань от белых банд, своей кровью отстояли ее недавно от покушения со стороны врангелевского десанта, теперь мы должны помочь собрать созревший на Кубани урожай и отправить зерно Советской России.

Участники конференции постановили: разъяснять станичникам в беседах и на митингах политику партии, убеждать население как можно скорее сдавать хлеб, провести субботники и воскресники, помогая крестьянам убирать и молотить зерно. Всем бойцам бережно и заботливо относиться к продовольствию.

С песнями и развернутыми знаменами выходили красные кавалеристы на уборку урожая. Красноармейцы трудились в охотку. Соскучившиеся по земле, по мирному крестьянскому занятию, они до захода солнца скашивали спелые хлеба, возили снопы, обмолачивали зерно на току. Вместе со всеми работал и комиссар дивизии, вспоминая горячие дни страды на родной Орловщине.

С помощью красноармейцев весь выращенный урожай скосили и обмолотили быстро и без каких-либо потерь. Молодежь станиц выступила инициатором сверхплановой сдачи хлеба, они собрали дополнительно к установленной продразверстке четыре тысячи пудов зерна и другого продовольствия, отправив все это трудящимся Москвы. Далось это нелегко.

Порой приходилось вместо серпов и кос брать винтовку и отражать налеты бандитов, пускаться за ними в погоню. Потерпев поражение в открытом бою, враги Советской власти пытались задушить революцию голодом. Под покровом ночной темноты бандиты пробирались в станицы, уничтожив охрану, поджигали посевы и амбары с зерном. Сотворив черное дело, не мешкая, они уходили в горы на свои базы, расположенные в труднодоступной местности.

Красные конники не раз нападали на след бандитов, но те, предупрежденные своими людьми, которые были в станицах, ускользали, избегая стычек, совершали быстрые и длительные переходы, постоянно меняли маршруты движения. Однажды во время прочесывания леса неподалеку от Майкопа части 2-й бригады натолкнулись на банду полковника Крыжановского. На сей раз ей не удалось уйти. Окруженная со всех сторон, в ходе жестокого боя она была полностью уничтожена. Захваченные пленные рассказали о тайных лесных и горных тропах, по которым бандиты уходили от преследования. Вскоре удалось разгромить их наиболее крупные отряды. Теперь уже никто не мешал уборке урожая. В конце сентября эшелоны с кубанским хлебом ушли в Тверь и Нижний Новгород.

Дни проходили в напряженном ритме. Спал военком урывками, по три-четыре часа в сутки. При штабе дивизии имелось три легковых автомобиля, но Василий Лаврентьевич предпочитал ездить верхом, чтобы не отличаться от остальных кавалеристов дивизии. Приезжая в часть, не торопился в штаб. Заходил в дома, где жили бойцы, заглядывал на кухню, интересовался, чем кормят.

Комиссар проявлял заботу и о том, чтобы конники имели добротную одежду и обувь, но когда однажды начальник снабжения дивизии представил ему на подпись требование для получения с армейского склада обмундирования для всех бойцов 5-го полка, военком возмутился:

— Я не допускаю мысли, чтобы все красноармейцы были раздеты и разуты. Следовательно, ведомость составлена вами без надлежащей проверки,— строго отчитывал он снабженца.— Страна испытывает огромную нужду, а вы с необыкновенной легкостью относитесь к народному добру. Для первого раза ставлю вам на вид. Если повторится подобный случай, получите самое суровое наказание.

Военком хорошо знал настроение бойцов, в каждом полку у него имелись надежные люди, на которых он мог положиться в трудную минуту. Во всех эскадронах были созданы коммунистические ячейки, которые постоянно росли за счет сочувствующих.

Культурно-просветительские кружки готовили концертные программы с народными песнями и танцами и выступали в станицах перед красноармейцами и местной казачьей молодежью.

Рабочий день военкома затягивался за полночь. Полки дивизии

располагались в радиусе до двухсот верст, и везде ему необходимо было побывать, своими глазами увидеть, как проводится политическая работа, как идет подготовка к предстоящим боям. Формирование дивизии подходило к концу.

28 сентября военком поздно возвратился из станицы Крымской и, не ужиная, лег спать, попросив своего ординарца разбудить в 5 часов утра. Но среди ночи его поднял с постели громкий и настойчивый стук в окно. Винников выглянул на улицу и увидел вестового из штаба дивизии.

— Товарищ комиссар, вас срочно вызывают в штаб.

Над столом, освещенным неярким светом керосиновой лампы, склонились двое: начдив Яков Филиппович Балахонов и начальник штаба Виктор Антонович Снарский. Остро отточенными карандашами они наносили на развернутой карте какие-то пометки. Начдив кивнул головой вошедшему:

— Знаю, что поздно вернулся. Не хотел будить, но получен приказ выступать. Дивизия включается в состав группы войск таганрогского направления 13-й армии.

Балахонов протянул комиссару листок бумаги с наклеенной на нее телеграфной лентой. Военком глазами пробежал по строчкам. «В самом спешном порядке приготовить дивизию к погрузке и переброске по железной дороге,— говорилось в экстренном сообщении.— Погрузку производить без всякой задержки, так как дорог каждый час. По прибытии на станцию Матвеев Курган, не ожидая подхода следующих эшелонов, немедленно выслать разведку к реке Мокрый Еланчик, прикрыть полком Матвеев Курган с запада для безопасной высадки последующих эшелонов. У местечка Кирсановка установить связь с соседними частями. На участке Таганрог—Матвеев Курган находятся два бронепоезда. Свяжитесь с ними. Выполняйте задачу сообща. Командующий 13-й армией Уборевич».

— Вот так-то, комиссар. Как видишь, не до сна теперь. После войны отсыпаться будем,— улыбнулся начдив.— Я вместе с Виктором Антоновичем отправляюсь в первом эшелоне. Тебя прошу остаться здесь руководить погрузкой. Передислокацию надо провести в самые сжатые сроки. Давай поднимать людей. К утру на станцию подадут для нас вагоны.

В разных концах станицы тревожно запели трубы, подавая сигнал тревоги. Вмиг ожили улицы. Захлопали калитки, раздались возбужденные голоса, отрывистые команды, ржанье лошадей, дробный стук колес. Эскадроны торопились на станцию. Погрузка началась с первыми лучами солнца.

Паровоз уже стоял под парами, и машинист, посматривая из окна, терпеливо ждал, когда комиссар скажет бойцам несколько напутственных слов. Полк выстроился у вагонов. В голове его трепетало на ветру красное знамя.

— Товарищи! — разнесся над шеренгой громкий голос военкома.— Мы отправляемся на фронт, чтобы разбить черного барона. Если бы на юге не было Врангеля, Советская Республика была бы свободна от войны и могла бы вернуться к мирному труду.

Кто мешает этому? Врангель! Кто стоит на пути к миру? Врангель! Нам нужен мир и труд. Но на пути к миру и труду стоят врангелевские банды. Уничтожим же Врангеля, сотрем его банды с лица земли. Вперед к победе!

Раздалась команда «По вагонам!». Лязгнув буферами, состав тронулся и, набирая скорость, двинулся на север. Из раскрытых дверей теплушек доносились звуки гармоней, рвалась на степные просторы песня.

Полки 5-й Кубанской кавалерийской дивизии выгружались на станции Неклиновка и далее в конном строю форсированным маршем двигались в район Ефремовка—Коньково. Из штаба армии сообщили, что возле Цареконстантиновки под нажимом вражеских войск начали отходить части 40-й стрелковой дивизии. Командарм приказал в срочном порядке перебросить кавдивизию в район Алексеевки и повести наступление на станцию Большой Токмак.

Конные полки шли весь день, не встречая противника, только вдали, на значительном расстоянии, маячили белогвардейские разъезды. Они следовали за дивизией словно тени, ни на один миг не выпуская ее из поля зрения. По всему чувствовалось, что белые подтягивают силы. Так оно и случилось. Встречный бой с вражескими частями произошел неподалеку от Большого Токмака.

Несколько раз в течение дня неприятель пытался атаковать дивизию, но, встреченный сильным огнем, откатывался назад. Упорный бой шел весь день и стих только с наступлением темноты.

Лишь под утро Василий Лаврентьевич попал в штаб дивизии и сразу же заметил: Балахонов взволнован.

— Хорошо, что ты прибыл,— сказал он.— Получен приказ командующего Южным фронтом Михаила Васильевича Фрунзе. Нашей дивизии дается серьезное задание. Идем к начальнику штаба, посоветуемся. Надо все взвесить и предусмотреть до мелочей.

5-й Кубанской кавалерийской дивизии ставилась задача — прорваться в тыл к белогвардейцам и, двигаясь по маршруту Черниговка—Большой Токмак—Васильевка, отвлечь на себя силы противника, которые настойчиво теснили к востоку части 2-й Донской стрелковой и Морской экспедиционной дивизий. Врангель ставил перед своими войсками задачу — опрокинуть 13-ю армию, прорваться в Донецкий угольный бассейн и далее, если удастся, проникнуть на Дон, чтобы пополнить свою армию за счет донских казаков.

На подготовку рейда в тыл врага кубанцам отводилось всего два дня. Сознавая всю сложность предстоящей операции, штабные работники, командиры и комиссары действовали энергично и сла-

женно. Они взяли на учет, вооружили и перевели в эскадроны всех бойцов, находившихся в тыловых учреждениях. На военном совете было решено обозы с собой не брать, оставив их под охраной небольшого сводного отряда. Всем частям, уходившим в рейд, было приказано запастись на три дня мукой и фуражом.

Всю ночь перед выходом в боевой поход над хатами вился из печных труб сизый дымок и на безлюдных улицах станицы дразняще пахло свежеиспеченным хлебом. Его требовалось большое количество, и поэтому в помощь армейским пекарям пришлось мобилизовать всех местных хлебопеков.

Перед выходом в рейд крупных митингов и собраний не проводили. Комиссары и работники политотдела дивизии беседовали с небольшими группами бойцов, разъясняли им цель рейда, отвечали на многие вопросы. Пока шла подготовка к рейду, разведчики во главе с Акимом Кравченко искали в обороне противника уязвимое место, где можно было бы скрытно перейти линию фронта. Под покровом темноты на передний край отправлялись разведывательные группы. По результатам их донесений и допроса захваченных пленных выбор пал на отдаленный хутор Поповка. Однако Балахонов и Винников, посоветовавшись между собой, решили еще раз проверить, правильно ли они выбрали место перехода линии фронта. Посланный в этом направлении эскадрон без помех прошел в тыл к белым, но, пройдя несколько верст, напоролся на сильно укрепленные позиции и с трудом пробился обратно к своим. Пришлось отложить начало рейда еще на один день. За это время разведчики нащупали свободное место в стыке двух вражеских дивизий. Главная задача состояла не только в том, чтобы незаметно проскользнуть в тыл врага, но и без шума обойти Андреевку — село, где располагался крупный резерв врангелевских войск.

Когда темнота осенней ночи окутала землю, полки быстро снялись со стоянки. Бойцы предусмотрительно обвязали копыта коней мешковиной, и те ступали по земле почти бесшумно. Эскадроны замыкали пулеметные тачанки. Ездовые то и дело брали упирающихся лошадей под уздцы и продвигались вперед едва ли не на ощупь.

Комиссар вглядывался в проходящую мимо него колонну. Повинуясь приказу, никто из бойцов не курил, не разговаривал и, несмотря на кромешную темноту, не отставал от строя. Только слышалось пофыркивание лошадей, да изредка по чьей-то спине хлопал плохо подогнанный карабин.

Дивизия, не останавливаясь, шла всю ночь. На рассвете ей удалось удачно обойти кавалерию белых, сосредоточившуюся в Андреевке. Первая часть смелого рейда прошла успешно.

Над просыпающейся землей занималась заря. Под солнечными лучами туман постепенно рассеялся, и над головой открылась бездонная голубизна неба. К ехавшим в голове колонны начдиву и

комиссару подскакал и осадил разгоряченного коня командир 1-й бригады.

— Товарищ начдив, людям и лошадям нужен отдых. Всю ночь в походе. Бойцы засыпают на ходу. Нужна передышка.

— Никаких остановок. В полдень сделаем в какой-нибудь балке короткий привал и опять в поход, чтобы к вечеру достигнуть Вячеславской. Там устроим ночевку.

Часы тянулись медленно. Но вот вдали показались крыши домов, крытые камышом. Почуяв близкий отдых, кони прибавили шагу, и в это время в небе послышался рокот мотора. Винников-Бессмертный поднял голову и увидел аэроплан, похожий издали на парящую в воздухе стрекозу.

— Кажется, нас обнаружили,— обратился он к Балахонову.— Теперь жди неприятности.

Осенний день короток. Едва дивизия втянулась в село, как наступили сумерки. В тесной крестьянской избе собрались на совет командиры. Они плотной стеной окружили стол с развернутой на нем картой.

— Обнаруживший нас летчик, вернувшись к себе, сразу же доложит начальству, что мы движемся вот по этой дороге,— Балахонов провел пальцем по карте.— Наверняка беляки готовят сейчас нам встречу, а мы постараемся их обмануть. Вот здесь круто свернем и подойдем к Большому Токмаку. Совсем с другой стороны, где они нас не ожидают. Если других предложений нет, прошу разойтись по своим местам. Ночевать здесь не будем. Выступаем в час ночи.

Полки шли без передышки, ускоренным маршем. До цели рейда, крупной железнодорожной станции Большой Токмак, осталось совсем немного, как говорится, рукой подать. Густая растительность, окружавшая село, надежно укрыла бойцов. Целый день, сменяя друг друга, летали в небе вражеские аэропланы, пытаясь обнаружить зашедшую к ним в тыл бесстрашную дивизию, но, выполняя строгий приказ командиров, красные конники не нарушали маскировку. Чтобы совершенно сбить неприятеля с толку и ускользнуть от наблюдения, начдив и комиссар решили выступить в поход только с наступлением темноты и двигаться без остановки всю ночь до восхода, а потом, затаившись в укромном месте, ждать прихода сумерек.

Винников-Бессмертный в сопровождении своего ординарца направился к хате, отведенной ему для ночлега. Василий Лаврентьевич въехал в отворенные стариком хозяином ворота, соскочил с лошади, внимательно осмотрел ее и покачал головой. Она стояла понурая, уставшая от бескормицы и постоянных скачек. Подошедший хозяин прервал его невеселые думы:

— Та вы заходьте до хаты. А киня мы поставим и нагодуем и напоим.

Винников через сени вошел в хату. Сняв шапку и маузер, присел к столу, где хозяйка собирала ужин... и проснулся от того, что кто-то сильно тряс его за плечо.

— Товарищ комиссар, наши часовые задержали какого-то беляка с пакетом. Может быть, что-то важное,— говорил ординарец.

Василий Лаврентьевич быстро оделся и вместе с ординарцем вышел на улицу. В отражении лунного света виднелись быстро плывущие облака. Вокруг ни звука, казалось, что все кругом забылись в глубоком сне, но стоило им сделать несколько шагов, как в ночной тишине раздался властный голос:

— Стой! Кто идет? Пароль?

— Шило,— чуть слышно ответил комиссар.— Штык,— прозвучал в ответ отзыв.

В конце хутора Винников-Бессмертный увидел группу бойцов. Подошел. В окружении красноармейцев стоял задержанный — совсем еще молоденький солдат. Его серые округлившиеся глаза выражали страх, руки предательски дрожали, не в силах застегнуть пуговицы распахнутой кожаной куртки.

— Вот, товарищ военком, у него отобрали,— и один из бойцов протянул комиссару толстый пакет с пятью сургучными печатями.

— Куда вы направлялись? — спросил Винников у пленного, но тот так сильно перепугался, что не мог выговорить ни слова. Зато задержавший его часовой охотно рассказывал о случившемся.

— Я стоял у дерева. Только хотел свернуть цигарку, слышу, тарахтит вдали. Забежал в хату и стал будить красноармейцев. Говорю: «Вставайте! Врангель в гости к нам едет». Притаились мы. Видим, из-за поворота дороги показалась мотоциклетка. Я вышел из укрытия и громко крикнул: «Стой!» Он вначале ничего не понял. Остановился и спрашивает: «В чем дело?» — «Слезай, говорю».— «Мне, отвечает, некогда, я пакет везу».— «Тебя-то мы как раз и ждали»,— пошутили наши ребята, выходя на дорогу. А он в толк не возьмет, что от него хотят. «Пустите же, мне надо срочно». Только когда мы подошли к нему вплотную, понял, что попал как кур в ощип, и без сопротивления сдал пакет.

Комиссар поблагодарил красноармейцев за находчивость и направился к дому, где остановился Балахонов. Но успел сделать лишь несколько шагов, до его слуха отчетливо донесся звук работающего мотора, и он повернул обратно. Бойцы еще не успели разойтись. Они расположились по обе стороны улицы и стали ждать. Вскоре, освещая дорогу фарами, на хуторскую улицу въехал автомобиль. На сей раз в засаду попала добыча покрупнее. В руках красноармейцев оказались четверо врангелевских офицеров, ехавших из Большого Токмака в сторону фронта.

Сведения, почерпнутые из содержания пакета и допроса пленных офицеров, позволили разработать четкий план предстоящей опера-

ции: 5-я Кубанская кавалерийская дивизия разделилась на две колонны. На одну из них возлагалась задача атаковать железнодорожную станцию, где в вагонах находился штаб 3-го Донского корпуса белых, главные же силы должны были нанести удар по населенному пункту, сплошь забитому войсками и тыловыми учреждениями.

К Большому Токмаку дивизия подошла на рассвете и тут же разделилась на две части. Балахонов отправился к селу, Винников-Бессмертный остался с теми, кому предстояло атаковать станцию.

— Ну что, комиссар, всыплем белым гадам как следует? — задорно, по-мальчишески проговорил начдив и, повернув своего коня, помчался догонять уходившую на рысях колонну.

Красные кавалеристы свалились на врангелевцев как снег на голову. Головной отряд, собранный из числа добровольцев, бесшумно почти вплотную подошел к караульному батальону и с криком «Ура!» бросился в кавалерийскую атаку. Застигнутые врасплох белогвардейцы побежали, но никому из них не удалось уйти. Все они нашли смерть от острых клинков. Уничтожив в жарком бою караульный батальон, эскадроны 5-й Кубанской кавалерийской дивизии стремительно ворвались на станцию.

На вокзале и станционных путях начался невообразимый переполох. Из окон и дверей вагонов выскакивали в одном белье охваченные паникой офицеры и тут же изрубленными падали на землю.

Бой затихал. Комиссар приказал уничтожить все, что имелось на складах и в железнодорожных составах. От мощных взрывов вздрогнула земля. Это взлетели на воздух вагоны со снарядами и боеприпасами, запылали склады с инженерным оборудованием. В бушевавшем огне сгорело три бронемашины, шесть исправных аэропланов, полученных врангелевцами из Франции, разная амуниция и другое ценное военное имущество.

Одновременно с налетом на станцию главные силы дивизии во главе с Яковом Балахоновым ворвались на улицы Большого Токмака, где началась беспощадная рубка разбегавшихся в панике солдат и офицеров тыловых учреждений Донского корпуса. Блестящая операция длилась около двух часов, после чего, построившись в колонну, дивизия двинулась дальше. В центре ее, в окружении конвоя, ехал пленный генерал Топилин.

Дерзкий и необычайно смелый налет красной конницы на Большой Токмак вызвал панику среди вражеских войск. Стремясь уничтожить дивизию, противник стал спешно снимать с фронта свою конницу и пехоту. Когда полки 5-й Кубанской кавалерийской дивизии остановились для короткой передышки, их атаковали с воздуха четыре аэроплана. Врангелевские пилоты яростно метали бомбы в жилые дома и в расположившихся на улицах и в садах красноармейцев. Они сбросили более двухсот бомб, в результате чего дивизия понесла значительные потери в личном составе, погибло много лоша-

дей. Пришлось уйти из села. Весь путь до Щербаковки самолеты врага преследовали колонны, и только с наступлением темноты вражеские летчики оставили конников в покое.

Красноармейцы ехали молча. Даже у заядлых шутников пропало желание говорить. На запыленных лицах светились воспаленные от бессонницы глаза. Оживление вносило внезапное появление комиссара дивизии. Как всегда, бойцы видели его невозмутимым и спокойным.

— Выше голову, орлы! Что носы повесили? Еще один переход, и мы у своих. Повара уже, наверное, вкусный обед приготовили, ждут не дождутся нашего прихода,— шутил Василий Лаврентьевич, и бойцы приободрялись, светились улыбками, а комиссар, растворяясь в клубах пыли, мчался в хвост колонны.

Поздно вечером дивизия остановилась, чтобы дать возможность бойцам немного отдохнуть, обсушиться, обогреться и впервые за последние сутки отведать горячей каши.

Несмотря на пережитую бомбежку и непогоду, красноармейцы не унывали. Повсюду слышался оживленный разговор, прерывавшийся взрывами хохота. Кавалеристы теперь уже не без юмора делились впечатлениями о налете аэропланов. Винников-Бессмертный подошел к группе бойцов, собравшихся вокруг большого казана, увидев комиссара, они поднялись, уступая ему место.

— Сидите, сидите! Я вот здесь, рядышком пристроюсь. Как кулеш?

— Отменный, товарищ комиссар. Хотите отведать? — Кто-то протянул ему свою деревянную ложку. Военком зачерпнул густую кашу со шкварками, обжигаясь, проглотил: — Вкусно!

Бойцы и дивизионный комиссар ели молча, с аппетитом. Покончив с едой, они дружно достали кисеты, свернули цигарки.

— Хороша кашка, да мала чашка,— пошутил военком, отдавая красноармейцу ложку.— Заправляйтесь как следует. Завтра, по всей видимости, пообедать не придется. Предстоит жестокий бой. До наших верст тридцать осталось. Белые сделают все, чтобы окружить и уничтожить нас. Они сняли с фронта две кавалерийские дивизии. Так что мы свою задачу выполнили, сорвали их наступление. Теперь бы благополучно выбраться из мешка и дойти до своих, тогда можно считать, что мы с вами в рубашке родились.

Красноармейцы внимательно, не проронив ни звука, слушали комиссара, увидев, что уставших бойцов одолевает сон, он стал прощаться:

— Отдыхайте, набирайтесь сил перед трудным походом.

Василий Лаврентьевич легко поднялся с места и исчез в темноте.

Балахонов, Винников-Бессмертный, Снарский и командиры бригад собрались на совет. Его участники пришли к единодушному мнению — вконец измотанной дивизии следует двигаться к фронту,

по возможности избегая крупных схваток. Исходя из этого, решили изменить маршрут. Ночью все эскадроны получили новый приказ, а на рассвете отдохнувшие кавалеристы снова двинулись в путь.

От села до переправы через реку Токмак дорога оказалась на редкость трудной. Колеса орудий и копыта лошадей вязли в сыпучем белом песке. На пути без конца приходилось преодолевать глубокие лощины с крутыми подъемами и спусками. Наконец показалась река с перекинутым через нее деревянным мостом, явно не внушавшим доверия. Но полк за полком переходил на противоположный берег, а мост держался молодцом — кряхтел, скрипел, качался, но все же стоял.

Начдив и военком дивизии, не слезая с лошадей, наблюдали за переправой и с надеждой поглядывали на шатающиеся от тяжести сваи — выдержат ли? Однако все обошлось благополучно. Дивизия без задержки перешла Токмак, и тут же мост запылал, подожженный саперами.

Голова колонны, растянувшейся на несколько верст, вступила на сельскую улицу, и в этот момент к Балахонову и Винникову-Бессмертному подскакал на взмыленной лошади дивизионный разведчик.

— Товарищ начдив, впереди белые. Наш разъезд обстрелян в четырех верстах отсюда.

Балахонов повернулся к ординарцу:

— Сообщи комбригам — продолжать движение. Быть начеку, рядом противник.

Только дивизия вышла из Федоровки, как ее тут же атаковали в конном строю три вражеских полка. Неудержимо накатывалась белоказачья лава, казалось, еще мгновенье и она врежется в идущую по дороге колонну, сметет ее со своего пути. Но не зря отрабатывали на Кубани красноармейцы все варианты встречного боя.

— Налево, марш! — скомандовал начдив шедшему за ним комендантскому эскадрону.— Шашки к бою!

Сверкнули на солнце острые клинки, рассыпавшаяся сотня храбрецов устремилась навстречу трем вражеским полкам. Вслед за ними на глазах у противника быстро развернулись в боевой порядок все полки дивизии и не мешкая бросились на помощь храброму эскадрону.

Степь огласилась топотом копыт, звоном сабель, предсмертным хрипом умирающих. Обе конные лавины сшиблись в смертельной схватке. Бойцы прокладывали себе дорогу в центр сражения, туда, где, окруженные казаками, сражались начдив и комиссар.

Винников-Бессмертный действительно был «бессмертным», ни пуля, ни шашка не брали его, а сам он, не надеясь на саблю, метко поражал врагов выстрелами из маузера.

Более часа длилась жестокая сеча, в конце концов казаки не

выдержали и обратились в бегство. Расчистив себе дорогу, дивизия вновь построилась в колонну и, не теряя времени, поспешила к линии фронта.

Однако белые не отказались от своего намерения расправиться с красными кавалеристами. У Святодуховки 5-ю Кубанскую кавалерийскую дивизию встретил сильный пулеметный и артиллерийский огонь, но она, не отвечая на обстрел, обошла село стороной и продолжала движение: все быстрее и быстрее к заветному рубежу, ведь каждая пройденная верста приближала ее к своим войскам.

Впереди показалась Туркменовка. От этого села до линии фронта оставалось двадцать верст. Снаряды противника стали ложиться в самой гуще стремительно идущей колонны. Подбирая на ходу раненых и убитых, красные конники шли вперед, но при подходе к селу обстрел усилился, перед ними встала сплошная стена огня. Пришлось рассредоточиться, отвести лошадей в укрытие и занять круговую оборону.

Трижды в этот день неприятель в пешем и конном строю бросался в атаку и каждый раз, понеся большие потери, откатывался назад. Лишь под вечер трубачи заиграли сбор, коноводы вывели лошадей из укрытий, санитары быстро разместили на повозках раненых. Начдив торопил людей, сердцем чуя, что закончившийся бой — только прелюдия серьезного сражения. Белые так легко не расстанутся с мыслью смять и разгромить дивизию. Предчувствие не обмануло его.

Разведка доложила, что врангелевцы подтягивают свежие кавалерийские и пехотные части с артиллерией.

— Положение серьезное, комиссар,— размышлял вслух начдив.— В лоб нам не пробиться, а если и прорвемся, то потеряем много людей, к тому же придется бросить пушки и обоз с ранеными, а такой вариант, как ты понимаешь, не для нас. Надо искать выход.

— Раз другой дороги к своим нет, значит, надо идти напрямик по степи ночью,— предложил комиссар.— Ты поведешь основную часть дивизии с обозами, а я с третьей бригадой скрытно совершу обходный маневр и зайду белым в тыл. Как только они бросятся на вас, мы ударим по ним сзади. Примем на себя удар и дадим вам возможность оторваться от преследования.

Когда на землю опустились сумерки, части 5-й Кубанской кавалерийской дивизии свернули с дороги и прямо по степи и распаханным полям пошли к линии фронта, а кавалерийская группа во главе с комиссаром, совершив стремительный бросок, под покровом темноты пристроилась в хвост белым.

Утром крупные кавалерийские силы врангелевцев поспешили за уходившей от них дивизией красных, стремясь перехватить ее на марше. Когда они уже настигли арьергард и смяли его в короткой схватке, сами были неожиданно атакованы с тыла двумя конны-

ми полками. Красноармейцы, увлекаемые в бой комиссаром, повергли противника в замешательство. Придя в себя, белые всей своей мощью обрушились на 3-ю бригаду, но она стойко выдержала удар, а тем временем основные силы дивизии ушли вперед и в 3 часа ночи 18 октября, пройдя почти 250 верст по тылам противника, вышли к своим, а утром благополучно вырвались из окружения и остатки 3-й бригады.

Доблестные полки 5-й Кубанской кавалерийской дивизии нуждались в отдыхе, и приказом командующего 13-й армией И. П. Уборевича ее вывели в армейский резерв. 22 октября состоялся смотр войск, на котором красным кавалеристам зачитали приказ, подписанный командующим Южным фронтом М. В. Фрунзе, членом Реввоенсовета С. И. Гусевым и врид начальника штаба фронта И. Х. Пауком. В нем говорилось: «Блестящий рейд 5-й кавалерийской дивизии займет одно из первых мест в истории красной конницы. Кроме огромного боевого значения этот лихой набег доказал, что для красной конницы нет преград, что от ее сабель нет спасения и в глубоком тылу. От имени Российской Социалистической Федеративной Республики объявляю благодарность удальцам 5-й кавалерийской дивизии, давшей блестящий пример, на что способна красная конница. Побольше отваги и решительности, побольше таких славных подвигов, и армию Врангеля не спасет ни пространство, ни укрепленные позиции. Да здравствует доблестная Красная Армия и ее командиры! Да здравствует 5-я кавалерийская дивизия!»

За стремительный рейд по тылам врага дивизия постановлением Президиума ВЦИК была награждена Почетным революционным Красным знаменем. Начдиву Якову Филипповичу Балахонову и комиссару дивизии Василию Лаврентьевичу Винникову-Бессмертному вручили Почетное революционное оружие — шашку, к эфесу которой был прикреплен орден Красного Знамени. За всю гражданскую войну лишь 20 военачальников Красной Армии имели столь высокую награду.

Николай
ЕФРЕМОВ

«НЕБЕСНАЯ ВЫШКА» КАХОВСКОГО ПЛАЦДАРМА

— Комиссар, подъем! Комиссар!

Золотов приоткрыл глаза, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение сна. В землянке горела коптилка; Федосеенко писал за столом. Заметив, что Золотов проснулся, стал рассказывать:

— Сейчас из штаба дивизии звонили. Приказано к рассвету поднять аэростат. Позиция по разрешению начальника дивизии — на наше усмотрение. «Под личную ответственность командира и комиссара воздухоотряда. Отвечаете головой!» Я сказал: наше мнение — аэростат должен быть выдвинут вперед, к Днепру.

Золотов глянул на часы — четыре пополуночи.

— Вот я приказ заготовил,— сказал Федосеенко и стал читать:

— «Приказ по 9-му воздухоотряду 6-й армии.

14 октября 1920 года.

Товарищи красные воздухофлотцы!

Каховский плацдарм в опасности. По полученным сведениям, сегодня утром начнется атака 2-го корпуса врангелевцев под командованием генерала Витковского. Ему приданы почти все танки, полученные белыми от англичан,— по данным разведки, более 10. Кроме того, у Витковского несколько десятков бронеавтомобилей и более 70 орудий.

Задача нашего воздухоотряда в предстоящих боях — поднять аэростат и быть зоркими глазами штаба и артиллеристов. Учитывая большую глубину плацдарма, а также трудность обнаружения с высоты танков и бронеавтомобилей, аэростат выдвигается к самому берегу Днепра, на правый фланг плацдарма (позиция № 6). Мы будем находиться в зоне действия не только тяжелых, но и легких неприятельских батарей. Призываю вас соблюдать красную революционную дисциплину, быть внимательными, проявлять выдержку и находчивость.

Командир 9-го воздухоотряда

П. Ф. Федосеенко

Комиссар

П. Г. Золотов».

Золотов расписался под приказом и, натягивая сапоги, спросил:

— Кто сегодня поднимается?

— В порядке исключения, вне очереди — я. Наблюдателем возьму Сидоренко, артиллериста из штаба дивизии. Он должен прибыть к месту подъема.

— Ну уж нет. Знаю я Сидоренко — он и на земле из пулемета стреляет плохо, а уж в воздухе... И ты сейчас не стрелок — рука-то еще не зажила как следует. Налетят аэропланы белых — не отобьетесь. Лучше сам с тобой поднимусь. И два «льюиса» в корзину возьмем. Газ в аэростате свежий, недавно меняли, должен поднять дополнительный груз.

Они вышли из землянки. На поляне перед костром уже был построен воздухоотряд. Федосеенко громко зачитал приказ.

— Комиссар, скажи свое слово.

— Товарищи красные воздухофлотцы! Вчера поздно вечером нас с командиром вызвали в штаб. Там был зачитан приказ Блюхера, командующего группой войск, оборонявшей плацдарм. Довожу до вас главное: «Плацдарм должен быть во что бы то ни стало в наших руках. ...Каждому проявлять больше личной инициативы, поддержку друг друга и помнить, что неудача одного есть неудача общая». Мы с вами будем поддерживать красных бойцов, наблюдая с нашей «небесной вышки» за передвижением и корректируя огонь тяжелых дальнобойных батарей.

Сегодня удар белых направлен на Каховский плацдарм. Врангелевцы хотят до подхода основных наших частей сбросить в Днепр закрепившуюся на плацдарме героическую 51-ю дивизию и захватить переправы, расположенные между Бериславом и Большой Каховкой.

Бойцы, построившие в голой степи укрепления, поклялись защищать плацдарм и переправы до последней капли крови. Они знают, что через эти переправы с Каховского плацдарма должно вскоре начаться наступление Красной Армии на Крым, где окопался Врангель. Именно ради будущей нашей победы бойцы поклялись стоять насмерть. И мы, на своем месте, тоже должны стоять насмерть — под огнем неприятельских батарей и бомбами белых аэропланов.

Товарищи, за работу! К рассвету аэростат должен быть поднят над Каховкой!

Строй красноармейцев распался. Подготовка к выходу с бивака заняла всего полчаса, и вот уже боевая команда воздухоотряда движется к Днепру. Впереди автомобиль с лебедкой, бронированный тонким стальным листом. Этот самодельный броневик не раз выручал отряд, когда приходилось отбиваться от банд Махно. За автолебедкой быстрым шагом шли красноармейцы с двадцатипятиметровым аэростатом и газгольдерами — прорезиненными матерчатыми мешками объемом 120 кубометров, в которых хранился запас водо-

рода для пополнения аэростата. Замыкали колонну телеги со снаряжением и пулеметными командами.

К рассвету прибыли на место. На высоком правом берегу Днепра в небольшой ровной лощине, скрытой от плацдарма, была подготовлена позиция для лебедки, отрыты блиндажи для команды и окопы для пулеметчиков. Телефонисты уже работали, проверяли связь. Тишину здесь нарушали только их голоса да стук мотора автомобиля. На противоположном берегу слышалась артиллерийская канонада. Золотов посмотрел на часы — начало седьмого.

Спешно готовили аэростат к подъему. Командовал сборами Ткачук. Обвешанный приборами метеоролог Тихонов поднялся к краю обрыва и диктовал своему помощнику Пете Скобенко данные наблюдений в журнал погоды — сведения об облаках, ветре, предполагаемой видимости. Пулеметчики занимали позиции, готовясь отразить возможные атаки врангелевских аэропланов.

Вот уже баллон аэростата прикреплен стальной уздечкой к тросу лебедки. Снизу к баллону подвешена корзина для наблюдателей, сзади на длинных веревках — хвостовые парашюты, придающие аэростату в воздухе устойчивость. Украшенный клапаном нос аэростата задирается вверх; бесчисленные веревки, стропы и спуски, только что болтавшиеся в кажущемся беспорядке, натягиваются. Корзина, загруженная балластом — мешками с песком, словно прилипла к земле.

Федосеенко, стоя у корзины, наблюдал за погрузкой снаряжения. Золотов подошел поближе. Вот красноармейцы подвесили к корзине спасательные парашюты. Установили телефонный аппарат. Золотов взял трубку — связь есть. Федосеенко проверил принесенные красноармейцами «льюисы» — трофейные английские ручные пулеметы; посмотрел, как снаряжены запасные диски к ним. В корзине установили метеорологические приборы. Федосеенко и Золотов проверили планшеты с картами, бинокли и компасы. Сверили с Ткачуком часы.

— Наблюдатели, в корзину!

Федосеенко и Золотов забрались в корзину, еще раз проверили снаряжение, помогли красноармейцам вынуть балласт и застегнули пояса, к которым прикреплены лямки парашютов.

— В корзине, есть!

— На лебедке?

— На лебедке, есть!

— Подъем! Отдавай поясные!

Поясные — веревки, пришитые к поясу аэростата,— медленно выползают из рук команды. Аэростат начинает подниматься. Вот уже корзина повисает в воздухе. Аэростат натягивает трос, начинает раскручивать барабан лебедки. Со звоном стучат ее огромные храповые механизмы. Аэростат рвется вверх, земля под ногами воздухоплавателей проваливается.

Перед ними Днепр, огибающий полукольцом плацдарм, Малая и Большая Каховки, переправы между Большой Каховкой и Бериславом, раскинувшимся на высоком берегу, Каховский плацдарм, степь. Горизонт удаляется. Снизу доносится звон лебедки, подъем продолжается. Тонкая вороненая стрелка альтиметра движется вправо по серебряному циферблату.

Пора останавливаться. Федосеенко взял рожок, перегнулся через борт корзины и дал протяжный гудок-сигнал — «стой». Через несколько секунд снизу чуть слышно донесся ответный сигнал — команда выполнена. Корзину слегка дернуло. Хвостовые парашюты аэростата развернули баллон носом к ветру, оттянув корму параллельно Днепру.

На альтиметре — 850 метров. Ветер покачивает аэростат вверх-вниз, немного болтает корзину, но работать можно. Правда, на земле еще темновато. Золотов поднял трубку телефонного аппарата — связь не нарушена. Они раскрыли планшеты, достали из футляров бинокли, устроились поудобнее. Можно приступать к наблюдениям.

Под ними — Каховский плацдарм. Он тянулся вдоль левого берега Днепра километров на сорок. Захваченный Красной Армией всего два месяца назад, в августе 1920 года, плацдарм за короткое время был превращен в мощный укрепрайон. По нему дугами проходили три линии обороны. Внешняя, боевое охранение,— цепь окопов, траншей, защищенных колючей проволокой. Средняя, основной оборонительный рубеж,— сплошная линия траншей и окопов, также защищенная проволокой. Внутренняя, резервная линия обороны, закрывала Большую Каховку и переправы через Днепр.

В центре внешней линии обороны, в районе тракта Каховка — Перекоп и левее его, были видны блестки разрывов. Оттуда поднимался дым. Видимо, основной удар будет нанесен сегодня туда, по позициям 151-й бригады блюхеровской дивизии.

Зазвучал зуммер телефона. Золотов взял трубку.

— Корзина? Золотов? Это Сидоренко говорит. Что же ты меня обскакал, Золотов?

— Спишь долго, Слава.

— А я и не ложился сегодня. Только что с плацдарма. На две минуты к подъему опоздал. Бой видишь?

— Вижу. Начинаем работать?

— Давай.

Золотов передал трубку Федосеенко.

— Доноси, Павло. Проекция аэростата на земле... створы... высота... метеоусловия... видимость... Основной район наблюдений — тернинский и средний сектора обстрела. Обстановка...

Взял бинокль.

— По центру внешней линии — разрывы снарядов. В направлении хутора Куликовского движется колонна белых. Над хутором

дым. Кажется, бомбят... Точно, аэропланы. В направлении хутора Сухина и Любимовки, к высоте 23,21 движутся колонны белых. Дальше пока плохо видно. Федосеенко, спроси, с какой батареей будем работать.

— Сейчас... Литера «Е», дивизион тяжелой артиллерии особого назначения.

— Готовы?

— Да.

— Начинаем корректировать. Ориентир от основного, хутора Куликовского. Влево 0,9; дальше 0,7.

— Огонь!.. Выстрел пошел! Наблюдение?

Правее наступающей колонны взвился столб черного дыма.

— Дальность та же, влево 0,25.

— Огонь!.. Выстрел пошел! Наблюдение?

На этот раз граната разорвалась в центре колонны.

— Ближе 0,3. Залпом.

— Огонь!.. Выстрелы пошли!

— Дальше 0,7. Залпом...

Золотов корректировал огонь артдивизиона по наступающим частям, пока они не подошли вплотную к внешней линии обороны. С высоты с большим трудом можно было разглядеть, как группы бойцов 151-й бригады отходят к основной линии обороны. Огонь артдивизиона пришлось прекратить.

В бинокль Золотов уловил на поле боя какое-то движение. Всмотрелся. По степи к внешней линии обороны шел танк. Левее — еще один. Ползут со скоростью около пяти километров в час. За ними идут врангелевцы.

— Передавай: два танка и пехота. Атакуют. Ориентир от основного, высота 17,14. Дальше 0,8; вправо 0,5.

Артдивизион сразу же начал пристрелку, но накрыть движущиеся цели было нелегко. Танки подошли ко второй линии обороны, и огонь пришлось прекратить. Вот танки смяли колючую проволоку, проутюжили ее вправо и влево, проскочили траншею и двинулись в сторону деревни Терны. Пехота врангелевцев была остановлена перед траншеей и отброшена назад.

Корректируя огонь артдивизиона по пехоте, Золотов временами посматривал на ползущие в тыл плацдарма танки, сообщал Федосеенко, где они находятся. Некоторое время спустя он заметил, что навстречу танкам движется наша полевая батарея, видимо, посланная на их уничтожение.

— Павло, давай меняться, глаза устали.

Золотов взял телефонную трубку.

— Корзина, что там у вас?

— Смена наблюдателя. Сидоренко, это что за батарея выдвигается навстречу танкам?

— Третьего артдивизиона. Как там она?

— Разворачивается. Открыла огонь прямой наводкой. Один танк остановился! Подбит! Второй танк остановился! Подбит! Батарея свертывается с позиций. Уходит. Пехота пошла в атаку на танки. Замешкались, отходят. Видно, беляки их пулеметным огнем встретили. Остановились. Снова ринулись вперед! Окружили танки. Все, захватили! Сидоренко, замечена батарея белых! Развернулась на позиции. Стреляет. Отмечай. Ориентир от основного, Каменный Кол, левее 12. Давай пристрелочную гранату!

— Огонь!.. Выстрел пошел! Наблюдение?

Пристрелка — три выстрела. Когда граната разорвалась, наконец, в расположении батареи, врангелевцы, хорошо знающие значение этого одиночного разрыва, стали сворачивать батарею. Артдивизиону удалось дать всего один залп — беляки быстро покинули позицию.

— Заткнулись — и на том спасибо!

Внезапно трубка замолчала.

— Сидоренко, что там у вас? Сидоренко! Павло, связи нет!

Золотов перегнулся через край корзины. Внизу, у лебедки, разрывы снарядов. Кажется, кто-то упал. В этот момент сбоку от корзины вспыхнуло белое облачко. Шрапнель! Еще, еще...

— Засекли, черти!

Внезапно корзина начала уходить из-под ног. Золотов и Федосеенко схватились за борта. Захлопали паруса аэростата. Стрелка альтиметра поползла влево.

— Подтягивают. Что там внизу?

— Разрывы. Лебедка трогается с места. Меняем расположение.

Спуск прекратился. Золотов посмотрел на альтиметр — 720 метров. Внезапно запищал зуммер телефона.

— Корзина!

— Что там у вас?

— У нас порядок. Почему не было связи?

— Осколком провод перебило. Сейчас поймали хвост, соединили.

— А что с командой?

— Порядок. Ранило одного красноармейца, но не сильно. Меняем место подъема. Вас опускать не будем, вытянем по воздуху.

— Как там настроение?

— Боевое! Говорят, жалко, что при движении наблюдать нельзя — сейчас еще бы парочку танков нащупать. Григорьев говорит: отобьем врага, пойду на подбитом танке сфотографируюсь. За вас беспокоятся, видят, что вокруг аэростата шрапнель рвется. Погоди... Пост наблюдения сообщил — к аэростату со стороны Мелитополя летят три аэроплана белых. Высота — примерно две тысячи метров. Готовьтесь!

— Павло, аэропланы! Гляди на восток! Две тысячи метров!

— Вижу. Бери «льюис».

Федосеенко зарядил пулемет и передал Золотову. Сам стал налаживать второй. Аэростат перестало болтать — лебедка остановилась. Золотов, держась рукой за край корзины, глянул вниз. Пулеметные расчеты разбегались в разные стороны от лебедки, чтобы успеть занять удобные для стрельбы позиции.

Корзина снова стала проваливаться вниз. Их притягивали к земле, чтобы пулеметчикам было легче отгонять врага. Золотов проверил, не перепутались ли стропы их парашютов. Ветер переменил направление, теперь корму аэростата отнесло от Днепра. Корзина остановилась. Он посмотрел на альтиметр — 350 метров — и положил пулемет на борт корзины.

Снизу застрочили пулеметы. Федосеенко тоже открыл огонь. Звук выстрелов резонировал, отражаясь от оболочки аэростата. Золотов примерился, поймал в прицел левый аэроплан, разворачивающийся для атаки, и нажал гашетку. Пулемет затрясся в его руках. Он не отпускал гашетку до тех пор, пока не кончился диск. Летчик в беспорядке сбросил бомбы и отвернул в сторону. Золотов, торопливо перезаряжая пулемет, посмотрел вправо. Один аэроплан улепетывал, другой шел прямо на аэростат. Летчик стрелял не то по баллону, не то по корзине. Федосеенко бил по нему короткими очередями. Аэроплан проскочил так близко, что было видно, как пули рвут обшивку крыльев и фюзеляж с двуглавым орлом. Но, видимо, повреждения у аэроплана были небольшие — он, не снижаясь, уходил на юг, уменьшался в размерах.

— Отбились? Или снова налетят?

— Сейчас посмотрим.

Федосеенко и Золотов вглядывались в горизонт. Кажется, в воздухе больше никого нет. Внезапно корзина начала медленно, плавно уходить из-под ног. Федосеенко поднял трубку.

— Лебедка? Что там у вас?

— Это у вас, а не у нас. Шрапнель рвется над оболочкой; видимо, пробила ее. Снижаетесь. Пока медленно. Сейчас подтянем трос и спустим вас. Будьте осторожны.

— Ладно. Как команда?

— Все живы, трое ранены. Скобенко тяжело. Семь бомб беляки сбросили.

Аэростат потащило вниз. Судя по звону лебедки, барабан крутился с максимальной скоростью. Через минуту они уже приблизились к земле. Красноармейцы хватаются за спуски, ловят корзину, оттягивают оседающий баллон от лебедки. Корзина становится на землю. Порядок!

— С прибытием! Целы?

— Целы.

Они выпрыгнули из корзины. Ткачук уже распоряжался, чтобы отцепили уздечку, отстегнули корзину, разобрали и проверили снаряжение. Аэростат и лебедку спрятали за холм. Там же собралась и команда. Наверху, у вершины холма, и вокруг отряда расположились пулеметчики, внимательно наблюдая за небом: не прилетят ли аэропланы белых? Красноармейцы искали в оболочке пробоины, Каринин, «шаровой портной», быстро заделывал их. Появился связной, доложил, что группа с газгольдерами прибудет через пятнадцать минут. Федосеенко окликнул телефониста, спросил, есть ли связь с биваком, приказал соединить.

— Водолеев, газ выработали? Сколько? Мало трех газгольдеров. Мы здесь из четырех имеющихся сразу сейчас три «выжмем». Давай-ка еще штучек пять готовь — день-то только начинается! Не пригодятся — завтра используем. Знаю, что едкий натр кончается. Не жмись! Сегодня не экономим. Это приказ!

Золотов, поговорив с командой и убедившись, что настроение у всех преотличное — «комиссар удача» поработал,— выбрал себе местечко, бросил на песок шинель и лег, положив под щеку руку. В песке копошились какие-то букашки, похожие на танки белых, какими он их видел сверху, из корзины. Золотов вспомнил Григорьева, его желание сфотографироваться на подбитом танке. «Надо будет собрать всех, кто хочет, и самому с ними сходить».

Подошел Сидоренко, тихо спросил:

— Спишь?

— Нет.

— В небо глядеть не можешь? Правильно, я тоже после подъема носом в землю — и глаза б мои вверх не глядели.

— Небо-то оно ничего, красивое. Если б не аэропланы... Я думал — в корзину, гад, врежется.

— А может, все-таки подняться?

— Куда тебе, после бессонной ночи, наблюдать. Вон глаза какие красные. Сиди лучше на связи, тем более что ты с таблицами хорошо работаешь, быстро. Я так не смогу.

Золотов вдруг вспомнил августовский скандал, когда контуженный во время бомбежки помощник наблюдателя стал путаться в цифрах и артиллеристы выкинули попусту с десяток гранат, прежде чем поняли: что-то неладно.

Он спросил Сидоренко:

— Тебя, часом, не контузило?

Тот понял вопрос, засмеялся:

— Нет.

Подошел Федосеенко, обратился к ним:

— Я сейчас со штабом разговаривал. За танки и батарею объявляют всем благодарность. Начальник авиационной группы Павлов сказал: появятся еще аэропланы белых — звоните на аэродром, Спа-

тарелю, там будет дежурить группа истребителей прикрытия. Помогут. Ну что, поспим часок? Раньше не закончат...

Разбудил их Ткачук:

— Товарищи, вставайте! Кухни приехали! Командир! Комиссар!

Золотов сел и огляделся. Аэростат «подкармливали» после ремонта; рядом лежали пустые оболочки газгольдеров. Красноармейцы с котелками в руках выстраивались у двух полевых кухонь. С плацдарма доносился грохот боя. «Что-то слишком громко»,— подумал Золотов.

Вскоре они с Федосеенко были уже в воздухе.

Центр и правый фланг Каховского плацдарма исполосовали гусеницами врангелевские танки. Всюду были разбросаны точки воронок; часть позиций была разрушена. По земле ползли клочья дыма — серого, белого, черного. Бой принял ожесточенный характер. Правый фланг терял позиции. На него наступали три врангелевских танка, две бронемашины, примерно эскадрон сабель и полка два пехоты. Позади траншеи, за спиной красноармейцев, курсировали броневики 47-го бронеотряда 6-й армии. Они стреляли по танкам — часть из них была вооружена орудиями — и по кавалерии, помогая бойцам отбивать атаку врага. Кое-где части 151-й бригады начинали откатываться назад. Бойцы ударной огневой бригады контратаковали фланг наступающих врангелевцев. Один из танков, наскочивший было на окопы, внезапно вспыхнул как фитиль. Со стороны переправ, где стояла в резерве 153-я бригада 51-й дивизии, на помощь правому флангу быстрым маршем двигался свежий полк.

В центре плацдарма, у высоты 17,81, тоже шло жестокое сражение. У подножия высоты стояли три подбитых врангелевских танка, валялись разбитые орудия, закрепиться на ней никому не удавалось. Врангелевцы яростными атаками пытались прорвать линию обороны на участке напротив высоты 17,14.

Федосеенко и Золотов корректировали огонь артдивизиона по подходящим к месту сражения резервам белых. Лебедка все время меняла позицию, перетягивая аэростат с места на место, но неприятельские батареи не отпускали их — снаряды врангелевцев все время рвались в расположении команды; вокруг оболочки и корзины плясали белые облачка разрывов шрапнели.

У хутора Куликовского Золотов заметил батарею врангелевцев. Передали данные нашим артиллеристам, помогли «нащупать». После двух залпов артдивизиона на позициях белых осталось только одно орудие из четырех.

— Павло, к высоте 13,13 идет бронеавтомобиль белых. Надо успеть отогнать. Ориентир от основного, высота 13,13. Ближе 0,7; левее 0,3.

Артдивизион работал как часы.

— Огонь!.. Выстрел пошел! Наблюдение?

— Дальше 0,04; правее 0,02.

— Огонь!.. Выстрел пошел! Наблюдение?

В крышу бронеавтомобиля словно ударила огненная дробинка. Машина вильнула в сторону и, завалившись набок, окуталась черным дымом.

— Попадание! Подбили четвертым выстрелом!

Чуть дальше высоты 17,14 Золотов заметил еще одну стреляющую батарею врангелевцев. Артдивизион быстро перенес огонь и заставил ее замолчать.

— Комиссар, прячь бинокль — аэропланы. Сидоренко, звони Спатарелю, пусть поднимет истребители. Уже сообщили? Ладно, связь кончаю. Прикрывайте!

Их начали быстро спускать. Цепляясь руками за борта уходящей из-под ног корзины, они приготовились к бою.

Со стороны Перекопа, на высоте примерно полторы тысячи метров, четко просматривались идущие на аэростат пять вражеских аэропланов. Они быстро увеличивались в размерах. «Ньюпоры»,— подумал Золотов. Приложился к пулемету поудобнее, подождал еще секунду и открыл огонь, не жалея патронов. Пан или пропал! Звук выстрелов двух «льюисов», усиленный эхом от оболочки, закладывал уши — ничего не было слышно. На дулах пулеметов аэропланов плясали язычки пламени. Аппараты кружили вокруг аэростата, заходя для атаки на баллон и корзину. Временами от них отрывались черные капельки бомб и уходили вниз, под корзину. Мелькнула мысль: «Хорошо еще, что у врангелевцев нет зажигательной жидкости — белополяки, рассказывают, применяют ее против аэростатов, поджигая оболочки».

Внезапно пулемет замолчал. Заело! Золотов чертыхнулся. Федосеенко обернулся к нему.

— Ранен?

— «Льюис» заглох!

— Бери мой, я все равно сейчас не стрелок, только пугаю.

Они поменялись пулеметами, и Золотов снова стрелял по кружащимся аэропланам. За спиной загрохотал второй «льюис» — Федосеенко исправил-таки поломку. Аэропланы вдруг направились в сторону плацдарма. Золотов, услышав за спиной звук моторов, оглянулся. Еще три аэроплана! И внизу пулеметчики замолчали. А патроны кончаются. Ставя последний диск, Золотов вгляделся в налетающие аппараты. На их крыльях — красные звезды! Наши!

«Спад», «сопвич» и «фарман» проскочили над аэростатом и ушли вдогонку белым. Но надежда красных летчиков на бой не оправдалась — врангелевцы, не раз испытавшие на себе их ярость и мастерство, предпочли воспользоваться скороходностью своих аппаратов не для боя, а для бегства. Видимо, даже численный перевес не воодушевил их.

«Отогнали — и ладно»,— подумал Золотов. Аэростат снова стали поднимать. Когда стрелка альтиметра застыла на 780 метрах, Федосеенко снял трубку телефонного аппарата:

— Лебедка, поднимай выше!

— Все, приехали! Вы уже не поднимаетесь. Наверное, оболочка повреждена. Осторожно, меняем позицию.

Аэростат потащило вбок. Федосеенко вел наблюдение. Золотов передавал на землю данные разведки.

Вокруг беспрерывно рвалась шрапнель. Внизу, у лебедки, тоже были видны разрывы.

— Сидоренко, как команда?

— Разрывы считает. Шестидюймовых снарядов — двадцать два, а мелким счет потеряли!

Автолебедка все тянула аэростат; внезапно Сидоренко прервал доклад Золотова.

— Корзина, штаб на проводе. Из бригады сообщили — огибают их. Посмотрите, что там.

— Сейчас.

Федосеенко взял бинокль.

— От Каменного Кола по направлению к Любимовке движутся бронеавтомобили и большая колонна врангелевцев. До двух эскадронов сабель и полка пехоты. Заворачивают за высоту 17,14, проходят правее высоты 23,21.

Наши батареи отведены назад, за основной рубеж. Только что-то там у них мало орудий осталось.

— Штаб спрашивает, сможем корректировать огонь?

— Мы готовы. Как команда?

— Понимает важность задачи!

Автолебедка остановилась, аэростат застыл на месте. Шрапнель рвется все ближе. Федосеенко стал корректировать огонь, Золотов передавал данные на землю. Третьей пристрелочной гранатой артиллеристы накрыли цель. Артдивизион бил залпами. Колонна врангелевцев рассыпалась, бронеавтомобили, не дойдя до окопов, повернули назад.

Внезапно корзину резко дернуло в сторону, затрясло. Федосеенко и Золотов еле удержались на ногах. Аэростат начал быстро снижаться. Федосеенко показал на корму. Чуть выше рулевого мешка — киля аэростата — зияла большая дыра.

Затрещал телефон. Федосеенко снял трубку.

— Корзина, что случилось?

— Пробита корма аэростата. Видимо, попал снаряд. Подтягивайте трос и готовьте объятия.

Аэростат падал чуть быстрее, чем лебедка успевала наматывать трос. Глянув, нет ли кого под корзиной, они выбросили на землю «льюисы» и пустые диски. Скорость падения немного замедлилась.

Аэростат приземлялся метрах в пятидесяти от лебедки. Красноармейцы бежали к ним. Федосеенко и Золотов подтянулись на веревках, чтобы смягчить удар. Корзина стукнулась о землю, сверху их накрыл баллон, вмял в корзину, отскочил и пошел вверх, утягивая корзину за собой. Подбежавшие красноармейцы висли на стропах, бортах корзины, не давая аэростату подпрыгнуть. Корзина снова, на этот раз мягко, коснулась земли и замерла на месте.

— Живы? Целы?

Золотова немного мутило. Федосеенко, морщась, растирал раненую руку.

Подбежали Ткачук, Сидоренко и военфельдшер Петров. Быстро осмотрел их, сменил Федосеенко промокшую от крови повязку.

Ткачук быстро доложил обстановку.

Боевой команде на земле пришлось тяжелее, чем им в воздухе: снаряды падали беспрерывно, трое красноармейцев убито, одиннадцать ранено; разбит зенитный пулемет «виккерс», крупные осколки в трех местах пробили броню автолебедки, к счастью, никого не задели, один осколок разнес на куски полевой телефонный аппарат.

Сидоренко по пути рассказывал подробности. Команда зла, рвется отомстить врагу. Под обстрелом никто своих мест не покидал; в трудную минуту, когда тяжелые снаряды рвались рядом с лебедкой, кто-то крикнул: больше снарядов в нас — меньше в товарищей на плацдарме!

...Последнюю корректировку — по наступавшим врангелевцам — слушал штаб. Когда корзина сообщила, что враг повернул назад, из штаба передали — аэростатчиков представляют к награде.

Золотов шагал и, слушая Сидоренко, думал, что после долгого стояния в корзине аэростата чувствовать под собой землю несколько непривычно, но приятно, как после долгой скачки в седле. И еще думал, что, спустившись, они вышли из боя — пусть не по своей вине, не по своему желанию, но ведь там, на плацдарме, сдерживая яростную атаку врангелевцев, гибнут красные бойцы, и им-то «спускаться» некуда, а он, живой и даже не раненный, ничем не может помочь им. Нет, может — надо сделать все возможное, чтобы аэростат поскорее поднялся в воздух и вновь начал корректировку, прикрывая артогнем красные части.

Когда они подошли к команде, красноармейцы уже ремонтировали оболочку. В ней кроме громадной рваной дыры в корме насчитали еще двадцать восемь пробоин помельче. Их обвели мелом; Каринин с несколькими добровольными помощниками латали корму, другие красноармейцы зашивали и заклеивали небольшие дыры.

Автолебедка стояла в стороне, ее капот был открыт, механик Васильев копался в моторе. Золотов подошел к нему.

— Поломка?

— Масло где-то течет, товарищ комиссар,— ответил Васильев,— а где — найти не могу.

— Давай вместе посмотрим.

Минут пятнадцать копались в моторе, пока не обнаружили маленькую пробоину в маслопроводе.

— Васильев, подгони-ка автомобиль поближе к ребятам.

Золотов стал на подножку, и они подъехали к аэростату. Он взобрался на капот:

— Товарищи красные воздухофлотцы! Работайте, работайте, пожалуйста, я буду говорить громче, чтобы все слышали. Я, как комиссар воздухоотряда и как воздухоплаватель, видевший сегодня сверху ваш героизм, хочу поблагодарить вас за самоотверженный труд!

Красноармейцы внимательно слушали.

— Раньше, в царской армии, воздухоотряды были привилегированным родом войск. Вы, бойцы молодой Советской Республики, несете тяготы войны, навязанной нам империалистами, вместе со всеми бойцами нашей Красной Армии. И несете с честью — ведь то что удалось сделать, например, за один сегодняшний день нашему красному воздухоотряду, на германском фронте делалось за неделю, а то и за месяц.

Вы славно поработали сегодня и заслужили отдых. Но на Каховском плацдарме идет тяжелый бой. Красным частям нужна наша помощь. Если мы не успеем поднять аэростат до заката, никто не упрекнет нас, зная, как тяжело повреждена оболочка. Не упрекнет никто, кроме нашей собственной революционной совести. А совесть, товарищи, нам этого не простит! Но мы не будем подвергать испытанию свою совесть, мы должны быстро закончить работу и поднять аэростат в воздух, чтобы успеть направить на врага хотя бы пятьдесят, восемьдесят, сто снарядов!

Мы должны помнить, что каждая минута, отвоеванная нами у темноты,— это несколько снарядов, направленных нами на головы врага. А каждый снаряд — это спасенные жизни красных бойцов, проливающих сейчас свою кровь.

Быстро подняв аэростат, мы поможем бойцам плацдарма приблизить час победы над врагом!..

И вот они снова в воздухе.

До сумерек, меняя позицию за позицией, они корректировали огонь артдивизиона и передавали в штаб данные воздухоразведки. Ночь ушла на латание опять пробитого баллона аэростата, а с рассветом снова — корректировка, наблюдение... Казалось, что продолжается не только сражение — продолжается вчерашний, тяжелый день. Но с каждым часом победа была все ближе и ближе.

Кое-где еще шел бой, но почти вся внешняя линия обороны была в наших руках. На отдельных участках красные части уже отогнали

врангелевцев от плацдарма, на левом фланге они ушли вперед так далеко, что воздухоплаватели потеряли их из виду.

К вечеру, когда солнце уже садилось, Федосеенко сообщил, что они видят идущие из тыла на Берислав чьи-то части. Но для штаба это была не новость, туда уже прибыл связной, сообщивший, что к плацдарму форсированным маршем, не считаясь с усталостью, подходит 15-я Инзенская дивизия.

Возвращаясь в темноте на бивак, Федосеенко с Золотовым завезли в штаб Сидоренко и там узнали, что победа на левом фланге 6-й армии полнейшая, что Каховский плацдарм удержан, что части 51-й дивизии уже вклинились в расположение врангелевцев на одиннадцать километров. На подходе уже Латышская дивизия, и завтра утром, развивая сегодняшний успех, красные части начнут с плацдарма атаку по всему фронту.

В условиях быстрого наступления работа аэростата становилась малоэффективной. Поэтому 9-му воздухоотряду было приказано отдыхать, приводить в порядок снаряжение и ждать новых распоряжений.

В полночь, вернувшись к себе, Федосеенко и Золотов выслушали доклад дежурного, сообщившего, что все в порядке, бойцы накормлены и отдыхают, караулы выставлены. Они присели к костру, наскоро поели и пошли в землянку. Теперь им хотелось только одного — поскорее заснуть.

За время боевых действий на Южном фронте с сентября по декабрь 1920 года 9-й воздухоотряд 6-й армии совершил 100 боевых подъемов. Аэростат находился в воздухе 271 час 33 минуты. За отличие в боях с врагами социалистического Отечества приказом Реввоенсовета Республики 9-й воздухоотряд первым из воздухочастей Красной Армии был награжден Почетным революционным Красным знаменем.

Командир 9-го воздухоотряда П. Ф. Федосеенко и комиссар П. Г. Золотов были удостоены ордена Красного Знамени.

Зиновий
ФАЗИН

ДАЕШЬ КРЫМ!

Летом двадцатого года приказом Главного командования Красной Армии на Крымский участок Юго-Западного фронта была переброшена стрелковая дивизия. Двигалась она из дальних мест, из Сибири; почти на три четверти состояла из коренных уральцев и сибиряков. Немало среди них было любителей таежной охоты, старателей из золотых приисков, которые куда только не забирались и каких только диковинок не нагляделись! Теперь им предстояло увидеть Крым.

Ехала дивизия в теплушках и на ходу ела, пила, на ходу же слушала беседы комиссаров, училась в группах ликбеза (бумаги писчей не было, и потому писали буквы на лопатах мелом) и лихо пела любимую солдатскую:

С Красной Армией пойду
Я походом.
Смертный бой я поведу
С барским сбродом!..

Еще за месяц до отправки на Южный фронт дивизия, находясь в резерве главного командования, чинила мосты и перекладывала шпалы на железнодорожном пути от Байкала до станции Зима. Некоторые полки трудились на Черемховских каменноугольных копях. После разгрома Колчака и Деникина страна рассчитывала приступить к мирному строительству, предполагалось привлечь и армию. И вдруг в апреле ударили с запада белополяки пана Пилсудского, а в июне из Крыма вылез Врангель, и все прежние планы на время отступили.

Легионы Пилсудского скоро были остановлены и отброшены, и Южный фронт стал главным.

И вот движется к врангелевскому фронту 51-я стрелковая дивизия. На остановках, бывало, подойдет к раскрытой двери теплушки молодой командир, одетый в солдатскую гимнастерку, галифе, и, только завидев его, бойцы подтягивались, затихали.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!

Лицо смуглое, приветливая улыбка, это сам Василий Блюхер, начдив. В Красной Армии знаменит тем, что он самый первый полу-

чил орден Красного Знамени за боевые заслуги на фронтах гражданской войны. Рабочий в прошлом, в обращении с бойцами прост. Любит пошутить, иногда на какой-то вопрос вдруг, лукаво прищурясь, спросит:

— А комиссар у вас есть? Беседы ведет? У вас кто комиссар?

— В полку? Телегин. Нашенский он, Константином зовут.

А Телегин как раз сейчас среди бойцов в теплушке. Лет двадцать ему, не больше, роста невеликого, но вид бойкий, это смышленый парень, в отличие от многих — грамотен. Блюхер быстро убеждается: сметлив комиссар, умеет ухватывать главное в обстановке. Толково ведет политбеседы, бойцы в курсе международных событий и внутреннего положения в стране. Народ любопытный, бойцы и самого Блюхера засыпают вопросами.

— Товарищ начдив, позвольте спросить, вот слышали мы, едем к местам, которые называются Таврией. А где это именно?

— Ого, вы и про Таврию знаете? — смеется Блюхер.— От кого ж это вы о ней слышали? От комиссара? А есть у вас карта? — обращается Блюхер к Телегину.— Нет? На лопате, что ли, показывали местность?

— Маловато в полку карт,— жалуется Телегин, сдерживая улыбку.

— Подбросим, ладно,— обещает Блюхер.— Ну, смотрите!

Он вытаскивает карту из своего планшета, разворачивает. Вокруг начдива уже сгрудились бойцы, он объясняет:

— Таврия — старое название Крымского полуострова, эта территория пока в руках Врангеля. Вот и надо нам прогнать его. И отобрать лежащий южнее за Сивашем прекрасный Крым. А что такое Крым, вам расскажет товарищ Телегин.

Пошутил, конечно. Откуда Косте Телегину знать, что такое Крым? Как и другие бойцы, он видел только сибирские и уральские места, а больше нигде не бывал. Задал начдив комиссару задачу. А Телегин уже нашел выход: на какой-то станции раздобыл путеводитель по Крыму и смог объяснить бойцам интересовавшие их подробности. И долго после ухода Блюхера шла в теплушке беседа о Крыме. С жадным интересом слушали бойцы рассказ Константина и дивились: вот так край! Горы, море, дворцы, пальмы, виноградники, кипарисы, сплошной рай. Сообща любовались картинками. И есть же на свете такие красоты! Поглядим, поглядим, братцы!

Телегин резонно счел уместным несколько умерить восторги бойцов — во-первых, в Сибири и на Урале есть места, которые не уступят по красоте Крыму; во-вторых, следует иметь в виду, что барон Врангель сильно укрепился в Крыму и в Таврии и эти, правда, действительно прекрасные места еще надо завоевать, освободить от белой контры, «барского сброда». Так что дело предстоит серьезное. У барона Врангеля много конницы, разной боевой техники. Да и сам

он вояка опытный. А главное, очень помогают ему империалистические страны Антанты.

— Но,— заключил беседу комиссар,— помогали они и Колчаку, а все ж таки побили мы его. Верно ведь? И Деникин побит. И Юденич. Неужто ж барона Врангеля не побьем?

— Побьем, товарищ комиссар!

— Вот то-то! Дело не столько в красотах Крыма, сколько в том, чтоб наконец война кончилась и чтоб мир был. Нам страну восстанавливать, новую жизнь строить!

Такие беседы Телегин вел и в других теплушках.

Сохранился дневник Телегина.

«2—17 июля 1920 г. Настроение бойцов превосходное. Не было ни одного случая дезертирства. Проехали Сибирь и Урал, родные места красноармейцев остались позади. Но отставших нет.

Однажды задержали двух красноармейцев, пытавшихся спекулировать добытой где-то солью. В вагоне устроили общественный суд, хотели сдать их в ЧК, но они со слезами на глазах упросили не делать этого и обещали на фронте искупить свою вину. Приближаемся к фронту.

18 июля. Провел митинг на тему «Значение II конгресса III Коммунистического Интернационала». Дал задание политрукам организовать читку газет, посвященных конгрессу. Проехали Кременчуг. Завтра утром прибудем на конечную станцию. Предупредили о возможности налета банд. На паровозе, тормозных площадках и на крышах вагонов расположили усиленное охранение. Здесь армейские тылы, уже ощущается дыхание фронта. Командный состав насторожился, насторожились и бойцы. Оружие приведено в готовность.

19 июля. Прибыли на станцию Апостолово. Выдвинули наблюдательные посты. Эшелон стал под разгрузку... Набрали подводчиков. Через два часа мы уже тронулись на юго-запад.

Население встретило вначале с некоторым недоверием. Наша первая забота — не допустить никаких недоразумений с населением. Политрукам и командному составу строго-настрого приказано следить, чтобы бойцы хорошо относились к крестьянам. Будем оказывать им хозяйственную помощь.

На просьбы красноармейцев продать что-либо из продуктов пока слышим только отказы:

— Ничего нет, товарищи, все уже поели.

Наши ребята молодцы, не настаивают. Закусывают коркой хлеба или сухарем с водою. Включаются в работу по хозяйству: молотят, убирают солому, помогают по двору. Кончив одну работу, спрашивают у хозяев, что надо сделать еще. К вечеру отношение крестьян резко изменилось. Красноармейцев сажали с собою за стол, угощали салом, молоком. Я спросил двух крестьян:

— Как наши?

— Таких червоноармейцев ще не бачили!

Вечером коммунисты и бойцы на завалинках завели разговоры. Крестьяне интересуются положением на польском фронте. Спрашивают, правда ли, что Врангель обещает дать землю. Впрочем, тут же сами добавляют:

— Брешет, що от него землю можно получить.

20 июля. Все ближе и ближе к передовой линии фронта. Весть о хороших «сибиряках-красноармейцах» летела из села в село, опережая нас. Командир и красноармейцы — желанные гости. Крестьяне делятся с нами всем, что у них есть.

5 августа. К вечеру мы подошли к монастырю... на живописном берегу Днепра. Враг уже близко. Приказано расположиться в укрытиях и не появляться на берегу. Усилено сторожевое охранение и выставлено три наблюдательных поста. Есть ли перед нами противник, где и сколько его, еще не знаем...»

Прибыв к месту предстоящих сражений, дивизия Блюхера влилась в состав Правобережной группы 13-й армии, которой командовал еще молодой, но уже опытный военачальник Роберт Петрович Эйдеман.

Мощная сила противостояла красным по ту сторону Днепра, и основу ее составляли войска целого армейского корпуса. Командовал ими упоенный успехами своего прорыва в Таврию белогвардейский генерал Слащев, жестоко подавлявший революционные выступления трудящихся. В штабе Эйдемана знали, где стоит штаб Слащева: в селе Чаплинке, на главном шляху из Каховки в Крым, то есть к Перекопу, а за ним, за старым Турецким валом, уже начинается Крым.

До дня штурма Каховки оставалось не больше пяти суток, и уже было ясно, что к этому сроку дивизия Блюхера не успеет сосредоточиться в нужном месте и участвовать в первом броске через Днепр. Еще не все эшелоны дивизии подошли к Апостолову. Не на ковре-самолете двигались они к Таврии, а по гиблым дорогам того времени.

В эти дни в штабе часто видели Блюхера и его комбригов — бравых, как сам он, заправских воинов, чуть не полсвета объехавших, чтобы добраться сюда. В их лице, казалось, сам Урал и сама Сибирь устремились к Днепру, чтобы помочь одолеть черного барона и скорее дать стране мир.

Чтобы разгромить Врангеля, нашим войскам нужен был плацдарм на левом берегу Днепра. Им и стала Каховка и прилегающая к ней местность.

Все произошло так. В ночь на 7 августа (ночь была тихая, лунная) Правобережная группа 13-й армии (три дивизии, не считая 51-й, еще только подходившей к линии фронта), сосредоточив основные силы в районе Берислава (небольшой городок на правом бе-

регу реки), начала с боем переправляться через Днепр. Переправлялись бойцы на лодках, плотах, понтонах, пароходах и катерах (все было заранее приготовлено и припрятано в укромных уголках берега). С высот Берислава более двадцати орудий вели огонь, прикрывая переправу красных войск.

Каховку наши захватили и удержали, несмотря на ожесточенные контратаки белых. Это был тонко и точно продуманный ход, какой мог бы сделать только самый дальновидный стратег. От Каховки до Перекопа недалеко, а за Перекопом — солнечный Крым.

Вот что рассказывает дальше комиссар Телегин в своем дневнике:

«7—10 августа. Части дивизии почти полностью закончили выгрузку и подошли к Бериславу. Латышская и 52-я стрелковая дивизии уже с боем переправились на противоположный берег Днепра.

11 августа. По понтонному мосту наш полк переправился через Днепр и остановился в Любимовке. Приказ по дивизии: Каховка должна быть превращена в укрепленный плацдарм. Целый день красноармейцы рыли окопы и устраивали проволочные заграждения. Настроение у бойцов превосходное.

12 августа. Сегодня полк продолжал рыть окопы. Во время работ на правый фланг наших соседей сделала налет белая кавалерия, но была отбита. Начинаем втягиваться в боевую жизнь».

— Так это она и есть, Таврия? — спрашивали бойцы во время политбесед у Телегина.— Степь да степь без краю. Еще ковыльных мест много, но там, где земля обработана, сразу видать: урожаи тут богатые! А вот гор не видать никаких...

— Увидим и горы скоро...

Один боец как-то задал Телегину трудный вопрос. Боец этот ездил за шанцевым инструментом в Берислав и там от армейских штабистов услышал слово «тет-де-пон», а что оно обозначает? Пришлось Телегину навести справки у самого Блюхера и потом объяснить бойцу: так на специальном военном языке называется укрепленный район, защищающий переправу через водную преграду, а Каховский плацдарм как раз и можно считать таким.

— Значит, мы на каховском тет-де-поне и стоим? Понятно.

Скоро весь полк уже знал, что такое тет-де-пон. Укрепилась тут дивизия Блюхера основательно, загородилась окопами, рядами колючей проволоки. Протянулись по степи траншеи, были вырыты блиндажи, даже баню в земле соорудили. Продуманно были устроены артиллерийские позиции.

Но вот пришел новый приказ.

«15 августа,— читаем в дневнике у Телегина.— Утром получили приказ о наступлении на Перекоп. Наш полк шел на левом фланге дивизии, правее на хутор Зеленый наступал 457-й полк. Около 11 часов утра двинулись вперед.

11 Заказ 4800

Не успели выйти на линию своего сторожевого охранения, как на участке 457-го полка завязался упорный бой. Он оттянул 457-й полк вправо. Между ним и нами образовался разрыв около одного километра. Неубранные подсолнухи и кукуруза мешали нашему наблюдению за противником. Высланная вперед пешая разведка продвигалась с большими предосторожностями и все-таки неожиданно наскочила на пулеметные тачанки врангелевцев. Они были искусно замаскированы на кукурузном поле. Белые открыли сильный пулеметный и артиллерийский огонь по нашим частям. В разрыв между полками ринулась белая кавалерия, стремясь охватить наш правый фланг. Мы бросили на подкрепление туда 3-ю роту 1-го батальона и пулеметный взвод. Белые конники приблизились к нашим цепям метров на триста. Стоя под сильным артиллерийским огнем, бойцы почти в упор начали расстреливать белогвардейцев. Не выдержав нашего удара, конница повернула назад.

Ночью мы отошли к Каховке, так как конница Барбовича угрожала нашему тылу.

По ротам провели беседы. Бойцы горды, что сибиряки и уральцы сумели устоять против отборной белой конницы. Мы, командиры, поняли, что отбивать атаки противника стоя не годится. Это ведет к большой потере людей».

С ходу взять Перекоп не удалось, весь август шли бои в Таврии. Враг всячески стремился отбить Каховский плацдарм и отбросить красных за Днепр. Начался сентябрь. К этому времени Антанта успела снабдить Врангеля танками, которых в наших войсках тогда не было. С ними красным воинам еще не приходилось иметь дело, бойцы называли их «таньки». Ротные командиры и политруки объясняли красноармейцам, как бороться с танками:

— Бросайте связки гранат под гусеницы. При близком появлении танков не бегите. Это верная гибель. Пропустите их мимо себя в тыл, там с ними расправится артиллерия. Главное, открывайте огонь по идущей за танками пехоте или коннице противника!

...Вот что рассказывают о последнем усилии Врангеля сбросить красных с Каховского плацдарма участники сражения:

Блюхер. «Каховка, находящаяся на кратчайшем пути к Крыму, не только сдерживала прорыв Врангеля к Криворожью и Донбассу, но и мешала соединению с войсками Польши. Эту занозу на живом своем теле Врангель отлично чувствовал, не раз пытался ее вырвать, расходуя на это лучшие свои части и технику, но безуспешно атакуя неоднократно Каховку с августа по октябрь. Все эти атаки успешно отбивались... С этого же Каховского плацдарма ударом в тыл по армии Врангеля на Мелитополь было остановлено его наступление в августе на Донбасс и Криворожье. В октябре, накануне решающих

сражений, Врангель, решив помешать сосредоточению войск Южного фронта, наносит свой последний удар, ставший началом его поражения, переправляется у Кичкаса с задачей нанести удар на Апостолово — базу красного фронта, а также с целью удара по правому берегу Днепра в тыл Каховки. Одновременно вторым корпусом Витковского, насыщенным лучшей техникой интервентов, наносит удар со стороны Дмитровка — Черненька на Каховский плацдарм. ...Врангель был бит на пути к Апостолово, еще более серьезно был побит под Каховкой».

Телегин. «Ночью с 14 на 15 октября крупные пехотные и кавалерийские силы белых при поддержке 14 танков атаковали первую линию наших окопов. Красноармейцы после упорного боя отошли на вторую линию. Железные чудовища, с грохотом и треском выбрасывая огонь, обрушились на вторую линию обороны. Пять или шесть танков ломали проволочные заграждения, делая проходы для наступающих, остальные ринулись через окопы в тыл на переправу»...

Дальше произошло то, что и до сих пор поражает воображение.

Жарко стало на плацдарме с самого начала сражения, и вся тяжесть этих первых минут, всегда самых трудных, пала на бойцов 51-й блюхеровской дивизии; это о них, об их мужестве и стойкости рассказывает участник боя Телегин:

«Начало светать. Наша артиллерия била по танкам. Прорвавшийся на Терны танк был уничтожен прямой наводкой. Другой танк двигался по полевой дороге, левее Перекопского шоссе. Он наскочил на батарею, свернул с дороги и провалился в красноармейскую баню. Это была глубокая яма. ...Сверху она была закрыта камышом. Наши батарейцы в упор открыли огонь по одному танку, пробив его в нескольких местах. Казалось, все уже было покончено. Командир взвода с бойцами подбежал к разрушенному танку и крикнул, чтобы оставшиеся в живых сдавались. Ответа не было. Красноармейцы открыли люк, внутрь полез командир взвода. В углу скорчился тяжело раненный офицер, у него была оторвана нога. Он бросился на командира взвода с кинжалом и ранил его. Бойцы застрелили озверелого беляка на месте.

Пять танков начали уходить обратно. Наша артиллерия подбила еще два из них, а три, спустившись в лощину, скрылись. Белая пехота, идущая за танками, близко подобралась к нашим окопам, но была встречена губительным огнем. Несколько раз она пыталась подняться, но вынуждена была снова ложиться на землю».

На всю жизнь запомнилось Телегину то сражение. И неудивительно, что потом не раз писал в своих воспоминаниях, как оно произошло. Правдивыми и точными словами описывал его:

«Врангель рассчитывал на физический и моральный эффект одновременной атаки невиданного в гражданской войне количества танков, которыми надеялся ворваться на плацдарм, прижать нас к

Днепру и уничтожить. Я не хочу уподобляться некоторым авторам, расписывающим это тяжелое сражение как «гром победы раздавайся» и будто не было сильного морального воздействия массированного удара танков на бойца. Были случаи бегства с внешней линии обороны... но это были единичные случаи малодушия на фоне массового героизма.

Весь удар танков приняли на себя бойцы 51-й дивизии и выстояли».

И следовало бы здесь подчеркнуть: главную роль в отражении танковой атаки противника сыграла артиллерия, и особенно хорошо поработала артиллерия полка Телегина. И недаром он, комиссар полка, перед танковой атакой провел два дня в их боевых расчетах, он словно предвидел, что именно им будет принадлежать решающее слово в предстоящем бою.

«А придется, так прямой наводкой бейте по танкам, не отходите, смело делайте свое дело,— наставлял Телегин артиллеристов.— И чтоб ни одного промаха!» Телегин приводил тут свою любимую поговорку: «Успех сражения куется в тылу, а потому надо хорошенько готовиться».

В момент первых попыток врага пробиться танками на плацдарм Телегин находился среди артиллеристов, сам подносил снаряды к орудию и, хотя осколок вражеского снаряда резанул комиссара по бедру, не оставил своего поста до самого конца боя. Бравировать перед бойцами Телегин не любил и без чьей-либо помощи добрался после боя к ближайшему хуторку, где был перевязочный пункт. Врачи оказывали тут на месте первую помощь раненым. А где возле передовой устраивается перевязочный пункт? В простой хатке, где селяне живут. А больше негде. На столе солдату ногу режут, а на печи куча детишек лежит, и трясется со страху, и глазенки закрывает, чтобы человеческого страдания не видеть.

И холод уже за дверью, и ветер, и дождь. Грязь по колено. Телегин сидел в сторонке и ждал своей очереди. Входит боец, не раненный, с винтовкой, но босой и весь озябший до невозможности.

— Доктор, может, пара сапог хоть каких-нибудь найдется, а то я свои разбил вконец и не в чем больше воевать.

Доктор сердито отозвался:

— Ты, братец, не видишь, что ли? Тут перевязочная!

— Товарищ доктор,— боец жалобно,— да разве я требовать с вас зашел? Я просить пришел, на всякий случай. Вот-вот в наступление идти, а я без сапог!

— На, друг, бери мои! — не раздумывая, предложил бойцу Телегин, успевший до прихода стрелка снять свои сапоги и приготовиться к перевязке.— Бери, бери, не трать времени! Надевай!

Боец узнал комиссара и растерянно затоптался на пороге.

— Да что вы, товарищ комиссар, не надо! Обойдусь уж...

— Обувайся! Сам же сказал: в бой тебе идти. Так не мешкай, тебе говорят! Живо! Это, если хочешь, приказ!

— А вы как?

Боец дивился, но сапоги все же взял, подчиняясь приказу, не скрывая радости, надел и потопал ногами.

— Хороши? — спросил Телегин.— Ну и все! Обратно беги, дуй! И... стой, стой, стой! Никаких благодарностей! — отвернулся комиссар от бросившегося его обнимать стрелка.— Сапоги получил, так исполняй свой долг. А обо мне не беспокойся, тоже выйду из положения и в тылу не задержусь!

— А вы, оказывается, комиссар,— сказал доктор Телегину, делая ему перевязку.— Что ж скромно себя ведете? Знаете, я все больше проникаюсь убеждением, что революцию делают очень благородные люди!

Покончив с перевязкой, доктор как был, в халате, вышел за порог. В окошко видно было — ходил по ближним хатам. Вернулся он скоро, держа за ушки пару изношенных солдатских сапог.

— Если подойдут, то вот наденьте эти,— сказал он Телегину.— В соседней хате скончался один раненный в голову боец, сапоги ему уже не нужны.

Не возвращаться же босым к своим артиллеристам, решил Телегин, не стал церемониться, взял сапоги и поблагодарил доктора...

Понеся большие потери в живой силе и технике — на поле боя белые оставили десять танков, безжизненные груды металла,— Врангель прекратил атаки на плацдарм. И когда исход боя уже стал ясен, к комиссару Телегину потянулись повеселевшие бойцы.

— А что, товарищ комиссар! Этот... как его... тет-де-пон все же наший остался! Барону черному и «таньки» не помогли. Во как!

Свои беседы Телегин вел теперь прямо в окопах, на самом переднем крае. Не передать, как высок был дух бойцов!

А еще больше возрос подъем в полках, когда пришло известие, что сам командующий Южным фронтом Михаил Фрунзе в разговоре по прямому проводу с командующим 6-й армией, куда входила дивизия Блюхера, дал высокую оценку ее действиям и сказал:

— Передайте привет Блюхеру и его славным войскам. Они сейчас решают судьбу всей кампании.

В один из тех октябрьских дней в Каховке дивизия Блюхера совместно с шефами — представителями Московского Совета — провела торжественный смотр. Москвичи вручили воинам 51-й армии знамя с призывом: «Уничтожить Врангеля!» На параде прошли два отремонтированных трофейных танка. Комиссар Телегин стоял в строю и вместе с бойцами давал клятву добить белые войска барона Врангеля и освободить Крым.

В Каховке и поныне помнят те героические дни.

Плацдарм был невелик, но говорят, мал золотник, да дорог. За всю гражданскую войну это была существенная в своем роде операция: захват и долговременная оборона важнейшего плацдарма. По тому времени это большой шаг вперед в стратегической и оперативной практике Красной Армии. И первый опыт борьбы с вражескими танками получили наши войска именно здесь, на Каховском плацдарме. С «таньками» схватились наши сибиряки и победили!..

Теперь бойцы-сибиряки уже не спрашивали у Телегина, что такое Таврия. Надышались вдоволь запахами степи и порохового дыма. И про Крым не спрашивали — знали, Перекоп впереди и Сиваш.

Был ранний утренний час, когда бойцы блюхеровской дивизии увидели перед собой высокую земляную громаду с крутыми откосами. Перед этой громадой темнел широкий и глубокий ров.

Это и был Турецкий вал, лежавший поперек всего Перекопского перешейка. От Каркинитского залива Черного моря до Сивашского берега вал наглухо перегораживал дорогу из Таврии в Крым. Врангель зря время не терял: здесь хорошо потрудились французские и английские инженеры — все лето они укрепляли вал плотными рядами колючей проволоки, строили бетонные гнезда для пулеметов и орудийные площадки.

Впереди вала, как стадо овец, робко жались в кучу одноэтажные домики небольшого поселка. Он тоже назывался Перекопом, как и перешеек, у которого лежал.

А на восток от вала далеко-далеко уходило гнилое море — Сиваш, знаменитый Сиваш.

Тоже, казалось, неодолимая преграда. Взять ее надо было штурмом! Таково решение командования.

Не один ряд колючей проволоки, более сотни пулеметных гнезд, большая мощь артиллерии охраняли перекопские укрепления белых. После первых попыток штурмовать густо насыщенный вражеским огнем грозный Турецкий вал Блюхер отвел свою ударную группу немного назад, чтобы лучше подготовиться бойцам к взятию вражеской твердыни. Создавались штурмовые отряды, была построена особая полоса, где бойцы обучались быстрому преодолению заграждений из колючей проволоки. Без устали работали разведчики, изучались возможности перехода Сиваша вброд, чтобы ударить по врагу с тыла. Выполняя указания Блюхера, Телегин не раз повторял бойцам своего полка:

«Что главное в бою, как думаете, братцы? Смелость в натиске, храбрость в атаке, да, конечно, без этого победы не одержишь, но вот еще что решает: подготовка к бою, хорошо продуманная и проведенная подготовка к штурму, иначе врага не одолеешь. Тут перед нами

препятствия, которые одним «ура» не возьмешь. Каховский плацдарм мы почему так долго и с таким успехом держали? Потому что правильно были у нас расставлены силы и боевые средства. Танки мы чем побили? Научились не бояться их, подрывать гранатами, отсекать от них вражескую пехоту и конницу. Огонь артиллерии был сконцентрирован по самым главным точкам. Вот и здесь мы должны показать все лучшее, на что способны, проявить свою сибирскую хватку. И все чтоб быстро было, в момент!»

Телегин дни и ночи проводил на передовой. Физически он не казался особенно крепким, непонятно было, откуда у него брались силы.

А погода с каждым днем ухудшалась, временами налетал снег. Близился решающий час. В штаб дивизии Блюхера прибыл Фрунзе.

Ночью над Турецким валом пролетел краснозвездный аэроплан. Зажглись прожекторы врангелевцев, видно было, как разлетались по темному безлунному небу «белые птицы» — листовки. Их подбирали с земли, хватали на лету и читали при свете электрических фонариков и коптилок.

В листовках говорилось:

«Врангель делает последние усилия загородить вашими трупами Перекопский перешеек, чтобы вновь не дать трудовому народу раскрыть вам тот обман, ту ложь, в которую впутаны многие из вас...

Офицеры и солдаты врангелевской армии! Теперь от вас самих зависит прекращение дальнейшего... бесцельного кровопролития. Теперь от вас зависит уничтожить ту пропасть, которая разделяет вас от трудовых масс России, родных мест и семейных очагов...

Если вы действительно хотите видеть нашу страну сильной, могущественной и свободной... если вы действительно не являетесь врагами народа и находитесь в рядах Врангеля по заблуждению или обману, предлагаю вам, рядовое офицерство и солдаты, немедленно составить революционный комитет и приступить к сдаче Перекопа...

От имени Советской власти и русского народа объявляю полное забвение и прощение прежней вины всем добровольно перешедшим на сторону Красной Армии...»

Подписана была эта листовка Блюхером и заканчивалась предложением выслать парламентеров на переговоры.

Листовки ветер занес и в расположение телегинского полка. При свете карманного фонарика он прочел листок бойцам, сидевшим с ним в окопе. Они одобрили воззвание: «Правильное дело, подход человеческий, так и так, лучше же без излишнего кровопролития. Не могут беляки не понимать: положение у них проигрышное, не устоять им, нет!»

«Кто ж пойдет парламентером?» — вопрос этот шибко интересовал и самого Телегина. Послали бы его, не задумываясь пошел бы,

но он знал: если мирной договоренности не будет, его полк пойдет на штурм вражеских позиций в обход Турецкого вала по сивашской топи. Такую задачу ставил перед ними Блюхер. Задача не менее трудная, чем брать лобовой атакой грозный вал. Крым близок, но уже начался ноябрь, почти зима, и свистят над головой свирепые ветры.

Телегину было ясно: придется идти по стылой воде Сиваша. А ни на этом, ни на том берегу ни деревца, ни кустика, погреться у костра нечем. Рана комиссара зажила, хотя нога порою ныла. Но раз надо идти вброд, то что тут думать, он пойдет со всеми.

К утру полк Телегина передвинули поближе к хмурым сивашским водам.

Долго не являлись парламентеры от белых, но вот, наконец, под вечер на валу появился офицер с белым флагом. Он спустился вниз и, дойдя до ближайшего ряда колючей проволоки, стал ждать красного парламентера.

Была тихая минута, впервые за несколько дней обе стороны прекратили стрельбу.

«Нужно было в качестве парламентера от нас отправить человека, у которого хватило бы смелости пройти по открытому полю к Турецкому валу, все подступы к которому белые держали под убийственной огневой завесой,— писал Блюхер.— Это поручение я дал политруку 1-го ударного полка.

— А дойду ли я до белых? — спросил политрук.

Я ответил откровенно:

— Вряд ли. Скорее всего вас убьют еще до вала. Беретесь ли вы за это поручение?

Он ответил, не думая ни минуты:

— Я буду считать это почетной боевой задачей...»

Кто он, политрук этот? Забылось, затерялось имя, и никто из тех, кто был свидетелем разговора с ним, даже сам Блюхер, не запомнил, как звали политрука. Получил человек приказ и пошел.

Ровное, открытое поле расстилалось перед валом. Поселок Перекоп уже весь был разрушен снарядами, и только кое-где еще дотлевали сгоревшие домишки. К ночи крепчал мороз, и каждый шаг политрука по схваченной морозцем земле был слышен, казалось, за десять верст. Топ, топ... Ближе, ближе. Когда человек весь напряжен, он не все замечает. Вот и он, политрук, ничего не замечал по пути — ни воронок от снарядов, ни трупов убитых, он весь обратился в слух: он знал, его видят с вала и если оттуда грохнет хоть один выстрел, то это его пуля.

Но было тихо. И вот сошлись оба парламентера. Остановились шагах в десяти друг от друга.

Потом молва разнесла рассказ политрука, когда он вернулся к своим. А разговор у проволоки состоялся примерно такой:

— Кто вы? С кем имею честь?

— Я политрук. А вы?

— Офицер я. Чин не имеет значения.

— Офицер... Да знаете ли вы, за что воюете?

— А вы за что?

— За Россию.

— И мы за Россию.

— Вы?!

— Да мы! И сдаться мы не можем. Зря будете штурмовать вал. Не взять вам его, и лучше уйдите.

— Значит, вы не уполномочены заявить о сдаче?

— Нет, не уполномочен. Я другое обязан заявить вам и прошу это передать своему командованию. Перекопа вам не взять! Не надейтесь. Все будет зря!

На этом и кончился разговор. Два почти одинаково одетых и чем-то очень похожих человека разошлись в разные стороны, и, пока каждый не дошел до своих, мертвая тишина стояла в мерзлой вечереющей степи...

Ночью опять бухали орудия и степь вся сотрясалась и гудела. А с утра весь фронт красных ожил и ринулся:

— Даешь Крым! Смерть Врангелю!

И начался штурм... И уже не одна 51-я дивизия, целая ударная группа 6-й армии участвовала в нем.

Турецкий вал пока не поддавался. Блюхер бросал в атаку полк за полком. Доберутся бойцы до проволоки и под страшным огнем белых залягут. Были уже бойцы и на валу, но каждый раз откатывались обратно. Слишком укреплен был вал, а атаки захлебывались.

Восточнее, на другом конце Сиваша, тоже не удавалось прорваться в Крым. Враг сильно укрепил Чонгарские ворота и отбивал огнем все атаки 30-й дивизии Грязнова.

Тогда Фрунзе отдал приказ: пустить часть войск в обход Перекопа через сивашские топи. И произошло то, чего белые меньше всего ожидали. Вброд по Сивашу бойцы ринулись на крымский берег с криком: «Даешь Крым!» Удобные места для переправы показал житель деревни Строгановка Оленчук.

Приведем свидетельства участника штурма комиссара Телегина:

«С каждой минутой сила боя нарастала... Настойчиво влезали мы в подковообразную выемку, которую делает Сиваш у Перекопского вала. Артиллерия противника с высокого берега уже начала бить косоприцельным огнем по правому флангу. Снаряды с воем проносились над головой. Взрывались шрапнель в воздухе и фугасы в мягком грунте Сиваша. Около двух десятков убитых осталось позади. Еще

больше было раненых, которые со стонами ползли по мокрому дну Сиваша, стараясь выбраться из этого ада».

Увлекая за собой бойцов, рвался вперед по сивашской топкой грязи и Телегин. Местами попадались ямы — «чаклаки». Вода была неглубока, но адски холодна.

На другой день ветер переменился, подул с востока, и броды стало заливать водой. Успевшие с боем перебраться на крымский берег красные дивизии оказались отрезанными. Не было воды, боеприпасов и фуража — положение отчаянное.

В эти трудные дни комиссар Телегин призывает бойцов быть стойкими, крепко держаться, несмотря ни на что, бить врага.

Тем временем Блюхер с частью своих полков продолжал штурмовать Турецкий вал. Еще несколько атак — все ближе вал, но к самой его вершине не подступиться. Врангелевцы уже знают, что по Сивашу в их тыл прорвались красные, но упорно и с отчаянием обреченных продолжают борьбу.

Ночью в полевой штаб Блюхера позвонил Фрунзе. Оба хорошо знали друг друга по боям на Восточном фронте. Фрунзе знал, как трудно приходится полкам Блюхера, атакующим вал, и как трудно самому начдиву, и все же потребовал:

— Василий Константинович! Сиваш заливает водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало!

«Вновь бросили изнуренные части на вал,— вспоминал ту ночь Блюхер,— и около трех часов 9 ноября непреступный Перекоп пал...»

Потом напишут, что Блюхер внес много нового в тактику прорыва сильно укрепленной полосы, построенной по последнему для того времени слову военно-инженерного искусства. За взятие Перекопа Блюхер получит третий орден Красного Знамени.

Орденом Красного Знамени была награждена и 51-я дивизия. Как особо отличившейся, ей было присвоено почетное звание Перекопская.

Последний оплот белогвардейской контрреволюции пал, и ликовала вся страна. Хочется привести здесь еще одну характерную запись из дневника комиссара Телегина:

«Приближаясь к Севастополю, мы увидели идущие навстречу толпы народа во главе с севастопольским ревкомом. Товарищи преподнесли нам хлеб-соль и поздравили с победоносным разгромом Врангеля. Крики «Ура!», букеты цветов, летящие вверх шапки...»

С волнением рассказывает дальше комиссар, отмечая то, что для него, как политработника, особенно важно: «Каждый красноармеец стал пламенным агитатором. Бойцов засыпали вопросами о положении в Советской стране, о жизни Красной Армии, и они с энтузиазмом давали объяснения. Приходилось поражаться той революцион-

ной страстности, с которой бойцы, даже те, которые всегда говорили очень мало и робко, вели агитацию за Советскую власть, за нашу партию».

И еще радовало, что будто чудом невиданным любовались сибиряки сказочной природой Крыма и синими волнами Черного моря. Дошли сибиряки! Уничтожили врага! И вместе с бойцами стоял на берегу Южной бухты комиссар Телегин, вспоминал пережитое. И говорил себе: исполнен долг, долг коммуниста [1].

---

[1] В рядах Советской Армии Константин Федорович Телегин остался и после гражданской войны. В годы мирного строительства продолжал служить в армии. На фронте с первых дней Великой Отечественной войны, закончил ее генерал-лейтенантом, членом Военного совета 1-го Белорусского фронта. Такова судьба простого крестьянского сына.

ЛИКВИДАЦИЯ ПОСЛЕДНИХ ОЧАГОВ ВОЙНЫ

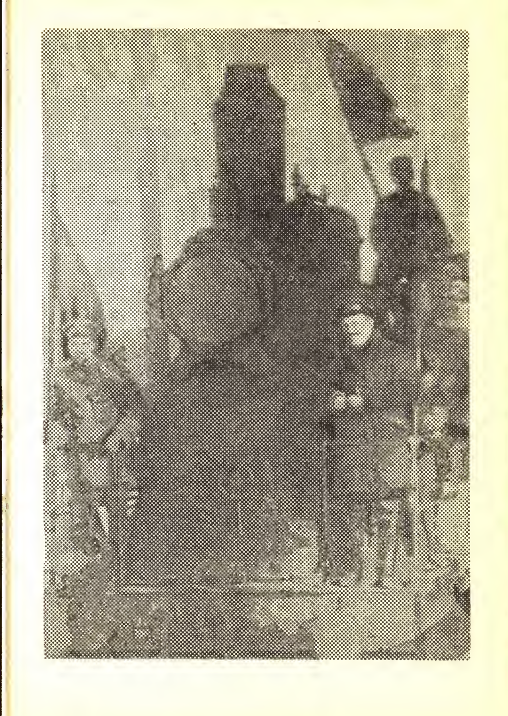
К пятилетию победоиосиой
Октябрьской революции
Красиая Армия сделала
еще один решительиый шаг
к полному ,очищению
территории РСФСР
и союзных с ней республик
от войск иностраицев-
оккупантов. Заиятие народно-
революциоииой армией ДВР
Владивостока объедиияет
с трудящимися массами
России русских граждан,
перенесших тяжкое иго
япоиского империализма.

26 октября 1922 г.

Я уверен, что выражу общее
мнение, если скажу, что мы
все здесь приветствуем этот
иовый подвиг Красной Армии
и приветствуем также то,
что к окончанию войиы
сделан шаг, кажется,
достаточно решительный:
сброшеиы в море последние
силы белогвардейцев.

31 октября 1922 г.

Ленин В. И.

Александра
ЛОЖЕЧКО

«СУДЬБА РЕВОЛЮЦИИ — МОЯ СУДЬБА»

Остановились в Шаманке. Село это в пятнадцать домов раскинулось на высоком берегу Тунгуски, а в полуверсте от него, на пригорке, в самой тайге стояла школа. Здесь Постышев и решил обосноваться. Он предъявил паспорт на имя Иннокентия Петровича Пермякова и сказал, что дом его сгорел в Хабаровске во время уличных боев. Сельский староста предложил ему определиться сторожем при школе. Татьяна стала работать учительницей.

Помещение школы состояло из двух классов, кухни и комнаты учителя. По лестнице можно было пробраться на чердак, где по ночам в соломе шелестели мыши.

Высыпались плохо, одолевала мошка, но вместе с Татьяной Павел Петрович всегда вставал затемно: она шла в класс, а он принимался за свои дела — колол дрова, топил печи, убирал двор, мыл полы. Освободится время — ограду поправит или ступеньки крыльца.

И в Шаманке, и в других ближних деревнях с упорством шел слух, что в тайге появились партизаны. Шепотом люди рассказывали друг другу, как нападают отряды на белобандитов, как защищают народ от расправ. И еще говорили о том, что атаман Калмыков особенно держит зло против бывшего командира партизанского отряда Ивана Шевчука. Калмыков объявил таежным деревням на десятки верст окрест, что за голову Шевчука дает вознаграждение тридцать пять тысяч рублей золотом...

Как-то в один из ясных дней на реке появилась лодка. Она причалила чуть в стороне от пристани. Приплывшие на ней люди стали подниматься по косогору. Одного из них — широкого в плечах, с бритым лицом и чуть раскосыми глазами — Постышев узнал сразу. Это был тот самый Шевчук. Они встречались в Иркутске, в семнадцатом году. Иван шел, спокойно подняв свою столь дорого оцененную врагами голову, и весело посматривал кругом небольшими карими глазами.

Павел Петрович подошел и представился:

— Пермяков моя фамилия, сторож школы...

Гость принял приглашение войти в дом. Он тоже узнал Постышева.

— Ты почему так свободно разъезжаешь, головы своей не жалеешь, Иван Павлович? — был первый вопрос к Шевчуку.

— Голова моя никуда с этих плеч не денется,— усмехнулся тот.— Два месяца скрывался в тайге. Больше не могу. Пора браться за дело.

Помолчали. Шевчук первым прервал паузу:

— Так вот, я и говорю, невозможно дальше бездействовать. Калмыковцы бесчинствуют, и народ — против них. Многие из местных крестьян в тайгу бегут, прячутся от бандитов. А недавно Калмыков объявил мобилизацию в белую армию, конфискует лошадей, повозки, амуницию. Верно, скоро и до вашей деревни дойдет. Очень нынче благоприятный момент, чтобы повернуть людей на нашу сторону, а самых верных привлечь в партизанский отряд.

— Ты правильно рассудил,— заметил Постышев.— А сейчас у тебя верные люди есть, на которых опереться можно?

— Есть. Такие люди есть... И сюда ехал поговорить с людьми. Слыхал, народ здесь не больно беляков жалует. И на тебя неожиданно нарвался.

— И я хотел идти искать, где партизанят наши. А бывшие партизаны сами сюда явились. Что ж, будем создавать отряд вместе.

Некоторое время Постышев оставался работать сторожем. Но жизнь круто переменилась. Он стал писать прокламации, обращенные большей частью к крестьянам. Иногда под его диктовку писала Татьяна, а потом они вместе переписывали от руки десятки экземпляров таких листовок. Ни гектографа, ни пишущей машинки у них, конечно, не было. Поздно ночью, после трудового дня, когда были проверены все тетради, напилены и нарублены дрова, перемыты полы, они закрывали окна ставнями и при свете двух керосиновых ламп без стекол начинали выводить на серой бумаге крупные и четкие строки.

Спустя несколько недель им стали помогать грамотеи из отряда Шевчука. Не обращая внимания на ошибки, они с трудом лепили друг к другу печатные буквы, кто ручкой, кто карандашом.

«Мы, крестьяне,— говорилось в одном из таких воззваний,— пострадали в период империалистической войны, которая оторвала у нас мужей, братьев и сыновей, оставила нам инвалидов, разрушила наше хозяйство, привела нас к нищете.

Поэтому мы, крестьяне, нуждаемся в отдыхе, нам нужно поправить наше разрушенное хозяйство...»

Это был протест крестьян против мобилизации: его поддержали на сельских сходах почти во всех деревнях Тунгусской волости. Постышев вместе с Шевчуком стал разъезжать по селам, вести агитацию среди крестьян. Люди охотно беседовали с ними на все житейские темы. Но более всего речь шла о Советской власти, о минувших боях, о той беде, которую еще принесут и белобандиты и интервенты.

Сельские сходы повсеместно отказались проводить мобилизацию в белую армию. И Калмыков не замедлил с ответом. Пронеслась по Тунгусской волости его карательная экспедиция: опять виселицы, кровь сотен жертв, опять заполыхали пожары.

Народ искал спасения в тайге, и теперь было самое время сплотиться в отряды. К Шевчуку явились его прежние товарищи — Иван Румянцев, Михаил Хох, Федор Шептюк, Лаврентий Тряпичка, Сидор Капулин — всего пятнадцать человек. И на всех — один наган и две винтовки.

Постышевы по-прежнему жили в школе, и Иван Павлович приехал прямо сюда.

— Воевать с таким вооружением нельзя,— начал он разговор с порога,— разве что прокламации переписывать, а нам этого недостаточно. Держать людей в лесу без дела также не годится.

— Все нужно повернуть иначе,— был ответ Павла Петровича.— Распусти людей по домам. Но пусть они считают себя бойцами партизанского отряда, которые по первому зову должны явиться под ружье. И название нашему отряду надо дать... Пусть называется 1-м Тунгусским партизанским, раз он зародился на берегах этой речушки. А наша задача — как можно скорее раздобыть оружие.

Теперь дело было за оружием, и вскоре его сумели раздобыть, совершив блестящий по дерзости налет на белогвардейскую таможенную заставу в деревне Верхнеспасское, прямо на китайской границе. Шевчук вооружился револьвером, а винтовки отдал Постышеву и Локшину. Несколько невооруженных бойцов остались в засаде.

Шевчук вошел к начальнику таможенного управления, положил револьвер на стол и потребовал в течение пяти минут сдать оружие, деньги, обмундирование, ценности. Начальник стал волынить, оттягивать время. Тогда явились Постышев и Локшин с донесением, что таможня якобы оцеплена со всех сторон. Растерявшийся чиновник открыл кладовые.

В тот день удалось взять тридцать шесть винтовок, столько же шашек, двадцать тысяч патронов, двадцать револьверов, шесть коней, пять возов кожи...

Теперь отряд был вооружен, имел продовольствие и боеприпасы и мог приступить к действиям. Из сел в тайгу возвращались партизаны. В отряде был создан политотдел, который возглавил Павел Петрович Постышев.

Партизаны 1-го Тунгусского нападали на почтовые и железнодорожные станции, взрывали мосты, обрывали телеграфные линии, пускали под откос поезда с воинскими грузами, отцепляли почтовые вагоны.

Кто-то принес весть, что на пароходе «Сергей-витязь» будет отправлен из Хабаровска в Благовещенск денежный запас — сорок пять миллионов рублей. Решили перехватить эти деньги, но потерпе-

ли неудачу. Зато на обратном пути удалось овладеть пароходом «Инженер», который предназначался для перевоза карательных экспедиций Калмыкова. Вскоре захватили на Тунгуске катер «Сатурн» и перевезли на нем тридцать тысяч пудов муки, крупы, овса, много одежды, добытой на продовольственных складах белобандитов. Так зародился партизанский флот.

Слух об отряде разнесся по тайге, к нему стекались крестьяне из окрестных деревень, большей частью молодые парни.

Между станцией Волочаевкой и деревней Архангеловской партизаны построили длинную деревянную казарму и замаскировали ее. Здесь помещались и штаб, и политотдел. При отряде была налажена хлебопекарня, обувная и портняжная мастерские.

И все-таки к зиме одеты люди были кое-как. Одни в ичигах из сыромятной кожи, другие — в брезентовых брюках и сапогах.

Решили напасть на находящийся в семидесяти верстах, на станции Ин, японский гарнизон. Выступили в ночь с 9 на 10 ноября. Прошли по болотистым кочкам, через сопки по открытым ветрам равнинам и таежным сугробам. И к условленному часу добрались.

Все шло как по писаному. Часовой был снят без выстрела и крика. Шевчук постучал в окно, потом — в дверь. Когда ее отворили, ворвался в казарму. За ним Постышев и несколько бойцов. Потушили свет, стрельба, свалка. Один из партизан упал, раненный.

— Тунгусцы, назад! — крикнул командир. Партизаны выскочили на улицу. Вслед им из «бойниц»-окон посыпались гранаты. Но случилось непредвиденное. Падая в мягкие сугробы снега, они не разрывались. И тут же, подхваченные партизанами, летели обратно в здание казармы. Там раздавался один взрыв за другим. Но гранаты в конце концов иссякли. У партизан было трое убитых. Новая атака стала невозможна. Последовал приказ поджечь казарму. Однако это не удалось, пламя вскоре погасло. Не сумели партизаны разжиться и оружием. Но японский гарнизон был уничтожен почти полностью — из семидесяти в живых осталось только десять.

Новый, 1920 год встречали в станице Казакевичевой. Всю эту зиму отряд Шевчука колесил по тайге, по долинам и сопкам вдоль Тунгуски, вступая в жаркие схватки с «дикой дивизией» Калмыкова. Рядом воевали другие партизанские соединения, и доносились легенды об отрядах Кочнева, Бойко-Павлова.

Крестьяне избрали Постышева председателем волостного Совета, и Павел Петрович, оставаясь комиссаром и в отряде Шевчука, по многу времени проводил в поездках по деревням.

Очень редко бывал он теперь в Шаманке, где продолжала учительствовать жена. А поджидало его здесь замечательное известие: он будет отцом. Татьяна ждала ребенка. Однако ни наглядеться на жену, ни отведать отваренной ею картошки не пришлось. Едва сели ужинать, на пороге гонец по имени Иннокентий от Шевчука.

— Ура, наши победили,— так и закричал с порога.— Колчак разбит. Японцы объявили нейтралитет. Командир срочно вызывает вас по этому случаю...

В такую радость трудно было поверить.

Павел Петрович вернулся в отряд под вечер. Шевчук объявил ему, что в связи с последними событиями на фронте решил немедленно выйти из тайги и открыто занять железнодорожную линию от Ольгохты до Волочаевки.

Да и партизаны, обросшие, усталые, почти все обращались с одной просьбой — отпустить домой денька на два-три.

Постышев вышел из казармы. Остановился перед гудевшей и взволнованной толпой партизан.

— Товарищи! — радость и напряжение таил голос комиссара.— Все, кто пожелает, получат отпуск. Но не надо слишком обольщаться теми известиями с фронта, которые сегодня получены. В этот радостный день я хочу сказать, что нынешняя победа еще не полная. Белая свора на этом не остановится, впереди всех нас ждет огромная борьба, и мы должны быть к ней готовы.

Обстоятельства действительно складывались не просто. Японская дивизия все еще находилась в Хабаровске. Туда же вошли перешедшие на сторону красных остатки разбитой армии Колчака. И те, и другие могли неожиданно выступить против партизан, «захлопнуть» их, как в мышеловке.

Нельзя было полагаться и на власти, находившиеся во Владивостоке. Правда, там — Сергей Лазо. Постышев знал его еще в Иркутске. Нынешний Лазо был уже легендарным героем, вожаком всех партизан Приморья.

Только там, во Владивостоке, рядом с большевиками у руководства находились и эсеры, и меньшевики. Они могли предать в любую минуту.

Постышеву много раз приходилось обо всем этом говорить с бойцами, которые настойчиво стремились в Хабаровск.

— Японцам доверять нельзя,— повторял он многократно.— Они готовят для нас капкан. Войти в город — это значит оказаться в пасти у крокодила, главный зверь подстерегает нас там — он только ждет момента для прыжка.

Бойцы выслушивали эти речи, в полном согласии кивали головами, но вскоре опять заводили речь о том, что оставаться в тайге уже невмоготу.

Командир и комиссар поняли, что удержать партизан на Красной речке не удастся. А в марте пришло решение командования — все партизанские отряды ввести в Хабаровск.

Они вступали в город торжественным маршем. В солдатских шапках и крестьянских треухах, одетые во что придется — в тулупы и армяки, в полушубки и потертые пальто, обутые в самодельные

брезентовые ичиги. С красными бантами на груди, партизаны шли колоннами, строго отбивая шаг и гордо подняв бородатые, заросшие лица. За плечами у них были берданки и охотничьи ружья, русские и японские винтовки, у пояса револьверы и гранаты.

Постышев ехал рядом с Шевчуком и любовался бравым своим командиром. С широкой красной лентой через плечо, тот поддерживал рукой шашку. Румянец играл на его лице, ветер трепал кудрявые волосы. Был он откровенно молод, а ведь уже в царской армии этот исконный пролетарий получил четыре Георгиевских креста и офицерское звание. В революцию и в партию большевиков он вступил не колеблясь.

Бушующее ликование на улицах, толпы горожан с обнаженными головами, крики «Ура!», партизан встречали как освободителей. От этого радостного зрелища захватывало дух. А враг? Враг притаился по щелям.

Тревогу комиссара разделял и Шевчук. Когда миновал первый хмель встреч и жизнь в деревянных казармах вошла в свою колею, именно Шевчук подал Постышеву идею прощупать почву во Владивостоке.

— Городу доверять нельзя,— эти слова и потом много раз повторял командир.— Различной сволочи тут много. Японских войск стоит целая дивизия. А японцев мы знаем. Кто такой во Владивостоке, кто остается управлять нами, кто там сидит? Не следует ли посмотреть? Да к тому же там хотят говорить с японцами. О чем?

Мысли эти и вопросы одолевали и комиссара. И на просьбу Шевчука: «Не поедете ли вы во Владивосток? Узнаете все хорошо да по пути добудьте оружия и патронов» — Павел Петрович ответил мгновенно согласием.

Шевчук обрадовался, хотя могло ли быть иначе? Он как бы продолжал убеждать: «Примите там участие в переговорах. Если наши люди пытаются говорить с японцами, то без нас эти переговоры не должны вестись».

Вскоре началась подготовка к этой важной миссии. Раздобыли трофейный френч, обмотки, фуражку со странной кокардой в виде диковинного зверя.

Постышев направился во Владивосток в сопровождении молодого партизана Василия.

Вернулся Павел Петрович через неделю. Большевикам с японцами не удавалось установить ясные и прочные отношения — те лавировали, недоговаривали.

Зато Постышев повидался во Владивостоке с Сергеем Лазо и Борисом Мельниковым: они разработали план переформирования разрозненных партизанских отрядов, создания регулярных частей Красной Армии. Павел Петрович доставил в Хабаровск пять тысяч

винтовок, пять миллионов патронов и триста комплектов обмундирования для бойцов.

В Хабаровске японцы вели себя подчеркнуто вежливо, несколько раз наведывались в партизанский штаб, заходили в казармы, с ужимками оделяя бойцов сахаром и виски. Это вызывало беспокойство. По настоятельному совету Постышева командир отдал приказ, по которому партизаны должны были держать себя осторожнее, подарков не принимать и, главное, не пить водки — ни японской, ни своей.

А тут японцы затеяли еще и тактические учения, в ходе которых вели наступления на казармы партизан.

По давно сложившейся традиции командир и комиссар вместе обошли расположения всех частей, предупреждая об осторожности. И тревога их оказалась не напрасной.

Утром город проснулся от стрельбы. Японцы открыли по Хабаровску артиллерийский огонь. Они расстреливали из пулеметов и ружей мирных жителей, не щадили детей и раненых.

Несмотря на предупреждения, захваченные врасплох партизаны оказались в невыгодном положении. Один полк красных регулярных частей был полностью уничтожен японцами.

Постышев в это время находился в здании исполкома. С ним было человек десять вооруженных матросов. Все вместе они стали пробираться к зданию кадетского корпуса, где располагался штаб советских войск. Сюда японцы направили огонь своей центральной артиллерии.

Пробиваться надо было на другой конец города. Перебегая под неприятельским огнем от дома к дому, они только к вечеру добрались в штаб.

— Вот что, ребята,— сказал Постышев, прощаясь с моряками.— Перебирайтесь на левый берег Амура. Наши части должны отступать только туда. Я же захвачу жену и тоже к вам.

Воспоминания, написанные Постышевым уже год или два спустя, во всех подробностях сохранили для нас события этого трагического дня. Павел Петрович рассказывает: «Примерно около часу ночи я вошел в здание Красного Креста кадетского корпуса. В этом здании я нашел свою жену и еще несколько семей, издерганных, измученных; они просидели целый день в подвале под грохотом артиллерийского японского огня. Я хотел было отдохнуть в здании Красного Креста, но старший врач пришел и сказал: «Товарищ Постышев, если вас обнаружат здесь, нас всех перережут, а у нас во втором этаже лежит с десяток тяжелобольных партизан и солдат из полков, перешедших к нам из бывшей колчаковской армии»...

Я взял жену и пошел с ней на квартиру. Квартира моя находилась на 3-м этаже. Я запер все двери. Оба измученные, мы крепко заснули. Мы хотели поспать только до рассвета, с тем чтобы при на-

чинающемся рассвете осторожно пробраться к реке Амуру и по льду перейти на его левый берег, туда, где должны были, по-моему, концентрироваться наши отступившие войска. Но мы так крепко заснули, что проспали до утра. Я проснулся, вскочил, бросился к окну, смотрю — здание наше окружено японцами. Жена поняла, в чем дело. «Спрячься,— говорит она мне,— спрячься в трубу, может быть, выберешься оттуда на чердак, пересидишь, а то тебя убьют. Сюда, безусловно, придут японцы...» Нас видела прислуга прежнего хозяина квартиры, полковника колчаковской армии. «Она укажет японцам, что мы здесь. Она видела, как мы шли сюда»,— волнуясь говорила мне жена, пытаясь убедить меня в необходимости спрятаться. «Не беспокойся. Прятание не поможет»,— сказал я ей. «Уйти бы только тебе отсюда, а я запрусь и при первой попытке японцев достать меня буду отбиваться; живой я не дамся». Она отрицательно покачала головой и сказала: «Я знаю зверства японцев, как они насилуют женщин, издеваются над ними. Я не уйду от тебя, я умру с тобой».

Я не мог заставить ее уйти, да и поздно уже было. Уговорились, что при первой попытке ворваться к нам мы будем отстреливаться и покончим с собой... Я чувствовал свое безнадежное положение, видел, что выхода для меня больше нет. Меня занимала одна мысль: не дать на истерзание японцам и белогвардейцам жену, а для этого надо было покончить первоначально с женой, но так, чтобы она не видела и не чувствовала этого. Я начал следить за ней. В это время раздались на лестнице шаги.

Я подошел к окну, выходящему на лестницу. Оно было за решеткой и закрыто занавеской, так что проникнуть в него не было возможности. Вижу — идут по лестнице два японца и один русский, очевидно, белогвардеец. Подошли к двери, начали стучать. Мы молчим. Пытаются открыть дверь. Мы молчим. Тогда они пошли назад. Через несколько минут вернулось обратно уже четверо японцев и двое русских с каким-то инструментом вроде лома в руках. Жена подошла к окну, выходящему во двор. Я хотел в это время поднять руку с револьвером в ее сторону, как она мне крикнула: «Партизаны». У меня выпал из рук револьвер. Я бросился к ней и вижу: около двух десятков партизан перебегают редкой цепью двор корпуса. Японцы быстро сняли оцепление вокруг этого здания. На нашей лестнице раздался быстрый бег вниз японцев, которые хотели взломать дверь моей квартиры.

Японское оцепление построилось в небольшую колонну и пошло преследовать эту цепочку партизан.

Я взял револьвер, открыл дверь, взял под руку жену, и мы через несколько минут очутились во дворе кадетского корпуса. Быстрыми шагами направились в лазарет. Нижнее здание лазарета уже горело. Все, кто мог уйти со второго этажа, выбрались оттуда, и только не-

сколько тяжелораненых лежали и стонали. Нас оказалось там человек восемь, таких же, как я, случайно попавших и укрывшихся от преследования японцев и белых. Мы решили взять раненых прямо с кроватями. Я перевязал себе левый глаз марлей, чтобы несколько замаскироваться. На руку мы сделали из марли повязки и красным карандашом нарисовали красный крест. Понесли раненых. С нами вместе несла их и моя жена. Вернее, не несла, а еле-еле сама передвигала ноги. Мы прошли мимо одной японской части, мимо другой. Нас никто не трогал... Шныряли белогвардейские офицеры, но на нас никто не обращал внимания, потому что в это время гражданский Красный Крест подбирал раненых и увозил их во второй городской лазарет, находящийся на берегу Амура, а японцы и белогвардейцы были заняты отступающими нашими частями. Они еще не знали, куда наши части ушли и все ли части оставили город. Мы прибыли в лазарет целыми и невредимыми.

Там оказалось около 70 наших людей. Все ждали вечера, чтобы перебраться с правого на левый берег Амура. Днем идти было нельзя, потому что японцы все время обстреливали реку. Меня мучила одна мысль: куда деть жену. Тащить ее через Амур в апреле, когда лед уже проваливался, я не мог, потому что у нее были последние дни беременности. Правда, в городе жила мать жены, но отправить жену добровольно от себя не было никакой возможности, она не хотела меня оставить. Тогда я пошел на хитрость. Я сказал: «Я страшно хочу есть, достань где-нибудь хотя бы хлеба». Она пошла искать хлеб, а я в это время спустился по крутому правому берегу Амура на лед реки. Быстрыми шагами стал перебегать лед, проваливаясь одной ногой, вытаскивая из проруби другую. За мной решились бежать наших еще человек десять. По нас японцы открыли стрельбу. Кого-то сзади ранили, я слышал стон, но не оглядываясь шел дальше. Только тогда, когда я перешел Амур, когда я очутился на левом берегу и был уже вне опасности, я сел отдохнуть. Только тогда я подумал о том, как благополучно миновала та ужасная беда, когда я хотел собственными руками застрелить свою жену, как я случайно и неожиданно для себя вырвался из капкана, добровольно попавши в него. Жена, как потом мне рассказывали, долго искала меня... Я пришел в деревню Владимировку. Застал там наши отступавшие части в состоянии полного хаоса, разброда и дезорганизации. Собралось наших партизан примерно тысячи две.

И вот эти две тысячи разрозненных партизан явились впоследствии основой для организации регулярной Красной Армии на Дальнем Востоке. Они героически держали Восточный фронт (амурское направление) против японцев, каппелевцев и остатков отряда Калмыкова до 1922 года. Многие из них принимали участие в освобождении Владивостока от белых и японцев. Они сыграли решающую роль в уничтожении банд Семенова».

В 1932 году в Хабаровске и Москве готовилась к изданию книга «И на Тихом океане свой закончили поход». Павел Петрович Постышев был в ту пору секретарем ЦК ВКП(б), и составители, включившие в книгу его воспоминания, в одной из бесед любезно предложили сократить, если он того пожелает, те эпизоды, которые могут показаться фактами сугубо личной биографии. На это Павел Петрович заметил: судьба революции — моя личная судьба, здесь все нерасторжимо.

Юрий
КАРАГАЧ

ЕМУ БЫЛО ДВАДЦАТЬ ДВА

В Ораниенбауме, где располагался штаб Южной группы, Ворошилов, ознакомив прибывших с боевой обстановкой, сказал:

— Вы, товарищ Чумбаров-Лучинский, направляетесь в 27-ю Омскую, военкомом роты 235-го Невельского полка.— Бросив быстрый взгляд на мандат, добавил: — Настроение красноармейцев неустойчивое, Федор Степанович, предстоит нелегкая работа. Действуйте энергично и осмотрительно.

— Ясно, товарищ военком,— их ладони сомкнулись в рукопожатии.

...Полк лихорадило. Людское море бурлило, как в девятибалльный шторм. Во дворе казармы на импровизированной трибуне один боец сменял другого.

— По тонкому льду против стальной крепости? Где ж это видано?! — возмущался державший речь.— Да они нас орудиями да пулеметами!..

— Вон Федоров с Кириченкой в разведку давеча ходили,— рассказывал второй,— дак у каждого по доске, иначе не пройти: кругом полыньи, под лед попасть — раз плюнуть!

— А возле Котлина лед и вовсе изломан, факт! — раздался голос из толпы.

— Откуда у вас такие сведения? — вскочил на помост Лучинский.— Кто вы? Назовитесь!

Кричавший предпочел отмолчаться.

— Это ложь, товарищи, заявляю авторитетно. Только что делегатов съезда детально ознакомили с обстановкой. Лед крепкий, близ Кронштадта и фортов тоже.

— А что у клешников орудий да пулеметов будь-будь — тоже брехня? — ехидно спросил длинный и худой как жердь красноармеец. Он не укрывался, напротив, назвал себя: — Ткачук я, Иван.

— Никто такого не говорит, товарищ Ткачук. Разведка донесла: мятежники вооружены хорошо, пушек, пулеметов, всего прочего хватает. Патронов, говорят, вроде в обрез. Бой предстоит тяжелый.

Но мы с вами не институтки какие-нибудь, нюхнули пороху на гражданской, знаем что к чему.

— И ты?! — крикнул кто-то.

— И я тоже.

Из биографии:

Федор Чумбаров-Лучинский в Октябре семнадцатого участвовал в штурме Зимнего, в июле восемнадцатого при подавлении контрреволюционного мятежа в Ярославле был тяжело ранен. Не успев выздороветь, поспешил под Кострому, где чуть было не погиб от кулацкой пули.

С осени того же года лектор-пропагандист 6-й армии Лучинский не раз ходил в штыковую атаку на Котласском, Северо-Двинском направлениях Северного фронта. Летом девятнадцатого бился в рядах 13-й армии, Южный фронт. В марте двадцатого с частями 1-й стрелковой дивизии вошел в освобожденный Мурманск.

Несомненное мужество, воинская доблесть коммуниста Лучинского не раз были отмечены приказами командования.

— Но речь не обо мне — о вас. Вы же сибиряки, верно я говорю? — спросил Ткачука.

— Что верно, то верно. Из Сибири мы, не один год воюем.

— И я о том. Боевые заслуги 27-й Омской дивизии известны: восемнадцать знамен, девятьсот награжденных боевым орденом Красного Знамени о многом говорят. Вы освобождали Сибирь, брали Омск, били белополяков, форсировали Буг, гнали врага из Слонима, десятка других городов, сел. Неужто сробеете перед мятежниками, которые нагло угрожают революции?!

В толпе послышался гул одобрения, возгласы: «Чего там!», «Побьем контру!», «Не сробеем!»

Но были и другие голоса.

— А ты, комиссар, небось в штабе отсиживаться будешь? — спросил кто-то ядовито.— Интеллигент, видать, ребята, вон как ладно гутарит, знает, чем взять!

— Ошибаешься, товар... гражданин, вон ведь, крикнул и растворился, как дым от цигарки! Чего прячешься за спины? Спорить — так честно, в открытую, выходи! — Он подождал.— Не желаешь? Ясно. Провокатор всегда так — вякнет и в кусты. Потому что правда не на его стороне.

— В бой пойду вместе с вами. Ну, а насчет интеллигента — воспринимаю как похвалу. Спасибо! — он даже полушутливо поклонился.— Уточняю, однако, из крестьян-бедняков я, окончил сельское двухклассное училище... Хотя опять же не обо мне речь...— Лучинский хотел еще что-то сказать, но его прервал прыгнувший на дощатый помост красноармеец.

— Чего долго размусоливать? В атаку пойдем все. Да не голыми руками контриков брать будем,— вон сколько орудий, снарядов, патронов подброшено!

— И инструменту всякого-разного, и обмундирования,— поддержали его.

— И харчей,— все есть.

Но снова знакомый голос из задних рядов:

— Да какие ж они контрики? Это наши братья-морячки. Против своих идти? Продавать балтийцев?!

— Не путайте, гражданин, волков с ягнятами. Ваша провокация не пройдет.

— Ха! Почему провокация? — фальшиво изумился голос.

— Потому что это неправда, а у лжи ноги короткие.

— А что, комиссар, разве это не наши клешники бузят?! — задиристо, с ударением на слове «наши» прокричал тот.

— На поглядку, вроде бы...— сказал-подумал вслух Лучинский.— Однако необходимо внести ясность.

Он спокойно и аргументированно стал разъяснять обстановку, сложившуюся в Кронштадте. Моряки попались на удочку демагогов, поверили кликушам из меньшевистско-эсеровского лагеря, пошли за ними. Подняли голову белогвардейцы, ярые монархисты, которые до поры до времени скрывались в подполье. Кронштадт стал очагом контрреволюции, угрозой Республике Советов.

Тяжелое положение в стране в момент перехода от войны к миру — голод и разруха, нехватка топлива, остановка ряда фабрик и заводов — вызвало недовольство части рабочих Питера. Это тоже использовал враг.

В своем стремлении покончить с Советской властью он идет на бессовестные вымыслы и небылицы, оглупляя народ. А за внутренней контрреволюцией стоит контрреволюция внешняя — империалистические акулы Запада.

— Теперь посмотрим,— сказал комиссар,— кто же они, нынешние моряки? Те ли балтийцы, которые брали Зимний в семнадцатом, безоговорочно защищали Советскую власть? Нет!

Те давно на фронтах гражданской войны, многие сложили свои головы за революцию. Вот я и подхожу к ответу на ваш вопрос, гражданин... Все скрываетесь?.. Ну ладно! — махнул рукой.— Кронштадтский гарнизон, как и экипажи двух линкоров и нескольких фортов, на три четверти состоит из вчерашних крестьян и мелкой буржуазии городов — массы отнюдь не революционной, по своей сути колеблющейся. А политические колебания, указывает товарищ Ленин, есть самое «натура» мелкого производителя. Удивительно ли,— продолжал оратор,— что подстрекаемая предателями матросская масса решила «поддержать» недовольных рабочих-питерцев, тоже сбитых с толку контрреволюционной пропагандой?

Враг хитер, опытен, понимает, как спровоцировать массу. Знает, что призыв «Долой Советскую власть!» не пройдет — его замыслы раскусят...

— Дайте сказать, товарищ комиссар,— перебил вскочивший на трибуну солдат с глубоким шрамом на лбу.— Варенцов я, Михаил,— крикнул он в толпу.— Контрики выдвинули лозунг: «За Советскую власть!» Но за какую? За Советскую власть без коммунистов! Вот до чего додумались.

— Это я и хотел подчеркнуть,— обрадовался поддержке Лучинский,— в стремлении избавиться от власти рабочих и крестьян организаторы мятежа придали начавшемуся движению видимость борьбы за Советскую власть без большевиков.

«Хитры бесы!», «Что в лоб, что по лбу!..», «Подлецы!» — раздались выкрики.

Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет дурачку Виктору Чернову... что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков*... давайте поддерживать... какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* ...А остальное,— а остальное «мы», Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем...

В. И. Ленин

— Провокаторы говорят, что нам — коммунистам — живется лучше, что другие голодают, а у коммунистов есть все,— продолжал Лучинский.— Вот и идите в нашу партию, узнаете, лучше ли живется членам партии коммунистов-большевиков, узнаете, ради какой идеи и для кого они живут.

А лозунг «За Советскую власть, но без коммунистов» — это попытка агентов международного капитала восстановить власть буржуазии.

— Не выйде-ет! Не полу-учится! — загремели голоса.

— Это все равно, что «Даешь церковь, но без попа!» — громко хмыкнул кто-то под смех толпы. Послышались возгласы: «Правильно!», «Нас на мякине не проведешь!»

Почувствовав перемену в настроении солдат, комиссар сказал в заключение:

— Словом, на штурм мятежников пойдем все, как один. А сейчас — раз-зой-дись! — скомандовал он, и красноармейцы, оживленно переговариваясь, стали расходиться по казармам.

— Это ж надо, товарищ Лучинский, дойти до такого! И где? У нас, в Невельском! — догнал комиссара Варенцов.— Я, старый коммунист, в партии с 1905-го, в полку с первого дня, никогда ничего

подобного!.. А ведь почему нынче так, я вам скажу: и к нам проникли провокаторы, определенно. Да и в полку много необстрелянных новобранцев, вчерашних крестьян, разного мелкобуржуазного элемента. Ни боевого опыта, ни революционной закалки.

— Знаешь, товарищ Варенцов, хотя митинг окончился на подъеме, так сказать, настроение людей меня не радует...

— А я иначе думаю. Побузили малость, и все. Биться будут как следует. Мы, коммунисты, поведем.

— Ладно! Все же будь начеку.— Лучинский вдруг побледнел и опустился на случайно подвернувшийся ящик, лицо его покрылось потом.

— Что с вами? — встревоженно спросил Варенцов.

Лучинский нетвердо сказал:

— Ничего... Проходит. Элементарная усталость. Двенадцатого из Москвы, на съезде с утра до ночи заседания, в поезде ни на минуту глаз не сомкнул, здесь тоже не получилось, вводили в обстановку, то да се... Ну вот, прошло вроде. Пойду в полк, с коммунистами потолкую.

— Ни в коем случае, на вас лица нет, отдохните. Поговорю я.

Лучинский поднялся, но, почувствовав сильное головокружение, снова присел.

— Ла-адно,— сказал нехотя,— у меня не получится, сегодня побеседуйте вы, Михаил...

— Алексеевич.

— ...Михаил Алексеевич. И присмотритесь хорошенько: кто-то воду мутит, надо их отделить от остальных... Неспокойно что-то на сердце у меня,— пожал он руку товарища.— Пойду, попытаюсь поспать.

...Поздней ночью 17 марта, одетые в белые маскировочные халаты, красноармейцы ступили на лед залива. Первыми среди частей Южной группы шли 237-й Минский и 235-й Невельский полки 27-й Омской дивизии.

Изредка, когда в разрывах между тучами показывалась луна, Лучинский видел насупленные суровые лица, твердо шагающих, устремленных вперед бойцов. Во всем — в твердой поступи, в хватке, которой держат оружие, видна решимость уничтожить врага.

Подавить мятеж дело нелегкое, понимал Чумбаров-Лучинский. Ультиматум, предъявленный Кронштадту еще 7-го, был оставлен без ответа, мятежная крепость молчала. Атака, предпринятая несколько дней назад 7-й армией (командующий Михаил Тухачевский), захлебнулась. Для успешного наступления необходима тщательная подготовка, значительные силы. По призыву X партсъезда 7-я армия была существенно укреплена, в Ораниенбаумскую (Южную) и в

Сестрорецкую (Северную) боевые группы прибыли делегаты съезда, сотни лучших коммунистов из многих губерний России.

Штурм превосходной морской крепости по льду не имел прецедентов. Мятежники располагали также четырьмя фортами, двумя вмерзшими в лед Финского залива линкорами. Были сложности и иного порядка: естественная для человека «ледобоязнь»: лед не земля — ненадежен, в него не зароешься, бойцы некоторых частей были спровоцированы проникшими в вагоны еще по пути следования вражескими лазутчиками, сеявшими панические слухи, небылицы. Они старались запугать красноармейцев неприступностью морской крепости, кое-где им удалось этого добиться.

Лучинский вновь глядел на решительно шагающую роту и с удовлетворением отмечал: «Не подведут! Будут биться до победы!..»

Да, теперь не подведут.

Тогда, два дня назад, минутная слабость оказалась не только усталостью. Он свалился в беспамятстве, был помещен в дивизионный лазарет. А когда через сутки пришел в себя и, вопреки решительному сопротивлению врачей, добился выписки и явился в дивизию, оказалось, сбылись самые худшие его опасения. Солдаты 235-го и 237-го полков, среди которых было много колеблющихся и дезертиров, поддались на провокацию, отказались идти в бой!

Пришлось прибегнуть к крайним мерам.

Выстроенным во дворе казармы частям был зачитан приказ: солдат лишить высокого звания «красноармеец», знамена отобрать, полки разоружить, что и было тут же сделано.

Прибывший срочно в дивизию начдив В. Путна просил командование дать возможность личному составу исправить свою вину: во время штурма доказать свою преданность революции. Именно в тот тревожный час пришел в полк Чумбаров-Лучинский.

Всю ночь напролет при свете коптилок группа делегатов съезда, влившихся в роты рядовыми, вела энергичную пропаганду среди бойцов, разъясняя правду о мятеже и политику партии, изложенную Лениным на съезде.

— Посмотрите, на чью удочку вы попались,— говорил Лучинский,— главарь мятежного «ревкома» недавний дезертир Петриченко за восхваление петлюровских порядков получил прозвище «Петлюра». Члены: Тукин — бывший жандарм, крупный домовладелец, Вальк и Романенко, именующие себя беспартийными, на самом деле меньшевики, Орешин — эсер, Павлов при недавнем режиме — сыщик. Это они бросили в тюрьмы Кронштадта 450 коммунистов, десятки приговорили к смерти...

Это была борьба за сердца и умы людей, ввергнутых авантюристами в пучину предательства. В эту борьбу делегаты съезда вложили все свое умение, опыт, революционную страсть большевиков.

И она увенчалась успехом. Красноармейцы очнулись от дурного сна, поняли наконец, какой дьявольской паутиной были опутаны. И дали клятву кровью смыть свой позор, до конца биться за власть Советов. Было возвращено оружие и славные боевые знамена.

Вот что произошло в эти дни.

Пошел снежок. Тучи плотной завесой заволокли небо. Где-то громыхнул фугас, на миг замерцал колеблющийся свет и тут же погас.

В густой темноте красные воины бесшумно приближались к Котлину. До острова было уже недалеко, когда тревожно заметались по глади льда мощные лучи прожекторов и вдруг остановились как вкопанные, словно удивленные представившейся им картиной: на всем пространстве от острова до южного побережья Финского залива красноармейцы неудержимой волной катились к фортам и крепости. Наконец мятежники осознали происходящее и открыли по наступающим ураганный огонь из всех видов оружия.

Фугасы взрывали лед, образуя большие полыньи, вверх вздымались огромные фонтаны воды, перемешанной с ледяными осколками. То там, то здесь подо льдом оказывались люди, группы людей... Страшно: не укрыться, не заслониться... С каждой минутой все больше во льду рваных ран с клокочущей черной водой.

— Вперед, не отставать! — подбадривал Лучинский, а когда луч прожектора приближался, отрывисто командовал:

— Стоять! Не двигаться!

...Сплошная стена огня! Продвигаться дальше невозможно, бойцы залегли, вжались в лед, в холодную, хлипкую ненадежную твердь. Поднять голову, оторваться нет никаких сил. Нужна воля, пример бесстрашия. Только подлинное мужество способно поднять людей.

Пример подает политрук Чумбаров-Лучинский.

— За мной! — командует он.

Презрев смерть, с винтовкой наперевес, Лучинский устремился к мятежному острову. За ним в едином порыве поднялась, покатилась рота, рядом — другие подразделения, полки, поднятые коммунистами. Вот он, Кронштадт!

...Пройдут считанные часы. Красные бойцы, преодолев одну за другой все преграды, возьмут форты, перережут проволочные заграждения, преодолеют крутой подъем, с боем ворвутся в Кронштадт, завяжут тяжелые бои за каждую улицу, переулок.

В ряды атакующих встанут освобожденные из тюрем комиссар Балтийского флота Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета Васильев, сотни других коммунистов. Враг будет сопротивляться

с отчаяньем смертника, терять ему нечего, известно: поднявший на революцию меч, от меча и погибнет.

Еще пройдет немного времени, и телеграф принесет в Москву, Ленину, съезду, радостную весть: бастион контрреволюции — Кронштадт пал, мятеж подавлен. Велика будет радость победителей — красных воинов 7-й армии, рабочих Петрограда, влившихся в их ряды, сдержат свою клятву красноармейцы славной 27-й Омской.

А что же Федор Чумбаров-Лучинский?

Свидетельство участника штурма комиссара артиллерии Д. Степанова

...Я двигаюсь за цепью и догоняю ее у второго форта в то время, когда под ударом фугасов вся цепь приходит в замешательство.

Саженях в пятидесяти от форта перед нашей цепью взрывается шесть фугасов страшной силы, и до двадцати товарищей взлетает на воздух. Перед нами образуются громадные полыньи и водовороты воды, с клекотом увлекающие на дно подвернувшихся и попавших в них людей. На моих глазах гибнет секретарь Архангельского губкома тов. Лучинский-Чумбаров, и мы ничего не можем сделать, ибо один неосторожный шаг вперед — и водяной смерч увлекает за собой немедленно.

Федор Лучинский погиб, пал смертью героя за несколько часов до победы.

Из биографии

Год рождения 1899-й, деревня Васильевская Каргопольского уезда Архангельской губернии, образование — начальная школа. С тринадцати лет — на заработках в Петрограде: разносчик газет, мальчик-подручный в буфете Тенишевского училища, приобщен к революционным идеям большевиками-подпольщиками А. Машировым, Ф. Драбкиной, Н. Бурениным.

Год 1914-й — вступление в партию, выпуск антивоенных листовок. 1917-й — красногвардеец, активный участник Октябрьского вооруженного восстания, Петроград.

Весна 1918-го — слушатель Первых советских инженерных курсов подготовки комсостава. Осень восемнадцатого, Кологривский уезд Костромской губернии — пропагандист-организатор Пролеткульта, редактор журнала «Жизнь искусств». Апрель 1919-го — редактор газеты «В Зырянском краю». Март 1920-го — секретарь Мурманской организации РКП(б), апрель — организатор Пролеткульта в Архангельске, май — заведующий отделом пролетарской культу-

ры, редактор журнала «Красное Поморье», депутат Архангельского Совета.

Июль 1920-го, 13-я армия, Южный фронт,— редактор газеты «Красный воин». Декабрь — секретарь Архангельского городского райкома партии.

Январь 1921-го — член губкома партии большевиков, Архангельск, февраль,— редактор губернских «Известий». Март — делегат X партсъезда от коммунистов Севера.

Он погиб на рассвете 17 марта 1921-го. Ему было двадцать два.

Виктор
ЛИТОВКИН

ЭТО ПРЕКРАСНОЕ ИМЯ— НАДЕЖДА

Хох! Хох!

Белое безмолвие. Белая темень застеленного сугробами леса, мох запорошенных снегом, заиндевевших стволов, белые шапки на лбах гранитных скал.

На него уже невозможно смотреть, на этот белый, бесконечно монотонный, утомительный цвет. Стужа обжигает глаза, кружит горячечным туманом голову, проникает в каждую клеточку твоего существа, делает ватными мышцы, размягчает волю.

Хох! Хох!

Седьмые сутки ты и твои товарищи в пути на лыжах.

Тебя не зря называют «стальной Тойво», ты не станешь думать об усталости, о бесконечности белого пути, о неизвестности, что таится за каждой щелью — голым, лобастым камнем. Когда не обращаешь внимания на этот слепящий снег, на слезящиеся, воспаленные глаза, на сосущее под ложечкой непроходящее чувство голода, тогда хорошо помнишь и понимаешь, зачем ты здесь, в этой непроходимой глуши. И тогда белая, слившаяся с летящими в лицо снежинками, с запорошенными, облепленными снегом стволами деревьев колонна лыжников, клубящаяся дымными облачками пара, перестает казаться тебе только призраком, неизвестно как залетевшим в этот озерный, лесной край, а ясно предстает тем,.чем является на самом деле,— монолитной, спаянной одним порывом, единой волей, общей целью боевой единицей Красной Армии — отрядом курсантов Интернациональной военной школы, лыжным десантом в тылу белофинских интервентов,— и ты, командир и комиссар Тойво Антикайнен, в ответе за него перед молодой рабоче-крестьянской Советской Республикой, перед ленинской партией большевиков, перед своей пролетарской совестью. Вперед и только вперед! На тебя надеются, твоему отряду доверена судьба Советской Карелии, растерзанной бандами шюцкоровцев, и ты не можешь остановиться, тебе некогда отдыхать. Земля Калевалы ждет твоей помощи.

Антикайнен вспомнил вьюжный, туманный вечер 5 января 1922 года. Николаевский вокзал Петрограда. Тусклый свет раскачивающихся на столбах фонарей, желтые его конусы, как маятники,

плывущие из стороны в сторону, вслед за порывами пронизывающего ветра. И горячую, взволнованную речь перед строем их Интернациональной военной школы главнокомандующего Вооруженными Силами республики Сергея Каменева. Студеные порывы развевали длинные полы шинели, прихваченной у пояса широким командирским ремнем с посеребренным эфесом кавалерийской шашки, заметали под подбородок крылья буденовки, топорщили густые, пышные усы Главкома, а тот энергично вскидывал побелевший кулак, словно рубил рукой морозный воздух, перекрывая голосом шум вокзальной суеты, нетерпеливое пыхтенье паровоза, говорил им о положении на фронте, о бедствиях простых финнов и карелов, о задаче, которую ставит перед ними Республика Советов.

В памяти Тойво отчетливо всплыло небольшое лесное озеро по дороге от деревни Гонги-наволок к Пенинге. К нему вела широкая тропа, протоптанная в снегу лошадиными копытами, валенками, изрезанная санными полозьями. Во многих местах она была покрыта бурыми, застывшими, прихваченными морозом ноздреватыми пятнами крови. Они пошли по ним. У проруби лежало два окоченевших, раздетых донага мужских тела. Обезображенные, изуродованные лица. Уши, нос, губы обрезаны, выколоты глаза. Размозженные прикладом головы. У одного из них на груди вырезана ножом окровавленная звезда. У другого на левой руке не хватает безымянного пальца. Выломан прямо по суставу.

— Кольцо срывали,— прошептал стоящий рядом с Тойво пулеметчик Пату Хилтунен.— Сволочи!

Глаза его вспыхнули лютой ненавистью, и с ресниц вдруг скатились слезы. Антикайнен отвел взгляд. Невозможно спокойно видеть, как плачет мужчина, воин. Никто из них не знал, что за трагедия разыгралась у лесного озера, кем были каждый их этих мучеников — милиционером, учителем, работником сельсовета,— но бойцы, курсанты Интернациональной военной школы, в эти минуты переживали свое. Многие из них большевики, в недавнем прошлом рабочие-металлисты, строители, железнодорожники, потеряли отца или брата, мать или сестру. После разгрома шюцкоровцами революционного правительства Совета народных уполномоченных, во время разгула «белого террора» у Пату Хилтунена белофинны вырезали всю семью, не пощадили даже пятилетнего брата.

Убитых у проруби похоронили под гранитными валунами, в одной могиле. Обозначили ее двумя красными флажками. Постояли в молчании несколько минут, обнажив головы. Даже салют из винтовок не дали, чтобы грохота выстрелов не расслышал враг. И снова в путь, по белому безмолвию, углубляясь по бездорожью в лес, в глухомань, на нехоженые тропы, под защиту могучих крон столетних деревьев.

Хох! Хох!

И опять тяжелый ритм многокилометрового лыжного рейда завладел каждым, подчиняя своей неумолимой логике волю, силы, стремления всех бойцов, от 24-летнего Тойво Антикайнена до самого молодого воина — 16-летнего Топи Томпола. Белый капюшон маскхалата натянут пониже на брови, словно он мог защитить от мороза и ветра, на спине вещмешок с запасом патронов и гранат, с небольшим, на все время похода, продпайком — несколько штук желтой сушеной воблы, шпик, горстка сахара, десяток жестяных банок с консервами, сухари, пшено, три плитки шоколада, две пачки табака да фляжка спирта на случай обморожения,— сверх мешка приторочена винтовка. Да так, чтобы не болталась в пути, не сползала на бок.

Под маскхалатом овчинный полушубок, суконная гимнастерка, ватные брюки, заправленные в валенки, и лыжи — лучшие лыжи двадцатых годов — короткие, широкие и крепкие «Муртомаа». Даже чемпион в гонке на тридцать километров боец Калле Ахонен удивился, где их столько набрали. Но рабочие Петрограда, командование Красной Армии дали им все. Только бы они сумели выполнить свою неимоверно тяжелую задачу — пройти по тылам белофиннов почти тысячу километров, разгромить базу врага на Кимасозере и отбросить его за границы Советской Республики.

Тойво Антикайнен хорошо понимал, что сделать это будет очень трудно. И начальник школы Александр Инно, начальник политотдела Кустаа Ровио знали об этом. Отряд двигался без крепкого тыла — без обоза, артиллерии и лошадей, которые не пройдут по топким, едва занесенным снегом торфяным болотам, по бесчисленным озерам и речушкам, притаившимся под сугробами, по каменным валунам и гранитным горным кряжам, что, как надолбы, пересекают полосами всю Карелию, по густым, непрореженным, заваленным буреломом лесам, по охотничьим, оленьим тропам — по бездорожью. Да и не каждый боец справится с таким испытанием. Поэтому даже среди своих друзей, товарищей по военной школе, уже сражавшихся на всех фронтах, против Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля, Тойво отбирал только самых сильных, выносливых, умело владеющих оружием и умеющих отлично ходить на лыжах. Таких, как пулеметчик Пату Хилтунен, опытные лыжники: Калле Ахонен и призеры республики братья Юкку и Марти Лайнио, чемпион мира по борьбе Оскар Кумпу, Юкку Хейкконен, командовавший полком на Польском фронте, Отто Иконен, Бруно Лахти и Вяйне Севандер, Гуго Лааксо, Ахо Вилхо, с которым он вместе сражался против интервентов-англичан под Мурманском, у Медвежьей Горы, будучи комиссаром батальона, как разведчики Тойво Вяхя и Матти Рийхимяки. В них Антикайнен был уверен как в себе самом. Каждый из них испытанный боец. Герой.

И ничего, что белый цвет слепит глаза, что пот застывает коркой

льда на лице. Ничего, что приходится идти по семьдесят километров в день, спать в снегу на 35-градусном морозе, проваливаясь по пояс в снег, в воду, мочить лыжи, а потом бежать в задубевших, стеклянных от льда валенках, держа на плечах обмерзшие, отяжелевшие полозья. Все это ничего. Главное, есть уверенность, есть надежда, что боевая задача будет решена — они найдут базу шюцкоровцев, разгромят ее.

Хох! Хох!

Какое это прекрасное слово — «надежда». Как много в него вложено! Надежда. На мгновение в памяти Антикайнена всплыло заплаканное лицо матери. Густая сеть морщинок, пролегшая в уголках губ, горестно опущенных вниз. Он во главе отряда красногвардейцев уходил из захваченного буржуазными националистами-шюцкоровцами Хельсинки в Петроград. Забежал в Сернес, в свой дом-утюг, выходящий уступом на перекрестье улиц, попрощаться. Старая Оттелиана обхватила его за шею руками, прижалась мокрым от слез лицом к груди.

— Тойвиско, сынок мой, что с тобой будет,— причитала она,— ведь я назвала тебя Надеждой. Когда мы теперь свидимся и свидимся ли вообще?..

Он мягко отстранил ее от себя, вытер ладонью слезы, поцеловал и мягко, ласково улыбнулся:

— Ты мне подарила замечательное имя, мама. Спасибо тебе за это. А мы встретимся, обязательно встретимся. Я обещаю тебе...

Как давно это было. Целых три года назад. Он успел повоевать на Восточном фронте, против Колчака, на Свири, с Юденичем, закончил Интернациональную школу, преподавал в ней, сражался с англичанами на Кольском полуострове и вот теперь воюет с белофиннами. И всегда с ним его имя, его надежда. Ее нельзя не оправдать.

Хох! Хох!

— Комиссар,— тронул его за плечо Бруно Лахти. С тех самых боев у Медвежьей Горы он только так и называл Тойво Антикайнена, хотя тот ему давний друг, соратник по революционной борьбе.— Комиссар,— повторил пулеметчик, выводя Антикайнена из задумчивости,— люди устали. Сделаем небольшой привал.

Тойво оглянулся на колонну. Она растянулась по лесной тропе, клубилась белой дымкой разгоряченного дыхания. Покрытые снегом, оледеневшие маскхалаты были похожи на тяжелые панцири. Темп марша падал. Люди шли вяло, замедляя шаг. И это понятно. Пятый час без отдыха. Особенно трудно пулеметчикам,— за их плечами вместе с вещмешками, винтовкой еще и станины, ствол пуле-

мета, магазины с патронами: это дополнительных пятнадцать килограммов к тем двадцати пяти, что несет каждый. Часть груза пулеметчиков взял на себя Оскар Кумпу. Но и ему нелегко. Лыжи глубоко зарываются в снег, плохо скользят, отбирают последние силы.

Антикайнен отыскал глазами курсанта Пекку Абеля. Еще на полпути до Ребол у ракотулета — карельского костра,— когда бойцы сушили валенки, портянки, он заметил почерневшие, опухшие ноги Пекки. Тот отморозил их, провалившись с лыжами в заметенную снегом речушку. Спирт, растирание салом помогали плохо. Тойво предложил Абелю остаться в деревне, подождать их возвращения, но боец ни в какую не согласился оставить отряд.

— Я не буду вам обузой,— горячо уверял он командира. Антикайнен знал, что у Пекки есть свой счет к белофиннам, да и рискованно было оставлять курсанта одного в местах, где каждую минуту могли появиться шюцкоровцы, и не стал настаивать.

И вот Абель идет вместе со всеми, полузакрыл глаза, шатается, но идет. Может быть, уже не на лыжах — на одной воле, на характере. Но не отстает от других, не задерживает десант. Тоже, как заведенный, взмахивает и взмахивает руками, отталкивается палками от наста.

Хох! Хох!

Тойво выходит из строя, пропуская колонну мимо себя, пристально всматривается в лица товарищей.

— Ты прав, Бруно. Отдых нужен. Очень нужен. Но не сейчас. Чуть позже, когда вернутся разведчики. Мы не можем остановиться, не зная обстановки. И я прошу тебя — помоги мне. Ускорь темп, чуть-чуть, но ускорь.

— Хорошо, комиссар,— кивнул головой Бруно Лахти и устремился в голову колонны. Прокладывать путь, задавать темп. А Тойво Антикайнен остановился, сойдя с лыжни, и закричал во все горло:

— Молодцы, ребята! Хорошо идете! Лыжники — кавалеристы снежных просторов! Наши лыжи — бойкие кони севера! Нам завидует сам Лемминкяйнен. На лыжах, как на конях, вперед, красные богатыри — сыны Калевалы, бить ненавистных лахтарей!

Он увидел, как повеселел взгляд у курсанта Абеля, как, оттолкнувшись обеими палками сразу, прибавил ходу Оскар Кумпу, как заспешили, догоняя его, Ахо Вилхо, Аксели Анттила, Калле Ахонен. Вся колонна лыжников, словно могучий поезд, паря на морозном воздухе горячим дыханием, вновь набирала темп, скорость, мчалась вперед. И сам, весело прыгнув в колею лыжни, словно юный, полный жизненных сил, задора и кипящей энергии северный олень—педра, помчался в голову отряда, к Бруно Лахти, помогая тому торить лыжню.

Хох! Хох!

А голову не покидали мысли о разведчиках Тойво Вяхя и Матти Рийхимяки, ушедших далеко вперед. В походе по тылам врага нет ничего хуже, чем неизвестность. Без знания обстановки, без готового замысла боевых действий на случай внезапной встречи с врагом — ты не командир.

Седьмые сутки его отряд в глубоком тылу белофиннов. Прошел уже не одну сотню километров. Не может быть, чтобы враг не знал о его существовании, не принял никаких встречных мер предосторожности.

Два дня назад по пути в Пенингу, перед Масельским кряжем — высоченным горным хребтом, усыпанным гранитными валунами — сельгами, скальными грядами, похожими на бесконечный каменный забор, заросший вековыми деревьями, кустарником, Тойво Вяхя и Матти Рийхимяки захватили в заброшенной рыбацкой бане четырех диверсантов, направлявшихся взрывать полотно Мурманской железной дороги. Те сообщили, что командир шюцкоровской заставы в Пенинге получил от своего осведомителя сообщение, что в лесах появился красный десант, и собирается утром отправить донесение об этом в Реболы, где стоит большой гарнизон почти в сотню штыков.

Время приближалось к вечеру, январские дни — короткие, в четыре уже сумерки. Крутили острые снежинки, верный признак приближающейся метели, а огибать Масельский кряж, как это обычно делают и охотники, и местные крестьяне, очень далеко, притом в пургу легче легкого сбиться с пути, заплутать, и Антикайнен принял решение штурмовать горную гряду.

Они лезли вверх буквально на животах, привязав лыжи к вещевым мешкам, раздирая в кровь ладони о мерзлые, каменные глыбы, подставляя друг другу плечи, протягивая на выручку руки. Метр за метром вперед и вверх.

Но стоило только уткнуться на мгновение в снежную шапку валуна, прижаться плечами к холодному, остужающему тело граниту, как бойцы тут же засыпали, словно набирались сил. Но это только на миг.

Ахо Вилхо попытался взобраться вверх на лыжах. Но не пройдя и десятка метров, поскользнулся на покрытом льдом валуне и полетел вниз, цепляя палками, винтовкой поднимающихся рядом бойцов. Станины «мадсена» соскочили у него с плеч и, кувыркаясь на камнях, летели следом, больно ударяя его по спине. Тойво Антикайнен подбежал к товарищу, помог ему подняться, отряхнуть снег.

— Береги лыжи, сломаешь — других не найдем,— тихо проговорил он и добавил: — Я возьму у тебя станину,— протянул комиссар руку к пулемету, затем повернулся к Симо Суси, попросил его: — Передай по цепочке: помочь пулеметчикам, разобрать у них стволы, станины, магазины с патронами.

— Патроны не надо,— попросил Ахо,— мы засунем магазины в валенки. Они не помешают, да и устойчивости прибавится.

Тойво улыбнулся:

— Хорошо, сделаем так.

Только глубоко ночью взобрались они на вершину кряжа, сделали десятиминутный перекур и заторопились вниз. Но спуск оказался во многом труднее подъема. Теперь уже невозможно было лечь на живот, потому что груз за плечами давил, бросал на скалы. И все же к утру, едва над лесом забрезжил туманный рассвет, они были у Пенинги.

Остановились в ста метрах от деревни. Тишина, ни петушиного крика, ни собачьего лая. Только из нескольких изб, занесенных снегом почти до крыш, тянется дымок. Тойво выбрал среди них самую большую и крепкую, подозвал к себе командира роты Юкку Хейкконена:

— Будешь наступать справа, охватывая деревню полукольцом. Я ударю прямо с фронта. Огонь раньше времени не открывать. Постараемся захватить шюцкоровцев врасплох.

Они ударили одновременно. Когда красноармейцы ворвались в Пенингу, часовой, стоявший у крайнего к дороге дома, уныло постукивавший валенком о валенок, пережидая время до подхода смены, даже не успел удивиться. Он смотрел на выросших перед ним с винтовками в руках лыжников и ничего не понимал.

Такое же недоумение было на лице у поручика Лассу, когда в доме, где он полуголый садился вместе со своими приближенными завтракать, открылась дверь и с клубами морозного воздуха в просторную горницу ворвались бойцы в белых маскхалатах с винтовками и пистолетами в руках и закричали:

— Руки вверх!

Оторопевшие белофинны начали медленно поднимать руки, а офицер вдруг бросился к кровати, где на спинке висела его кобура с маузером, но выстрел Бруно Лахти ему в ногу тут же отрезвил поручика.

— Не стреляйте! — завопил он.— Я — поручик Лассу, финский офицер.

— Мы это знаем,— спокойно произнес Антикайнен,— от вас требуется только донесение, которое вы собирались отправлять в Реболы.

— Какое донесение, ребятки? — угодливо заулыбался Лассу,— Что за шутки? Зачем баловаться с оружием, неужели нельзя так договориться?

— Можно,— согласился Тойво.— Мы — красноармейский отряд. Нам нужно донесение, о котором я уже говорил, а также сведения, где находится ваша главная база, какой там гарнизон, где еще расположены заставы, посты фельдъегерской связи.

— Какие красноармейцы? Какая база? — не понял его поручик.— Бросьте меня разыгрывать. В эту глухомань даже птица от красных не залетит. Вы же натуральные роучи, уроженцы Хельсинки, так чисто по-фински говорят только там. Впрочем, я знаю, кто вы.— Он подчеркнуто поклонился, принял строевую стойку.— Вы — капитан Риутта. Мне господин Ильмаринен говорил, что из столицы должны прибыть добровольцы во главе с вами. Как я сразу об этом не догадался?! Милости просим, милости просим. Эй, старик! — закричал он хозяину избы,— тащи на стол сало, оленину. Крещение на носу. Встречай дорогих гостей как полагается.

Из-за спины Антикайнена шагнул Пату Хилтунен, рванул с головы капюшон маскхалата, обнажив островерхую буденовку с красной звездой над козырьком, сунул поручику в живот револьвер.

— Мы — добровольцы. Только не из Хельсинки, а из Петрограда. И зовут нашего командира не Риутта, а товарищ Антикайнен. Теперь ты понял? Говори, где донесение, где твоя поганая база? Сейчас за все ответишь, и за тех парней, замученных у озера, тоже.

Лассу упал на колени. Запричитал, размазывая по щекам грязные слезы, стал вымаливать прощение, упрашивая сохранить ему жизнь.

— Это не я, не я,— кричал он.— Это Ильмаринен. Его работа. Он пытал милиционера и учителя, хотел, чтобы они вступили в его армию... Я вам все расскажу, все покажу, только пощадите меня.

— Это действительно Ильмаринен,— хмуро подтвердил хозяин избы.

— Ильмаринен?! Ильмаринен?! — вскипел Тойво.— Даже грамма совести нет у этой шюцкоровской гадины. Его зовут — Ялвари Таккинен. А он присвоил себе имя народного героя Калевалы, кузнеца, выковавшего чудесную мельницу Сампо. У самого мозоли разве что от плетки да от орудий пыток...

— Да,— грустно кивнул крестьянин.— Он со своей бандой привел Олави Весала и Лео Юнтунена из Тихтозера. Долго пытал, но ребята держались. Позавчера они увезли их куда-то, избитых, замученных, и больше не появлялись. Сына моего — Артема тоже с собой захватили. Наверное, замучили и его. А донесение,— презрительно кивнул он в сторону поручика Лассу,— вон там, на вешалке, в шапку заложено.

Тойво достал донесение.

«...Осмелюсь доложить,— бежали по бумаге корявые чернильные буквы,— на станцию Масельская из Петрограда прибыл состав с красноармейцами в количестве пятисот человек. Часть из них, большая, направилась в сторону Кемь-Энгозеро, по железной дороге, другая, численностью чуть больше ста бойцов, по маршруту Паданы — Гонга-наволок — Реболы... И видимо, дальше, на наш штаб в Кимасозере. Хотя слухи об их появлении здесь слишком преувеличены. Эти дороги непроходимы...»

Антикайнен устало улыбнулся. Донесение запоздало. Здорово опоздало. Они уже здесь, в сутках перехода от Ребол. И все же помощь оно им оказало хорошую. Теперь точно известно, где главная база, куда наносить основной удар.

Он приказал отправить пленных вместе с поручиком Лассу на розвальнях в тыл, обеспечив их охраной из пяти бойцов, и после недолгого отдыха, завтрака, состоявшего из сушеной воблы, двух сухарей, кружки кипятку и пары кусочков сахара, они отправились дальше в путь. На Реболы и Кимасозеро.

Хох! Хох!

Отряд шел, не снижая скорости. Бруно Лахти, Тойво Антикайнен, попеременно меняясь местами, пробивали лыжню, задавали темп. «Куда же запропастились разведчики?»— не переставал думать Тойво. У белофиннов, знал он, по дороге из Ребол до Кимасозера через каждые десять — пятнадцать километров устроены станции «летучей почты». В лесной избушке по два «эстафетчика», два связных. Неужели такие опытные бойцы, как Тойво Вяхя и Матти Рийхимяки, неожиданно напоролись на них и не справились с ними? Неужели упустили кого-то? Этого не может быть.

После Ребол, где десант не встретил никакого сопротивления — гарнизон ушел через чащу в недалекую отсюда Финляндию,— отряд вышел на прямую дорогу на Кимасозеро. И хотя до него путь неблизкий, а на большаке можно было встретить врага, это была самая короткая, а значит, и самая быстрая дорога к шюцкоровской базе. И Тойво не мог позволить отдых ни себе, ни своему отряду. Решалась судьба всего рейда, и нужно было торопиться, пока слухи о десанте не дошли до штаба, пока белофинны не приготовились к организованной обороне.

Хох! Хох!

Только вперед! И быстрее, быстрее!

Комиссар увидел сквозь пелену клубящейся по дороге поземки две белые фигуры, торопливо бегущие им навстречу. Узнал их. Широкоплечий, приземистый, коренастый, похожий на увальня-медведя крепыш Тойво Вяхя, тезка. И длинноногий, худощавый и жилистый, ловкий в единоборстве, хитрец Матти Рийхимяки. Очень гармонично дополняли они друг друга. Уравновешенный, даже излишне спокойный, слегка флегматичный, рассудительный Тойво и горячий, готовый вспыхнуть от одной реплики, как порох, беспокойный Матти. И притом оба друга были одинаково быстры, смекалисты и находчивы в бою, в схватке с противником. Никто никогда не уходил от них, сколько бы врагов ни было. В разведке особенно. Тойво Антикайнен вспомнил об этом, и тревога сразу отлегла от сердца.

— Что нового, гвардейцы? — встретил он их вопросом.

— Есть новости, товарищ командир,— доложил Тойво Вяхя.— По дороге нам навстречу движется отряд шюцкоровцев. Правда, небольшой. Штыков двадцать пять. Идет на Конецостров ставить заслон красным. Через полчаса будет здесь.

— Нужно сворачивать в лес,— дополнил его Матти Рийхимяки.

— В лес уже бесполезно,— задумчиво потер рукавицей замерзшее лицо Бруно Лахти.— За это время поземка не скроет наши следы. Лахтари — не дураки. Заметят их сразу. Лучше засаду им тут устроить. Пулеметчиков — за камни. Самим укрыться за деревьями. Подойдут — ударить с двух сторон, и готово.

— Хорошая идея,— поддержал его Юкка Хейкконен.— Только шума будет много. Без него как-нибудь бы обойтись...

— Можно и без него,— улыбнулся Антикайнен,— Симо,— повернулся он к адъютанту,— передай по колонне: пусть надвинут пониже капюшоны, чтобы не видно было звезд на буденовках, и хорошенько запомнят: мы — добровольцы. Да-да. Из Хельсинки. Те самые...

Шюцкоровцев они увидели ровно через полчаса, как и предупреждал Тойво Вяхя. Те шли плотным строем, с четкой армейской выправкой, которая чувствовалась даже в ходьбе на лыжах, по трое в ряд, по левой стороне дороги. Не разминуться с ними никак. Проход узок, даже двум саням и то с трудом разъехаться. Винтовки у белофиннов за спинами. Но увидели их, сразу перекинули оружие на грудь, остановились, рассыпались по обочине, спрятались частью сил за деревья, а один закричал:

— Стой, кто идет? Кто такие?

Антикайнен тоже остановил свой отряд метрах в тридцати от лахтарей. Тоже принял меры предосторожности, хотя его людей было и больше, закричал в ответ:

— А вы кто такие? Зачем здесь?

Из строя шюцкоровцев отделился толстяк в меховом тулупе и лисьей шапке, с погонами гауптмана.

— Мы — передовой заслон. Идем из Кимасозера,— крикнул он.

— А мы — добровольцы, из Хельсинки,— ответил Антикайнен,— идем в Кимасозеро.

— Как фамилия командира?

— Капитан Риутта.

— Риутта.— Толстяк совсем осмелел, подошел поближе к Антикайнену, расплылся в улыбке, раскрыл для объятий короткие полные руки: — Господин капитан, как мы вас давно ждем! Как рады вам!

За ним, сбиваясь в кучу, выходили из-за деревьев повеселевшие, потерявшие былую настороженность шюцкоровские солдаты, безбоязненно закидывали на плечи винтовки, подходили поближе к «добровольцам», чтобы поговорить с ними, расспросить о новостях,

последних сплетнях из столицы. Особенно радовался неожиданной встрече гауптман.

— Ну, как поживает красавец Гельсингфорс? — спрашивал он, заглядывая в глаза Антикайнену.— Девочки в порту еще не подешевели?

— Нет,— улыбнулся Тойво и покачал головой.— Цены кусаются. На товары да и на все остальное тоже... Правда, Маннергейм обещал расправиться с красными. А когда с беспорядками будет покончено, то и цены сразу упадут.

Гауптман расхохотался.

Тойво слушал болтовню толстяка, кивал ему, а сам нет-нет да поглядывал, как его ребята по трое-четверо окружали солдат-белофиннов, заводили с ними непринужденные беседы, делились табачком.

А гауптман распалялся все больше.

— А помнишь его выдумку на Длинном мосту,— хохотнул он.— Только барону могла прийти в голову такая идея. Собрал жен рабочих с детьми, заставил их поднять руки и погнал впереди нас на баррикады красных... С баррикад стрелять боятся,— все по своим попадут. А мы лупим из всех стволов — из пулеметов, винтовок. Бабы орут, выводок их верещит, они валятся на мостовую. А мы без малейших потерь берем квартал за кварталом. Здорово, правда?!

У Антикайнена обмерло внутри. Там, на Длинном мосту, была и его мать с сестрами. Чудом им удалось остаться в живых. С каким наслаждением он сейчас влепил бы пулю в эту самодовольную, лоснящуюся восторгом и радостью жирную рожу, но Тойво сдержал свою ярость. Время расплаты еще не наступило.

Заметил, лахтари уже в окружении его бойцов, и выхватил из кобуры наган:

— Руки вверх!

У толстопузого гауптмана от удивления полезли на лоб глаза, вытянулось лицо и отвисли полные щеки. Красноармейцы быстро и споро разоружали испуганных, недоумевающих шюцкоровцев.

— Что будем делать с этой толпой, комиссар? — спросил Бруно Лахти.

— А что делать?! — возмутился Пату Хилтунен.— Расстрелять, и точка. Они бы с нами в такой ситуации не церемонились. Особенно такие сволочи, как этот боров,— он сплюнул в сторону побелевшего от страха гауптмана.— Собаке собачья смерть.

Антикайнен положил ему руку на плечо, повернул к себе.

— Никогда не сравнивай нас с ними, Пату,— произнес он.— Красная Армия и эта мразь — противоположные полюса. Самоуправством заниматься не будем. Мы — не трибунал. Их должен судить народ, по пролетарской совести, по большевистской справедливости, по советским законам. Будем отправлять пленных в тыл.

— Но где мы возьмем столько бойцов, чтобы их охранять,— удивился Бруно.— С кем мы будем атаковывать Кимасозеро?

— А много и не понадобится,— хитро прищурил Тойво глаза.— Двоих вполне хватит.

— Пекки Абель, Эйнар Ярвимяки,— позвал он к себе самых уставших и обморозивших ноги бойцов. А когда те подошли к нему, тяжело переступая опухшими ногами, объявил: — Будете сопровождать колонну с пленными до самих Ребол. Туда должны подойти отряды южного крыла.

Заметил, как поскучнел, наполнился обидой взгляд Пекки Абеля, добавил со значением:

— Задание очень серьезное и опасное. Поручить его могу только вам, надеясь на ваш опыт, вашу смекалку, присущую вам особую революционную бдительность. Вас — двое. Их — двадцать пять. Прошу смотреть в оба, чтобы они не разбежались, чтобы не сумели предупредить о нашем приближении свою верхушку в Кимасозере. При попытке к бегству — стрелять немедленно. А чтобы помочь вам выполнить боевую задачу, мы сейчас сделаем вот что.

— Юкка Лайнио, Марти,— крикнул он красноармейцам.— Эркки Кярня, Калле Ахонен, Оскари Кумпу... Заберите у лахтарей оружие и все брючные ремни, срежьте все пуговицы и завязки на штанах и исподнем. Пусть держат их руками. Без штанов по такому морозу далеко не убежишь.

Красноармейцы, улыбаясь, бросились выполнять распоряжение своего командира. Через несколько минут колонна пленных белофиннов понуро тронулась в путь, сопровождаемая Пекки Абелем и Эйнаром Ярвимяки, держащими на изготовку заряженные винтовки.

Глаза у Пекки и Эйнара весело блестели. А остальные бойцы после недолгого отдыха двинулись дальше на Кимасозеро. Они тоже были радостно возбуждены, делились впечатлениями от хитроумно продуманной и ловко осуществленной их отважным комиссаром маленькой, но очень важной операции по захвату и обезвреживанию белофинской заставы.

— Как он этому толстопузому? Я — капитан Риутта. Господин капитан Риутта...

— Ай да Тойво, ай да мудрец...

— С таким мы кого хочешь разобьем...

— Большой отваги человек. Орел. Смелый. Умный. Удачливый.

На рассвете воскресного утра 20 января 1922 года отряд Антикайнена вышел к окрестностям большой северной деревни Кимасозеро. Сосредоточился на юго-западной каменистой возвышенности от нее. Здесь хорошо просматривались обе неравные части поселе-

ния, большая — верхняя и поменьше — нижняя, разделенные широким заливом озера. В верхней, взбежавшей на лобастый пригорок, расположилась большая деревянная церковь. Возле нее дом священника, где, по словам пленных эстафетчиков, и должен размещаться штаб финского лесного полка во главе с перевертышем Ильмариненом — майором Ялвари Таккиненом, палачом и грабителем карельских крестьян. В нижней — изба сельского старосты, где жили офицеры. Рядом, в большом сарае, склад боеприпасов, в меньшем — приговоренные к расстрелу пленные красноармейцы, милиционеры, работники сельсоветов, учителя, крестьяне,— словом, все, кто отказывался сотрудничать с шюцкоровцами. Невдалеке амбар с награбленным в окрестных селах продовольствием.

Тойво расстелил на гранитном валуне крупномасштабную карту-двухверстку, на которой отчетливо были обозначены каждый дом, двор, просека. Подозвал к себе командиров рот Юкку Хейкконена и Эркки Карьялайнена, командира пулеметчиков Бруно Лахти.

Сквозь стволы деревьев, прикрытые морозной дымкой предутреннего тумана, просвечивались белые срубы занесенных почти до крыш изб, сараев, кривые изгороди огородов, зеленые елочки, окружившие черный пятиугольник старой церкви. Виднелись ее купола, покрытые ажурными узорами. Над некоторыми избами вился легкий дымок. Было холодно и безветренно.

— Наступать будем так,— решительно сказал командирам Антикайнен.— Бруно с четырьмя пулеметами перережет дорогу на Конецостров. Ты, Юкка, со своей ротой обходным маневром заходишь к верхней деревне справа, захватываешь штаб. Мы с Карьялайненом ударим с фронта. Пулеметы Ахо Вилхо и Калле Ахонена поддержат нашу атаку с этой возвышенности, где мы сейчас стоим...

Он не успел договорить. Громко, протяжно ударили церковные колокола, наполнив морозный утренний воздух гулкими, раскатистыми звуками тревоги.

Тойво нахмурил брови.

— Нас заметили,— крикнул Карьялайнен.— Нужно атаковать.

Да, раздумывать было некогда.

— К бою,— скомандовал Антикайнен.

Он выхватил из кобуры наган и с криком «Ура!» бросился вниз, к деревне. За ним, на ходу рассыпаясь цепью, бежали красноармейцы. Хлопки винтовочных выстрелов, треск пулеметных очередей ворвались в раскатистый звук колокольного звона.

Из домов выскакивали полуодетые люди. На ходу пытались отстреливаться. Часовые палили в воздух, кричали: «Кто вы? Откуда? Почему стреляете?»

Суматоха, паника охватила всю нижнюю деревню.

Тойво бежал в цепи роты Карьялайнена через огороды, мимо домов к верхней деревне, успевая замечать, как храбро сражаются с

белофиннами его товарищи. Вот бесстрашно бросился на громилу часового, оторопевшего и растерянного, юный Топи Томпола, свалил его в снег и, блеснув стальным лезвием ножа, заставил замолчать навеки. Упал возле сарая, припав щекой к пулемету, Аксели Анттила. Но замерзший на морозе затвор «мадсена» не работал. Аксели не растерялся. Сорвал с крыши пучок соломы, поджег его. И сунул в огонь пулемет, сам плюхнулся в пламя, не обращая внимания на копоть, покрывающую лицо, на подпаленное, расползающееся черными, горелыми пятнами полотно маскхалата.

Через минуту-другую «мадсен» ожил, кося бегущих через залив, одевающихся на ходу шюцкоровцев.

Рванулся к сараю, пытаясь сбить с него прикладом тяжелый амбарный замок, Оскари Кумпу. К нему мчался на помощь Пату Хилтунен. Удар, еще удар. От него дрожит даже дверь. Но замок не поддается.

Пату выхватывает из вещмешка брикет взрывчатки, вставляет в него запал, чиркает спичкой. И вместе с Оскари они прыгают за угол сарая.

Грохнул взрыв. Оскари и Пату уже рядом. Распахиваются двери, за ними показываются измученные, с кровоподтеками на лицах, в рваной одежде, едва держащиеся на ногах молодые парни и бородатые мужики. Они щурятся от яркого света, поддерживают друг друга и удивленно смотрят на красноармейцев, не веря в свое спасение.

А Тойво торопится дальше.

В верхней деревне лахтари уже пришли в себя. Кто-то бросился за церковь, к саням, другие залегли за забором, открыли ответный огонь, а с затихнувшей колокольни вдруг ударил пулемет. Наступление смешалось, замешкалось. И хотя лыжники, перебегая от дома к дому, от укрытия к укрытию, старались взять обороняющихся в кольцо, темп атаки спал.

Видимо, противник не собирался оказывать упорного сопротивления. Отстреливаясь из винтовок, лахтари отползали в глубину двора, к конюшне и саням, хватали лыжи, стараясь перемахнуть через забор, уйти в лес. С крыльца поповского дома кто-то в одном белье бросился к большим розвальням, запряженным парой лошадей. Одним рывком развернул их в сторону ворот, изо всех сил стеганул хлыстом коней, распластался на дне саней. К нему бежали еще несколько шюцкоровцев, но не успели. Остановились, в бессильной злобе стреляли ему вслед.

У церковных дверей на паперти метался седобородый священник. Он размахивал массивным крестом. За первыми розвальнями к воротам начали разворачиваться вторые, третьи...

«Поторопились,— с досадой подумал Антикайнен.— И как же мы позабыли, что сегодня крещение?! Колокольный звон был в честь праздника, а не сигналом тревоги».

«Все равно не уйдете!»— прошептал про себя, как поклялся, Тойво.

— Бруно, Вилхо,— скомандовал он пулеметчикам,— к дороге. Не дать лахтарям ускользнуть. А ты, Аксель Анттила, вместе с Симо Суси очищайте колокольню от огневой точки,— приказал он бегущим рядом бойцам. И не обращая внимания на непрекращающийся огонь, вместе с Лахти, Ахо и Ахоненом бросился вверх по горе, к воротам поповского дома, наперерез разбегающимся белофиннам.

Со стороны озера послышалось громкое «Ура!», хлопки винтовочных выстрелов. Это разворачивалась, совершив обходной маневр, рота Юкки Хейкконена. Скоро она будет здесь.

Они вчетвером выросли в воротах, когда конные упряжки на полной скорости неслись к выходу из западни. Но сделать это им не удалось.

— Стой, назад!— громовым голосом закричал Тойво, а Бруно Лахти и Вилхо Ахо прямо с рук, стоя, дали очередь поверх лошадиных голов.

Лошади резко затормозили, переворачивая сани...

Тойво взглянул на часы,— после начала их атаки на Кимасозеро прошло не много времени. Но все уже было кончено. Рота Хейкконена отрезала отступление шюцкоровцам на Челмозеро, к финской границе, а пулеметчики Бруно Лахти перекрыли им дорогу к Конецострову. И хотя саням с майором Таккиненом удалось ускользнуть, остальной штаб Карельского лесного полка — верхушка бандитской шайки Кнутенен, Вяйсанен, Ваара, Миронен, Кирьянов — и вся ударная сила интервентов оказалась в их руках.

Им не уйти теперь от праведного гнева и справедливого, сурового суда народа.

Антикайнен выставил возле пленных бандитов охрану. И заспешил вниз по деревенской улице, узнать, как дела в ротах Хейкконена, Карьялайнена, в пулеметном отделении Лахти. Нет ли убитых, раненых, кому нужна срочная помощь?

Навстречу ему поднимался худощавый малыш Вяйне Севандер, подталкивая в спину винтовкой здоровенного рыжего лахтаря, ростом почти с их борца-тяжеловеса Оскари Кумпу. Одежда шюцкоровца была скована льдом, как панцирем.

— Где ты нашел такого, Вяйне?— удивился Тойво.

— Да в проруби,— охотно пояснил боец.— Этот дурак, как только началась стрельба, сиганул туда со страху, собирался переждать наше наступление, отсидеться в воде. Но не тут-то было. Прохожу по озеру, слышу, кто-то аж повизгивает от холода, думал, собачонка. Заглянул в ельничек, а там, батюшки мои, целая щука в полынье купается. Чуть было совсем не задубел. Вот тащу его в общую кучу.

Антикайнен рассмеялся над рассказом Севандера и поспешил дальше. У дома старосты его нагнал Юкка Хейкконен. Капюшон маскхалата откинут на спину, крылья буденовки, несмотря на жгучий мороз, подняты вверх. Глаза сияют радостью.

— Товарищ комиссар,— гулко пристукнул он пятками валенок и молодцевато вскинул руку к виску,— докладываю о результатах операции по взятию Кимасозера... Нами захвачен склад боеприпасов с патронами, полковой обоз с одеждой, медикаментами и продовольствием, награбленным у крестьян и приготовленным к вывозу за границу. Там мешки с семенным зерном, мукой, картофелем, солониной... Потери врага: девять человек убиты, захвачено тридцать пленных. Главная база шюцкоровцев перестала существовать.

— У нас потерь нет,— добавил он, а потом хитро улыбнулся и продолжил:— Если не считать опаленных бровей у Аксели Анттила. Испытывал новый способ маскировки — вел огонь из костра. Все остальное — в порядке.

— Сколько человек освободили из-под стражи?

— Тринадцать,— нахмурился командир роты.— Сильно избиты и измучены. Наши ребята сейчас оказывают им первую помощь. Завтра на рассвете их собирались расстрелять за отказ вступить в шюцкоровскую банду.

— А вообще-то мужикам здорово повезло. Сначала казнь отложили из-за престольного праздника, а тут и мы нагрянули.

Антикайнен не ответил. Вместе с Хейкконеном они вошли в тесовые ворота двора. У сарая около укрытого соломой и рядном обоза разговаривали с его бойцами и с крестьянами недавние узники белофиннов. Кое-кто из них с наслаждением курил самокрутку, другие хрустели сухарями, сосали соленую воблу, третьи удивленно и недоверчиво разглядывали коричневые плитки шоколада, пробовали его на зуб, причмокивали от удовольствия, обсуждая невиданный доселе продукт. Валялись развязанные, почти пустые вещмешки. Симо Суси, Пату Хилтунен делали перевязки, протирали спиртом, шпиком обмороженные места, обрабатывали йодом раны.

— Юкка,— повернулся Антикайнен к командиру роты,— прикажи разобрать обозы, одеть людей. И позаботиться о продовольствии, о зерне. Нужно его развезти по деревням, хуторам, лесным кордонам. Весной надо сеять.

Несколько бойцов стали раздавать тулупы, валенки, шапки. Тойво подошел поближе к сараю, возле которого собралась самая большая группа людей. Навстречу ему с чурбака поднялся старик из Пенинги, в доме которого они арестовали поручика Лассу. Он подтолкнул в спину совсем молодого, еще безусого парнишку.

— Это мой Артем, командир. Спасибо тебе за него, за все, что ты сделал для нас.

Их окружили.

— Ты, наверное, мудрый богатырь Вяйнямейнен,— заглянула в глаза Тойво укутанная в черный платок сгорбленная старушка.— Какое счастье, что я дожила до этого часа, что смогла тебя увидеть.

— Что ты, бабушка,— улыбнулся Антикайнен.— Я простой человек, такой же, как все вы. И имя у меня самое обыкновенное — Тойво. Фамилия тоже простая — Антикайнен.

— Прекрасное у тебя имя, сынок, Надежда,— сказала старушка.— Счастлива мать, родившая такого сына. Героя, принесшего людям надежду и свободу.

— Самое простое имя,— повторил он.— Такое же обыкновенное, как и у моих товарищей,— оглянулся вокруг, выискивая глазами своих друзей, стал перечислять их:— Пату Хилтунен, Оскари Кумпу, Эркки Кярня, Калле Ахонен, Бруно Лахти... Таких имен на земле Калевалы не счесть. И мы пришли к вам не из сказки, не из легенды. А из революционного Петрограда. Нас прислала сюда рабоче-крестьянская власть — власть Советов. Очистить землю Карелии от оккупантов, от угнетателей-лахтарей, от палачей и грабителей-шюцкоровцев. А богатырями нас делает Советская власть, партия большевиков, Ленин. Потому что только тот, кто сражается за народное счастье, может быть настоящим — не сказочным, не выдуманным богатырем...

Голос Антикайнена крепчал, набирал силу. Кто-то подкатил ему под ноги чурбак. Он поднялся на него.

Тойво рассказывал людям о партии Ленина, о большевиках, о своем походе и еще не знал, что пройдут они по тылам интервентов более тысячи километров, что рейд, проведенный его отрядом, сыграет важнейшую роль в ликвидации белофинской авантюры в Советской Карелии и войдет в историю гражданской войны, а разгром основной базы белофиннов в Кимасозере вынудит их к эвакуации своих войск на всех участках фронта.

Советское правительство, Коммунистическая партия высоко оценят героизм, мужество и храбрость курсантов-лыжников. За заслуги перед социалистической Родиной Антикайнен и многие другие участники лыжного рейда будут награждены орденом Красного Знамени. А известный всему миру датский писатель Мартин Андерсен-Нексе так скажет об этом походе:

«Антикайнен один из тех редких людей, которые повсюду, где они находятся, зажигают умы... Где бы он ни появлялся — против англичан в Мурманске, против белобандитов,— повсюду военное счастье улыбалось карелам».

О нем рассказывали легенды, его борьба стала мифом. В нем олицетворялось военное счастье и военный гений. Он появлялся повсюду с такой молниеносной быстротой, что народ утверждал, будто он может быть одновременно в нескольких местах. О его героизме поются многочисленные песни и сказания.

13 Заказ 4800

Куда ни приедешь в Карелии, повсюду его имя на устах подобно именам героев Калевалы.

Ничего этого не знал еще Тойво Антикайнен, выступая перед людьми в карельском селе. Не знал, что станет членом Политбюро ЦК Коммунистической партии Финляндии, а позже, в глубоком подполье, возглавит ее, будет сплачивать рабочий класс родной страны, готовить его к революционной борьбе с буржуазией. Его схватит шюцкоровская охранка, он предстанет перед сворой фашиствующих судей, которые в последний момент, испугавшись международного протеста, заменят смертную казнь ему на пожизненную каторгу. И вызволит его через долгих шесть лет Страна Советов.

Все это будет потом...

Тойво Антикайнен, обнажив голову на морозе, говорил с людьми, которым принадлежала вся его жизнь без остатка.

Медленно кружил снег. Шелестели ветвями столетние ели, сосны. Спало закованное льдом озеро. Звонкий голос красного командира и комиссара стучал в сердца карелов, отзывался в их душах и умах.

Он, Тойво Антикайнен, был бесконечно счастлив в эти минуты.

Леонид
ЯЗВИКОВ

«ВСЯ МОЯ СОЗНАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРОШЛА В РЯДАХ ПАРТИИ»

Сашу Фадеева принимали в ряды большевиков в сентябре 1918 года. Подпольный горком Владивостока собрался в казарме Сибирского флотского экипажа. Члены партийного комитета знали Сашу по боевым делам: по заданию партии «соколята», как называли Сашу и его друзей по «коммуне», еще весною агитировали крестьян за Советскую власть, устраивали митинги у местных железнодорожных рабочих, а теперь Саша выполнял отдельные поручения городского комитета, находившегося в подполье, поручения, связанные со смертельной опасностью. Его знали как смелого, беспрекословного, сообразительного бойца подпольного фронта.

«Ну, чего там обсуждать, знаем Сашу Фадеева как облупленного, позовите его!»— это сказал старый партиец Раев, «дядя Ваня». «Саша, входи!»— крикнул кто-то из горкомовцев через дверь.

Саша страшно нервничал накануне: он понимал, какое важнейшее событие в его жизни приближается, через какой порог ступает. Очевидец этого приема напишет: «Он вошел и остановился у дверного косяка. Его тощая фигура на этот раз показалась мне еще длиннее. Быть может, потому, что Саша стоял, вытянувшись и опустив руки по швам, как солдат, голова его была поднята, обнажая длинную шею. Застывший сосредоточенный взгляд его приходился выше наших голов и был устремлен куда-то вдаль, через окно. И после объявления решения горкома о приеме Саши в партию он не сразу пришел в себя, стоял некоторое время в той же застывшей позе у дверей, будто бы скованный каким-то большим и глубоким внутренним чувством».

Александра Фадеева приняли в партию без прохождения кандидатского стажа, не подвергая экзамену по политграмоте, а групп сочувствующих в подполье не существовало. Приняли так, как делалось это в боевых условиях — на гражданской. Вспоминая потом об этом знаменательном для него событии, писатель Александр Фадеев напишет: *«Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии. Я, действительно, только первые шестнадцать лет был беспартийным. Все лучшее, что я сделал,— на все это вдохновила меня наша партия».*

По-видимому, на заседании горкома молодой коммунист Фадеев получил задание — стать постоянным репортером подпольной газеты владивостокских коммунистов «Красное знамя». К многочисленным его обязанностям, которые выполнял до приема: агитационно-пропагандистская деятельность среди молодых рабочих и учащихся, изготовление документов для участников подполья, налаживание и поддержание связи с арестованными товарищами, сопровождение подпольщиков на конспиративные квартиры и охрана собраний,— прибавилась для Саши еще одна. Он принял ее и выполнял так же смело, активно, находчиво, «с огоньком», как и другие ответственные задания большевистского комитета.

В это время Саше Фадееву, ученику 8-го, последнего класса коммерческого училища, еще не исполнилось семнадцати.

В зрелые годы не однажды возвращался автор «Разгрома» и «Молодой гвардии» к волнующей мысли, что, когда он работал над историей краснодонского подполья, образы юных героев-подпольщиков и коммунистов-партизан родного Приморья витали над ним. И писал бригадный комиссар Фадеев о молодогвардейцах, как сам признавал, «кровью своего сердца».

Кнутодержавие Колчака — массовые казни, репрессии, поборы, мобилизации вызывали в народной среде ответную волну. Очень скоро выявился центр революционного, партизанского движения — рабочая, шахтерская Сучанская долина.

Писатель Фадеев в воспоминаниях так описывал этот центр сопротивления врагу:

«Героический сучанский рудник! Заброшенный в глухую тайгу, четыре года — с 1918 по 1922 — не выпускал он из своих рук пробитое пулями, овеянное стужами, ветрами, туманами священное знамя борьбы против своих и иноземных капиталистов. И, хотя обильно полили своей кровью долины и сопки Приморья горняки Сучана, не оскудела сила его сынов. Они приумножились, и на место погибших стали новые бойцы».

Мощно разлилось по Приморью партизанское движение против колчаковцев и японских оккупантов. В первых числах апреля состоялась во Владивостоке нелегальная партийная конференция Дальневосточного края. Она приняла важнейшее решение: для усиления борьбы с врагами с целью укрепления руководства партизанским движением в район Сучана направлялись опытные подпольщики и в их числе Сергей Лазо, Моисей Губельман, Иосиф Певзнер, Игорь Сибирцев. Вместе со старшими пошли молодые коммунисты, в их числе Саша Фадеев. Впрочем, теперь он звался иначе: при выписке нелегального паспорта попросил дать ему имя Булыга. Товарищи по партизанской деятельности и комиссарской работе знали его по этому псевдониму.

Тот уход в партизаны оказался для 18-летнего Саши не только

шагом в суровую, боевую жизнь. Приходилось расставаться с юношескими связями и привычками; новая революционная мораль приходила на смену былым привязанностям, дружбам, любовям. Добрый, покладистый, веселый, Саша в принципиальных вопросах становился жестким, неуступчивым.

Примечательная особенность судьбы и характера этого 18-летнего паренька: еще не став политработником, он уже был им. И проявилось это на первой же встрече с партизанами. Потом, вспоминая, многие из красных партизан сошлись на одном:

«На всю жизнь осталась в нашей памяти эта встреча с Сашей Булыгой, нашим будущим политруком, комиссаром».

В деревне Казанка сосредоточивались партизанские силы. Ржали кони, раздавались команды и песни, звон оружия. Разномастно, часто очень живописно одетые партизаны, были вооружены чем попало — от охотничьих берданок и выкованных в кузнях пик и ножей до новехоньких отечественных и трофейных карабинов, винтовок, пулеметов. Романтически настроенный, возбужденный всем виденным, «светлый», радостный Саша разыскал командующего партизанскими силами и бросился к нему в объятия. Их окружили незнакомые и знакомые люди, раздались радостные восклицания, смех, шутки.

И вдруг, совсем неожиданно для всех, а может, и для самого себя, заговорил Саша:

— Здравствуйте, герои, отцы наши, братья наши, воины пролетарской революции. Здравствуй, непокорная, прославленная подвигами, мятежная Сучанская долина!

Тесным кольцом окружили бойцы высокого, худого, плохо одетого, в рваной обуви молодого человека. Такого никому не припоминалось в их боевой страде. И необыкновенные, поднимающие дух, вселяющие веру слова исходили от «гражданского», безоружного, лопоухого и конопатого паренька, в котором увиделась всем великая духовная сила.

— Мы пришли к вам с нашей юношеской мечтой,— продолжал Саша,— отдать наши скромные силы вашему восстанию, вместе с вами до последнего дыхания драться с оружием в руках, с пламенем в сердце за власть Советов и победить врага! Мы принесли вам привет от партии большевиков, от большевистской молодежи Владивостока и просим наделить нас вашим доверием.

Все больше народу подходило к группе, в которой держал речь Саша. Его громкий, призывный голос раздавался далеко по притихшей деревенской улице.

Знал ли тогда Саша, что станет писателем? Скорее всего, надеялся: недаром носил с собой в полевой сумке бумагу, не расставался с записями, которые вел в перерывах между боями. Зрелым литератором, автором всемирно известных романов скажет о себе,

юном политическом работнике, газетчике партизанского края: *«Как писатель, своим рождением я обязан этому времени. Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного котелка».*

Добавим: без политработника Булыги не было бы писателя Александра Фадеева. Он воевал — стрелял, поднимал в атаки, отступал, наступал, проводил собрания, ложился за пулемет, шел через болота, выпускал газету «Партизанский вестник», агитировал, убеждал, стыдил, поощрял, пел песни на привалах, ходил в агитационные походы, словом, делал тысячи самых необходимых дел.

Лето 1919 года прошло в сильнейших боях: сначала атаковали и разгромили врага сучанские партизанские войска, потом объединенные части белоказаков и японцев начали наступление превосходящими силами и выбили красные войска из Сучанской долины; к осени уцелевшие отряды сосредоточились в родном селе Саши — Чугуевке. Здесь Саша встретился с партизанами только что подошедшего после сражения отряда Певзнера-Баранова. Это был очень сплоченный и активный боевой отряд, сформированный в основном из рабочих завода станции Свиягино, что близ Спасска. Не долго размышляя, двоюродные братья Игорь Сибирцев и Саша Булыга решили вступить в него: их прямо-таки заворожили своей выправкой, обмундировкой, удалью свиягинцы.

А. Фадеев в очерке «Особый коммунистический» вспоминал о встрече с отрядом поздней осенью девятнадцатого, встрече, оказавшейся такой важной для комиссарской и литературной судьбы Саши.

«Я подошел к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами. Это был командир только что пришедшего на село красного партизанского отряда, действовавшего в районе города Спасска. Впоследствии образ этого командира много дал мне при изображении командира партизанского отряда Левинсона в повести «Разгром».

Об Иосифе Певзнере Саша много слышал еще во Владивостоке: коммунист с семнадцатого, кадровый рабочий, обладает выдающимися организаторскими и командирскими способностями, активно борется против «партизанщины» и за переформирование таежных отрядов в регулярные армейские боевые части.

Узнав, что перед ним коммунисты, политработники, Иосиф Максимович с радостью согласился взять Игоря и Сашу в отряд.

Началась боевая страда. В строю бодро, с песнями шагали вместе с командирами во главе своих подразделений два новых политрука. Любо-дорого было смотреть на Сашу Булыгу. В длинной, почти до

пят, новехонькой трофейной шинели. Новая трехлинейка на плече. В вещевом мешке приятная тяжесть патронов, достаточный запас для серьезного огневого боя. Задули ветры, пошел снег, затрещали морозы. Но хорошо экипированный отряд не снижал темпа боевого похода. Казаки постоянно теряли отряд из виду — да и вообще не очень рвались сразиться со свиягинцами, знали, чем им грозит схватка с «коммунистами-фанатиками». На самом деле в отряде было не так уж много членов партии, но боевой и политический настрой был высок. Рабочие, молодые и не очень молодые, задавали неприятелю крепкие взбучки, так что теперь беляки предпочитали не преграждать отряду путь вдоль железной дороги, сами норовили отскочить в сторону, не ввязываться в серьезные бои с «коммунистами».

Когда отряд приходил на ночевку в очередное село или поселок, крестьяне, путейцы с удивлением встречали, подолгу, иной раз до утра расспрашивали бойцов, пели с ними старые песни, разучивали новые, революционные.

Саше особенно много доставалось вопросов от молодых парней и девушек: они как-то сразу выделяли развитого, умного, словоохотливого комиссара и, окружив, расспрашивали все о «коммунии», о Ленине, о войне и Колчаке, о будущем «царстве труда и света».

Саша замыслил издавать юмористическую стенную походную газету. Он вспоминал: *«...Когда вывешивался номер, вокруг него собирались все бойцы и могли смеяться еще несколько часов подряд. Все самое тяжелое, неприятное, неустроенное, суровое из того, что было в нашей жизни и во время походов и в пути,— все это предавалось самому безудержному, молодому и веселому осмеянию»*.

Пала подлая атаманщина, в округе установилась Советская власть. В городе создалась партийная организация, и подавляющее большинство свиягинцев стали коммунистами. Ядром остался тот же свиягинский отряд, но теперь он звался «Особый коммунистический». Сколько рекомендаций дал бойцам комиссар Александр Булыга. Сколько сил отдал необходимому делу переформирования отрядов в регулярные подразделения и части Народно-Революционной армии. В Спасске лицом к лицу стояли японские интервенты и роты, отряды, полки партизан. Политработник Саша Булыга терпеливо объяснял ситуацию молодым бойцам: нам, воинам регулярной Народно-Революционной армии надо крепить дисциплину, не поддаваться на провокации японской военщины, придет час — и Приморье будет освобождено от оккупационных заморских войск...

Интервенты вероломно нарушили нейтралитет. В ночь с 4 на 5 апреля 1920-го враг ударил по красным частям. Коварный удар пришелся по самому уязвимому: связи, управлению. Недоформированные, слабодисциплинированные части запаниковали. Главный удар,

чтобы прикрыть других, принял «Особый коммунистический». Был тяжелый, неравный ночной бой на улицах города.

Как надо было действовать?— мучился Саша поначалу. В полночь по железнодорожному телеграфу сообщили из города Никольска: выступили японцы. Но что это? Провокация, маневры, наступление врага? Как политработник, Саша чувствовал огромную ответственность, но что предпринять? Может, завтра конфликт будет ликвидирован, а у нас строгая директива, и партийная и военная: идти на любые уступки, но не обострять отношений. Потом все поняли и командиры и комиссары: надо было здесь, в Спасске, упредить врага, не дать ему нанести удар. Самим начать. Тогда все преимущества на нашей стороне. Но боевой комиссарский опыт копился на войне не в одних победах и одолениях...

Начали выводить артиллерию; Саша посадил надежного парнишку обзванивать части, куда им стать на позиции. Японцы начали в удобную пору: уссурийская весна не из лучших, валит снег, улицы уездного Спасска стали непроезжими. Пушки следовало бы вывести за город и оттуда долбануть по вражеским казармам. Теперь едва артиллерия дошла до вокзала, начался обстрел — выступили японцы.

Игорь, Саша, другие коммунисты — командиры и политработники, бойцы «Особого отряда» отходили на окраину, ведя огневой бой, не давая врагу наседать, смять другие части. Останавливали бегущих, пеших, конных, на двуколках, ставили в укрытия, приказывали открыть огонь. Саша с маузером метался от группы к группе. Только в одном месте наведет порядок, скомандует огонь, в другом бегут.

И тут ударила в Сашу пуля, и он упал. Кто-то закричал: «Комиссара ранило. Вынести комиссара»— и сам свалился. Подбежал Игорь, с ним боец-коммунист из «Особого отряда», подхватили на руки. Саша от боли терял сознание. Игорю надо командовать, а он: «Ах, Саша, бедный мой...» С трудом остановили какого-то ошалевшего парня-партизана, взяли у него лошадь, посадили Сашу, двинули к Калиновке. Коммунистический отряд шел цепями, непрерывно отстреливаясь, осаживая огнем японцев. Когда Сашу перевязывали, появился Игорь, замученный, в пороховой гари, одни зубы блестят.

— Ты что, брат, с маузером не расстаешься?— спросил.— Девушка, вы ему маузер-то не прибинтуйте к телу...

Игорь находил силы шутить. Положил голову Саше на грудь, и так они побыли несколько минут. Сашу ласка брата согрела до того, что слезы выступили: в семьях Фадеевых, Сибирцевых к «нежностям» относились с иронией.

А вскоре страшная весть: в топке паровоза враги сожгли коммунистов — Сергея Лазо, Всеволода Сибирцева. Саша от горя и гнева закаменел — клятву дал не выпускать из рук оружия, пока послед-

ний белогвардеец и интервент не покинет земли родной Дальреспублики. Его еще шатало от слабости, а уже учился ходить, чтоб скорее встать в боевой строй.

Саша особенно сильно переживал мучительную гибель товарищей-коммунистов не только потому, что сам оказался на краю гибели, а еще и потому, что совсем незадолго до кровавой апрельской ночи именно Лазо рекомендовал его помощником комиссара Спасско-Иманского района. Перед глазами стоит товарищ Лазо — живой, энергичный, озабоченный делами IV Дальневосточной краевой партийной конференции, собравшейся в Никольске-Уссурийском. Сергей Георгиевич тогда обнял их обоих с Игорем: «Вижу, делегаты от Спасского укома РКП(б) полны большевистской энергии. Как дела в вашем округе? Не очень безобразничают под прикрытием перемирия незваные гости из Страны восходящего солнца?»

«Особый коммунистический отряд», крепко поредевший, но не утративший боеспособность, не потерявший и тяжелое оружие, не оставивший врагу ни одного раненого товарища, ушел в тайгу. Японцы преследовали. Сашу несли на носилках боевые надежные товарищи Семен Пищелка и Феодосий Свергун. Первому из них минувшей зимой Саша давал партийную рекомендацию. Если бы не дал в феврале, тогда, в ночь на 5 апреля, написал бы снова, прибавив, какой настоящий это мужик, Сема Пищелка, крестьянин из села Спасское. Это он закричал Феодосию: «Спасаем комиссара!» Злыми осами выли японские пули, с криками «Банзай!» поднималась в атаку и снова ложилась под огнем опрокинутая коммунистами хваленая самурайская пехота. Хлопцы ставили носилки с комиссаром на землю и хватались за винтовки. Так было несколько раз. Саша пришел в себя: «Все погибнем, оставьте меня, уходите, я им живым не дамся». Тогда Семен сорвал с головы фуражку и стал яростно ее топтать. Сам он мог бы давно уйти, и Феодосий тоже, но друзья предпочитали погибнуть вместе со своим комиссаром, нежели бросить его.

Они несли носилки предельно измотанные, голодные, потому что все запасы еды были отданы раненым. Саша пытался отдать ребятам несколько кусочков хлеба из того, что ему перепало, но те как сговорились: «Ешь, ты много крови потерял, а мы сдюжим».

Несли по пояс, а то и по грудь в весенней ледяной воде, поднимая носилки над собой. Марь, по-местному так звалось болото, не отпускала, грозила втянуть, засосать. Не лучше было с носилками на горных тропах, на проселках, на переправах через раздувшиеся с весной реки и ручьи.

Боеспособные коммунисты, а иные легко раненные, двигались в арьергарде, отгоняя японцев огнем стрелкового оружия.

В такие часы и дни раскрывается человек до дна. Отряд в начале похода имел несколько кандидатов РКП(б) и членов РКСМ. Когда же вырвались к Иману, эти товарищи получили рекомендации. Саша

писал их, еще будучи раненным; писал позднее бюллетени для штаба армии навстречу Первомаю. Он вообще с азартом менял оружие: маузер на перо, карандаш на винтовку...

Еще рана толком не зажила, а комиссар Булыга попросился на боевое дело. В Амурской области приступили к формированию из разрозненных партизанских отрядов частей Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. Старенький пароходишко «Пролетарий», ведя на канате свою ровесницу баржу «Крестьянка», нагруженный оружием, боеприпасами, по Уссури прокрадывался мимо вражеских канонерок и сторожевых катеров к левому берегу Амура, где ждали свои. Командовал операциями Игорь Сибирцев, комиссар Александр Булыга был его помощником. После выполнения боевой задачи Саша редактировал полковую многотиражную газету «Шум тайги», постоянно меняя перо на пулемет, а пулемет на старый ручной наборный станок, который только упрямый, одержимый любовью к печатному слову комиссар Булыга умел заставить работать.

Саша был незадолго до этого назначен политруком пулеметной роты и совмещал обе службы.

А уже в конце лета двадцатого 19-летний коммунист (партстаж 2 года) направлен комиссаром в армию. Сначала был инструктором политотдела 3-й Амурской стрелковой дивизии, а вскоре назначен комиссаром 13-го (потóм 22-го) Амурского полка.

В конце нашего наступления на станцию Борзя, занятую частями белобандитского атамана генерала Семенова, Саша приехал в полк: официально он был прислан из дивизии как представитель политотдела «на подмогу комиссару».

Мы теперь не знаем, что произошло и зачем комиссару амурцев потребовалась «подмога». Был ли он слаб как политработник части, не управлялся, болел или ранен был — трудно гадать. Однако известно: условия боев за Борзю, которую командование требовало взять во что бы то ни стало, были тяжелейшие, не каждый справится. А комиссара Булыгу знали в полках, в том числе в 13-м, как очень сильного политработника. Военкомдив Логинов очень ценил Сашу. Боевая обстановка заставила Логинова дать инструктору политотдела самое ответственное, самое важное для любого комиссара задание в создавшейся крайней ситуации.

«Стояли чудовищные морозы,— вспоминал Александр Александрович.— *...Я провел политработу с бойцами и участвовал во всей этой Борзинской операции полка, «прицепившись» к 3-му батальону... Операция... была проделана полком очень смело, но силы одного полка были малы, чтобы занять Борзю. Прорвали восемь рядов проволочных заграждений, заняли окраину и не могли перейти широкую улицу, перпендикулярную к железной дороге, т. к. был сильный огонь с противоположной стороны улицы и особенно фланговый,*

пулеметный — то ли с белого бронепоезда, то ли просто выставили пулеметы с фланга... Мы потеряли немало людей... Ведь мы наступали весь день по совершенно открытой местности, под шрапнельным огнем, чтобы накопиться перед самой Борзей к ночной атаке».

По крупицам надо восстанавливать тот победный ночной бой, когда удалось, наконец, красным бойцам ворваться в Борзю, схватку, оплаченную кровью лучших. Эта победа способствовала объединению в единое целое Забайкальской и Амурской областей Дальневосточной республики; японские интервенты вынуждены были ускорить вывод войск из Хабаровска. В целом же созданы были предпосылки для полного освобождения всего Дальнего Востока от белогвардейских и интервенционистских войск.

А тот памятный Саше ночной бой, в итоге которого пала крупная станция на Транссибирской магистрали и враг покатился на восток, занял важное место в цепи побед красных войск над врагом. И особое место он имел в боевой комиссарской судьбе Саши.

Бой зимний, ночной, беспощадный, схватка не на жизнь, а на смерть, когда много легче погибнуть, чем победить, но комиссар обязан не умереть, а одолеть врага, и для этого в девятый, в десятый, пятнадцатый раз поднять за собой поредевшие цепи в штыковую и ворваться, наконец, в чужие окопы, увидеть чужие спины, стрелять, кричать, звать только вперед — и на победу и на смерть. А тебе только девятнадцать и так хочется узнать, что там, за рубежом войны, в мирной, счастливой, непременно творческой жизни, которая может и дождаться, а может и не дождаться тебя, комиссар Булыга, Саша Фадеев...

Последний в том году гражданской войны Сашин бой. Кончается двадцатый. Серьезный, суровый юноша-комиссар ведет своих нарревармейцев, как тогда говорилось. Победить или умереть... Любой ценой взять их окопы, одолеть, если надо, еще тысячу проволочных рядов!

Он умел дружить и любить. Умел быть добрым и нежным с девушками и друзьями. Умел быть жестким, беспощадным даже не с врагами — с бесхребетными «нейтралами», людьми студенистыми, амебными, аморфными. Гибель друзей, единомышленников, родных — Всеволода с Сергеем Лазо в полыхающей топке паровоза, Игоря — в смертельном бою, многих и многих,— готовность отдать за рабочее дело и себя дали ему также право быть не только добрым, но беспощадным.

«По складу своего характера я больше склонен видеть все лучшее в людях и именно это изображать, чтобы был перед глазами какой-нибудь образец... Жизнь надо изображать правдивей, реальней, не уходя от ее тяжестей, грубостей, подлостей, трудностей, тогда и хорошее, передовое будет выглядеть не как приукрашивание, а как

результат живых человеческих усилий. В сущности, такой счет предъявляет нам партия, наша печать, народное требование».

Эта вот добрая и суровая вместе черта в Фадееве часто помогала выжить в, казалось бы, нечеловеческих условиях, на войне, рядом со смертью.

В феврале 1921 года комиссара 8-й Амурской отдельной стрелковой бригады Александра Булыгу—Фадеева избрали на конференцию военкомов, политработников и коммунистов ячеек РКП(б) Народно-Революционной армии Дальневосточной Республики. Здесь, в Чите, делегаты конференции избрали Сашу делегатом на X съезд партии.

Через месяц, 8 марта, Саша увидел и услышал Владимира Ильича. «Я был так близок от Ленина,— растроганно делился потом он с друзьями,— что не удержался и украдкой потрогал его пиджак...»

А когда полыхнул в Кронштадте антисоветский мятеж, Саша оказался в числе делегатов съезда, которых послали на его подавление.

18 марта, второй раз за войну, тяжело раненный, Саша лежал на льду, и не было сил перевязаться, а кровь и вместе с ней жизнь выходили из него.

Но не таков был 20-летний комиссар Фадеев, чтобы сдаться. С таким кремневым характером, как у него, бойцы не сдаются, дерутся до конца. Как в том бою, когда все было за то, чтоб комиссар Булыга и его нарревармейцы полегли как один у мерзлой, рвущей тела, звенящей под пулевым ливнем проволоки перед станцией Борзя.

Когда Саша понял, что подкрепление подойдет не скоро, он попытался подняться с залитого кровью скрипучего снега, покрытого воронками от снарядов, и, высоко подняв маузер, едва шевеля обмерзшими губами, что-то крикнул, призывно и повелительно.

И красная цепь пошла вперед, не ложась, со слитным, общим, всепобеждающим «Ура!».

...Во времена войн и революций взрослеют рано.

Леонид ЕГОРОВ
Юрий МИХАЙЛОВ

ГОРЫ И ЛЮДИ

«Военный комиссар 1-й бригады 14-й кавдивизии 1-й Конной армии Рыбалко Павел Семенович награжден орденом «Красное Знамя» — за то, что в боях под с. Дубляны и Берестечко в 1920 г. во время наступления крупных сил поляков он, воодушевляя бойцов примером личной храбрости, сумел остановить отходящие 2-й и 3-й эскадроны и задержал дальнейшее наступление поляков».

Из приказа Реввоенсовета Республики
по личному составу армии

Тут на Кубани было много сложнее, чем 2 года назад в кровавой рубке у Дублян или в контратаке под Берестечко. Там враг был на виду — с ним сшибались конь о конь, грудь в грудь. А здесь, в предгорьях Кавказа, шла война с теми, кого не добили в деникинщину, врангелевщину.

Восемь лет уже воевал Павло Рыбалко — три на германской, пять на гражданской; немцы ранили один раз, а от беляков получил 14 ран, последнюю — от главаря бандитов Белова неделю назад. Правда, комочек свинца пробил мякоть предплечья, кость и нерв не задеты; на счастье, левая рука, в 28 молодых лет такая рана на месяц-полтора, потом и не вспомнишь, только в бане белые малозаметные пулевые крапины себя выдают. Повезло! А троих хлопцев ранило, Перебийноге и вовсе конец выстукал тот бандитский пулемет.

Когда Рыбалко повел спешенный эскадрон брать бандитов в Чертовом овраге, те отхлынули, драпанули кто куда, а его высокоблагородие сам лег за пулемет — и полыхнул басовитый «льюис» с короткого расстояния. Полковник Белов потом сознается, что это он стрелял, а адъютант хорунжий Терской из второго пулемета секанул по красным бойцам.

Конечно, комиссару полка не обязательно водить в атаку на пулеметы своих бойцов, но на войне всякое случается, уставами не предусмотренное, а тем более не запрещенное. Рыбалко, сам раненный, отползал от оврага, с трудом волоча тяжелого Перебийногу. Поначалу тот тихо стонал, потом хрипел, срывая бинты, а под конец, когда в затишке, куда не достигали бандитские пули, стал Павло бойца перевязывать, и вовсе последний вдох и выдох все услышали. Пе-

ребийноге никак нельзя было помирать. Потому что на Полтавщине ждала его целая куча ребятишек, долгой лесенкой, и жене одной такую ораву было по нынешним трудным временам не поднять... Тащил Рыбалко умирающего, а потом мертвого Перебийногу и плакал от бессилия что-то изменить. Мучила мысль, как он завтра, нет, уже сегодня, через какие-то 6—7 часов, отправит в письме детишкам и вдове если не смертный приговор, то беду на всю жизнь. У самого Павла жена Надя стала опасаться поднимать тяжелые ведра с водой, и он, когда кавполк находился в Кужорах, перед работой запасал ей на день воду. Он верил, что будет сын, и знал, как они его назовут: Виль — в честь Владимира Ильича. Выросший в большой семье, Павел был очень чадолюбив и всем сердцем сочувствовал товарищам, у которых дома дети оставались.

Пещерные бандиты во главе с Беловым пулеметами и винтовочным огнем отбились, но, очевидно, понял полковник, что приходят последние часы его отрядам и красное кольцо не разожмется. Через жителей вскоре стало известно: главарь бандитов предлагает начать переговоры о сдаче. Командование 14-й кавдивизии, которое совместно с другими соединениями 1-й Конной разрабатывало план окончательной ликвидации бандитизма в крае, пошло на переговоры. Военный комиссар 14-й объявил срочное совещание политсостава. Оно намечалось в Майкопе, где находились штадив и политотдел. Рыбалко, военком 84-го кавполка, мог из-за ранения не ехать, отсидеться за медицинской справкой полкового фельдшера, но не такой он был — перебинтовался, велел заложить бричку, взял ординарца Ахмета с винтовкой и запасом патронов и сам при старом безотказном «маузере», с рукой на перевязи поехал «в город», как говорили в полку.

Дорога от станицы Кужорской до Майкопа ныряла по неровностям плато, устремляясь от речки к речке. Позднее лето никак не хотело уступать здешнюю роскошную природу всевластному осеннему увяданию. Ало блестели ягоды кизила и шиповника; ореховые кусты по кручам подобрались к самому проселку, поспевающая кукуруза на полянах клонила долу тяжелые золотые початки.

— Думаешь, товарищ комиссар?— нарушил ординарец тишину.— Поговори со мной, вопросы есть.

Этот Ахмет Копсергенов пошел в Красную Армию добровольцем. Из бедняков Лабинского отдела [1]. Черкес. Комсомолец. Знает здешние языки. Смел. Предан. Отличный из него разведчик. Ахмет и переводчик и художник, хотя с грамотой у парня слабовато, русский язык его пока хромает. Зато рисунки и плакаты красочны, и делу агитации и пропаганды этот ровесник революционного века готов

---

[1] Административное деление казачьей Кубани в 1922 г. еще не сменилось привычным. Отдел примерно равен нынешнему району.

уделить все 24 часа в сутки. За неимением бумаги пишет приказы и лозунги на оборотах старых газет и документов, на стенах домов, внутри хат, где квартируют бойцы. Не успеет комиссар Рыбалко дать ординарцу текст, как лозунг уже красуется, начертанный над входом в клуб, в казарму, в хату станичного совета.

Из лозунгов Ахмета, списанных из «Правды», краевой газеты «Молот», армейского «Красного кавалериста»:

«Надежда голодных Поволжья на своих братьев — крестьян Кубани».

«Все усилия на сбор продналога!»

«Рабочие и крестьяне! Спешите осилить царя-голода, как вы осилили царских слуг на поле брани».

«Кто не поможет Поволжью, тот поможет международной буржуазии и русской белогвардейщине».

...Они спокойно катили в пароконной добротной армейской бричке с сытыми конями. А ведь два и даже год назад тут, в подгорных станицах, только подразделением не меньше взвода проехать можно было. Иначе бандиты ссадили бы, догнали или обстреляли, по крайней мере. Теперь банды загнаны в овраги, пещеры и из гор нос боятся высунуть.

Вчера во время налета красных эскадронов на одну из недобитых банд взяли в штабной землянке записную книжечку. Рыбалко по причине ранения в деле не участвовал, но бойцы принесли книжечку ему: «Вот, комиссар, вам!» — «А может, командиру?» — «Нет, вам, карт нема и тут вроде личное». Военком порадовался сообразительности и сознательности не шибко грамотных бойцов: ведь точно угадали — по комиссарской линии трофей...

Дневник, аккуратный почерк, ясная карандашная вязь. Рыбалко разобрался: оперативного значения записи не имеют, это точно, хлопцы угадали. То был дневник бандита. Но — не один дневник...

Какое-то шестое чувство, обостренное двухлетней борьбой с бандитами, дающееся глубокой партийной убежденностью и опытом двух войн, толкнуло Павла: пролистай, «на свет» проверь случайную находку.

И вот удача: в потайном карманчике обложки — тонкие листочки, приказы за подписью полковника Белова, известного главаря бандитов в Майкопском и Лабинском отделах предгорья.

Тогда позабыл комиссар о ране, еще в сумерках заложил верный Ахмет лошадей, и поехали они в политотдел дивизии: слишком важны были «директивы» бандитского полковника. И еще почувствовало

комиссарское сердце Рыбалко: враг пытается вести свою «политическую пропаганду», понимая опасность для себя красной политработы.

«Всем командирам групп,— директивно выстраивались длинные буквы с «царским», отмененным революцией правописанием с «ять» и «еры».— Нижеследующий возмутительный случай в ряде подобных должен быть доведен до всего личного состава лесовиков, ибо подрывает всякое сочувствие к нам...»

Далее — факты мародерства бандитов, поданные так, чтобы показать, будто их главарь сочувствует жертвам грабежа и террора. Расчет, явно на то, что «приказ» должен стать известным населению. А вот и вынужденное признание: «красные, с которыми мы боремся не щадя живота, твердо стоят на почве продналога и за все, что берут, расплачиваются, а мы позволяем себе воровство, если не сказать — грабеж. Если не станем пресекать распущенность, то нам не усидеть в лесу, в горах, и жители не дадут. Возьмите этот случай примером для будущего. П-к Белов».

Он уже понимал: гнев народа растет и им не усидеть в тайниках.

Вот бумажный крохотный клочок, уже «для внутреннего пользования», от него пахнуло кровью.

«Командиру и комиссару части.

Товарищи!

Вблизи станицы юго-западнее горы Ахмет склады бандитов — оружие, продовольствие, награбленные вещи к зиме. В банде около 20 штыков. Секретарь комячейки» — подпись неразборчива.

А на обороте — росчерк: «Ликвидован».

Ясно: записку перехватили бандиты. Неизвестный товарищ жизнь отдал, помогая борьбе с бандюгами.

И вот еще тот же беловский почерк, что-то вроде боевого приказа. Он раскрывает подлинные замыслы бандитов:

«Два года мы самостоятельно ведем борьбу, иногда обрушивая по Советской власти серьезные удары. Трудна и наша жизнь. Мы вынужденно наносим вред мирному населению, совершая порой даже преступления (не смог Белов обойти очевидное). В настоящее время мы слышим официальные сведения о готовящемся наступлении наших единомышленников из-за границы для освобождения родины от Совдепов.

Мы должны организоваться в боевую часть. Нельзя упустить момент для выступления. Никто без разрешения не должен посещать свои станицы и хутора и тем более совершать какие-либо расправы с населением; в противном случае будет нарушен общий план для достижения цели. Людей, вновь прибывающих, принимать осмотрительно и в случаях каких сомнений направлять ко мне. Все лесовики будут составлять отдельные взводы и сотни с особыми правами перед вновь прибывающими. П-к Белов».

Не знал и, быть может, только догадывался не вышедший по ранению из строя комиссар Рыбалко, что в борьбе с бандитизмом, ставшим в 1920 году одной из главных опасностей для Советского государства, наступает пора решительных сражений.

Держа тесную связь с сочувствующими группами населения, с партийными и молодежными ячейками, хуторскими и станичными советами, командиры и комиссары дивизии чутко улавливали обстановку и местные настроения. Они знали: полковник Белов и сочувствующие ему богатые казаки, горские князья широко распространяют слухи о близкой высадке десантов генералов Врангеля, Улагая. Бандитизм контрреволюции на Кубани издыхал, вырождаясь в уголовный, а последний возбуждал в населении, уставшем от войны, все большую неприязнь. Бандиты день ото дня теряли опору. Желание сдаться охватывало широкие круги бандитов, не только рядовых, но и главарей.

По слухам, осторожным высказываниям крестьян трудно было определить: на самом ли деле последует попытка генералов высадиться, перейти границу или это только наглая кампания дезинформации, имеющая целью подбодрить обреченных бандитов.

Но пока суд да дело — красные части продолжали наносить бандам удары один за другим. Несколько отрядов из группы Белова были частично уничтожены, частью рассеяны, несколько главарей убито. Белов после осады его пещер сильно занервничал. Крепко его прижали, если в бою, где был Павло ранен, сам полковник, брошенный подчиненными, принужден был лечь за пулемет и отбиваться. Вроде бы обронил кому-то из ближних бандитов, возможно, тому же Гришке Турецкому, бывшему у Шкуро сотником в волчьем полку: если сорвется десант или Советскую власть признают державы Запада, он, полковник, либо уедет за границу, либо пустит пулю в лоб, либо сдастся.

Какие-то глухие намеки на разложение в бандах Белова и его подавленное состояние доходили до красного командования. Происходило дробление бандитских отрядов, и сразу возросло количество уголовных преступлений: бандиты запасались продовольствием, фуражом и обмундированием. Сведения вроде бы противоречивые — то ли к встрече «заграничников» готовятся, то ли к зиме?..

Проехали красноармейскую заставу, вкатили в город.

В политотделе, разместившемся в просторном чистом доме сбежавшего купца, было как всегда людно. Майкоп хоть и числился городом, но более походил на станицу: пыль немощеных улиц, дома в густой зелени, вот только электричество сменило керосин. Когда Рыбалко зашел в кабинет военкомдива Миронова, тот как раз наседал на хозяйственника: где хочешь раздобудь канцелярские принадлежности, особенно бумагу. И лампочку, светлого дня не хватает, работать надо и по вечерам.

— Дэ ж я визьму вам тыи лямпу та паперу?— удивлялся начхоз.— Бибула тилько и есть! А лямпы — одна гасниця.

— Что за бибула?— в свою очередь удивился военный комиссар.

— Та оберточна.

— А гасница?

— Керосиновая,— весело ответил Рыбалко.— По нашему керосин — гас.

— Садись с дороги,— пожав руку военкому 84-го, пригласил Миронов. Отослал начхоза, подошел, приблизил лицо к лицу Рыбалко:— Новость чрезвычайная — Белов сдается. Чего не удивляешься — или что-то знаешь? Давай тогда выкладывай!

Прочитал привезенное комиссаром, повеселел еще больше.

— Поскольку вояка из тебя сейчас никакой,— сказал комиссар дивизии,— останешься в городе, поможешь. Хлопот с этим Беловым предстоит немало. Опросные листы, доклады, протоколы...

— Я, товарищ военкомдив, не шибко в грамотешке, приходская сельская школа, работал на заводе с двенадцати лет, потом воевал, больше токарил и саблей, чем пером,— отозвался Рыбалко.

Миронов оглядел своего подчиненного: ростом не богатырь, худощавый, а вот отзывы единодушные: крепкий комиссар, в бою шашка, как говорится, к ладоням прилипает. На польском фронте, под Берестечко, когда дрогнули эскадроны, комиссар вырвался вперед и личным примером воодушевил бойцов, отбросили наседавших белых панов. Раненный, не позволил унести в лазарет до конца боя. И с бандитами всерьез, по-комиссарски разговаривает...

Меньше чем через год подпишет Миронов такую характеристику Павлу Рыбалко:

«Военком 84-го полка — волевой, инициативный, энергичный. Дисциплинирован. Принимает деятельное участие в партийной работе. Теоретически подготовлен недостаточно, но имеет практический опыт и коммунистическое чутье. К изучению военных знаний стремится. Характер вспыльчивый, но умеет себя сдерживать. Большой комиссарский стаж в кавалерии. Состояние здоровья слабое (ТБЦ), но после лечения улучшилось. Занимаемой должности соответствует. Подлежит выдвижению в очередном порядке».

Миронов и Рыбалко, как принято говорить в армии, жили не очень дружно — разные кругозоры, характеры, темпераменты. Нередко схлестывались в спорах, причем всегда принципиальных, деловых. И «несхожесть» обоих комиссаров — дивизионного и полкового — ни в малой степени не вредила, наоборот — помогала делу. В их спорах рождалась истина и отыскивалось наилучшее решение.

— Вот, Павло, погляди,— протянул Миронов почто-телеграмму. В хорошие минуты он переходил на товарищеское «ты».— Из Лабинской, докладывает уполномоченный по бэ-бэ [1].

[1] Аббревиатура той поры: по борьбе с бандитизмом — ББ.

Это была огромная победа. Два года непрестанной борьбы, многие месяцы тревог, лишений, походов, бессонные недели, кровавые дни. Павло, читая бумагу, невольно встал, маленький, хрупкий рядом с большим, осанистым Мироновым.

«Полковник Белов,— значилось в бумаге под «литерой А»[1],— выразил желание сдаться и работать с нами, склоняя к сдаче бандитов. Эти сведения словесны. До фактической сдачи п-ка Белова и др. с его стороны может быть и уловка».

— ...И уловка,— повторили согласно оба комиссара.

И все-таки Белов вышел. Тем же вечером. Когда полки стали сжимать кольцо огромного оцепления, полковник не выдержал. Прежде он посылал свои отряды в бой, и гибли его люди; но вот смерть подступила к нему самому — и не выдержал.

Еще не пали сумерки на Майкоп — появилась конная кавалькада у домов штадива и политотдела.

Когда Белов — в ломаных полковничьих погонах, чиненом, мятом кителе, порыжелых сапогах — показался со своими вояками под охраной буденовцев, окраинная улица словно замерла. Горластые мальчишки примолкли, застыли. Рабочие промыслов — русские и черкесы — провожали суровыми, казнящими взглядами его бывшее высокоблагородие в ненавистной всем белоказачьей форме. Главарь банд двух отделов спрыгнул с коня, оглянулся. Рыбалко в группе командиров и комиссаров ничем, кроме руки на перевязи, по виду не выделялся, но полковника словно притянул его взгляд. Столько в больших карих глазах красного было стойкой, ожигающей ненависти, что Белов споткнулся на ровном месте и, еще более бледнея, прошел на крыльцо, внутрь дома. О том, что он сам ранен этим человеком и мог быть убит и не родившийся сын стал бы сиротой, Рыбалко словно забыл: его чувство питала непрошедшая боль за кроткого, доброго полтавчанина, чьи хлопчики и девчатки никогда не увидят отца.

А сколько на совести этого человека смертей бойцов, разоренных его отрядами семей и станиц. Красные флажки буденовских конников окружили этого бандитского волка со всех сторон, и он пополз на брюхе сдаваться.

Красные командиры и комиссары тихо сидят за спиной сотрудника отдела ББ, заполняющего опросный лист. Курят, шепотом переговариваются, выходят, неслышно прикрывая дверь. Миронов и Рыбалко пробыли до конца допроса. Врачи из-за слабых легких запретили Павлу курить, но разве бросишь в такое тревожное время. Вот победим, установим светлое царство свободного труда — тогда и оставит дурную привычку жечь табак... Павло заставляет себя быть сдержанным, объективным к Белову. Будут еще выходить банди-

[1] Совершенно секретно.

ты — надо глубже знать их повадки, понимать психологию, угадывать будущие ходы.

Белов здешний, сын войскового старшины [1], погибшего в русско-турецкую войну; было два года, когда не стало отца, сейчас ему 46. В 1898 году в чине хорунжего [2] начал службу, с октября 1917-го в армии белых, командовал полком.

— При каких условиях очутились в банде?— задает вопрос сотрудник ГПУ.

— Бежал в лес из боязни репрессий как белый офицер,— отвечает Белов.

— А в октябре семнадцатого не колебались в выборе политической позиции? — спрашивает, не вытерпев, Миронов.

Полковник поднимает голову, смотрит твердо, не юлит:

— Я из тех, кто присягу принимает один раз в жизни.

— Но в той присяге,— не удерживается военкомдив,— сказано, что сдача неприятелю несовместима с честью офицера царской армии. Что на это ответите, мы ведь принудили вас к сдаче.

Полковник молчит. Да, это хотя и прямолинейный, но убежденный противник. В горах пытался объединить бандитские шайки, делал вид, что боролся (и тоже безуспешно) с грабежами своих подчиненных. Летом ездил по всем группам с проповедями «не марать чести мундира и белого знамени» насилиями, вооруженными нападениями на мирных жителей. Но банды оставались бандами и не могли быть ничем иным. В него даже стреляли — свои. Разошелся с генералом Пржевальским и другими, которые хотели вывести лесовиков на побережье, поднять там восстание и ждать помощи из-за рубежа. Не верит западным державам: в случае свержения большевиков за помощь пришлось бы расплачиваться подчинением интервентам. Это уже было.

— Но в случае поражения вы, по сведениям, собирались отбыть туда же, за границу?— теперь не вытерпел полковничьей непоследовательности Рыбалко.

И снова молчит Белов. Нечего ему сказать, он в глухом идейном и нравственном тупике.

Пришла недавно злая весть: на консервный налетела банда. Завод круглые сутки перерабатывал овощи. Потому что комитет партии Майотдела (так тут сокращенно именовали Майкопский округ, а поместному «отдел») обратился к партийным и профсоюзным организациям, к предприятиям и школам с призывом поработать в ударном порядке для детей Поволжья. Ну конечно, все откликнулись, работали и ночами, после уроков, дневных смен. Банда неизвестного наименования и состава налетела ночью, когда в цехах и на сортировке

---

[1] Соответствует званию подполковника.

[2] Соответствует званию подпоручика.

овощей было много молодежи: парней, девушек и молодых женщин. Что всех ожидало — понятно, потому что были случаи и зверских убийств, и насилий. Положение спасла сторожиха Евдокия Стеценко, мать красноармейца. Стала стрелять из берданки, подоспели ЧОНовцы и отряд самообороны из станицы, нападающие бежали, догнать никого не удалось, банда была конная. Тетю Дусю бандиты изрубили шашками, нескольких человек убили и ранили. Успели уничтожить немало продукции. Погибших взрослых и школьников похоронили на площади перед заводом и на митинге постановили назвать завод именем Стеценко, текст резолюции был отправлен в партийный комитет Майотдела.

Теперь, когда брали кого-то из бандитов, первым делом спрашивали: в нападении на консервный завод участвовал или нет? Пока следов налетчиков обнаружить не удавалось. Подозревали банду Кравцова, а также Турецкого, особо жестокого бандюгу,— оба из организации Белова.

— Кто нападал на консервный завод?— резко спросил Рыбалко главаря организации.

— Этого я сказать не могу.

— Вы не разоружились, Белов, как утверждаете,— жестко проговорил Миронов.— Вам ведь известно, что произошло на консервном.

— Я был против.

— Чей приказ был об экономическом терроре? Говори!— срывается Рыбалко.

— Только не мой.

— И тем не менее,— не поддаваясь горячности Павла, говорит Миронов,— ваши люди жгли зерно, угоняли и убивали скот. А все это тоже предназначалось населению голодающих губерний. Вы ведь знаете, что делается в Поволжье?

Белов молчит.

— Чего молчишь?— кидает Павло.— Сказать нечего?

— Вы чванитесь званием офицера русской армии и боретесь против большевиков,— ведет свою мысль военкомдив.— Так, полковник? Так! А на деле? Грабите, уничтожаете продовольствие, которое большевики посылают голодным детям. Такова сила вещей, такова логика.

— Я вышел, я сдался, чтоб в этом больше не участвовать,— тихо отвечал Белов.

— Сейчас осень двадцать второго,— говорит волнуясь, но сдерживая гнев Рыбалко.— Сколько бойцов вы за бандитские годы поубивали, сколько семей осиротили, у скольких детей вырвали кусок хлеба из рук. Эх!..

От этого яростного возгласа, словно при ударе саблей, дернулся полковник.

Оба комиссара встали. Белов обещал сотрудничество в деле окончательной ликвидации в округе бандитизма. Что ж, пусть заглаживает свою вину, хотя убитых бело-зелеными не воскресить.

В кабинете военкомдива Рыбалко почувствовал себя предельно измученным — сдержанный разговор с пленным врагом стоил ему больших душевных усилий.

— Вот что, Рыбалко,— произнес Миронов задумчиво,— сделайка ты на объединенном собрании наших конников и жителей доклад об экономической политике партии. Замена разверстки продналогом, переход от состояния войны на мирные рельсы... Да-да, тут как раз то самое, что хочешь спросить. О бандитах и их скорой ликвидации — только в свете узловых задач партии и того, что мешает их выполнять. Должны выступить коммунисты и беспартийные — из наших и местных. Пригласим рабочих, служащих, домохозяек, из ближних станиц казаков, казачек.

— А почему я? Надо бандитов крушить!..

— А потому, сам должен понимать, но не понимаешь — объясню: мы тут больше бумаги перекладываем, а именно ты — боевой военком, коммунист, с орденом, рука на перевязи. Пусть знают люди: мы их сумеем от нападений избавить, скоро все горные дороги, самые глухие места станут свободны от бандитов. Можно будет девчатам-комсомолкам за орехами в горы ходить без охраны, школьников из Москвы и Ростова на лето в лагеря на побережье привозить. Чтоб сами слова «бандит», «лесовик», «бело-зеленый» страна наша забыла. Как забываем слова «ваше благородие», «господин», «голод», «блокада».

Миронов говорил спокойно, размеренно, однако с той внутренней силой убежденности, которой Павло крепко верил, которая вела за собой.

— После твоего доклада,— добавил военкомдив,— суд над бандитом. Показательный. Пусть люди знают, что мешает их мирному труду. Давай готовиться к докладу, материал я тебе подберу.

Рыбалко пошел к Ахмету, передал записку жене и тексты для новых плакатов, наметил темы для очередных рисунков.

Лозунги Ахмета, его рисунки друзей и карикатуры на врагов революции, вывешенные в расположении полка, станичного клуба и сельсовета (Рыбалко подхватил мысль военкомдива о тесной связи армейской агитации и пропаганды с жизнью станиц, которые буденовцы защищают от бандитов):

«В фонд помощи Поволжью отчислено:

от каждого из военнослужащих	**от местного населения**
ежедневно в течение месяца	в районе расположения полка
четверть фунта хлеба,	зерна — 5 пудов,

6 золотников мяса,	картофеля — 4 пуда,
2 золотника сахара,	капусты — 1 пуд,
Сдано золотых портсигаров — 1,	яиц — 100 штук и
серебряных монет — 17.	один баран».

«Скоро будут перебиты
Все подгорные бандиты.
Кто не сдастся, не укроется
От ударов красной конницы».

«Бандитами убит наш боевой товарищ Иван Перебийнога. Бойцы полка собрали для его четверых детей и вдовы 30 тысяч рублей. Его жалованье было 1200 рублей. А спекулянт на рынке бессовестно дерет с трудового человека.

«Сколько катушка ниток?»—«3 тысячи»,— отвечает спекулянт.

«А лист бумаги с конвертом?»—«40».

«А карандаш?»—«1000».

«А коробка спичек?»—«200».

И создан был триптих: хитроумный спекулянт, вырывающий из рук ребенка хлеб; с другой стороны лежал боец, убитый выглядывающим из пещеры бандитом, а в центре всадник на алом коне с занесенной красной саблей недоуменно оглядывается. И тоже кумачовая надпись: «После военной победы над беляком и бандитом победим в схватке экономической спекулянта и кулака».

Далее художник нарисовал череду «миротворцев» с ангельскими физиономиями, за которыми виднелись силуэты бесчисленных воинских рядов. И написал:

«В Северо-Американских Соединенных Штатах в их столице Вашингтоне собрались на якобы мирную конференцию представители крупных буржуазных стран. А у них армии:

Франция — 1 миллион
Англия — 700 тысяч
Польша — 450 тысяч
Япония — 300 тысяч
САСШ — 140 тысяч
Германия — 100 тысяч»

Как агитатор Ахмет явно рос. Его рисунки все шире и ярче отзывались на жгучие запросы момента. И в этом нельзя было не усмотреть влияния комиссара Рыбалко.

«Независимый демократический Афганистан передал представителю РСФСР в Кабуле 7 тысяч пудов хлеба для Поволжья. Дар этот служит доказательством связи, объединяющей угнетенные капиталом нации Востока с нашей республикой рабочих и крестьян, восставших против тех же капиталистических эксплуататоров».

«Рабочие Силезии прислали голодающим 100 тысяч марок».

Доклад Рыбалко состоялся в клубе имени Либкнехта. Политработники 14-й Майкопской кавдивизии уделяли большое внимание интернациональному воспитанию бойцов. Вот и сейчас стены кирпичного, с оббитой штукатуркой дома щедро украшены плакатами и портретами.

Идея всемирной революции, идея соединения пролетариев всех стран гремит, зовет с ветхих стен, увешанных лозунгами.

Станичные деды и женщины оглядчиво вступают в этот «безбожный», безыконный клуб с портретами незнакомых лобастых бородачей и кумачом лозунгов. Зато промысловые рабочие входят свободно, привычно, как в свой обжитой дом.

Рыбалко построжел и заволновался при виде всего этого агитмассового великолепия. Он не имеет права сделать доклад бледный, который оставит людей равнодушными, не приведет в наши ряды новых сторонников. Это ответственное поручение, совсем в духе военкомдива: в кратчайший срок подготовься, мобилизуйся, помни, что взгляд на политработника времен «Даешь Варшаву! Дашь Врангеля!» — «хороший рубака, остальное все приложится» — устаревает, боевые качества надо совмещать с политической работой.

...Миронов садится рядом за стол, накрытый ситцевым кумачом. Непривычно чувствуют себя в президиуме представители рабочих заводов, промыслов, жителей ближних казачьих станиц и горских аулов.

— Уважаемые товарищи!— поднимается громадный уверенно-надежный Миронов.— Предлагаю почтить память бойцов нашей славной дивизии, павших в боях с бандитами. А также деятелей борьбы с мировым капиталом и милитаризмом, то есть военщиной в лице западной буржуазии и русской белогвардейщины.

Двигая стульями, лавками, табуретами, все встают с обнаженными головами. Тишина в зале, темень за окнами, и, будто нарочно напоминая о войне, объявленной Советам бандитами, сухо бьют где-то выстрелы, дальняя ракета беззвучно взвивается и опадает, гаснет ее тревожный мертвый свет.

— Слово для доклада предоставляется боевому комиссару 84-го кавполка товарищу Рыбалко Павлу Семеновичу.

Волнение разом стихает, как перед боевым испытанием.

— Товарищи майкопчане и станичники, граждане свободной советской Кубани. Мы переживаем ответственный момент в жизни Республики Советов. Внутренние и внешние позиции РСФСР укрепляются. Несмотря на происки буржуазии и выброшенной за рубеж русской контрреволюции...

Как слушают! Павло, с его удивительной памятью, верой партийца, даром убеждения, без бумажек обращается к большой и не совсем привычной аудитории. Иные из сидящих в зале воевали у белых, прощены, получили возможность трудом, делом доказать свое

отношение к советскому строю. Кто-то из них поддерживал или поддерживает бандитов, и они трудно поворачиваются лицом и душой к новой власти. Горы и люди должны быть свободны от зла, ненависти, горы не должны разделять людей. Горы нужно отнять у банд и вернуть труженику, лесорубу, геологу, нефтянику, школьному оздоровительному лагерю...

Больше нет за окнами выстрелов и ракет.

Против нас, говорит Павло, не только местные бандиты, но и самые оголтелые из капиталистов. Три года назад злодейски убиты Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Реваншисты в Италии, Германии убивают рабочих, коммунистов, борцов за мир.

Что, кажется, за дело этим подгорненским казакам и усталым нефтяникам до мировых проблем? Но темнолицый худой комиссар с рукой на перевязи впервые вводит их в орбиту непривычных задач и забот, и они тоже — ответно — проникаются сознанием своей причастности к делам Республики Советов...

Когда Павло кончает, шумно аплодируют, а потом начинаются вопросы, самые разные. Комиссаров Рыбалко и Миронова окружают люди, и оба откровенно, по-партийному отвечают этим людям, стосковавшимся по мирной жизни, по спокойному труду, по простому счастью.

Как-то незаметно отношение каждого к нападению на консервный завод стало мерилом отношения к происходящим событиям, их нравственной оценкой, гражданским камертоном. Даже те, кто жалел «бедненьких», «гонимых» лесовиков, сначала неуверенно, затем решительно принялись их осуждать. «Школьников покалечили», «Дети-то, ребятишечки поволжские, голодуют, они при чем?», «Налетели, поубивали, напрокудили — наше, общее уничтожили», «Я, понымаешь, барана свел, эсли оны его убьют, я их сам убью...», «Дуську-то Стеценчиху, сторожиху, за што срубили? Вековечная была труженица, муж лег на германской, одна хлопчиков подымала на вдовьи рублишки...»

На совместные полковые и станичные собрания уже не надо было никого специально приглашать. Достаточно было Ахмету по указанию комиссара написать о дне и часе — народ валом валил.

Так было в Кужорах, так становится и тут, в Майкопе.

— А теперь,— поднимается Миронов,— товарищи, граждане Советской Республики, предлагаю стоя спеть «Интернационал», наш гимн трудового люда́, каким вы являетесь.

И сначала неуверенно, а потом все крепче, сильнее, призывнее звучит в старом доме незнакомый раньше мотив пролетарского гимна.

Начинается суд над взятым во время налета рядовым бандитом. В состав присяжных (по-старому), или народных заседателей (по-советски), вводят граждан из числа майкопских жителей и станич-

ных стариков. Дают слово и бандиту для оправдания, для защиты. Суд определяет: этот человек не совершал убийств, насилий, грабежа. Но за участие в банде он должен до окончательной ликвидации бандитизма в крае отсидеть в тюрьме, а потом будет отпущен на волю; если же кто из бело-зеленых окажется повинен в пролитии крови, то передать его в ревтрибунал для суда по законам военного времени. Так постановляет суд, и собрание одобряет своими аплодисментами его решение.

Наутро Миронов провожает комиссара 84-го, наставляет уже не по-начальнически, а дружески:

— Ну, Павло, кончайте там с Кравцовым, последняя крупная банда в нашей округе осталась. Хорошо бы к пятой годовщине Октября — управитесь?

— Постараемся, товарищ военкомдив.

Из лозунгов, написанных Ахметом к юбилею Советской власти:

«Красный Крест обратился в Лигу Наций за помощью для Советской России.

Лига Наций помочь отказалась.

А просьба была такая: требовалось 100 миллионов франков — половина стоимости одного дредноута».

«Бей по керенщине!— звал первый Октябрь.

Бей по Колчаку!— звал второй.

Бей по Деникину!— звал третий.

Бей по Врангелю!— звал четвертый.

Бей по бандиту, разрухе и голоду!— зовет пятый».

«Коммунисты Бельгии, Финляндии, Дании, Норвегии, Польши, Англии, Франции активно собирают деньги в фонд помощи Республике Советов, требуют признания РСФСР у своих правительств.

Так, ЦК норвежской компартии заявил: «Русские рабочие борются и страдают за нас, и наш долг, несмотря на безработицу, поделиться с нашими братьями по классу в России».

«НЭП окончательно склонил симпатии крестьянина-труженика на сторону Советской власти. Долг бойца — окончательной ликвидацией бандитизма помочь крестьянину пойти по пути честного селянина и преданного гражданина Страны Советов».

Бедарка, одноконная, рессорная, легко обошла их повозку, белозубый парень обернулся к ним, крикнул что-то веселое.

Из станичного совета, секретарь, комсомолия.

Пули завыли (вью-вью-вью) внезапно, бандиты плохо целились, а может, стреляли с коней.

— Гони!— крикнул Ахмету Павло. Он больно ударился раненой рукой о передок брички, но правая уже тянула из деревянной кобуры «маузер».

— Вон скачут,— без страха (что мимолетно отметил комиссар: значит, парень не только плакатист, но и добрый солдат) показал кнутом Ахмет. Через секунду в его руках был карабин. Лошади неслись, пули ныли над головами, не находя живую цель. «Проскочили»,— понял Павел и уже громко крикнул об этом Ахмету. Тот повел азартными черкесскими очами, прижмурив глаз, ахнул из карабина с руки, не выпуская вожжей. Лошади неслись.

— Только бы не в коня,— крикнул Ахмет, и тут же правый, Гнедко, захромал, заржал жалобно и резко притормозил бричку. Ранен, но не сильно, в ногу.

— Бей по ним! — велел комиссар.— Нет, стой, дай карабин, мне одной рукой коня не перевязать. Держи бинт, не хватит — будем исподнее рвать полосами, ясно?

Ахмету не надо было повторять приказ дважды. Слетел с брички: «Тр-ррр, дарагой!»— еще что-то по-своему, успокаивающе стал говорить раненому гнедашке.

Павло, морщась, постанывая от боли, вытащил левую руку из подвески, придержал на цевье карабин, а правая привычно дослала патрон. Оперев оружие о борт повозки, затаил дыхание, чтоб наверняка бить по бандитским налетчикам.

Они бы не ушли на подраненном коне, если б не стансоветовский комсомолист. Он поднял в Кужорах тревогу, и пулеметная тачанка в вихрях пыли, издалека важно выстукивая по бандитам басовитой «максимовой» скороговоркой, вынеслась на подмогу. Не прошли даром боевые и учебные тревоги, которые проводили командир с комиссаром в полку. За считанные минуты дежурные взводы, тачанки вылетали по боевому сигналу. Сейчас этот лихой, войной откованный настрой спас жизнь комиссару и его бойцу.

Павло втолкнул «маузер» в деревянную кобуру. Ахмет закинул за плечо карабин с досланным в патронник патроном, не забыв, однако, поставить оружие на предохранитель.

Вечером того же дня в районе горы Ахмет окружил полк бандитское становище. Рыбалко при громовой команде комполка «Шашки к бою! Рысью марш!» тоже пришпорил коня и помчался впереди эскадрона, здоровой рукой держа повод. Рядом неслась конная тройка бойцов — средний со знаменем, крайние — с саблями на плече, охрана, и громкий топот полка надвигался на лес.

Грозно, устрашающе зрелище атакующих врага красных эскадронов. Неудержим напор буденовских кавалерийских лав.

Несется в атаке 84-й. Скачут на бандитов с могучим «Ура-а-а!» комполка, военком, знаменосцы, сабельные эскадроны.

И не знают то, что знаем мы: это их последняя в гражданской

атака! Окраина леса вдруг запестрела белыми тряпками, выстрелы оттуда стихли. Банда Турецкого сдавалась. Оставался Кравцов...

Да, Кравцов теперь один оставался. Через Турецкого он передал письмо к советскому командованию. Бандитский предводитель назначил место переговоров и указал число: 3 октября.

Но в назначенное время Кравцов приехал не сам, а прислал группу своих людей, заявивших о добровольной сдаче. Начальник разведки 14-й кавдивизии Голубев и Рыбалко с группой бойцов из 84-го полка напрасно прождали: Кравцов не вышел. Жившие в станице бандиты передали тайно привезенное им с гор письмо, в нем Кравцов писал: «Часть моих хлопцев сдалась вам, и я за них рад, что они кончили тяжелый путь. Я пока же остаюсь здесь, потому что остальные мои люди в разъезде. К тому же необходимо посмотреть, как будут жить мои сдавшиеся у вас, т. е. в Советской России. Я, откровенно говоря, вот уже 3 года не был у вас, а потому пока сомневаюсь. За людей, которые вам сдались, я должен сказать: я не бил никого, мои люди тоже. Если я и брал продукты и кое-что из барахла, то только потому, что оно было необходимо. Надеюсь, что вы моих бывших людей не обидите. Люди если и сидели в лесу, то только по своей темноте. О, как надоело бродить по этим трущобам, а потому вас прошу: прекратите гонения, или гай, по-нашему. По станицам не отыскивайте меня и при встрече не трогайте, чтобы я мог свободно приехать к вам. Жду с нетерпением ответа. Кравцов».

Рыбалко узнал: это был почерк владельца записной книжки. Круг замыкался. Голубев и Миронов послали с Турецким ответ сотнику: «Вашу добросдачу принимаем, выходите, ответ передайте с Турецким, вас встретит Рыбалко».

Кравцов вышел один. Григорий Турецкий в последнюю минуту испугался; после этого прошел слух, что он служил у белых в карателях.

В конце Великой Отечественной, где-то осенью сорок четвертого, ночевал командарм Рыбалко в селянской хате на Западной Украине. Далеко за полночь закончив дела, прилег отдохнуть. Адъютант поместился на лавке возле кровати. На рассвете генерал и молодой офицер были разбужены странными звуками: из-под пола кто-то пытался выбраться на свет божий, царапался, постукивал, шумно дышал. На войне чертей не бывает — есть враги. Генерал и офицер вытащили пистолеты. Приоткрылась крышка подпола, и выставил полуседую кудлатую голову человек... Но, что удивительнее всего, Павел Семенович с его богатейшей памятью мигом признал «знакомца»: «Вылезай, Гришка Турецкий, что ты делаешь в своем схроне?» Это была его первая встреча с бандеровцем...

Кравцов вышел — с шестью саблями, появился у дома, где ждал его Рыбалко, ранним утром. Вошел возбужденный Ахмет: «Камысар, едут». Павло глянул в окно — все семеро бандитов привязывали коней к плетню. Кравцов выделялся властным лицом, вместе с ним во двор вошла женщина, молодая, круглолицая; все были при оружии. Павел одел через голову портупею с «маузером», Ахмет взял в руки карабин.

На крыльце сошлись, поздоровались кивками. Павел сказал, чтоб сдали оружие,— подчинились безоговорочно, Ахмет унес винтовки, револьверы, шашки в дом. Двое бойцов стали у крыльца.

Пока не приехали Миронов, Голубев, сотрудники отдела ББ, Рыбалко допрашивал Кравцова. И первым вопросом был: за кем консервный завод?

— Так это Гришкина проделка,— ответил сотник, сняв страшную ношу с себя.— Очень он хотел станице отомстить за помощь Советам да заодно консервами на зиму запастись...

Рыбалко в последнюю встречу с военкомдивом сказал ему (с долей запальчивости):

— Я б этого Кравцова давно взял!

Миронов усмехнулся:

— Это хорошо, что у тебя такая уверенность,— и о главном:— Поезжай по станицам, проверь: нарушений социалистической законности чтоб ни-ни. Всем горячим головам противопоставь спокойную, уверенную партийно-комиссарскую позицию. Тем, чьи руки не замараны народной кровью, можно рассчитывать на амнистию, прощение, возвращение к мирному труду. Это установка РКП(б), проводи ее в жизнь неукоснительно.

— Есть!

— И никакой отсебятины, Павло, понял? Никаких козырей не давать нашим врагам: большевики обещали, а не выполнили. Слово Советской власти — твердое слово, пусть знают и в горах, и подгоряне.

Не отсиделся от войны, от междоусобья уставший воевать сотник. Но «третья позиция»— не за белых, не за красных, а за «зеленых»— привела туда, куда и должна была привести. Началось на Кубани восстание Фостикова — и получил сотник от генерала задание, а когда того разбили,— очутился в Краснодарской тюрьме.

— Что вам грозило?— спросил в этом месте рассказа Павло.

— А-а, пустяки,— усмехнулся Кравцов,— принудительные работы до конца гражданской, то есть до ликвидации бандитизма. А я бежал...— И вдруг спросил:— Вы добровольно собирали детям еду и вещи из своего котлового и вещевого довольствия?— Он напряженно ждал ответа.

— Поживете не в горах, не в бандах, а в Советской Республике, поймете все сами.

Так ответил вчерашнему бандиту комиссар Рыбалко...

Через 23 года могучая танковая армия генерала Рыбалко ворвалась в Берлин. Павел Семенович велел остановить «виллис» на улице возле шумной толпы советских воинов. Какая-то старуха кричала точно ворона: «Варум? Варум?» Она удивлялась, почему русские, которых так расписывал господин Геббельс, не убивают немецких детей и женщин, а кормят их из своих солдатских кухонь? Она негодовала: как это так — русские солдаты вместе с немецкими, с которыми только что дрались, вытаскивают из затопленных тоннелей метро раненых немцев — военных и цивильных? Она показывала на последний гитлеровский лозунг «Победа или Сибирь» и чего-то требовала — то ли чтоб клевета исполнилась, то ли чтоб лозунг замазали.

Ясноглазый смешливый советский солдат в поварской куртке крикнул: «Эй, бабуля, хватит тебе кричать, иди лучше покормлю»— и сделал приглашающий жест половником.

Рыбалко тихо сидел в «виллисе», опершись на палочку,— мучила боль в спине, все же столько ранений на трех войнах, да и годков перевалило на вторую полсотню. А главное, ради сегодняшнего одоления погиб в тяжком сорок втором единственный сын, 19-летний лейтенант Виль Рыбалко, сгорел в танке, и никогда не будет у Павла Семеновича внуков...

Прославленной его армии еще предстояло пробиваться на помощь восставшей Праге, совершить блистательный марш-бросок через Судетские горы, которые, как любые горы, могут разделять либо сближать людей: смотря по тому, какой социальный строй люди выбрали. «Перелети через них!»— сказал генералу Рыбалко маршал Конев, и это не было чрезмерным преувеличением: разве есть преграды освободителям? Тем более, командующий фронтом в гражданскую сам был комиссаром, как Рыбалко, и никакие горы для них не в состоянии разделить людей. А самому маршалу Рыбалко предстояло после войны принять командование бронетанковыми войсками Родины и до последних дней отдавать им все силы.

А пока было 2 мая, только что пал Берлин, до великой нашей победы оставалось меньше недели. Рыбалко давно, после гражданской, перешел с политработы на командные должности. Но осталось в нем горячее комиссарское сердце. Он сказал своему комиссару — члену Военного совета армии Мельникову:

— Надо этот факт со старухиным «почему?» использовать тебе, Семен Иванович, в политической работе. Мирное время пришло, новые люди станут искать нашу правду...

СОДЕРЖАНИЕ

КОМИССАРЫ НА ЛИНИИ ОГНЯ. 1919—1922.

На Тихом океане свой закончили поход.

Заведующий редакцией *К. К. Яцкевич*
Редакторы *З. У. Устенова, А. Р. Лопаткин*
Младший редактор *М. Ю. Мухина*
Художиик *Ю. И. Маркаров*
Художествеииый редактор *О. Н. Зайцева*
Техиический редактор *И. А. Золотарева*

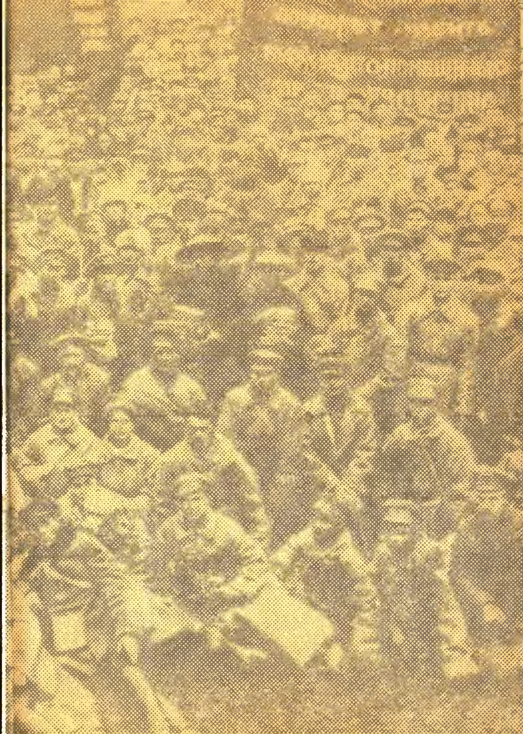
ИБ № 5561

Сдаио в иабор 24.12.86. Подписаио в печать 02.06.87. А 04717.
Формат $60 \times 84^1/_{16}$. Бумага офсетиая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетиая.
Усл. печ. л. 22,32. Усл. кр.-отт. 24,41. Уч.-изд. л. 25,03.
Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 4800. Цеиа 1 р. 20 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

...ница 27 октября 1922 г.

...ЦК. Ком. Р. К. П. (больш.)

...ния цен на бумагу и печать, подписная плата на газету устанавливается в следующем размере:

Ноябрь — ... р.

Ноябрь и декабрь (2 месяца) — 800 р.

Розничная цена номера в Москве и провинции — 20 р.

Цена за объявления — 200 р. строка нонпарели.

...подписавшиеся до конца года и внесшие в Главную контору ... октября с. г., освобождаются от дополнительной платы.

...плата на 23 й год будет объявлена особо.

Главная контора „Правды".

Отдел ЦК РКП просит членов ВЦИК — секретарей, членов ...губернских ... зайти в Агит-Проп. Отдел ЦК (Воздвиженка, 9) ... в любой день ... кроме воскресенья: ... Грузия, Татбюро, ... Новгородский губком, ... Череповецкий губком, ... Калужский губком, ... губком и Нижегородский губком. ... Агит.-Проп Отделом ЦК А. Бубнов.

Кредитование рабочих и роль рабочей кооперации в сохранении реального заработка.

Концентрация всей покупательной способности рабочего в кооперации способствует сохранению заработной платы на реальном уровне, избавляя рабочего от аппетитов частного спекулятивного рынка. Но концентрация эта возможна при ассигнованиях государством рабочей кооперации долгосрочной ссуды и кредитования государственными ... на условиях, исключающих элементы сбыта, ... частным предпринимательством перед условиями, предоставляемыми частными ... Только осуществление этой основной задачи создаст возможность перевода и системы кредитования рабочих.

...адивостока рево...
...ыми войсками.

Сыпняк это... быть лик...